ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

42

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА ● ПЛАСКЕ АО ● 2010

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)''452.2''

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 42 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. — Одесса: Издательская организация "ПЛАСКЕ" АО, 2010. — 320 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь
Иван Липтуга

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.

Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar
Ivan Liptuga

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.

Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 978-966-8692-19-2
© Авторство художественных текстов, 2010

От редакции

Среди многочисленных и разнообразных подарков и приношений городу к его 216-му дню рождения выделяются два: уже ставший традиционным Одесский календарь (на сей раз он рассказывает об улице Маразлиевской) — детище АО "ПЛАСКЕ" и Литературного музея; и первый электронный, образно говоря, памятник "Они оставили свой след в истории Одессы", посвященный тем, кто своей знаковой деятельностью прославил Южную Пальмиру. Среди них и родившиеся в Одессе, и учившиеся, и работавшие здесь. Приступая к составлению списка кандидатов, члены редколлегии считали, что сумеют разместить материалы на одном диске и управиться ко Дню города, но достойных быть помянутыми добрым словом и благодарностью оказалось значительно больше, чем предполагали даже авторитетные краеведы и историки.

Вот лишь один пример. Недавно скончался всемирно известный ученый (удостоен Ленинской премии в 28 лет) академик Арнольд, которого коллеги называли Моцартом в математике. Он родился в Одессе, но всю жизнь жил и работал в Москве. Близкие свидетельствуют, что Владимир Игоревич испытывал к своей малой родине особое — теплое и ностальгическое чувство...

Среди наших земляков и известный московский журналист и юрист Станислав Адольфович Радзинский — питомец Ришельевской гимназии и Новороссийского университета. В столице он общался со старым другом Юрием Олешей. Об этом нынешним летом в Одессе вспоминал сын — известный писатель Эдвард Радзинский...

Да и культовый французский актер и бард Серж Генсбур оказался урожденным Люсьеном Гинзбургом — сыном эмигрантов из Одессы...

Так что пока выходит в свет первый диск, а за ним последуют и другие.

Среди тех, кто сделал подарок многонациональной Одессе, — граждане США Стив и Ненси Гранд, внесшие очень значительные средства на строительство Еврейского культурного центра. Совершить доброе дело на пользу городу и его жителей завещали им дедушка и бабушка, связавшие здесь свои судьбы в 90-е годы XIX века. Великолепное здание в начале Нежинской (центр назван в честь благотворителей — "Бейт Гранд") стало местом, где оказывают и материальную, и душевную помощь тем, кто в ней нуждается, где проходят театральные, музыкальные премьеры, выставки.

И в заключении — о том, что море, солнце, воздух, старые дома, улицы, бульвары, неповторимая аура Одессы — все это оказывает животворное воздействие на наших земляков, живущих по всему земному шару. Популярная актриса Нонна Гришаева признается, что без летнего отпуска в Одессе она не в состоянии целый год "крутиться", блистать на сцене и экране: "Одесса — мой эргонайзер, моя чудесная подпитка!".

С днем рождения, любимый город!

Петр БЕЛЯВСКИЙ

Одесский порт*

Года три тому назад в статье, напечатанной нами в "Одесском вестнике", говоря об улучшениях одесского порта, мы между прочим сказали: "Одесса без порта немыслима. Все ее значение зависит единственно от торговли, для которой, прежде всего, нужны хорошо устроенные гавани, и потому прежде всего и больше всего должно позаботиться об улучшении порта и все внимание сосредоточить на этом важном вопросе".

Мы надеемся, что не найдется ни одного благомыслящего человека, который сразу, без дальнейших объяснений, не согласился бы вполне с приведенными словами; надеемся, что не предстоит никакой надобности доказывать, что если бы сообщение одесского порта с морем вдруг каким-нибудь чудом совершенно прекратилось, то Одесса в ряду русских черноморских портов заняла бы точно такое же место, какое занимают теперь Очаков, Кинбурн и проч. Нет сомнения, что истина всего сказанного очевидна не только для моряка, инженера или иного какого специалиста, но и для всякого развитого человека, а между тем, странное и непонятное обстоятельство, истина эта как будто ускользала даже для людей, которым предоставлено было строение и созидание Одессы! Мы, конечно, далеки от желания уменьшать заслуги, которые столь часто и в большей части случаев справедливо признавались всеми историками Одессы за некоторыми из ее градоправителей, но мы не можем не сказать, что даже от внимания тех из них, которые за свою деятельность заслужили не только горячие похвалы, но и памятники, мысль о громадной важности порта для Одессы если не совсем ускользала, то весьма мало сознавалась, по крайней мере, история нам не показывает, чтобы они имели особенное стремление создать в Одессе порт, который бы вполне удовлетворял всем требованиям судоходства и торговли, а то плачевное состояние, в котором ныне находится наш главный коммерческий апорт на Черном море, уже фактически показывает, что на него, на этот важнейший источник богатства города, а за ним и всей Южной России, менее всего обращалось внимания. Можно утвердительно сказать, что не только в Европе, но и на всем земном шаре нет ни одного порта, который, принося своею торговлей столь огромные доходы, как одесский, был бы запущен до такой степени, как он, и в котором судно, за исключе-

* Статья опубликована в первом выпуске "Трудов Одесского строительного комитета" в 1865 г., написана военным гидрографом флота лейтенантом Петром Евменовичем Белявским, участником реконструкции порта в 1860-е годы, действительным членом Одесского статистического комитета.

ТРУДЫ

Одесскаго

СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

ОДЕССА

въ Типографіи П. Францова.

1865.

нием сгнивших и разрушенных пристаней, ничего не найдет, — верфей, эллингов, мастерских или хотя какого-либо подобия адмиралтейства, нет и следа, а если к этому присоединить открытое положение гаваней, повсеместное их засорение, первобытные способы выгрузки и нагрузки и многое другое, то сделается вполне понятным, что одесский порт действительно находится в плачевном состоянии. До чего мало обращалось внимания на порт, видно, между прочим, и из того, что с самого начала своего существования (1794) и до настоящего времени на портовые сооружения истрачено только около 4-х мил. руб., — сумма крайне ничтожная в сравнении с богатствами, доставленными портом Одессе в этот 70-летний период времени, и весьма недостаточная, чтобы можно было много сделать там, где природа ничего не дает, но где все приходится создавать искусственно. Здесь мы не можем пройти молчанием того обстоятельства, что мысль о важности порта для Одессы гораздо более сознавалась при самом его основании, чем в последующие времена; ясное выражение этой мысли заключается, между прочим, в рескрипте императрицы Екатерины II, данном 27-го мая 1794 года основателю порта вице-адмиралу Де-Рибасу, в котором находим следующие многозначительные слова: "Мы надеемся, что вы не токмо приведете в исполнение сие благое предположение наше (сооружение порта), но что, ведая колико процветающая торговля споспешествует благоденствию народному и обогащению государства, потщитеся, дабы созидаемый вами город представлял торгующим не токмо безопасное от непогод пристанище, но защиту, ободрение, покровительство и, словом, все зависящие от вас в делах их пособия; чрез что, без сомнения, как торговля наша в тех местах процветет, так и город сей наполнится жителями в скором времени".[1] В том же году был высочайше утвержден превосходный проект порта, составленный инженер-полковником Де-Воланом, по которому предполагалось иметь в Одессе три гавани: карантинную, практическую и военную, совершенно защищенные от опасных морских ветров и волнений. 22-го августа 1794 г., согласно этому проекту, последовало основание одесского порта, одновременно с основанием города, при чем были положены фундаменты:

1). Большого мола.

2). Малого жете, долженствовавшего составить гавань для гребных судов.

3). Элингов и верфи для починки казенных судов.

4). Двух пристаней для удобного приставания купеческих кораблей с набережными.

[1] Первое тридцатилетие истории города Одессы (1793-1823). Соч. А.А. Скальковского.

По смете, составленной Де-Воланом, на все проектированные работы требовалось 2,061,620 р., но на первый раз было ассигновано 1,993,025 р. 30 к., с раскладкою этой суммы на 5 лет. В местности, весьма мало исследованной, и в городе едва зарождающемся, добывание строительных материалов и рабочих рук было, конечно, сопряжено с неимоверными трудностями, но несмотря на это, гидротехнические работы производились столь деятельно, что к концу 1796 года были окончены следующие сооружения: 1) Малое жете длиною 200, шириною 6 саж. 2) При этом жете два эллинга для строения судов. 3) Две пристани деревянные: одна для гребных судов, длиною в 22, шириною в 5 саж.; другая для выгрузки купеческих судов, длиною 10, шириною 5 саж. 4) Пристань для купеческих судов, длиною 100, шириною 4 саж. 5) Большое жете (карантинный мол), длиною 80, шириною 10 саж., но еще неоконченное. 6) Набережная между большим и малым жете, на протяжении 850 саж.[1]

Если бы сооружения одесского порта постоянно производились с такою же энергией и с таким же успехом, то нет сомнения, что в настоящее время он смело мог бы поспорить с лучшими первоклассными портами Европы, но к несчастию, последователи Де-Рибаса не только не обращали должного внимания на порт, но еще при сооружении оного совершенно отступили от проекта, утвержденного императрицею Екатериною II. Не зная причин, по которым было сделано подобное отступление, мы можем только сожалеть, что проект Де-Волана не был выполнен, — нам случалось видеть множество позднейших проектов порта, но лучшего мы не встречали.

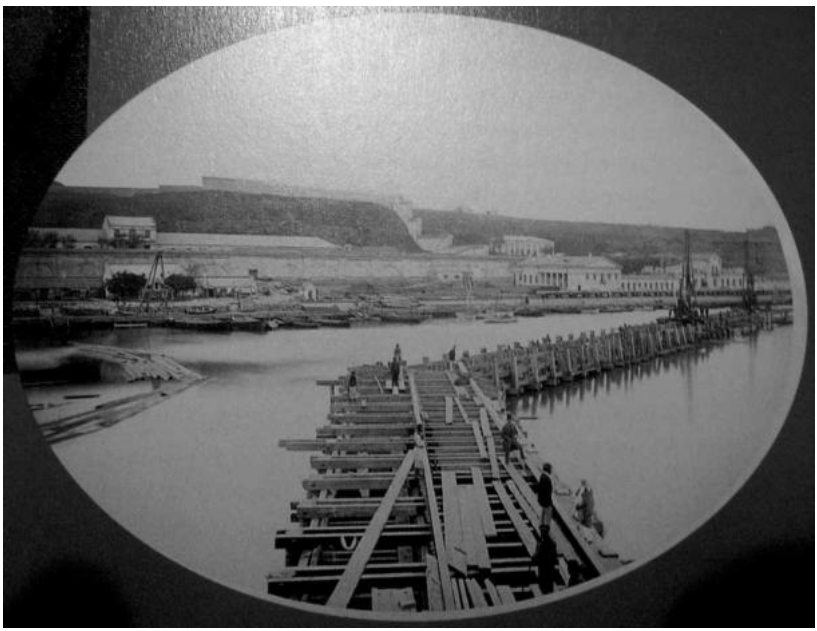
Находя излишним излагать в настоящей статье историю всех остальных морских сооружений одесского порта, заметим только, что в 1850 году было окончено последнее портовое сооружение, Потаповский мол, которым и завершилось строение порта, так как с тех пор и по настоящее время в порте производились только ремонтировки старых молов и пристаней и очистка гаваней. Хотя эта последняя обращала на себя особенное внимание одесского городского и главного начальства Новороссийского края, но, к сожалению, она не достигла своей цели, несмотря на значительные суммы, издержанные на выписку из-за границы землечерпальных машин и на покупку шаланд, баркасов и проч., и на то, что очистка производилась Строительным комитетом постоянно в продолжение нескольких лет, гавани видимо засорялись и мелели, начали появляться банки у са-

[1] Упомянутое сочинение г. Скальковского.

мых входов, что крайне затрудняло движение судов и угрожало опасностью совершенного прекращения сообщения порта с морем. Это обстоятельство заставило прибегнуть к более решительным мерам, именно: ассигновать сразу на очистку гаваней более полумиллиона руб. сереб., завести новые землечерпальные машины с принадлежностями и отдать дело очистки в руки подрядчика. Но судьба как будто преследовала одесский порт. По заключенному с подрядчиком контракту, к очистке гаваней следовало приступить в 1861 году и окончить оную в течение 5 лет, значит, в настоящем году она должна была быть окончена. Не входя в подробности этой сложной операции, скажем только, что в 1863 году одною из землечерпальных машин, выписанных подрядчиком из Франции, было очищено небольшое пространство в карантинной гавани, но этот первый опыт показал, что в машинах необходимо сделать некоторые изменения и улучшения, которые и были приведены в исполнение в течение осени и зимы того же года. В следующем году машина была поставлена у входа в карантинную гавань, где она после успешной, но весьма кратковременной работы при набежавшем ночью шквале от NO — затонула. В начале настоящего года (1865) машина поднята и отведена в практическую гавань, чем и кончилась очистка одесского порта.

В заключение настоящего предисловия нам остается сказать несколько слов об улучшениях, которые будут сделаны в одесском порте в весьма близком будущем.

Из всех официальных данных, касающихся будущего улучшения порта, видно, что в последнее время система полумер, никогда ни к чему не ведущая, совершенно оставлена, и что заброшенный и забытый порт, наконец, выдвинут на первый план. В начале настоящего года вследствие усиленного ходатайства нынешнего новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, генерал-адъютанта П.Е. Коцебу, правительство ассигновало на расширение и улучшение одесского порта капитал в 4 мил. 700 т. руб., из которого несколько сот тысяч будут отпущены в настоящем же году для первоначальных пробных работ. Затем объявлен конкурс между русскими и иностранными инженерами на составление проекта порта, с двумя премиями: одна в 8, а другая в 2 т. руб, по которому будут производиться все остальные портовые сооружения. Гидрографические исследования порта, начатые в 1860 г. и оконченные нами в прошлом году, напечатаны для всеобщего сведения на русском и французском языках, и мы надеемся, что эти исследования доставят значительное число необходимых данных для успешного составления проекта. Очистка гаваней тоже обра-

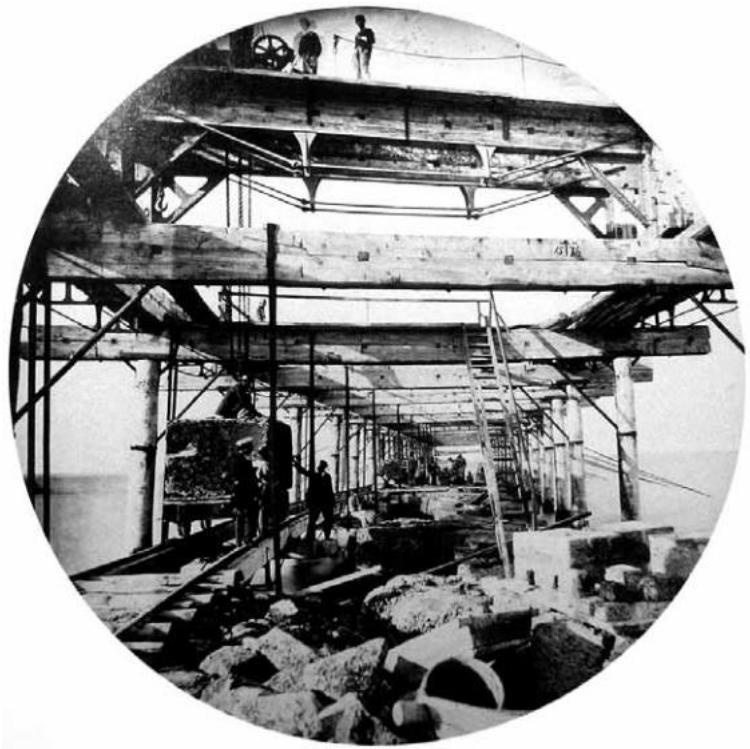

тила на себя особенное внимание главного начальства Новороссийского края. Контракт, заключенный в 1861 году, расторгнут, и ныне составляется проект об очистке гаваней на совершенно новых началах, причем обращено внимание на один весьма существенный недостаток прежнего проекта, недостаток, заключавшийся в слишком малой глубине, до которой предположено было довести очистку в гаванях. При обсуждениях об определении пределов очистки весьма справедливо пришли к убеждению, что при предположениях о расширении порта, прежде всего следует извлечь наибольшую пользу из существующих уже бассейнов: необходимо наименьшую глубину довести, по крайней мере, до 17-ти фут. Подобная очистка потребует, конечно, больших издержек, чем предполагавшаяся по прежнему проекту, но зато она принесет существенную пользу порту.

Нет сомнения, что пройдет довольно много времени, пока все сказанные предположения об улучшении одесского порта будут приведены окончательно в исполнение, и мы, конечно, будем весьма довольны, если нам придется познакомить читателей "Трудов" Статистического комитета с портом в его обновленном и улучшенном виде, теперь же постараемся сделать верное описание его современного состояния.

Портом вообще называется расположенный на берегу моря город, способный производить морскую торговлю, в более тесном же смысле, или, лучше сказать, в смысле чисто морском, портом называется некоторое более или менее значительное пространство моря и часть прилегающего к нему берега со всеми в них учреждениями и средствами, способствующими спокойной стоянке приходящих судов, быстрой их выгрузке и нагружке, легкому исправлению повреждений и аварий, удобному снабжению судов водою и проч. Таким образом, всякая принадлежность всякого порта состоит, прежде всего, из некоторого пространства моря у самого берега, совершенно защищенного, естественно или искусственно, от всех опасных ветров и волнений, и в котором глубина воды всегда достаточна для свободного движения и безопасной стоянки судов, — такое пространство моря называют гаванью. Кроме того, весьма полезную, а иногда и необходимую принадлежность порта составляет рейд, которым вообще называется часть моря перед гаванью, где суда могут с большим или меньшим удобством стоять на якоре в ожидании благоприятных обстоятельств для выхода в море или для входа в гавань. Хорошим или надежным рейдом называется такой рейд, который имеет значительную, но вместе с тем умеренную и ровную глубину, хороший грунт, и достаточно защищен от ветров и волнения. Смотря по тому, насколько удовлетворяются эти условия, рейды бывают закрытые, открытые и опасные. Для военных портов рейд составляет необходимую принадлежность, так как он служит местом продолжительной стоянки значительного числа судов, и кроме того, на нем иногда совершаются одновременные движения целых эскадр; для коммерческих же портов, в которых движение производится большею частью поодиночке, по мере выгрузки и нагрузки, рейд не составляет особенной важности. Впрочем, это относится только к коммерческим портам вполне благоустроенным, то есть к портам, которых гавани не засорены, а имеют достаточную глубину, настолько обширны, что протяжение набережных пропорционально числу приходящих судов, и в которых имеются все средства к быстрой выгрузке и нагрузке; в противном случае, и для коммерческого порта рейд составляет необходимую принадлежность.

Одесский порт состоит из рейда, открытого и опасного, и двух искусственных гаваней, расположенных на юго-западном берегу обширного Одесского залива, который с северо-востока ограничивается высоким

и обрывистым мысом Е, а с юго-запада небольшим мысом Ланжерон. От мыса Е берег к западу постепенно понижается до лиманов Куяльницкого и Гаджибейского, разделенных между собою значительною возвышенностью (гора Жевахова), выдающеюся к стороне моря отвесным обрывом. Сказанные лиманы отделяются от моря Пересыпью, низменным песчаным берегом, который тянется к юго-западу, потом постепенно склоняется к югу и, наконец, быстро возвышаясь и круто поворачивая к юго-востоку, образует Одесский залив. От последнего мыса крутой и глинистый берег на расстоянии около шести верст направляется с небольшими изгибами к юго-юго-востоку до мыса Малый Фонтан, где имеется водопровод, снабжающий водою приходящие к одесскому порту суда. От Малого Фонтана берег тянется почти по меридиану, уклоняясь несколько к западу, до значительно выдающегося в море мыса Большой Фонтан, на котором находится одесский маяк, освещающийся катодиоптрическим

прибором Френеля 1-го разряда. Огонь этого маяка служит опознательным пунктом для входа судов на одесский рейд.

Одесским рейдом мы будем называть весь Одесский залив, за исключением мест, близких к берегу, которые вследствие недостаточной глубины или дурного грунта не всегда могут служить надежной стоянкой для судов, и потому все, что нами будет сказано об Одесском заливе, будет одинаково относиться и к рейду одесского порта.

Одесским заливом называется все водное пространство, заключенное между очертанием берега и линиею, соединяющею мыс Ланжерон с мысом Е, которая служит пределом залива со стороны моря и представляет наибольшую его длину, равняющуюся 8 верст 200 саж. Если из средины этой линии восставим перпендикуляр и продолжим его до пересечения с берегом Пересыпи, то получим наибольшую ширину залива, равную 4 вер. 160 саж. От проведенного перпендикуляра ширина залива к мысам Е и Ланжерон постепенно уменьшается, так что Одесский залив представляет собою фигуру почти правильного полуэллипса. Длина береговой линии от мыса Е до мыса Ланжерон равна 14 вер. 300 саж. Площадь всего залива составляет 7,807,450 кв. саж., или 31 ❐ вер. 17,450 ❐ саж. Если из этой площади вычесть площадь всего прибрежного пространства, вплоть до линии 30-футовой глубины, то для площади собственно одесского рейда получим 2,643,215 ❐ саж., на которой могут совершенно свободно поместиться 1,000 судов средней величины. Для мореплавания Одесский залив не представляет никаких затруднений, так как в нем нет ни подводных, ни надводных опасностей, за исключением, впрочем, небольшой отмели у мыса Е, которая тянется от него к югу. В северной части залива, у Пересыпи, глубина от берега к средине изменяется весьма правильно и постепенно, так что линии равных глубин, от 5 до 30 фут, находясь в расстоянии одна от другой около 75 саж., направляются параллельно берегу и параллельно между собою, но далее, к мысу Е, правильность эта значительно нарушается, и у самого мыса глубина изменяется не постепенно, а беспорядочными скачками. Линия 30-футовой глубины, служащая пределом рейда со стороны берега, отстоит от мыса Е по направлению линии наибольшей длины залива в расстоянии 2,150 саж, от средины Пересыпи, по линии наибольшей ширины, в расстоянии только 380 саж.; далее к югу она снова удаляется от берега и от бульварной набережной по направлению бульварной лестницы отстоит в расстоянии 550 саж., после чего опять весьма быстро приближается к берегу, и у мыса Ланжерон проходит в расстоянии только 220 саж. В этом же месте глубина изменяется весьма

быстро и неправильно, а морское дно местами усеяно небольшими возвышениями, происшедшими как от частых обвалов глинистого берега, так и от выбрасываемого судами балласта.

Грунт одесского рейда преимущественно мягкий ил с песком и ракушкой, это самый лучший грунт для стоянки судов, но, к сожалению, во многих местах под верхним его слоем залегает весьма густой ил и отчасти глина до того вязкие, что необходимо время от времени приподнимать якорь, в противном случае представляется возможность потерять его. Это обстоятельство делает одесский рейд беспокойным, а иногда и опасным для стоянки судов.

Одесский залив открыт с моря всем ветрам от NO через O SSO-та, а от этого последнего, чрез S до NW, защищен возвышенным берегом, который идет от мыса Большой Фонтан до Одессы и далее до Гаджибейского лимана; от NW до NO залив хотя и защищен берегом, но ветры, дующие из ущелий лиманов и с пологого берега Пересыпи, бывают довольно беспокойны для судов, стоящих на рейде, и еще более для тех, которые помещаются в карантинной гавани. Самые опасные ветры для стоянки судов на одесском рейде, все ветры, дующие от ONO чрез O до S, в особенности опасен последний, который, проходя через все море, разводит огромное волнение. Восточные ветры преимущественно дуют осенью и зимой, когда они бывают особенно упорны и продолжаются иногда по целым неделям. Большая часть судов, приходящих к порту, за недостатком места в гавани помещаются на рейде, и не имея возможности при восточных ветрах выйти в море, отстаиваются на нескольких якорях; при продолжительных свежих ветрах, которые часто дуют с силою урагана, многие суда срываются с якорей и выбрасываются на берег или разбиваются о молы. Редкий год обходится, чтобы на одесском рейде не произошло нескольких крушений. Он по справедливости почитается одним из самых беспокойных и опасных рейдов.

Одесский порт имеет две гавани, из которых одна, большая, называется Карантинною, а другая Практическою. Названия эти, однако, нисколько не выражают действительного значения гаваней, и даны им, кажется, только потому, что Одесса имеет сообщение с восточными странами, а известно, что все подобные порты обыкновенно разделяются на две части: Практическую, в которой помещаются суда, приходящие из безопасных мест, и Карантинную, в которой должны останавливаться только суда, приходящие из мест неблагополучных, то есть суда, приходящие с заразительными болезнями. Но вся одесская заграничная торговля происходит

исключительно в карантинной гавани, в которой вследствие ее значительной глубины помещаются все большие иностранные суда, парусные и паровые, а также большие русские пароходы; в практической же гавани, в которой глубина слишком мала, могут стоять только наши небольшие каботажные суда и незначительных размеров пароходы. Таким образом, карантинная гавань служит местом стоянки как для судов, приходящих из безопасных мест, так и для судов, приходящих из мест неблагополучных. Конечно, заграничные суда, приходящие в карантинную гавань, в случае какой-нибудь серьезной заразительной болезни все одинаково выдерживают карантин, но при этом встречается то важное неудобство, что суда, получившие практику, то есть окончившие карантин, принуждены помещаться в одной и той же гавани и в весьма близком расстоянии с судами, еще выдерживающими карантин; кроме того, при действии карантина сообщение гавани с городом или совершенно прекращается, или делается весьма затруднительным, а это имеет весьма невыгодное влияние на торговлю, и потому-то весьма желательно, чтобы при предстоящем улучшении порта было обращено внимание на этот недостаток, и чтобы карантинная гавань была совершенно отделена от практической, подобно тому, как это предполагалось сделать по проекту Де-Волана, о котором мы выше говорили.

Карантинная гавань одесского порта ограждена двумя молами, из них больший, обращенный к морю и называемый Карантинным, основанием своим упирается в высокий берег, на котором расположены здания карантина и упраздненная крепость. От берега в море мол направляется ломаною линией, состоящею из нескольких колен, построенных в различное время. Длина мола, считая по внешней его стороне, равняется 377 саж.; ширина при основании, у самого берега, около 120 саж., далее же мол постепенно сужается, и на расстоянии 70 саж. от берега, считая по набережной мола, ширина его равна 50 саж. Часть этого пространства мола занята различными зданиями, казенными, частными и городскими, то есть принадлежащими городу, и которыми распоряжается городская Дума; в расстоянии 20 саж. от набережной и параллельно к ней тянется довольно длинная и весьма ветхая казарма карантинных служителей, в которой кроме служителей помещаются канцелярия и квартира помощника капитана над портом, а также харчевня и еще какие-то заведения. Между казармой и внешнею стороною мола находится значительное число беспорядочно разбросанных домиков с деревянными сараями и навесами, в которых производится починка гребных судов и рангоута, делаются плоты

и проч., здесь же устроена бойня для скота, а в десяти шагах от нее поставлено отхожее место на сваях мола, над водой, но давно уже находящееся в полуразрушенном состоянии. Так как одесский порт вообще не имеет мостовых, то осенью и вообще во время сильных дождей описанное пространство представляет собою чрезвычайно грязный закоулок, в котором не только пройти, но и проехать нельзя без особенных затруднений. Впрочем, в сказанное время весь карантинный мол представляет сплошное болото грязи. На оконечности первого колена мола стоит кухня судовщиков, в которой приготовляют пищу все стоящие в гавани суда, так как иметь огонь на самих судах строго воспрещается. В этом месте мол имеет ширину около 30 саж., далее же он еще сужается, и ширина последнего его колена равна 20 саж.; вдоль этого колена в расстоянии 3-4 саж. от внешней стороны мола построена каменная стена с целью защитить суда от волнений, остальное пространство мола, шириною около 15 саж., было бы вполне достаточно для проезда экипажей и провоза товаров, если бы вдоль стены не помещался довольно длинный ряд построек Русского общ. П. и Т., служащих складочными местами угля, грузов и проч. Последнее колено карантинного мола представляет единственное место в гавани, где большие суда и пароходы могут подходить вплотную к набережной и выгружать товары прямо на мол, и потому здесь бывает самое большое скопление экипажей и подвод с грузами, а между тем место так узко, что не только два экипажа не могут разъехаться свободно, но и один не всегда может пробраться. Голова карантинного мола состоит из полукруговой площади, посредине которой стоит Воронцовский маяк.

Другой мол карантинной гавани, Платоновский, состоит из двух колен, общая длина которых равна 170 саж., ширина последнего колена 12 саж. Этот мол исключительно служит для нагрузки хлебом мелкосидящих судов и подвозных лодок. Берег между карантинным и Платоновским молами на протяжении 350 саж. укреплен сваями и называется Бакалейною набережной, вдоль которой ныне проходит временная ветвь железной дороги. Между различными зданиями, принадлежащими карантину и таможне, на этой набережной замечателен домик капитана над портом, как по своему оригинальному виду, так и по чрезвычайной ветхости, — он до того ветх, что удерживается от окончательного разрушения только бесчисленным множеством деревянных подпор. На конце набережной, у самого Платоновского мола, находится агентство Р.О.П. и Т. и временная станция железной дороги. С внешней стороны Платоновского мола построен в недавнее время для небольших пароходов эллинг, ма-

ло заслуживающий этого названия — эллинг, впрочем, принадлежит частному лицу; здесь же проходит водосточная труба, несущая все нечистоты города прямо ко входу в гавань, а потом и в самую гавань.

Площадь карантинной гавани равняется 52,527 кв. саж. Длина всех набережных 770 с., из которых только 270 с. действительных, остальная же часть по мелководию недоступна для судов. Глубина в гавани изменяется от 4 до 21 фута, последняя замечается только у головы карантинного мола, от которой вдоль последнего колена мола и несколько далее глубина постепенно уменьшается до 15 фут. Суда обыкновенно помещаются в небольшом пространстве шириною около 50 с. вдоль этой части мола и стоят в несколько линий, вплотную одно к другому, все же остальное пространство гавани занято подвозными лодками и несколькими мелко сидящими пассажирскими пароходами. Хотя вход в карантинную гавань весьма широк, более 150 с., но большая его половина, от карантинного мола, обыкновенно бывает запружена судами, так что небольшие пароходы, имеющие стоянку внутри гавани, при входе в оную всегда придерживаются Платоновского мола, и потом идут между рядом судов и подвозных лодок по так называемому фарватеру, замечательному тем, что на нем находится банка, к которой пароходы часто притыкаются, а иногда и на мель становятся. У оконечности карантинного мола имеется отмель из наносного песку и щебня, не дозволяющая судам подходить к самому молу, а у головы того же мола, впереди входа в гавань, другая отмель, тоже из наносного песку и щебня, для обозначения которой поставлена в расстоянии 50 с. от головы красная веха на N от маяка.

Одесса ведет торговлю гораздо более отпускную, чем привозную, именно, отпуск простирается до 25 мил. и более пудов, между тем как привоз не превосходит 5 миллионов, и потому груз большей части судов, приходящих в карантинную гавань, преимущественно состоит из балласта (мусор, песок, камни и проч.), часть которого суда обязаны выбрасывать за несколько миль от рейда, именно у мыса Большой Фонтан, а остальную часть выгружать в гавани на подвозные лодки. К сожалению, балласт, служащий одною из причин засорения как гаваней, так и рейда, никогда не выгружается по предписанным правилам: суда становятся где им угодно и выбрасывают балласт не только вблизи рейда, но и на самом рейде; в самой гавани выгрузка балласта производится весьма неаккуратным образом: обыкновенно к судну подходит подвозная лодка, в которую с верхней палубы судна сыпят балласт, причем немалая часть его падает прямо в воду, потом лодка тянется к набережной, где балласт выносится из нее с по-

мощью носилок, а при этом он неизбежно рассыпается, падает в воду и засоряет гавань у набарежных, чему ясным доказательством может служить дно гавани у бакалейной набережной; наконец, есть причины думать, что некоторые шкипера не стесняются выбрасывать балласт, конечно, тайным образом, прямо с судов в воду, не ожидая подвозных лодок. Все это в заграничных благоустроенных портах почитается святотатством, посягательством на общественное благосостояние и строго преследуется, у нас же смотрят на это довольно равнодушно, что, конечно, происходит оттого, что преследовать подобного рода преступления нет никаких средств, а между тем одна из важнейших потребностей одесского порта именно заключается в хорошей системе выгрузки балласта в гавани и в строгом наблюдении, чтобы он не выбрасывался на рейде.

Положение карантинной гавани относительно опасных морских ветров довольно невыгодно. Она вполне защищена главным своим молом только от одного SO, прочим же ветрам и производимым ими волнениям более или менее доступна. Вход в гавань направляется на ONO, направление, совпадающее с весьма опасным и в осеннее время господствующим ветром, оно крайне невыгодно и делает одну половину гавани совершенно неспособною, а другую весьма беспокойную для стоянки судов. Хорошо еще, что вход в гавань довольно широк, в противном случае при свежих восточных ветрах войти в нее было бы совершенно невозможно. Года три тому назад было предположение сузить вход в гавань продлением Платоновского мола по его существующему направлению, но к счастью, проект этот не был приведен в исполнение. Сузить вход можно и должно, но только тогда, когда будет продолжен карантинный мол и когда, таким образом, вход будет защищен от опасных восточных ветров.

Практическая гавань одесского порта состоит из трех молов: военного, Андросовского и Потаповского, образующих почти правильную фигуру, близко подходящую к квадрату. Главный мол, военный, состоя из значительного числа колен, имеет вид дуги круга весьма большого радиуса и направляется на N. Общая ширина его равняется 20 саж., расстояние же внутренней стороны мола, или набережной, от стенки, предохраняющей суда от брызгов волнения, составляет около 12 с. Близ оконечности мола, так же, как и в карантинной гавани, имеется здание Р.О.П. и Т. для склада угля, а агентство этого общества находится при самом основании мола и занимает весьма значительную площадь в порте; рядом с агентством стоит дом, в котором помещается канцелярия капитана над портом. От корня военного мола к NW на протяжении около 200 с. берег одет свая-

ми и называется практическою набережной, на которой находится небольшой шлюпочный сарай и эллинг для мелко сидящих пароходов и барж, принадлежащий подрядчику по очистке одесских гаваней. Другой мол, Андросовский, составляет прямой угол с сказанною набережной, длина его 215 с., а ширина слишком мала, только 3 с., чрез что он не может служить пристанью для выгрузки и нагрузки товаров; впрочем, в настоящем году приступлено к его уширению. К концу Андросовского мола примыкает почти под прямым углом третий мол, Потаповский, ширина которого еще менее Андросовского мола, а длина равняется 132 с.; своею оконечностию он составляет с головою военного мола вход в гавань шириною в 32 с. Направление этого входа (OSO) еще более невыгодно, чем направление входа в карантинную гавань, так как он открыт всем опасным ветрам от NO до OSO включительно. При столь невыгодном направлении входа чрезвычайно малая его ширина составляет главную причину неудовлетворительности практической гавани, в которой при свежих восточных ветрах стоянка судов бывает гораздо менее безопасна, чем на открытом рейде. При входе в гавань волнения, встречая с одной стороны голову Потаповского, а с другой стороны голову военного мола и отражаясь от них, производят столь жестокую толчею, что вход в гавань в самые критические минуты для парусных судов делается совершенно невозможным, а для паровых весьма опасным и сопряженным с риском быть разбитыми об один из молов. При свежих восточных ветрах волнения в самой гавани бывают столь велики, что суда разбиваются о собственные свои якоря. Вообще практическая гавань весьма мало удовлетворяет своему назначению. Наибольшая глубина в ней 11 ф., и это только у самого входа, далее же, вдоль военного мола 8, 7 и 6 ф., а в остальном пространстве гавани еще менее; вдоль большей части Андросовского мола глубина 5 и 4, а вдоль практической набережной 1 1/2 и 1 ф., так что при большом падении уровня воды, по крайней мере, четверть пространства гавани осушается.

Площадь практической гавани заключает в себе 39,974 кв. саж.; длина всех набережных 758 с., из которых только 170 с. действительных. Суда помещаются вдоль военного мола, и за недостатком места располагаются в четыре, а иногда и в пять рядов, часто заграждая собою вход в гавань. Пароходы, совершающие рейсы в Крым и имеющие осадку от 9 до 10 ф., останавливаются обыкновенно при входе в гавань, у оконечности военного мола, а меньшие пароходы, совершающие рейсы в Николаев и Херсон, у пристани агентства, они так же, как и в карантинной гавани, проходят

к пристани по так называемому фарватеру, на котором также имеется небольшая банка. Обе эти банки произошли от действия кругового течения, постоянно существующего в гаванях, о котором нами будет сказано ниже.

Между военным и Платоновским молами идет Бульварная набережная, на протяжении около 400 с. Пространство между ею, молами военным, карантинным и линиею, соединяющею головы этих молов, более пространства обеих гаваней взятых вместе; оно имеет все данные, чтобы сделаться лучшею гаванью одесского порта, для чего следует только, продлив карантинный мол на NNO, заворотить его к NW, а от головы военного вывесть колено на O или ONO. Нужно надеяться, что составители нового проекта порта воспользуются этим пространством, которое уже теперь представляет собою почти готовую гавань.

Находя излишним входить в настоящей статье в подробное изложение гидрографических исследований одесского порта, которыми мы занимались в течение последних двух лет, представим здесь только результаты, к которым привели нас эти исследования относительно течений, волнений и вообще причин обмеления одесских гаваней.

Одесский залив, не принимая в себя никакой реки и совершенно отделенный в настоящее время от лиманов Гаджибейского и Куяльницкого широкою пересыпью, не имеет никаких источников течения, которое поэтому может происходить в нем только от внешних, посторонних причин, и действительно, течения в заливе существуют и происходят исключительно от течений близлежащих рек Днепра и Днестра и от ветров. Несмотря на то, что течение первой из сказанных рек иногда простирается до 5-ти миль в час у устья и до 3-х у оконечности Одесской банки, отстоящей от Одессы на 12 миль к O, в самый Одесский залив это течение достигает весьма ослабленным и не превосходит 3/4 мили в час; течения же, происходящие от действия Днестра и ветров, бывают еще менее, так что, принимая в соображение все обстоятельства, обусловливающие течения в Одесском заливе и различные их скорости, можно принять для средней скорости течения при свежих ветрах величину равную 1/2 итальянской мили в час, а при средних и тихих 1/4 мили в час, что составляет около 5 дюйм. в одну секунду. Скорость этого последнего течения так ничтожна, что оно может передвигать только самый мелкий песок, и то при возмущенном состоянии воды, поднимать же частиц грунта со дна оно не в состоянии, и потому-то при тихой погоде и спокойном состоянии моря существующие течения в заливе не имеют никакого влияния на обмеление гаваней одесского порта. Что касается до свежих ветров, то течения в совокупнос-

ти с волнениями оказывают ощутительное влияние на обмеление, которое делается очевидным при ветрах от О и SO. Производимые этими ветрами волнения, размывая глинистый берег, лежащий к югу от карантинной гавани и поднимая самые частицы морского дна, приводят воду залива в чрезвычайно мутное состояние, которая у самого берега иногда обращается в совершенный раствор глины. При таком возмущенном состоянии воды течения с легкостью влекут наносы в залив, к голове карантинного мола, и далее к Пересыпи, до которой, однако, доносится только весьма мелкий песок, а у головы карантинного мола осаждается крупный песок и гравет, составляющий материал привозимого иностранными судами балласта. Многие полагают, что главная причина обмеления как одесских гаваней, так и всего залива, заключается в днепровском течении, которое будто бы, войдя в залив у мыса Е, круто поворачивает к N, потом идет вдоль всего берега залива к W, далее снова заворачивает, направляясь к S и увлекая за собою речные пески, засоряет сначала залив, а потом и гавани. Не приводя здесь множества доказательств неосновательности этого мнения, мы скажем только, что наносы из Днепра при больших волнениях, конечно, достигают Одесского залива, но что оне, прежде всего, перехватываются отмелью, идущей от мыса Е к югу, до Пересыпи же и гаваней достигает только самый мелкий песок, чему ясным доказательством служит, между прочим, тот факт, что отмель у мыса Е в течение последних 30-ти лет весьма значительно увеличилась, между тем как берег Пересыпи нисколько не обмелел.

В самых гаванях течение, как уже было сказано, имеет движение круговое, то есть оно всегда входит в гавань у головы одного из молов, составляющих вход, движется вдоль ближайшего мола, не достигая, однако, мелководных мест, поворачивает около средины гавани и выходит из нее у головы другого мола. В практической гавани вследствие чрезвычайной узкости ее входа явление это весьма заметно и может быть легко наблюдаемо с головы одного из молов. Нет сомнения, что наносы, влекомые в гавань при возмущенном состоянии воды, задерживаются в ней различными препятствиями и уже не выносятся обратным течением.

В заключение настоящего краткого описания одесского порта нам остается сказать несколько слов об одном довольно важном его недостатке, состоящем в его замерзании, которое преимущественно происходит оттого, что вода Одесского залива вследствие близости рек Днепра и Днестра иногда делается, в особенности на поверхности, почти пресною, и вообще имеет мало свойств чистой морской воды. Определить время замерзания

и вскрытия Одесского залива и температуру, при которой совершаются эти явления, весьма трудно, так как оне зависят от совокупности всех метеорологических обстоятельств, преимущественно же от продолжительности и силы морозов; можно сказать только, что замерзание и вскрытие как всего залива, так и гаваней, вообще происходит в пределах метеорологической зимы, то есть замерзание происходит в начале декабря, а вскрытие в конце февраля, но часто период этот бывает гораздо менее, а иногда залив вовсе не замерзает. При очень сильных морозах залив покрывается сплошным льдом, с одной стороны до мыса Е и далее к Днепру, с другой до мыса Большой Фонтан и на необозримое пространство в море; но подобные замерзания случаются весьма редко, обыкновенно же льдом покрываются только гавани и рейд, и притом весьма тонким, который почти нисколько не препятствует судам иметь сообщение с портом, собственно с карантинною гаванью. Что касается до практической, то она по своей недостаточной глубине замерзает на более продолжительное время, чем карантинная, но так как в ней производится торговля исключительно внутренняя и преимущественно с приречными портами, которые сами замерзают, то сообщение с этою гаванью прекращается само собою на все время, пока вскроются реки, и потому-то при выводе заключения о средней продолжительности замерзания одесского порта нами приняты в соображение только карантин-

ная гавань и рейд. Впрочем, особенный интерес представляет не общая продолжительность замерзания порта, а время, в продолжение которого прекращается с ним сообщение. Выше было уже сказано, что тонкий лед, обыкновенно покрывающий карантинную гавань и рейд, почти нисколько не препятствует движению судов, но кроме того, весьма часто случается, что лед после первого своего образования совершенно уничтожается на более или менее продолжительное время, а потом снова появляется. Так, в прошлом 1864 году, хотя первый лед образовался 5 декабря, а последний совершенно исчез только 24 февраля, но в продолжение этого периода времени сообщение с портом прекращалось только на 12 дней, причем карантинная гавань шесть раз покрывалась льдом и столько же раз совершенно освобождалась от него. В нижеследующей таблице, составленной на основании официальных данных и собственных наших наблюдений, показаны: число пришедших и отшедших судов в период времени от первого замерзания до последнего вскрытия, и число дней, в продолжение которых совершенно прекращалось сообщение в портом.

Годы	**Время**		Число пришедших и отшедших судов	Сколько времени не было сообщения с портом
	Первого замерзания	Последнего вскрытия		
1858	Декабря 12	Января 14	113	4 дня
1859	Января 6	Февраля 25	188	0
1860	Декабря 20	Января 25	65	17
1861	Декабря 1	Марта 7	369	32
1862	Ноября 20	Февраля 19	302	20
1863	Декабря 22	Марта 3	237	27
1864	Декабря 5	Февраля 24	270	12
Среднее число				16

Из этой таблицы видно, что влияние замерзания на сообщение с портом бывает вообще довольно ничтожно, и что поэтому недостаток одесского порта, происходящий от замерзания, далеко не столь важен, как обыкновенно о нем думают.

Иллюстрации: Odessa Memories. University of Washington Press, Seattle and London

Олег ГУБАРЬ

"Энциклопедия забытых одесситов"

Ищите женщину

Скандальное дело канцеляриста Одесского строительного комитета Локотникова скрупулезно разбиралось на протяжении многих лет, однако о главном фигуранте мы не знаем практически ничего. Неизвестно ни его имя, ни даже инициалы. Понятно только (фамилию не отнесешь к благородным), что происходил он из разночинцев. Этот герой, или скорее антигерой, привлек мое внимание отчасти по той причине, что судьба его трагически вплетена в ту малопочтенную отрасль общественного быта юной Одессы, о которой до сих пор не имелось никаких сведений. Однако обо всем по порядку.

На рубеже 1814-1815 годов в главной властной инстанции Одессы, Строительном комитете, недосчитались значительной суммы. Деньги эти следовали по почте из Херсонской казенной палаты в возврат средств, употребленных Комитетом на починку зданий Одесской конторы государственного коммерческого банка. Банковские дома, располагавшиеся на углу Дерибасовской и Гаванной улиц, в 1806 году купили у брата основателя Одессы, отставного майора Феликса де Рибаса. Афера с похищением осуществилась очень просто: один из чиновников Комитета получил эти деньги в почтовой конторе и просто-напросто присвоил их себе.

Спрашивается, как же такое могло произойти? Суть в том, что немалые казенные суммы довольно регулярно переправлялись эстафетой из Херсона, и "за распискою" их получали те или иные чиновники Комитета, которых на почте знали в лицо. Означенную сумму — 6.102 рубля 63 1/2 копейки — и получил Локотников, оставив неразборчивую подпись. Как впоследствии выяснилось, он присвоил еще и другой, не столь крупный казенный перевод, около 400 рублей. Чтобы оценить значимость общей суммы в контексте времени, скажу только, что многие приличные дома в центре Одессы стоили менее 6.000 рублей, обер-офицерам отпускалось 500 рублей в год на аренду хорошей квартиры, а, скажем, годичное содержание в Благородном институте с полным пансионом обходилось в 670 рублей. Если бы Локотников в течение десятилетия аккуратно укладывал бы весь свой оклад и наградные в копилку, то и тогда едва ли собрал бы такую сумму.

Чтоб не вызвать подозрений, сообразительный канцелярист не стал сразу же увольняться из Комитета. Мало того, оставаясь сотрудником, он мог контролировать переписку с Херсонской казенной палатой. То есть если последняя запрашивала, получена ли отправленная сумма, а Комитет — отчего деньги не поступают, Локотников перехватывал письма, оттягивая развязку. Когда же несколько месяцев спустя он уволился, наверняка уже нельзя было выяснить, кто именно получал означенные суммы. Ситуация тогда вообще была несколько путаной по причине административных пертурбаций. В сентябре 1814-го фактически руководивший Комитетом де Ришелье оставил Одессу, предполагая, что отлучка временная, вышло же иначе, и место градоначальника заступил военный комендант генерал Кобле. Тем не менее, ситуация вскоре уравновесилась, и пропажа сделалась очевидной. Как один из немногих сотрудников, причастных к получению почтовых отправлений, регистратор Локотников, конечно, оказался в подозрении. Однако эти подозрения не имели бы доказательной базы, если бы мелкий чиновник и далее проявлял благоразумие.

Но молодой человек, выражаясь изощренно, не выдержал испытания искушением. Шаг за шагом следствие открывало многочисленные неприглядные подробности его падения. Ищите женщину... На свою голову, Локотников понимал это изречение буквально и сгорел на "веселых домах". Об организации проституции на первом этапе существования города дошло крайне мало достоверных известий. Наверняка можно сказать, что свободные женщины любого состояния здесь были тогда в исключительном дефиците. Доходило до крайностей: похищения и перекупки замужних, совращения малолетних, не говоря уже о тривиальных изнасилованиях. По этой причине оказание сексуальных услуг становились более чем прибыльным бизнесом.

Ранние архивные документы фиксируют, главным образом, разнообразные акты насилия, умалчивая о добровольных коллекторах "общественного темперамента". Мне трудно было поверить, что в 1800-1810-е годы пестрый, пряный, поистине левантийский порт ("в нашу гавань заходили корабли"), обладавший временным, а вскоре и постоянным городским театром, Казенным садом, разного пошиба трактирными заведениями и в целом развитой инфраструктурой развлечений, не имел соответствующих заведений. Но где искать упоминания, коль скоро чопорные зарубежные вояжеры умалчивают о них в своих мемуарах? Подумалось, а что если проштудировать документы, относящиеся ко времени ликвидации чумной эпидемии 1812 года, когда закрыли все общественные места, а за-

тем объявили и общий карантин? Ведь тогда известного рода "мероприятия" непременно должны были быть взяты под контроль.

И действительно, среди распоряжений, сделанных герцогом Ришелье 29 августа 1812 года ввиду открывшейся заразы, находим следующее: "Всех женщин, живущих в известных вольных домах, собрать в одно место и самым строжайшим образом запретить — и за тем наблюсти, — чтобы они никого не принимали, но ежели какая из них преступит запрещение, таковую и вместе с нею принятого гостя как ослушников отправить в полицию, где по рассмотрению учинить им наказание". То есть таких домов и их насельниц уже тогда было немало. Очевидно, к благополучному 1814 году, когда внешняя торговля довольно многолюдной Одессы резко пошла в гору, посещаемость порта резко увеличилась, и значительно возвысился спрос на сексуальные услуги, число "вольных домов" и тамошних обитательниц явно возросло. Из материалов, связанных с расследованием дела Локотникова, становятся понятными некоторые любопытные обстоятельства.

Сюжет совращения комитетского канцеляриста начался с посещений "веселого дома", содержимого еврейкой Шейндлей Лейбовой. Судя по всему, это было лучшее в городе заведение подобного сорта: состоятельная хозяйка пользовалась покровительством достаточных горожан, совершала сомнительные с нравственной точки зрения финансовые операции и привлекала к сотрудничеству иногородних партнеров, в том числе из "ближнего зарубежья". Возможно, неискушенного юного Локотникова втянули в какую-то банальную игру. В сказанном доме, а быть может, и за его пределами он познакомился с некоей польской барышней Закревской. В следственных материалах ее называют просто развратной женщиной или девкой, опять-таки, не снисходя до упоминания имени.

Формально Закревская пребывала в кабале у Лейбовой, которая заплатила за нее солидный долг шляхтянке Магдалине Тарновской, а затем продолжала использовать "по назначению". Похоже, романтический канцелярист доверился шитой белыми нитками исповеди Закревской, страстно влюбился и решился вызволить ее из дома терпимости, поначалу бесцеремонно увез, фактически украл у "хозяев", да и только. Но не тут-то было. Не прибегая к содействию полиции, его взяли в оборот многие материально пострадавшие особы. Ну, во-первых, ему следовало рассчитаться с Лейбовой, которая выплатила Тарновской 500 рублей наличными и на 250 выдала расписку. Еще 250 рублей требовал компенсировать прежде содержавший Закревскую болгарин Топалов. Каким-то боком к делу оказались причастны шляхтянка Макушинская (надо полагать, со-

держательница другого "вольного дома" или же поставщица "живого товара"), грек Бани, немец Пурио. Мировое, так сказать, соглашение со всеми кредиторами и ко всеобщему удовольствию в частном порядке помог устроить десятский (гражданский полицейский чин) Соломон Гершкович, разумеется, не подозревавший о совершенной Локотниковым краже. Так или иначе, а бедный канцелярист сполна выплатил контрибуцию.

Узнав от своих осведомителей о серьезных тратах недавно уволившегося мелкого чиновника и внезапном отъезде с вызволенной "развратной девкой", Комитет незамедлительно организовал его поимку и препровождение в Городскую полицию, которая на тот момент еще не была официально задействована в расследовании. Локотников недальновидно убежал в Киев, где успел приобрести скромный домик в надежде свить гнездышко с Закревской. В общих чертах вся цепочка вырисовывалась оперативно, поскольку показания давал более чем осведомленный десятский Соломон Гершкович. И хотя обстоятельства были ясны как Божий день, следствие затянулось на годы. Почему? Да потому что главный вопрос сводился не только и не столько к тому, чтобы покарать виновных, а состоял в том, чтобы компенсировать казенную сумму — 6.496 рублей 65 копеек. Комитет был заинтересован в этом в первую очередь, ибо кража косвенно компрометировала эту инстанцию.

Однако интересы Комитета кардинально расходились с интересами "взятых по делу". Каким бы постыдным ни был промысел Лейбовой, он не был противозаконным, и при всех обвинениях с точки зрения морали, ей нельзя было предъявить претензий с позиций законности. Факт оставался фактом: долг Закревской она погасила из собственного кармана, на что ни та, ни Локотников не возражали, находя требования "бандерши" вполне справедливыми. Естественными нашли они и претензии Топалова. Резонными представляются и прочие компенсационные траты. Правда, рассчитывался канцелярист казенными деньгами — вот в чем загвоздка.

Естественно, все движимое и недвижимое имущество арестованного описали, но оно оказалось весьма незначительным: 185 рублей наличными и крохотный домик в Киеве, на отшибе, некоторое время стоявший без присмотра и явно разоренный к моменту продажи, иначе никак не объяснить полученные за него после реализации 45 рублей — вероятно, это стоимость материала от разборки. Личные вещи арестованного позднее продали за 187 рублей 30 копеек. Остальное Локотников лихо промотал, что, с учетом жесточайших для него последствий, вызывает во мне даже некое чувство злорадного удовлетворения.

Далее полиция круто взялась за мещанку Шейндлю Лейбову, каковая подала по этому поводу прошение исправляющему должность одесского градоначальника генерал-майору Фоме Александровичу Кобле. "По делу подсудного (...) Локотникова, — пишет она, — взято у меня наличными деньгами 775 руб., 14 ниток жемчугу и одни часы, что все и поныне хранится в одесском Комитете". Мотивируя несправедливое изъятие денег и ценностей, Лейбова полностью приводит финансовую раскладку израсходованных ею на Закревскую сумм, упоминая полученную от Тарновской расписку и поступившее во взаиморасчет от канцеляриста. Завершается этот документ следующим пассажем (орфография оригинала): "Объясняю выше писанное по истинной справедливости, осмеливаюсь прибегнуть под защиту Вашего Превосходительства и всепокорнейшее прошу хранящиеся в Комитете мои как 775 руб. деньги, так жемчуг и часы кому следует повелеть возвратить мне. В случае же, каким-либо по сему делу присудственным местом произведено будет с меня взыскание показываемых Локотниковым 900 р. денег, то и при получении из Комитета моей собственности благонадежных поручителей в ответствование за меня на случай моей несостоятельности имею".

То есть она вполне логично просила вернуть ей собственность до решения суда, ссылаясь на авторитетных поручителей. Комитет отреагировал предсказуемо. Отвечая 24 июля 1815 года Кобле по поводу полученного тем прошения, пишут о том, что такая-то, "промышляющая постыдным и противным благонравию ремеслом, содержа развратных женщин и других ей надобных, кои, насколько можно видеть в деле о Локотникове, придали способов сему преступнику растратить украденную им казенную сумму и, быть может, что были и самою причиною покуситься на злодеяние, родив в нем посредством разврата нужды в деньгах". Поэтому находят невозможным вернуть конфискованное имущество до разрешения дела. Разумеется, опосредованно причастные к делу Локотникова и материально пострадавшие фигуранты принялись подавать прошения по инстанциям. В связи с жалобами сюжет привлек внимание высшей администрации, в частности, небезосновательно обратившей внимание на халатность почтовых чиновников. Странно, что впоследствии не было вынесено никакого дисциплинарного определения и в адрес самого Комитета.

Пока раскрутился тяжелый маховик бюрократической машины, минуло чуть ли не пять лет! И только 26 января 1820 года в Комитете слушали постановление Правительствующего Сената по делу Локотникова. Главный обвиняемый сего решения так и не дождался: в комитетских журна-

лах, относящихся к этому времени, он значится просто умершим — естественна ли была его кончина, покончил ли он с собой, неизвестно. Ясно лишь то, что смерть его произошла еще до сенатского постановления, ибо в противном случае оно включало бы и приговор самому Локотникову.

Столичные моралисты яростно отыгрались на живых. Успевшая к тому времени вступить в брак мещанка Шейндля была уже не Лейбовой, а Слушаевой, что не спасло ее от начета в 1.100 рублей, то есть существенно больше, чем она получила из рук покойного канцеляриста. Правда, ей вернули опечатанные все эти годы часы и жемчуг. Были также назначены следующие взыскания: со шляхтянки Магдалины Тарновской — 650 рублей, с болгарина Топалова — 250, со шляхтянки Макушинской — 100, с немца Пурио — 80, с десятского Соломона Гершковича — 50, с грека Бани — 50, с двух десятских — Лемошко и Цудика — 15 рублей, "потому что они, видев Локотникова, молодого человека и должностью обязанного, издерживающего деньги мотовски для распутно с ним жившей девки, должны были от сего его отвратить".

Легко счесть: все эти штрафы и близко не покрывают утраченную казенную сумму. В таковой ситуации Сенат положил взыскать недостающую разницу с одесского почтмейстера Худобашева — да-да, того самого, Артемия Макарьевича, члена Бессарабской конторы иностранных поселенцев, хорошего пушкинского знакомого. Здесь, конечно, уместно говорить о халатности: при выдаче столь крупной суммы расписка получателя действительно не была надлежащим образом сверена. При таком начете почтмейстер мог буквально остаться без штанов, а потому, вполне сознавая и свою вину, Комитет компенсировал основную часть дефицита, 3.075 рублей, от лица своего казначея, одного из самых состоятельных людей в Одессе, сподвижника герцога Ришелье барона Жана Рено, многократно помогавшего городу в разных ситуациях, и тем спас свою репутацию.

Казалось бы, вопрос исчерпан и черпак выброшен. Не тут-то было. Проходит еще два с половиной года, и 18 июня 1823 года Комитет снова не может свести дебет с кредитом. Как выяснилось, не всех лиц, на которых наложили денежные взыскания, удалось отыскать. Покинули Одессу либо сознательно скрывались: болгарин Топалов, грек Бани, десятские Лемошко и Цудик, в связи с чем полиции поставили на вид. Что касается Худобашева, то в случае, если бы поименованные особы рассчитались, то за ним оставалось бы 712 рублей 15 копеек, в противном случае ему пришлось бы рассчитываться сполна. В помощь следствию вновь привлекли всезнайку Соломона Гершковича, но результат мне пока неведом —

во всяком случае, в комитетских журналах ближайшего к этой истории времени я больше не нашел упоминаний о деле Локотникова.

Знаете, что скажу вам напоследок: мне чертовски жаль этого безымянного, по сути, Локотникова. Представьте себе безнадежно сидящего в "чижовке" при городской полиции молодого легкомысленного человека, лишенного какого бы то ни было будущего, никому не нужного, даже освобожденной им даме сердца, ради которой пожертвовал он честью и самою жизнью. Условия содержания ужасающие — острог в "большой крепости" ликвидирован после ее присоединения к карантину, новый тюремный замок построен лишь десять лет спустя, тюремный дом при полиции не обустроен и переполнен Бог весь каким сбродом. Ни малейшего просвета, оправдания не будет никогда, жизнь загублена.

Мы не только не узнаем, при каких обстоятельствах он перешел в мир иной, но даже места захоронения. Известно, что гораздо позднее умерших или казненных в тюремном замке погребали на Скаковом поле или на Карантинном кладбище. Но в 1810-е годы не было еще означенного поля, а кладбище в карантине использовалось по особому статусу. Скорее всего, Локотникова наскоро зарыли где-то на периферии Старого городского кладбища, которое в тот период было лишено даже элементарного забора. Теперь, впрочем, только забор и остался. Да и тот в единичных фрагментах.

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

Чары Диониса и казнь царя Скила
Гипотеза

"Судьбою определено было ему погибнуть..."
Геродот, 4, 79

"Неподобно измышлять такого бога, который приводил бы людей в бешенство"

В VI-III вв. до н. э. на месте нынешней Одессы находился крупный и богатый античный город Борисфен (Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 94-128; Добролюбский, 2004: 82-89; Добролюбский, 2006: 24-43 и др). В V в. он размещался едва ли не в самом центре владений скифских царей и являлся одной из их излюбленных резиденций. В середине V в. Борисфен, или "торжище борисфенитов", посетил "отец истории" Геродот. Четвертая книга его исторического труда под названием "Мельпомена" представляет собой описание Скифии и сочинена именно здесь.

С конца VI в. до н. э., после разгрома скифами армий персидского царя Дария, скифы резко усиливаются и активизируются. Греческие города Причерноморья оказываются все в большей зависимости от них. Одним из таких городов был Борисфен. В его истории наступает эпоха "варварского протектората" (Виноградов, 1989: 81-109).

Одним из скифских "царей-протекторов" был Скил, который правил примерно в 60-50 гг. V в. до н. э. Около 450 г. Скил был свергнут, а затем и казнен за участие в дионисийских оргиях и мистериях, которые проводились в Борисфене. Современные историки полагают, что такое участие являлось всего лишь поводом для переворота — истинной причиной были династические распри и борьба за власть в Скифском царстве. Однако, видимо, повод был настолько существенен, что привел к казни царя его сводным братом Октамасадом, который и захватил власть.

Эти факты нам известны лишь из одного источника — книги Геродота. Он сообщает, в частности, сведения о воспитании и происхождении Скила, а также об эллинском стиле его поведения. Обратимся к "Мельпомене".

По свидетельству Геродота, Скил (между прочими сыновьями) был сыном скифского царя Ариапифа и истрианки, которая сама "научила его эллинскому языку и наукам". "Царствуя над скифами, Скил никак не любил скифского образа жизни и склонялся больше к эллинским обычаям по при-

чине данного ему воспитания. Почему и поступал он таким образом: всякий раз как входил он со скифским войском в город борисфенитов... войско оставлял он в предместье города, а сам входил в город, запирал ворота и, скинув с себя скифскую одежду, надевал эллинскую и в ней ходил по торжищу без оруженосцев и без всякого спутника, а у городских ворот ставил стражу, чтобы кто из скифов не увидел его в сем наряде; равным образом и в прочем он держался эллинских обычаев и богам приносил жертвы по уставам эллинов. Проведя там месяц или более, он возвращался назад, опять надевши скифское платье. Это делал он многократно, и даже дом себе построил на Борисфене, и жену в него взял из тамошних уроженок" (Геродот, 4. 78).

"...Он пожелал посвятиться в таинства Диониса Вакха, но когда уже готовилось посвящение, то последовало величайшее чудо: был у него в городе борисфенитов, как недавно мной упомянуто, большой дом с богатым двором, вокруг которого поставлены были сфинксы и грифы из белого камня, и на этот то дом бог пустил стрелу, и весь он сгорел. Несмотря на то, Скил свершил обряд посвящения своего. А надобно знать, что скифы вменяют эллинам в стыд их вакхические празднества, ибо, говорят они, неподобно измышлять такого бога, который приводил бы людей в бешенство".

"И вот, когда Скил посвятился Вакху*, некто из борисфенитов обратился к скифам с такой насмешкою: "Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы празднуем Вакху и что бог сей нас обуревает; но вот сей бог обуял и вашего царя, и он празднует Вакху и безумствует в боге; если мне не верите, ступайте за мной, и я вам это покажу". Начальники скифские пошли за борисфенитом, и он тайно ввел их в терем; когда же явился Скил с хороводом, и они его увидели, празднующего Вакху, то пришли в великое негодование и, ушед, объявили виденное ими всему войску..." (Геродот, 4, 79).

Игра с Судьбой — "культурный героизм" дионисийства

Поведение Скила, который, несмотря на божественное предупреждение (сгоревший дом в Борисфене), упомянутое Геродотом, совершает обряд посвящения Вакху, выглядит загадочным. Такая загадка может решаться в туманной области культурно-психологической герменевтики,

* Приобщение к "таинствам Вакха" происходило постепенно. Сначала претенденты, участники мистерии (мисты) подвергались предварительному очищению, затем приступали к первой стадии посвящения. Высшей же ступени достигали не все мисты; она включала полное созерцание Диониса, которое, как считали, доставляло высшее блаженство. Поэтому таких мистов называли *эпоптами — созерцателями*. Посвящение от низшей ступени до высшей, согласно священным законам, занимало более года (Скржинская, 2009: 72-85).

ибо герменевтика (*hermeneutikos* — разъясняющий, истолковывающий) — это "искусство интерпретации всех зафиксированных проявлений жизни". Или, точнее, — "искусство постижения чужой индивидуальности, вписанной в смысловое поле текста, — как "второй", "задний" план, как подтекст (Кузнецов, 1991: 3-11).

Совершенно ясно, что новелла Геродота о Скиле записана в соответствующей историко-культурной обстановке своего времен и может быть удовлетворительно объяснима лишь в конкретном тогдашнем культурном контексте. Развитие же любой культуры есть определенное изменение во времени некоего "порогового смысла", которое направлено к идеалу — условной "цели" культуры. "Цель" культуры задается традицией, которая этим определяет смысл культуры и дает ему соответствующее имя. Имя — "видимая" для нас цель, зная его, мы получаем культурный код к расшифровке заданных традицией культурных смыслов (Ткачук, 1996: 131-173). Разумеется, поиск этих смыслов возможен лишь в рамках соответствующей культурной традиции. В нашем случае известно имя и видимая цель Скила — "вакханалия", или же "постижение таинств Вакха". И мы знаем культурную традицию, в лоне которой они возникли, — древнегреческая мифология. Остается выяснить его смысл, который был задан "культурным героем" дионисийства — царем Скилом.

При такой постановке вопроса наша проблематика акцентируется на изучении "археологии личности" самого Скила. Это значит, что нам предстоит выяснить его жизненные идеалы и цели. Увидев их, мы можем узнать и смысл его жизни и поступков.

Изучение "археологии личности" предусматривает "постижение чужой индивидуальности". Это — психологическая герменевтика, определяемая также как "методология вчувствования" (выражение Бл. Августина) (Кузнецов, 1991: 15-24). Принципы такой "методологии" разработаны американским психологом Эриком Берном, который составил типологию человеческих судеб и взаимоотношений (Берн, 2004). Развитие любой личности (как и культуры. — **А. Д.**) изменяется во времени по установленному "сценарию" ("смыслу"), а также задается "родительской средой" ("традицией"). Сценарий направлен на достижение жизненных целей и идеалов. Существуют три основных типа жизненных сценариев — "победителя", "непобедителя" и "неудачника", которые программируют все жизненное поведение. "Победителем", с этой точки зрения, может считаться человек, который решил достичь в своей жизни определенной цели (идеала) и, в конечном счете, добился своего.

Другой стороной концепции Э. Берна является "теория игр", которая дает надежный герменевтический инструмент для изучения подтекстов человеческих взаимоотношений. Эта теория хорошо согласуется со вполне респектабельной концепцией Й. Хейзинги о сущности игры как источника культуры (Хейзинга, 1992). Изучение поведения исторических персонажей с позиций "игрового подхода" позволяет увидеть "археологию" их взаимоотношений. Например, очевидно, что такие отношения, которые сложились у Скила с другими скифами, именуются игрой в "Полицейские и воры". Так, Скил еще в детстве (эллинское воспитание) принимает роль "вора" на всю жизнь и для этого избирает свой *modus operandi* (способ действий), приводящий к его поимке, — он систематически следует эллинским обычаям, скрывая этот факт лишь декоративно. Последнее означает, что он желал быть пойманным. Тем самым он сознательно облегчает работу "полицейского" (скифы). Поскольку такая смертельно опасная игра составляет главный интерес в жизни Скила, то можно определить его как человека, играющего со своей Судьбой (Берн: 2004: 129-134).

Сказанное дает нам основания для "археологической" реконструкции любых типов личности — достаточно установить "родительскую среду" (традицию) и "сценарий" (смысл), чтобы понять заданную цель (идеал). А также и "рецепты" для понимания характеров "игроков". Остается попытаться рассмотреть с этой точки зрения жизнь Скила и попытаться применить упомянутую "методологию вчувствования". Ключ к смыслу обряда "приобщения к таинствам Диониса" нужно искать в области жизненного "сценария" Скила ("сценария на всю жизнь"). Если таковое приобщение — участие в вакханалии — и являлось смыслом жизни Скила, то по своим психологическим установкам он — несомненный "победитель". И владение скифским троном имело для него вторичное значение. Совершая обряд приобщения, он как бы распрощался с царским саном, а вместе с ним и с жизнью. Но если обладание и сохранение царского сана было смыслом его существования, то Скил — "неудачник".

Логика психологического постижения поведения Скила в этом смысле глубоко "археологична" — она предполагает воссоздание его мотивов по неявным, "подтекстовым" признакам. Хочется надеяться, что предлагаемый "герменевтический" подход позволит хоть отчасти компенсировать как недостаток конкретных документальных сведений о Скиле, так и некоторую искаженность восприятия нашего "культурного героя" последующей исторической традицией.

"Просьба" перстня и "(собственность) Скила"

Текст Геродота известен историкам много веков. Поскольку это — единственный письменный источник о Скиле, то выражались сомнения в историчности этого скифского царя*. Между тем в Добрудже, к югу от Истрии, лишь в середине 1930-х гг. был найден золотой перстень, на котором написано, что он принадлежит Скилу. Его подробное, обстоятельное и, пожалуй, исчерпывающее описание сделано Ю.Г. Виноградовым (Виноградов, 1980: 92-109), который в своей интерпретации использует едва ли не все имеющиеся аналогии этому изделию. Ныне местонахождение перстня не известно. Тем не менее, большинство специалистов считают его подлинным, несмотря на то, что никто его не видел после второй мировой войны.

Отметим лишь интересующие нас детали. Перстень представляет собой золотое кольцо-печать, уплощенная дужка которого монолитно переходит в овальный щиток. По щитку глубокой гравировкой вырезано изображение сидящей на троне человеческой фигуры в женском платье, обращенной влево; ноги ее покоятся на невысокой скамеечке. Человек, одетый в платье, довольно плотно его облегающее, держит в правой руке крупное круглое зеркало с валиком по краю. Ручка зеркала округла, подана с легким смещением. В левой руке — плохо различимый на фотографии предмет, по всей видимости, невысокий жезл или скипетр, украшенный стилизованным навершием. Слева от изображения глубоко врезана надпись, которая переводится как "(собственность) Скила". Надпись датируется второй четвертью V в. до н. э., что совпадает со временем правления этого скифского царя. Такая датировка с учетом семантики изображения, а также места находки, прекрасно вписывающегося в контекст предания о происхождении и печальном конце Скила, позволяет считать перстень личной печатью этого скифского владыки.

Перстень имеет и вторую надпись, занимавшую все свободное пространство уплощенного бока шинки. Она в переводе читается как "вели

* В недавние годы в Никонии были найдены монеты с именем Скила, что лишний раз подтверждает его историчность (Загинайло, Карышковский, 1990: 3-15). Изображение совы на монетах — афинской символики — указывает на политическую ориентацию Скила на Афины, причем именно в те годы, когда завершалось формирование Афинского морского союза. Это может означать, что вакханалии Скила в Борисфене происходили несколько дней в феврале-марте и были приурочены к празднованию Великих Дионисий в Афинах (Скржинская, 2009: 10-11).

Перстень царя Скила

быть (мне) при Арготе!". Обращение перстня, то есть самого "говорящего объекта", — обычная формула архаических надписей. Она датируется рубежом VI-V вв., не позже самого начала V в. до н. э. Это делает ее старше легенды "(собственность) Скила" минимум на 30, а максимум на 50 лет. Это же позволяет полагать, что перстень был получен Скилом по наследству (прямо или опосредованно) от близкого родственника или предка по имени Аргот. Семантика же перстня заложена не в самом кольце, а в его печати: человек, скреплявший своей печатью государственные документы, обладал тем самым реальной властью, которая могла с вещью-символом передаваться по наследству.

Сам факт "обращения" царской печати к Арготу с "просьбой" быть ее владельцем показывает, что Аргот был скифским царем. Сроки его царствования условно помещаются в 510-490 гг. (дата перстня). Это означает, что после царя Иданфирса — победителя персов — непрерывная цепочка династического родства по линии "отец — сын" или, реже, от брата к брату, оборвалась с появлением на политической арене представителей новой династии — Аргота. Приказав вырезать на своем перстне такую надпись, он стремился прокламировать легитимность своей власти, полученной свыше. Тем же вызвано и решение Скила снабдить перешедший ему от предка перстень-печать своей сигнатурой с целью доказать легитимность своего сана, по крайней мере, в третьем колене. Тогда, следуя упомянутым принципам наследования власти у скифов, Аргота можно представить дедом Скила (Виноградов, 1980: 105-106).

Все это очень разумно. Но кто же изображен на щитке перстня как символ и гарант этой легитимности, "полученной свыше"?

Прорисовка перстня царя Скила

Ряд специалистов, занимавшихся этим вопросом, видят в персоне с зеркалом, сидящей на троне, скифскую богиню Аргимпасу, которая, согласно Геродоту (4, 59), тождественна греческой Афродите Урании, и входила в так называемый третий разряд богов семибожного скифского пантеона. Этимология ее имени неясна. Аргимпаса трактуется как божество, олицетворяющее богатства материального мира (см. об этом: Виноградов, 1980: 101-102). С ее культом связан институт женоподобных гадателей-энареев (Геродот, 1 105; 4, 67).

Кто такие энареи — никто толком не знает. Геродот (I, 105) рассказывая о разграблении святилища Небесной Афродиты в Аскалоне во время скифского набега на Сирию, добавляет: "На тех скифов, которые ограбили Аскалонский храм, и на все потомство их божество ниспослало женскую болезнь, так что скифы говорят, что они болеют вследствие этого поступка, и что посещающие скифскую землю иностранцы видят, в каком положении находятся у них больные, которых называют энареями.

Псевдо-Гиппократ утверждает, что "этой болезни подвержены скифские богачи — не люди самого низкого происхождения, а напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом", и ее причина "заключается в верховой езде". Аристотель полагает, что она была распространена среди скифских царей. Климент Александрийский называет легендарного царевича Анахарсиса "как человека, который сам сделался женоподобным в Элладе и стал учителем женской болезни для прочих скифов". Известно, что Анахарсис совершал обряд самооскопления в честь Кибелы и был за это убит. В таком случае, и энареи должны были быть скопцами.

Существует также мнение, что "женская болезнь" — результат сифилиса, которым якобы заразились скифы у гиеродул храма Афродиты. Не менее странна точка зрения, что "женская болезнь" у скифов — социальное или профессиональное заболевание — следствие имущественного неравенства. Впрочем, не исключено, что мы имеем дело с трансвестизмом или с кувадой* (см. об этом: Хазанов, 1975: 89, 168-170).

Вернемся к фигуре на перстне. Другие специалисты видят в особе на троне иную скифскую богиню — Табити, которая в скифской мифологии почиталась более всех прочих, и (в единственном числе) представляла первый из трех разрядов семибожного пантеона (Нейхардт, 1982: 186-188). Она отождествлялась с греческой Гестией (Геродот, 4, 59), которая была родной сестрой Зевса. Имя трактуется как "согревающая", или "пламенная". Табити интерпретируют обычно как богиню домашнего очага и как божество огня во всех его проявлениях. Геродот (4, 68) указывает на существование некоего множества "царских Гестий", клятва которыми является высшей клятвой у скифов. Он именует Табити "царицей скифов" (Геродот 4, 127), что указывает на ее роль супруги царя. Не исключено, что у скифов существовал ритуал символического бракосочетания царя с Табити, призванный подтвердить сакральный характер царской власти.

Если признать, что поиск аналогий — это одно из методических правил герменевтики, то аналогии изображениям сидящей на троне богине с зеркалом имеются на считанных золотых бляшках и пластинах, найденных в степных курганах. Впрочем, эти аналогии могут оказаться и надуманными. Ибо обычно перед богиней находится герой, пьющий из ритона: на бляшках — стоящий юноша, на пластине — коленопреклоненный бородатый мужчина. В этих изображениях усматривается сцена обряда

* Кувада (франц. *couvade*, высиживание яиц), обрядовая симуляция отцом родового акта при рождении ребенка. Известна у многих народов.

Процессия в честь Диониса

бракосочетания Табити с родоначальником скифов Колаксаем, равно как и заступающим его место земным воплощением — скифским царем. На этом основании было предложено считать, что на перстне Скила, где мужской персонаж отсутствует, он как бы подразумевается в лице обладателя перстня (Курочкин, 1989).

Как бы там ни было, прямых аналогий изображению на перстне Скила не найдено. Отметим, что в искусстве Древней Греции фигура богини с зеркалом никогда не встречается в сочетании со сценой возлияния. Они имеются лишь в индоиранском мире.

В связи с этими трактовками остается непонятным, какое отношение может иметь "третьеразрядная" Аргимпаса к перстню Скила — она по своему статусу никак не могла утверждать сакральность царской власти*. Впрочем, такое право могла иметь "перворазрядная" Табити. Но неясно, как Табити могла сочетаться с выраженной эллинской ментальностью Скила, и, видимо, самого Аргота. Надо полагать, изображение на перстне неминуемо должно эту ментальность символизировать. Это означает, что изображение на перстне значило для Скила нечто очень личное и существенное, в его символике содержался особый, известный только ему смысл.

* Если на перстне изображена Аргимпаса, то ее женский головной убор должен иметь коническую форму, как это принято у скифской знати: башлыкообразный или "фригийский" колпак из войлока или кожи; наверняка он был расшит золотыми бляшками и драгоценностями (Клочко, 1982: 249). На перстне же изображен венок.

И этот смысл, который оказался ему дороже царской власти и самой жизни, нам хорошо известен — это приобщение к таинствам Диониса-Вакха. В таком случае, на перстне должен быть изображен сам Дионис. Именно его молит Аргот не только не разлучать его с перстнем, но просит распространить его волю на сохранение при нем на веки вечные царской власти, идея которой материализована в самом объекте — инсигнии. А Скил, полностью разделяя в этом смысле ментальность своего деда, своей собственной инсигнией подтвердил свою к ней причастность.

Дионис одет в женское платье. Это может показаться странным, если воспринимать его образ лишь как веселого и могучего бога вина, который дает людям силы, радость и плодородие, который только и делает, что учит людей разводить виноград под руководством своего мудрого учителя Силена. Он ходит по всему свету, окружен заботливыми сатирами и веселыми танцующими менадами в венках. Такой образ создан потоком популярной литературы и ее многочисленными переизданиями (напр.: Кун, 1955: 75). Но из литературы куда менее популярной (напр.: Грейвс, 1992: 73-86) известно, что дочь Зевса Персефона, которая была матерью Диониса-Загрея* и которой Зевс поручил присматривать за ребенком, передала его жене царя Афаманта Ино, внушив ей, что ребенка следует растить на женской половине, переодетым в девочку. Затем его превратили в козленка, оскопили и снова передали на женское воспитание нимфам. Они и вырастили Вакха, наряжая его в девичьи платья. Дионис часто переодевается в женское платье и даже принимает женский образ. А это — ключ к разгадке его поведения и изображения на перстне.

Лукиан в "Разговорах богов" пишет, что Гера стыдит Зевса за Диониса: "Мне было бы стыдно, Зевс, если бы у меня был сын такой женоподобный, преданный пьянству, щеголяющий в женской головной повязке, постоянно блуждающий в обществе сумасшедших женщин, превосходящий их своей изнеженностью и пляшущий с ними под звуки тимпанов, флейт и кимвалов; вообще он похож на кого угодно, только не на тебя, своего отца" (Лукиан, 1962: 69).

Воспитанный как девочка, оскопленный Дионис ощущал себя женщиной. А это уже — типичный транссексуализм. Он связан с идеализацией всего женского, а неспособность вернуть собственный фаллос — с желанием лишить его всех мужчин. Дионис основывает в Фивах оргиастические мистерии*, делая участницами этих мистерий только

* Загрей — бог, идентичный Дионису (Грейвс, с. 876).

женщин, менад, или вакханок. В пирах на горе Киферон, бродя по горам, они, отрицая мужское, разрывали на части животных и мужчин (Афанасьева, 2009).

Некоторых из вакханок Дионис приглашал принять участие в оргиях в образе девушки. С женщинами, не желающими принимать участия в оргиях, Дионис жестоко расправлялся, неся повсюду чудовищное веселье и разрушение. Долгое время в память о мистериях Диониса в Орхомене проводили праздник "побуждение к дикости" (MHM, 1:380-382).

Панорама божественной сексуальности

Попытки понять популярность почитаний Диониса были бы немыслимы вне связи этих культов с нормативами всей греческой культуры, которая базировалась на мифологии. Поведение богов и героев естественно становилось эталонным для всех смертных, особенно для высших слоев общества. Это было единственным способом приобщения к божественному.

Ритуалы оскопления имеют свои глубокие корни в обычаях так называемого "укрощения фаллоса". Эти обычаи, порожденные процедурами инициаций, были широко распространены едва ли не у всех древних народов и нашли свое отражение в церемониях всех первых цивилизаций древности. Они были тесно связаны с традициями трансвестизма, транссексуализма и гомосексуализма, а потому чрезвычайно многообразны (см. об этом: Лобок, 1997: 196-206).

На Востоке, в Греции и Риме были распространены скопческие культы, в которых физическое отсутствие фаллоса провоцировало страсть к фаллическому у другого. Чудовищные отправления скопческой гомосексуальной страсти к полноценному мужчине жрецами Исиды описаны, например, в "Метаморфозах" Апулея. Кастрация была символом крайнего гомосексуализма. Светоний в "Двенадцати цезарях" писал, что Нерон оскопил любимого им юношу и жил с ним как с женщиной.

Культы, предполагавшие ритуальное оскопление, имели широкое распространение в Передней Азии и обычно были характерны для культа ве-

* Наименование мистерий, произведенное от глагола *μυειν* (*закрывать, смыкать*), указывает на тайный характер ритуалов, о которых запрещалось рассказывать непосвященным. В единственном числе слово *μυστηριον* имело значение *тайна*, а во множественном *μυστηρια — празднество*, доступное посвященным в него, которых называли мистами. Слово *оргия* (*'εργον — дело*), сначала означало только совершение определенного священнодействия, а затем получило смысл праздничного действа, участники которого приходили в состояние возбуждения и экстаза (Скржинская, 2009:72).

ликих богинь (Астарты-Афродиты, Артемиды Эфесской — восточной многогрудой богини с греческим именем). Например, в Иераполисе (Сирия), центре культа Астарты, жрецы-евнухи приводили себя в исступленное состояние, после чего под бой барабанов и звуки флейт начинали наносить себе раны. Верующие поддавались этому экстатическому исступлению, скидывали одежды и принимались оскоплять себя специально приготовленными орудиями. После этого новый скопец богини бежал через весь город с отрезанными гениталиями в руке и, наконец, бросал их в один из домов, его жители должны были дать скопцу украшения и женскую одежду, которые тот носил до конца жизни.

В греческой мифологии подобные культы более всего связаны с Кибелой (МНМ, 1: 321-325, 647), богиней фригийского происхождения, близкой по своим функциям богине Рее и иногда отождествлявшейся с ней. Они являются олицетворением регулирующего, упорядочивающего стихийные природные силы начала. Одно из ее имен — Великая мать богов. Она — владычица гор, лесов и зверей, регулирующая их неиссякаемое плодородие. Культ Кибелы был оргиастическим по своему характеру, однако одновременно он связывался с аскетическим самоограничением, нашедшим отражение в сюжете об оскоплении Аттиса; в целом это подчеркивает общую символику ее образа. Богиня Кибела требует от своих служителей полного подчинения ей, забвения себя в безумном восторге и экстазе, когда жрецы Кибелы наносят друг другу кровавые раны или когда неофиты оскопляют себя во имя Кибелы, уходя из мира обыденной жизни и предавая себя в руки мрачной и страшной богини.

При этом новопосвященные жрецы бросали отрезанные гениталии в статую Кибелы. Затем отрезанные органы погребали в земле храма Кибелы. По окончании этих экстатических ритуалов статуэтку Аттиса отвязывали от дерева и хоронили в земле.

Культы самого Аттиса также тесно связаны с традициями гомосексуализма, трансвестизма, транссексуализма и оскопления, которые со временем органично переходят в культы Диониса.

В горной местности Зевс находит Кибелу, свою мать, спящей и, влекомый к ней кровосмесительной похотью, пытается овладеть ею. Зевсу это не удается, и он с горя изливает свое семя на горный камень. Этот камень зачинает ребенка и рождает андрогина Агдистис (Агдестис), существо мужеженской природы, наделенное гигантской силой и безграничным вожделением к обоим полам. Бесчинства Агдистис вызывают беспокойство богов, и те посылают на землю Вакха Либера (видимо, Диониса Лиэя, Освободи-

теля, который сам мог отождествляться с Аттисом). Вакх Либер наполняет вином источник, к которому ходит на водопой Агдистис. Последний напивается вина и засыпает. Вакх обвязывает его гениталии петлей из тончайшего и острейшего волоса, а другой конец привязывает к его ноге. Агдистис просыпается и дергает ногой, оскопляя сам себя. Таким образом, Агдистиса лишают мужского пола, и он остается только женщиной, второй (земной) Кибелой. Капли крови Агдистис питают землю, и из нее вырастает цветущее миндальное дерево. Нимфа Нана сорвала цветущую ветку и положила ее к себе за пазуху. От этого нимфа забеременела и родила младенца Аттиса, носителя обособившегося от Агдистис ее мужского пола. Нимфа бросает новорожденного Аттиса, и его вскармливает коза. Он стал юношей прекрасным, как бог. Его увидела земная Кибела, женщина-Агдистис, и влюбилась в него. Но родственники Аттиса сосватали его за царскую дочь из Пессинута и отправили юношу к ней. Во время брачного пира в чертоги врывается Кибела-Агдистис. Ужас обуревает всех гостей, и они впадают в исступление. Царь-отец оскопляется, невеста отрезает свои груди. Обезумевший Аттис бежит в лес и тоже оскопляется, с криком осуждения бросая отсеченные гениталии к ногам Агдистис, после чего умирает, истекая кровью. Из крови Аттиса вырастают цветы и деревья. Терзаемая раскаянием Кибела-Агдистис умоляет Зевса воскресить Аттиса и сделать его вечно юным и нетленным. Воскресший Аттис вместе с Агдистис возносятся на небеса (Мережковский, 4: 77-78; 5: 35; МНМ, 1: 123-124).

Но Аттис впоследствии горько скорбел о своем поступке, совершенном в безумии.. Его чувства описал впоследствии Катулл:

"...Подстрекаемый яростью в сердце, с неясным умом,
Оскопил он себя острием камня в диком порыве...
...И теперь мне стать служанкой, стать Кибелы верной рабой!
Стать Менадой, стать калекой, стать бесплодным,
бедным скопцом!.."

Аттис проклинает Кибелу (цит. по: Скржинская, 2009: 107):

"Пусть я пребуду в отдалении от твоих чудовищных тайн
И пусть твой ужас и безумие опьяняют других".

(Катулл, "Аттис")

Очевидно, здесь следовало бы определиться в терминах и понятиях. Трансвестизм (*транс...* + лат. *vestio* — *одевать*; синоним — *травестизм*) — это стремление к переодеванию в одежду противоположного пола. Длительное время его связывали исключительно с гомосексуализмом, причем активным у женщин и пассивным у мужчин. Поэтому в странах, где гомо-

сексуализм преследовался по закону, трансвестизм считался аморальным и преступным явлением. Еще в Пятой книге Моисея говорилось: "Женщина не должна носить мужское снаряжение, а мужчина не должен одеваться в женское платье. Тот, кто совершит подобное, противен Господу". Известно, что в 1411 г. по приказу англичан была сожжена на костре Жанна д'Арк, а в числе предъявленных ей на суде обвинений фигурировало и ношение мужского платья.

Ясно, что мотивы ношения одежды противоположного пола могут быть совершенно различными. При истинном трансвестизме переодевание в одежду другого пола вызывает сексуальное наслаждение, например, сильное половое возбуждение у мужчины при надевании женского белья, платья, чулок и т. п. Переодевание нередко сочетается с разглядыванием себя в зеркале (как и в случае с Дионисом на перстне) и онанизмом. Такой вариант трансвестизма фактически является разновидностью фетишизма, поскольку половое удовлетворение у таких субъектов тесно связано с возможностью завладеть предметами одежды противоположного пола и пользования ими.

При транссексуализме мужчины и женщины с детских лет ощущают свою принадлежность другому полу. Поэтому они считают совершенно естественным постоянное ношение одежды того пола, который соответствует их самоощущению. Наряду с переодеванием транссексуалы всегда стремятся соответствующим образом изменить и свою внешность.

Если гомосексуализм в монотеистических религиях тождественен греху, пороку, извращению, то политеистические культуры, как восточные, так и греко-римская, содержат многочисленные представления о естественности, особой красоте и даже сакральности гомосексуальных отношений. В греческой мифологии гомосексуализм снимает противопоставление мужского и женского, превращает сексуальные отношения из биполярных во множественные. Для не имевших представления о грехе древних греков гомосексуализм символизирует перемены, метаморфозы и рождение нового (Афанасьева, 2009).

Поэтому все эти культы для греческой мифологии были совершенно естественными и свойственны едва ли не всем богам и героям. Изначально гомосексуализм тесно связан с актом изъятия мужского начала у верховного божества — оскоплением, с выравниванием, а не противопоставлением мужского и женского, с нивелированием разницы между полами. Известно, что на этапе сотворения греческого пантеона богов

в борьбе за власть над миром бог времени Кронос оскопил серпом своего отца, бога неба Урана, пролив его кровь и семя на землю и бросив его гениталии в Океан. С тех пор Уран, являясь символом неземного, небесного, воздушного, одновременно является и символом потерянного мужского, неизбежной гомосексуальности. Одним из первых названий гомосексуалистов было "уранинги". Уран свергнут, но оставляет своим наследникам вечный страх потери мужественности, и как следствие этого — потери власти.

Так образом, по своему архетипу Уран — это психический или физический кастрат. Полное вынужденное отсутствие мужественности (кастрация) неизбежно приводит его к пассивному гомосексуализму. Из спермы кастрированного Урана-Кроноса выросли Эринии, Гиганты и Мелии, а упав в морскую пену, она породила Афродиту Уранию.

В сущности, разница между кастрацией и оскоплением весьма ситуативна и условна. Оскоплением принято называть удаление яичек вместе с пенисом. Это приводит к принципиальной невозможности совершить половой акт. При кастрации же удаляются лишь половые железы, что приводит лишь к невозможности иметь потомство. Впоследствии у религиозных сектантов также наблюдается терминологическая разница между ними: "малая печать" — удаление яичек, и "большая" — яичек и полового члена. Впрочем, ныне эти понятия синонимичны в научном и бытовом обиходе.

Римляне также различали "белую" и "черную" кастрацию. При "черной" кастрации удаляются и семенники, и пенис. При "белой" кастрации у мальчика или у мужчины вырезаются только семенники. Увечье это отнимает способность к оплодотворению, но не мешает заниматься сексом.

В античные времена эти процедуры осуществлялись и путем самооскопления. Орудия оскопления — чаще всего серп, заостренный "самосский" черепок или камень, а для особо изысканных персон — секира и тонкий острый волос.

Среди причин мужской гомосексуальности с определенностью выделяются боязнь кастрации, зачарованность матерью, соперничество с отцом, психические травмы, перенесенные в детстве, женское воспитание, нарциссизм (Афанасьева, 2009). Так известно, что Зевс славился своей неумеренной сексуальностью. Воспоминания об оскоплении его деда Урана и скопящем топорике сверженного им отца Кроноса приводят у Зевса к подсознательному страху потерять фаллос и как следствие преувеличению его значения. Зевс, как и многие другие герои мифов, зачарован своей

матерью Реей, священным деревом которой являлся дуб, символ фаллического. Именно она помогла Зевсу победить серпоносного отца, стать верховным богом. Рея же, видя его похотливость, запретила ему. Этот фатальный материнский запрет остался в веках, предопределив сексуальные проблемы огромного числа мужчин.

Желая утвердиться и преодолеть материнские чары, Зевс, превратившись в змея, изнасиловал собственную мать. Победа над матерью, превратившая Зевса в мужчину, толкает его на многочисленные сексуальные подвиги. Ему, решившемуся на инцест, дозволенным становится все. Зевс строит отношения со многими самыми прекрасными богинями и женщинами, в числе которых была его жена и одновременно сестра-близнец Гера, Фемида, Эвринома, Мнемозина, Стикс, Лета, Даная, Европа, Алкмена и Медея, и имеет многочисленных детей, но не удовлетворяется этим. Его отношения с женой Герой ужасны, это порочный круг предательств, обид, ссор. Концентрация Зевса на матери и отождествление себя с ней провоцирует у Зевса поиск "послушного мальчика", отношения с которым повторяют его собственные отношения с Реей. В результате он вступает в гомосексуальную связь с юношей Ганимедом.

А брат Зевса Посейдон, тоже принимавший участие в свержении отца, подвержен страху потери мужественности. В длинную цепь его сексуальных экспериментов включается прекрасный юный Пелоп, сын Тантала, оживленный, после того как отец убил его и приготовил из него лакомое блюдо, поданное на пире олимпийским богам. Посейдон влюбился в него, назначив своим виночерпием и постельничим, первым из богов и людей познав радости гомосексуальной любви.

Свой мужской архетип сексуальности Зевс по наследству передает своему сыну, критскому царю Миносу, избалованному женской любовью, но поссорившемуся с братьями из-за страсти к прекрасному мальчику Милету. К этому же архетипу относились Нерон, Калигула, Тиберий.

Геракл был также гомосексуалистом и трансвеститом, зачарованным матерью. Приложенный в детстве к груди Геры, Геракл замещает ею мать и всю жизнь стремится к ней. Его поиск фаллического, обретение себя — это путь к жестокой отвергающей его матери, с которой он, наконец, воссоединяется, вторично родившись. Так же, как и многие другие гомосексуальные мужские типы, Геракл неоднократно поражается безумием. Сложность пути Геракла связана с круговоротом инициированных Герой унижений и инфляций. Все его подвиги совершаются благодаря Гере и во

имя Геры. Она же толкает его на любовные нетривиальные отношения. Геракл чрезвычайно силен как мужчина, например, способен за одну ночь лишить девственности 50 дочерей Феспия. С ним всегда и его любовники: племянник и возничий Иолай, оруженосец Гилас. Существует даже вариант мифа, согласно которому Геракл совершил свои подвиги из-за любви к царю Эврисфею. Но на этом его фаллический поиск не заканчивается, он обнаруживает в себе склонность к трансвестизму. Переодевания позволяют ему отождествить себя с Герой.

Так, пребывая в рабстве у царицы Омфалы, Геракл расстался со своей львиной шкурой, а вместо этого носил ожерелья, золотые браслеты, женский тюрбан и красный платок. Не случайно художники изображали Геракла в желтой юбке. Склонность к украшениям была свойственна ему и раньше, он был обладателем самых прекрасных на свете золотых доспехов. Он сидит в кругу ионийских красавиц, прядет шерсть и вздрагивает при каждом окрике хозяйки, а она бьет его золотой туфелькой. Когда однажды Геракл с Омфалой прогуливались по виноградникам Тмола, то поменялись одеждой. Пан, влюбившийся в Омфалу, ночью пробрался к ней дом и, ища женские шелковые одежды, наткнулся на Геракла и попытался овладеть им, в результате чего был бит. Именно Пан из мести распространил слух, что Геракл обменивается одеждой с Омфалой, находя в этом особое удовольствие. С тех пор Геракл часто переодевается в женщину: одевается в женское платье после поражения на фракийском острове Кос, в женских одеждах женится на Халкиопе.

Гомосексуализм такого типа, как у Ахилла, также связан с зачарованностью божественной матерью Фетидой, во всем превосходящей отца. Так же, как и Дионис, Ахилл воспитывался как девочка. Общеизвестны отношения Ахилла с его другом-любовником Патроклом, смерть которого изменила ход Троянской войны. Оплакивая Патрокла, Ахилл от горя катается в пыли, а затем страшно мстит за его смерть. Во время одного из сражений Ахилл влюбился в царевича Троила, пообещав убить его в случае отказа, и действительно убил не уступившего ему юношу в храме Аполлона. Любовники типа Ахилла были весьма распространены в армиях, ведущих длительные войны. Знакомый с историей по первоисточникам Флобер в романе "Саламбо", посвященном Пуническим войнам, пишет, что практически у каждого солдата был гомосексуальный любовник.

Тип Ганимеда — это архетип юношеского гомосексуализма, являющегося этапом становления мужественности, обычный для Греции и Рима.

Зевс, возжелав Ганимеда, превратился в орла и похитил его, гулявшего по лугам Трои, вознеся на Олимп и сделав виночерпием, дабы он мог утолять его жажду. Позднее Ганимед стал утолять жажду и других богов-олимпийцев, поэтому все они приобщились к мужской однополой любви. Ревнующая Гера до тех пор досаждала Зевсу, пока он не поместил Ганимеда среди звезд в виде созвездия Водолея. Миф о Зевсе и Ганимеде приобрел необычайную популярность в Греции, поскольку в нем видели религиозное оправдание страсти мужчины к мальчику. В латыни от слова "*Ганимед*" произошло слово *catamitus*, означающее пассивный объект мужского гомосексуализма, буквально означающее "*любимчик*, *развратник*". Состояние юношеского гомосексуального поиска рассматривалось как неизбежная стадия взросления. В "Метаморфозах" Апулея, например, рассказывается история, как мальчика, едва вступившего в половую зрелость, наказали за связь с женщиной, расцениваемую как слишком раннюю и преступную, вернув к "нормальным" половым контактам с мужчиной. К типу Ганимеда относятся все мальчики, волей случая оказавшиеся возлюбленными взрослого мужчины, в том числе и юноши-проститутки.

Известен также случай с Гиакинфом (Гиацинтом), спартанским принцем, в которого влюбился не только Фамирид, первый из людей, воспылавший страстью к представителю собственного пола, но и сам Аполлон. Страстью к Гиакинфу воспылал и Зефир. Из ревности он перехватил у Аполлона, обучавшего юношу метанию диска, летящий снаряд, направив его в голову Гиацинта. Из крови погибшего юноши вырос цветок гиацинт, на котором до сих пор различимы инициалы убитого. Культ Гиацинта распространился по микенской Греции, его именем назывался поздний летний месяц гиакинфий на Крите, Родосе, Косе и в Спарте. В микенском городе Амиклы гробница Гиацинта образовывала основание культового трона Аполлона.

Этот тип гомосексуальности может провоцироваться и перенесенными в детстве психическими травмами. В этом случае гомосексуальность может быть связана с подсознательным мазохистским стремлением жертвы еще раз испытать перенесенное насилие. Так, юный любовник Посейдона Пелоп, первый пассивный гомосексуалист, был расчленен собственным отцом Танталом, а затем воскрешен Зевсом. В святилище Пелопа юноши бичевали себя, принося ему в жертву свою кровь. Первый юношеский гомосексуальный опыт может закончиться трагически, то есть на стадии "Прекращение поиска". Когда Лай, изгнанный царь

Фив, сделал Хрисиппа, сына Пелопа, своим катамитом, мальчик покончил с собой. Фиванцы, оправдывая безумную страсть Лая, создали так называемый "священный отряд", полностью состоящий из мальчиков и их возлюбленных.

Тип Аполлона (Орфея) — это врожденный гомосексуализм женственного мужчины с фиксацией на идеале прекрасного юноши. Аполлон — символ необычайно красивого и одаренного человека, гения. Аполлон и его сестра-близнец Артемида — дети Зевса и нимфы Лето, родились семимесячными в результате длинных девятидневных родов. В паре Аполлон-Артемида женственность досталась Аполлону, а мужественность — его сестре. Аполлон — мужчина, от природы наделенный женственностью, прирожденный (генетический) гомосексуал, в силу чего все его попытки построить отношения с женщинами неудачны. Кредо "Познай самого себя" заставляет его заниматься поисками гармоничного сексуального союза, первоначально перебирая женщин. Его девиз "Умеренность во всем" не позволяет считать его развратником.

В своем фаллическом поиске Аполлон оказался на стадии "Божественное вмешательство". Благодаря милости Зевса, под его покровительство попадают музыка, поэзия, философия, математика, медицина и естественные науки. Такая интеллектуальная и творческая переполноценность компенсирует недостаток фаллического, уменьшает женское, в результате чего инфляция становится излишней. Путь к фаллосу, стремление оправдать латентную женственность связаны для Аполлона с фиксацией на идеале прекрасного юноши и приводят его к гомосексуальной любви с Гиацинтом. Это гомосексуалист, вступающий в связь только по любви и ищущий прекрасного и более женственного партнера.

К этому же архетипу относится и самый известный жрец Аполлона Орфей, сын фракийского царя Загра и музы Каллиопы, самый известный из когда-либо живших в Греции поэтов и музыкантов, под музыку которого танцевали даже деревья и горы. Когда обезумевший Дионис напал на Фракию, Орфей сопротивлялся введению жертвенных убийств, в отместку Дионис наслал на него менад, которые разорвали Орфея надвое, а голову его швырнули в Гебр. Интересно, что мужья разгневанных менад ходили в храм, где Орфей открыто проповедовал особые священные таинства и любовь к своему полу. Проповеди Орфеем однополой любви вызвали гнев Афродиты, который до сих пор определяет отношение большинства женщин к мужскому гомосексуализму.

Символично, что голову Орфея, все еще поющую, прибило к острову Лесбос, знаменитому и единственному оплоту женской гомосексуальности. Менады же, разорвавшие Орфея, были превращены в дубы — символы фаллосов.

Парадоксально, но в литературе утвердился образ великой любовной пары Орфей — Эвридика. Однако гомосексуальность Орфея позволяет ему иметь только женщину-друга, каковой и была его жена Эвридика. Смерть Эвридики и неудача Орфея с возвращением ее из Аида символизируют невозможность такого мужчины соединиться с женщиной: Орфей, обернувшись на Эвридику, потерял ее навеки. Фаллический поиск для Орфея закончился на стадии "Прекращение поиска", то есть смертью.

К гомосексуалистам этого архетипа относятся Гораций, Вергилий, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Шекспир, Байрон, Уитмен, Чайковский.

Другой тип гомосексуализма порожден комплексом нарциссизма. Нарцисс, как хорошо известно, был настолько патологически влюблен в себя, что для него возможна лишь любовь к максимально подобному себе, в идеале — к себе самому. В принципе, он не может любить женщину. Нарцисс был сыном голубой нимфы Лириоппы. Уже в шестнадцать лет его путь был устлан безжалостно отвергнутыми влюбленными обоего пола. В него влюбилась нимфа Эхо, настолько съедаемая любовью, что от нее остался лишь голос. Нарцисс отправил Аминию, преследовавшему его настойчивей других, меч, которым тот и лишил себя жизни на пороге дома Нарцисса, призвав богов отомстить за свою смерть Его проклятие услышала Артемида и сделала так, чтобы Нарцисс влюбился, но не смог насладиться своей любовью. Вскоре Нарцисс влюбился в свое отражение в ручье. Он был вынужден созерцать предмет своих вожделений, не имея возможности им обладать, хотя в муках он ощущал и особую радость от сознания того, что предмет его любви никогда не изменит ему.

Такой архетип жестокого и самовлюбленного гомосексуалиста представлен в романе О. Уайльда "Портрет Дориана Грея". Возможно, к гомосексуалистам подобного типа относился Ю. Цезарь, маниакально относящийся к своей внешности.

Слепой Тиресий, который был самым знаменитым прорицателем Греции, — типичный транссексуал. Ослеплен он был Афиной за то, что подглядывал за ней во время купания. Однажды, убив змею, он превратился в женщину и стал знаменитой гетерой. Через семь лет, убив змея, снова стал мужчиной. Именно Тересия, поскольку ему ведомы были ощущения

обоих полов, позвала Гера, чтобы он разрешил ее спор с Зевсом по поводу того, кто больше получает удовольствия в любви, мужчина или женщина.

Философскую апологию "любви к мальчикам", или интеллектуальный гомосексуализм, можно определить как тип Платона, ученика Сократа и учителя Аристотеля. Именно в Элладе был создан совершенно особый институт философов, выступивших с претензией на истолкование божественных истин. Происходит обмирищение некоторых тех форм сексуального поведения, которые до того практиковались исключительно в религиозном контексте. Прежде всего, речь идет о любви к мальчикам, которую именно свободолюбивые греческие философы вывели за пределы храмов*. Это был, так сказать, философский вариант дерзкого похищения у богов "огня Прометея". Провозгласив себя глашатаями божественной мудрости, они произвели подлинную религиозно-сексуальную революцию, выведя запретную духовно-божественную по своему происхождению любовь к мальчикам за эзотерические границы храмов и постепенно сделав ее едва ли не нормой жизни всякого человека, считавшего себя культурным и образованным (Лобок: 205).

Интеллект становится сексуально привлекательным, фаллическое замыкается на интеллектуальном. Носителем интеллекта однозначно объявляется мужчина, а женщина как существо неинтеллектуальное становится сексуально непривлекательной. Фаллическое питается рациональным, последнее же полномочно снимать моральные запреты, например, используя мифологемы. Отношения с женщиной отсутствуют либо очень неудачны. Фактически греческая философия превратилась в интеллектуальную игру, в которой мужчины могли обходиться без женщин, поскольку для них открылась область гомосексуального влечения. Сам Платон много писал об этом, обсуждая миф о Ганимеде, чтобы объяснить свои сентиментальные чувства к своим ученикам (Грейвс, с. 84).

"Человеческий разум и знания, из частных опытов выбрав лучшее, признали любовь к мальчику самой верной..." — писал Лукиан (Лукиан, 1962: 386).

К гомосексуалистам подобного типа относятся Платон, Сократ, Аристотель, Лукиан, Уайльд, Уитмен, Верлен, Рембо.

* "Любовь к мальчикам" в Ольвии зафиксирована и археологически, как развлечение во время симпосиона. Это граффити на чернолаковом скифосе рубежа VI-V вв. до н. э. Там сообщается, что призом за удачную игру в коттаб (игра на меткость в плескании вина. — **А. Д.**) была близость с юношей Гефестодором, получавшим за это определенную плату. Надпись свидетельствует о гомосексуальных отношениях в среде ольвиополитов. В конце I в. н. э. это подтвердил Дион Хрисостом, писавший, что любовь к юношам в Ольвии унаследована из ее метрополии Милета.

Можно видеть, что усилиями лучших умов античности "любовь к мальчикам" превратилась в престижнейшее качество и занятие мужчины, в эталон высшей культуры и интеллектуальности.

Таинства Диониса-Вакха

Обозрение основных типов мужского гомосексуализма и транссексуализма в античные времена (женский гомосексуализм здесь не рассматривается) может выглядеть довольно поверхностным и пунктирным. На самом деле все эти типы куда более вариативны.

Такая вариативность более всего прослеживается в образе Диониса с его многочисленными и необычными перевоплощениями, разнообразием трансформаций. Он в самом деле единственный греческий бог, который своим многообразием поражает воображение и привлекает к себе и невежественных селян, и интеллектуальную элиту, и политиков, и отшельников, и любителей оргий, и аскетов. Опьянение, эротизм, плодородие мира, а еще незабываемые переживания: когда периодически являются мертвые, когда человека охватывает *mania*, когда он погружается в животную бессознательность, когда испытывает экстаз *enthousiasmes*, — и все эти восхитительные и леденящие душу ощущения имеют один источник — присутствие божества. Самим способом существования это божество выражает парадоксальное единство жизни и смерти. Можно было даже впустить его в себя; а экстаз мании служил доказательством того, что человеческая ограниченность преодолима.

Культ Диониса, как и идентичного ему Загрея, согласно традиционной точке зрения, проник в Грецию из Фракии или Фригии приблизительно в VIII в. до н. э., в эпоху перехода от "темных веков" к "культурному перевороту" (Зайцев, 2001). Его распространение шло медленно. Сопротивление объяснялось тем, что поклонение богу-чужеземцу разительно отличалось от привычных обрядов и представлений о характере общения человека с богами. Вакханалии, описанные уже в V в. до н. э. Еврипидом в знаменитой трагедии "Вакханки", были связаны с отрицанием общепринятых норм поведения и этики (разрывание и пожирание сырого мяса, каннибализм, агрессия по отношению к окружающим или тем, кто не хотел принимать дионисийский культ), помрачением рассудка (манией), которое давало кратковременное блаженное ощущение слияния с богом и наполненности божественной силой. В VI в. до н. э. к вакханалиям добави-

лись столь же отягощенные архаическим наследием празднества в честь Диониса-Загрея, согласно мифу, растерзанного и съеденного титанами, а еще позже, в IV в. до н. э., — в честь Диониса, отождествленного с фракийским богом Сабазием.

Вначале Дионис был богом производительных сил природы вообще. Виноградная лоза и плющ прочно вошли в его мифологию. Об этом свидетельствует множество эпитетов Диониса, связанных либо с самим этим растением, либо с вином как продуктом виноградной лозы.

В архетипе Диониса наиболее проявлены зачарованность матерью и воспитанная женственность. Его можно определить как типичного трансвестита с выраженной ненавистью ко всему мужскому. Характерными для этого типа гомосексуализма являются явные психические отклонения, связанные с физической неполноценностью, проявляемые, например, в садизме. Дионис — сын Зевса и Семелы, богини-луны, рогатое дитя, увенчанное змеями, испытания которого начались еще до рождения. Ревнивая Гера поссорила Семелу и Зевса, и тот, разгневавшись, предстал перед ней в своем истинном обличье, испепелив ее. Гермесу однако удалось спасти ее шестимесячного недоношенного сына, зашив его в бедро Зевса, откуда тот по истечении трех месяцев и появился на свет. Поэтому Дионис — дважды рожденный (Афанасьева, 2009).

По приказу Геры, титаны утащили новорожденного Диониса, разорвали его на куски и сварили их в огне — вот почему Диониса отождествляли с Осирисом. Однако Рея разыскала части тела внука, составила их и вернула к жизни, после чего физическое отделение фаллоса для Диониса навсегда осталось "психодрамой". Но на этом эксперименты с психикой маленького Диониса не закончились. Персефона, которой Зевс поручил присматривать за ребенком, передала его жене царя Афаманта Ино, внушив ей, что ребенка следует растить на женской половине, переодетым в девочку. Затем его превратили в козленка и снова передали на женское воспитание — нимфам Макриде, Нисе, Эрато, Бромии и Вакхе. С тех пор с именем Диониса связывают критский обычай держать мальчиков в темноте, то есть на женской половине, до достижения половой зрелости. Когда Дионис стал взрослым, Гера, несмотря на приобретенный им отпечаток женственности, признала в нем сына Зевса, но позже поразила его безумием, во время которого он совершил серию ужасных и ничем не оправданных убийств и насилий, например, содрал кожу с живого царя Дамаска.

Зачарованность матерью у Диониса доходит до крайности. Уже став олимпийским богом, Дионис спускается в Аид, где подкупает Персефону и забирает с собой свою покойную мать Семелу.

Гомосексуализм Диониса, самый сложный, доходит до стадии "трансформации", в результате которой он обретает свою подлинную самость. Его следовало бы назвать "гомосексуализмом в квадрате", поскольку психика Диониса претерпевает двойную метаморфозу. Он любит женщин, но как женщина, отождествляя себя с женщиной. Это тип безумного гомосексуала-трансвестита с садистскими наклонностями.*

Такие наклонности и породили то состояние дионисийского безумия, которое наступало после возлияний вина и экстатических танцев. "Вино — *aurum potabile*, питьевое золото". Однако опьянение виноградным вином было прерогативой жрецов, требующей особого посвящения. "Вакх погружает в пенистый сок увитый плющом и змеиной травой офианой тирс. Когда менады натираются этой травой, клитор вырастает фаллосом, — писал Валерий Флакк. — В процессе оргии старики превращаются в детей, женщины в мужчин, мужчины в женщин, те и другие в пантер, змей, хищных птиц — рев, стоны, кровь, пение. Ритуал заканчивается, бог исчезает, на пустой земле валяются несчастные страдальцы. Но менады и вакханы, забыв о прежней жизни, днями и ночами рыщут по лесам и полям в поисках неистового бога сублимаций".

Это происходило в состоянии так называемого "вулканического" экстаза — характерно крайнее физическое и эмоциональное напряжение, высокая агрессивность, деструктивные импульсы внутренней и внешней направленности, мощные побуждения сексуальной природы, ритмические оргиастические движения. "Вулканический" экстаз предполагает уникальную смесь крайних эмоциональных и физических мук с диким чувственным порывом. Оказываются неотличимыми переживания ледяного холода от непереносимого жара, ненависти — от любви, агонии умирания — от восторга нового рождения, апокалиптических ужасов — от радости созидания и т. п.

* В этом также проявляется несовместимость в реальной жизни многообразия различных сторон облика Диониса. "Трансвестизм, или транссексуализм, и гомосексуальность — очень разные вещи. Первое — выбор поведения, второе — выбор партнера. Это закладывается в разных центрах мозга и видимо на разных стадиях развития плода. Транссексуалы мыслят себя женщинами, гомосексуалы — мужчинами (сугубыми!), любящими мужчин. Гомосексуалы не любят и презирают транссексуалов, а если и смотрят их на специальных зрелищных мероприятиях, то точно так же (и с тем же отчужденным отношением), как обычная публика — Верку Сердючку и Бориса Моисеева. Объединяют их только гетеросексуалы" (консультация Л.С. Клейна в письме автору от 20.02.2010).

Дионисийский экстаз означает, прежде всего, преодоление человеческой ограниченности, достижение полного освобождения, обретение свободы и непосредственности, не характерных для человеческих существ. То, что среди этих свобод есть свобода от запретов, правил и условностей этикета и социального порядка, кажется очевидным, и это одна из причин массовой приверженности женщин культу Диониса. Один из эпитетов Диониса — Лиэй (освободитель) — был связан со свободным характером праздников, освобождавших человека от всех моральных условностей (Торчинов, 1998; Элиаде, 2002: XV).

Мистерия состояла в участии вакханок в эпифании Диониса от начала до конца. Обряды совершаются ночью вдали от городов, на склонах гор или в лесах. На самого Диониса находило "безумие", а вакханки лишь разделяли с ним его испытания и страсти — в конце концов, это был самый верный способ войти с ним в общение.

Сын Зевса, воспитанный нимфами

Сказанное о таинствах Диониса является надежной мифологической основой для толкования его изображения на перстне. Он сидит на троне в женском одеянии. Действительно, по одному из вариантов мифа, Зевс в виде змея посетил Персефону, и та родила ему рогатого младенца Загрея, то есть Диониса. Едва успев появиться на свет, новорожденный воссел на трон своего отца. Примечателен сообщаемый Нонном и Фирмиком рассказ о том, как Дионис на короткое время занял трон своего отца Зевса. "Дионис, — сообщает Прокл, — был последним из богов, которого поставил царем сам Зевс. Ведь отец посадил его на царский трон, дал в руку скипетр и сделал царем над всеми богами в мире" (Грейвс: 73-79, 85-86).

Женское платье для Диониса также совершенно естественно — он воспитывался на женской половине дома, нимфы обряжали его исключительно в женскую одежду, да и сам он многократно превращался в женщину. Типичной одеждой была бассара, или бассарей. Это длинное одеяние вакханок (бассарид) считалось одеждой лидийского бога Бассарея, отождествлявшегося с Дионисом. Оно было сшито из лисьих шкур.

Одним из имен Диониса было Лисий. Оно происходит от слова "*лизис*" — разрушитель границ, растворяющий цепи и страданиия. Безусловно, посвященная ему (или вызванная им) мистерия должна раскрывать и отыгрывать это обстоятельство. Приобщиться Дионису в таком смысле означает выйти с помощью "вина" (возвышающего, веселящего и освобождаю-

щего) за "границы" (социальных отношений, здравого смысла, характера и морали) в "безумие" (буйное действо непредсказуемой природы).

Но просидел Дионис на троне недолго. Мальчик смотрелся в зеркало "замысловатой работы"*, когда на него с ножами в руках и с выбеленными мелом лицами напали титаны, подосланные Герой. Гера подарила ему это зеркало. Какое-то время ему удавалось спасаться от атак титанов, по очереди превращаясь то в Зевса, то в Крона, то в юношу, то во льва, то в лошадь, то в змею. Но в конце концов, титаны настигли бога, принявшего образ быка. Они разрезали его тело на куски, выварили их в различных травах и съели.

По иному варианту мифа, зеркало Дионису подарили сами титаны, которые заманили бога к себе с его помощью, а потом растерзали. Этот миф толкуется как космогоническая история "падения" души в тело: отражение Диониса в зеркале является символом возникновения первичной "сверхчувственной" души в чувственном, материальном мире; превращения убегающего от титанов Диониса означают "переселение" души в разные тела; растерзание и поглощение тела Диониса настигшими его титанами — подчинение души "чувственному", "страстному" состоянию, символом которого и являются титаны. По мифу, сердце Диониса спасает Афина — так же и мист, участвующий в дионисийских таинствах, должен был "спасти" свое сердце, то есть внутреннюю духовную сущность, от обезображивающего влияния материального "титанического" мира (Кнабе, Протопопова, 1998).

По другой версии, Гера знала, что взгляд Диониса обращает в безумие, и научила титанов подарить ему зеркало. Глядя в зеркало, Дионис сам оказался пораженным безумием, которое выражалось в серии метаморфоз, называемых "*синдесмос*"... он превращался то в женщину, то в козла, то в быка. В образе быка его постигла смерть. Титаны разорвали его на части, зажарили (или сварили) и съели. Лишь сердце удалось спасти, благодаря чему Зевс смог воскресить сына. Гнев бога испепелил титанов.

Таким образом, зеркало в правой руке сидящего на троне Диониса выглядит совершенно естественным как его непременный атрибут. Это согласуется с мифологическими сюжетами о его страданиях, смерти и воскресении, которые инсценировались в священных обрядах. В этих обрядах зеркало должно было отражать второе "Я" каждого из участников, или же его дух (Грейвс: 86). Отметим также, что Дионис в женском платье разглядывает себя в зеркало как классический транссексуал.

* Зеркало такого типа, какое изображено на перстне, с посвящением Дионису, найдено в Ольвии (Скржинская, 2009: 129-130).

В левой руке Диониса на перстне можно видеть скипетр, врученный ему Зевсом после посажения на трон. Изображение расплывчатое, однако в нем можно усмотреть шар с фигурой и крыльями. Такой шар символизировал удачу, судьбу, ассоциируясь с Тихэ (Фортуной), стоящей на нем. Шар был атрибутом Зевса как бога Небес, а также и Кибелы. Обычно его держат в левой руке как символ далеко простирающейся власти божества или суверена. Шар, как и сфера, означает мир, вечность, самодовлеющую власть над вселенной. Именно это и вручает Зевс Дионису.

Головной убор Диониса, изображенный на перстне, также выглядит неотчетливо. Ясно лишь, что это венок. Принято считать, что его короной был венок, обмотанный вокруг округлой колоды, изготовленный из плюща или виноградных листьев. И то и другое — атрибуты самого Диониса. Однако Зевс, породивший Диониса и посадивший его на трон,

"Из змей венок ему сделал,
И с той поры этой дикой добычей
Обвивает менада чело".

Так выглядит этот мифологический сюжет в изложении Эврипида ("Вакханки"). С тех пор змей является непременным атрибутом Диониса. Его голову венчает именно венок из змей, которые в затылочной части не переплетены и свободно свисают вниз головками. И при мистериях вакханки, жрицы Диониса, увешивали себя дрессированными змеями.

Подражание богам — "сценарий на всю жизнь"

Судьба каждого человека определяется, в первую очередь, им самим и жизненным сценарием, который формируется еще в раннем детстве, в основном, под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора.

Сценарий — это то, что человек еще в детстве планирует совершить в будущем. А жизненный путь — это то, что происходит в действительности. Жизненный путь в какой-то степени предопределен генетически, а также положением, которое создают родители, и различными внешними обстоятельствами. Доминирующими факторами, влияющими на судьбу человека, являются: родительское программирование, поддерживаемое "внутренним голосом", который древние звали "демоном"; внешние силы, все еще именуемые Судьбой, и свободные устремления, которым древние

не дали человеческого имени, поскольку они были привилегией богов и царей (Берн: 336-416).

Все, что нам известно о жизненном сценарии Скила, основано на сведениях о его рождении, воспитании, царствовании и печальном конце, может быть почерпнуто лишь у Геродота. Сообщения "отца истории" позволяют определить жизненный сценарий Скила как установку на подражание Дионису-Вакху и постижение его "таинств". Предпосылкой для этого было эллинское воспитание матерью в детстве и, как можно видеть, тщательное и систематическое соблюдение дионисийских обычаев.

"Поелику судьбой определено было ему погибнуть, — пишет Геродот, — то это может означать, что Скил знал свою Судьбу, свою обреченность и даже добивался смерти. Такое поведение принято именовать психопатическим, что также является одной из разновидностей половых извращений (Берн, с.119-128). Если Скилу всегда казалось, что он умрет не своей смертью, то, по его мнению, так оно и должно было случиться. Получается, что целью (и смыслом жизни) Скила была собственная гибель. Разумеется, это может быть лишь догадкой. Но создается впечатление, что всю свою жизнь он шел к этой цели, используя вакханалии в качестве средства и, в конце концов, создал для этого необходимую ситуацию. Таким психопатам (они в психиатрии именуются истеричными), как Скил, присуща склонность к фантазированию, которое как бы заменяет им реальную действительность, для их поведения характерны аффектация, театральность. Они склонны к демонстративным оргиям и возлияниям.

Равным образом Скил, видимо, осознавал, что ведет себя недопустимо с точки зрения скифских обычаев. Однако при этом он систематически и многократно их нарушает. Это связано с вариантом игры "Подумайте, какой ужас!", при котором человек намеренно напрашивается на злоключения. Но в глубине души он ликует, предвидя и надеясь, сколько удовольствия он сможет извлечь из своего несчастья. В этом можно усматривать противоречие между "личностью" Скила, воспитанной в дионисийстве, и его "персоной" — скифским царем. "Персона" определяется знаменитым психологом К. Юнгом как маска, которая формируется и усваивается человеком как результат внешних воздействий и отвечает требованиям и представлениям социальной среды (Берн, с. 305-306). Поведение Скила свидетельствует о том, что его дионисийская "личность" одержала в нем верх над "персоной" — скифским царем. Возможность обрести высшее блаженство и стать "эпоптом", созерцателем Диониса, была для Скила куда слаще царского сана.

Сведения о трансвестизме Скила (систематическое переодевание то в эллинскую, то в скифскую одежду) также почерпнуты у Геродота. Безусловно, можно лишь предполагать его транссексуализм или гомосексуализм, столь характерные для его божественного "патрона" Вакха и составлявших самую суть его "таинств". Но прямых данных об этом не имеется.

Как бы там ни было, на перстне изображен Дионис-Загрей в женской одежде и с иными атрибутами "старшего" Диониса, которые ему присущи согласно мифу*. Этот перстень достался Скилу в наследство от его деда Аргота — представителя новой династии, который правил примерно в 510-490 гг. до н. э. Это и есть дата изготовления перстня. Аргот прерывает прямолинейную династийную традицию скифских царей после знаменитого победителя персов Иданфирса. Хронологическая разница между надписью на шинке ("Вели мне быть при Арготе" — "просьба" перстня своему владельцу) и надписью на щитке перстня ("принадлежит Скилу" — знак унаследованной династической собственности), которая была сделана во время правления Скила, составляет от 50 до 30 лет. Таким образом, все данные мифа и иконография перстня совпадают.

Весь сюжет на щитке перстня — сцена инвеституры, отражает вручение Зевсом Дионису власти "над всеми богами в мире". В свою очередь, власть над всеми скифами вручает Дионис как верховное божество скифскому царю Арготу. Этим подчеркивается легитимность власти Аргота, а вслед за ним — и Скила. Аргот не только просит бога не разлучать его с перстнем, но и просит распространять его волю на сохранение при нем на веки вечные царской власти, идея которой материализована в самом объекте — инсигнии.

Надпись ("собственность") Скила также может быть психологически объяснена так называемой "гордостью за предков" — это стремление быть похожим не на отца, а на деда. Дед трактуется в сознании внука как семейный героический образец из прошлого, которому можно подражать, но которого нельзя превзойти (Берн:.228). Скил, внук Аргота, воспитанный эллинкой, следовал тому жизненному сценарию, который ему в детстве предопределила мать. Согласно упомянутой "теории игр", такие сценарии закладываются для сыновей именно матерью.

* На крышке краснофигурной леканы из Пантикапея маленький Дионис на руках у Гермеса изображен в женском платье и в венке — так же, как и на перстне Скила. Сходным образом он выглядит и на чернофигурных киафе и лекифе из Ольвии (Скржинская, 2009: 331, 332, 335 и др.).

Изображение Диониса на перстне Скила подтверждает отмечаемый историками и археологами процесс бурной эллинизации скифов с начала V в. до н. э. В какой-то мере это явилось следствием экспансии скифов в Причерноморье и во Фракию после победы над Дарием. Впрочем, уже со второй половины VI в. до н. э. наблюдается массовое проникновение в степь и лесостепь греческого импорта (Виноградов, 1980: 107). Действительно, рассказ Геродота об Анахарсисе показывает, что еще во второй половине VI в. до н. э. верхушка скифского кочевнического общества стала приобщаться к эллинской философии и религии. Так, отец Скила Ариапиф женился на гречанке из Истрии. Судя по всему, культу Диониса предался и Аргот, а вслед за ним — Скил, который по своей культуре являлся законченным эллином. Другой сын Ариапифа от другой его жены, дочери фракийского царя Терея Октамасада, был воспитан, как и Скил, во фракийско-дионисийском духе. Ясно, что он был если не приверженцем, то весьма терпимым к экстатическим обрядам Диониса. Впрочем, это ему не помешало отрубить своему сводному брату-филэллину голову.

Произошло это так.

Казнь за безумство

"...И когда после сего (вакханалии. — **А. Д.**) Скил возвратился во владения свои, то скифы восстали против него, избравши предводителем брата его Октамасада, что рожден был от дочери Тереевой. Скил, узнав о случившемся и о причине, почему сие сделалось, бежал во Фракию. Октамасад, о сем уведомясь, пошел на Фракию войною. Когда достиг он Истра, вышли ему навстречу фракияне и готовы уже были вступить в битву, как Ситалк послал сказать Октамасаду: "Что нам испытывать счастие? Ты сын моей сестры; у тебя находится мой брат; отдай мне его, и я отдам тебе твоего Скила. Опасностям же войны не будем подвергать себя ни ты, ни я. Так объявил Ситалк через своего посланного; и в самом деле, у Октамасада находился брат Ситалка, бежавший от него. Октамасад одобрил предложение и, отдав Ситалку своего дядю по матери, получил от Ситалка брата своего Скила. И Ситалк удалился с братом, а Октамасад там же немедленно отрубил Скилу голову".

Вот так скифы защищают свои установления и наказуют тех, кои принимают иноземные обычаи" (Геродот, 4, 80).

Между тем утверждение Геродота о подозрительном отношении скифов к божеству, заставляющему людей безумствовать, странным образом

расходится с тем, что он сам рассказывает о культе Диониса у родственных скифам гелонов, а также о скифской бане (4, 108). Вошла в поговорку и склонность скифов к злоупотреблению дарами этого бога. Это же подтверждают разнообразные археологические свидетельства распространения его культа в Скифии.

Получается, что Геродот, рассказывая о Скиле, в то же время склоняется к мысли, что обвинение Скила в вероотступничестве было лишь пропагандистским поводом к его свержению, придуманным хитрыми борисфенитами. Реальная же причина крылась в династической борьбе за власть. Остается склониться перед авторитетом "отца истории", который "по горячим следам", пребывая в "торжище борисфенитов" повествует, в назидание потомкам о безрадостной драме царя Скила в середине V в. до н. э. и о том, к какому печальному концу могут привести пьяные оргии, безумства и вакханалии.

А традиции "борисфенского" трансвестизма оказались возрожденными на этом месте в эпоху классицизма. Так, город Одесса, основанный "героем классицизма" Иосифом де Рибасом, был назван в честь мужчины — Одиссея. Однако он, по воле основателя, получил женское имя (см. об этом: Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 212-215; Добролюбский, 2004: 98-105). Тем самым Одесса, "переодевшись", стала Одиссеем-женщиной.

Литература

Афанасьева В.В., 2009. Мифология гомосексуализма. Журнал философского факультета Саратовского госуниверситета // http://noetos.sgu.ru/

Берн Э., 2004. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.

Виноградов Ю.Г. 1980. Перстень царя Скила. Советская археология. № 3. М.

Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса. М.

Геродот, 1972. История. Книга первая. Клио. Книга четвертая. Мельпомена. Перевод И. Мартынова в переработке М. Гаспарова. Историки Греции. М, Лит.

Грейвс Р., 1972. Мифы Древней Греции. М.

Добролюбский А.О., Губарь О.И., Красножон А.В. Борисфен — Хаджибей — Одесса. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Добролюбский А.О., 2004. Античная Одесса. Одесса: Optimum.

Добролюбский А.О., 2006. Прогулка с Геродотом по "истинно классической" части Одессы. Юго-Запад Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 2. Одесса: Optimum.

Загинайло А.Г., Карышковский П.О., 1990. Монеты скифского царя Скила. Нумизматические исследования по истории Юго-Восточнгой Европы. Кишинев.

Зайцев А.И., 2001. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э. СПб.

Клочко Л.С., 1982. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок. Древности степной Скифии. Сборник научных трудов. Киев.

Кнабе Г.С., Протопопова И.А., 1998. Культура античности. История мировой культуры. Наследие Запада. М.

Кузнецов К.Г. 1991. Герменевтика и гуманитарное познание. М.

Кун Н.А., 1955. Легенды и мифы Древней Греции. М.

Курочкин Г.Н., 1989. Образ богини с зеркалом в скифском искусстве и его иконографические прототипы. Скифия и Боспор. Новочеркасск.

Лобок А.М., 1997. Антропология мифа. Екатеринбург.

Лукиан из Самосаты, 1962. Разговоры богов. Две любви. Избранное. М.

Мережковский Д.С., 1991. Тайна Запада: Атлантида — Европа. Кодры (Молдова литературная). № 1-7. Кишинев.

МНМ (Мифы народов мира), 1991, 1998.: Энциклопедия. Т. 1, 2. М.

Нейхардт А.А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.

Скржинская М.В., 2009. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев.

Ткачук М.Е., 1996. Археология свободы. Кишинев.

Торчинов Е.А., 1998. Религии мира: опыт запредельного, психотехника и трансперсональные состояния. СПб.

Хейзинга Й., 1992. Homo ludens. М.

Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.

Элиаде М., 2002. История веры и религиозных идей. Т. 1. XV. М.

Наталья ПАНАСЕНКО

Чуковский и Денисевичи

Илья Николаевич Денисевич

О своем знакомстве с семьей Денисевичей Чуковский вспоминает, прежде всего, в связи со второй женитьбой Леонида Андреева. Корней Иванович познакомил его "со своей давней приятельницей Толей Денисевич, которую знал чуть не с детства".[1] Андреев сделал ей предложение, но она отказала и, в свою очередь, познакомила его со своей сестрой Матильдой.[2] На Матильде Андреев и женился, "переделав ее в Анну"[3], как написал позже Чуковский. А в 1963 г. после просмотра старого фильма, где была снята вся андреевская семья, перебирая впечатления, Корней Иванович восклицает: "И Анна Ильинична — страшно подумать: я знал ее отца".[4]

От отца, Ильи Николаевича Денисевича, мы получаем общие сведения обо всех членах этого семейства: 28 января 1897 г. проводилась перепись населения, и переписной лист заполнял он сам.[5]

Илья Николаевич родился в 1861 г. в Евпатории, окончил реальное училище и Парижский университет. (В одесских справочниках его имя появляется в 1891 г. Сначала он помощник секретаря, а следующие два года — секретарь правления Общества Черноморско-Дунайского пароходства.[6] В 1896-1901 гг. — секретарь городской управы.[7])

Жена И.Н. Денисевича Анна Яковлевна, дочь священника, окончившая женское духовное училище, скульптор, на момент переписи находилась за границей.

У супругов было четверо детей: годовалая Ия, восьмилетний Владимир, уже гимназист, и дочери 14 и 12 лет, обучавшиеся дома. Имена девочек указаны очень своеобразно: "Анна (Матильда) Ильинична Денисевич и Анна (Виктория) Ильинична Денисевич". У православных вообще не

принято давать двойные имена, но даже в тех конфессиях, где это заведено, составляющие пишутся через дефис, а не в скобках. Остается предположить, что Илья Николаевич добросовестно вписал не только официальные, но и домашние имена. Потому что та, которую все и всегда называли Толей (уменьшительное от Виктории), крещена просто Анной. То, что в метрической книге зарегистрирована именно эта дочь, определяется по дате рождения. В переписном листе значится, что родившейся в Севастополе Матильде в январе 1897 г. 14 лет. А уроженке Одессы Виктории — 12. Крещенная 17 ноября 1886 г. в Александро-Невской при одесском коммерческом училище церкви Анна родилась 21 июля 1885 г.[8] То есть это та Анна, которая Виктория.

С ними жила мать главы семьи — Матильда Александровна Биттнер.

Держали кухарку, горничную и няню.

* * *

11 сентября 1901 г. Конкордия Захарова[9], запасшись связями, приехала в Одессу, чтобы наладить доставку "Искры" и искровской литературы.[10] Присяжный поверенный А.В. Лазарис[11] устроил ее на службу в расчетное отделение на ипподром Новороссийского скакового общества (правда, через две недели она уволилась и жила уроками).[12] На его же адрес ей потом присылали деньги.[13]

В конце сентября Захарова пишет в редакцию "Искры": "Связи у меня настраиваются, знакомства тоже, ибо я по дороге нашла рекомендации в здешнее литературное общество".[14] Неясно, имела ли она в виду Литературно-артистическое общество или конкретных литераторов, но в любом случае, все одесские интеллигенты, все литераторы либо были членами этого общества, либо просто регулярно посещали его заседания. То есть это одни и те же люди, независимо от того, числились они в списках или нет. Денисевич с женой состояли членами ЛАО с момента его создания до своего отъезда из Одессы в 1902 г.[15] А Алексей Владимирович Лазарис вступил в это общество только в 1903 г.[16], безусловно, имея основания еще в 1898 г., когда он был редактором-издателем газеты "Южное обозрение".[17]

С 3 ноября за Захаровой начинается слежка[18]. Наружным наблюдением установили посещаемые ею адреса. Среди них: Елизаветинская, 5, — квартира Лазариса, и, особо часто, Ямская, 92, кв. 19, — Денисевича.[19] (Оба они между собой были знакомы давно. Илья Николаевич еще в1896 г. крестил сына Лазариса.[20])

Автограф на фотографии

Те же филеры зафиксировали, что к Денисевичу часто приходит Исаак Ройзман[21], о котором полиции было известно, что он и его семья "весьма сочувствуют рабочему движению", а когда они в мае 1900 г. съехали на дачу, свою городскую квартиру предоставили, в том числе, Мальвине Мрост.[22]

Жена Денисевича, по словам их внучки, стала большевичкой задолго до революции.[23] О. Чернова-Андреева называет ее эсеркой[24]. И В. Бурцев, вспоминая о разговоре с главой "Северного летучего отряда эсеров" Траубергом, пишет, что они впервые встретились "в Териоках, на квартире эсеров Денисевичей".[25] Воспоминания внучки, Веры Леонидовны Андреевой, изданы в советские времена, когда все партии, кроме большевистской, считались контрреволюционными. А двое последних авторов — эмигранты. Книга Бурцева вышла в 1928 г., а воспоминания приемной дочери В. Чернова — в 2001-м, поэтому их определение партийной принадлежности Анны Яковлевны представляется более точным.

1 декабря днем арестовали Захарову и привезшего литературу Загубанского.[26]

В ночь на 2 декабря 1901 г. "согласно поручению жандармского полицейского управления /.../ у секретаря одесской городской управы дворянина Ильи Николаевича Денисевича и его квартиранта" был проведен обыск. "Найдено: предосудительного содержания рукопись "Голуби-победители", в печати: два экземпляра "Обращения студентов к московским профессорам" и тоже в печати "Письмо графини Толстой к Победоносцеву". Все эти бумаги найдены у Денисевича и по заявлению его принадлежат лично ему. Больше предосудительного ничего не найдено. /.../ Денисевич оставлен на свободе. /.../ 2 декабря 1901 г. 4 часа утра".[27]

Неизвестно, стали причиной обыск и аресты, или это совпадение по времени, но вскоре Илья Николаевич с семьей переехал в Петербург уполномоченным по делам Одесского городского общественного управления.[28]

Из одесских газет известно о его аресте 7 августа 1905 г. "Одесские но-

Матильда с мамой

вости" сообщали 23 сентября: "Представитель Одессы в Петербурге И.Н. Денисевич после долговременного пребывания в заключении выпущен на свободу. Г. Денисевич "отбывал наказание" вместе с проф. Милюковым, причем самый арест его был произведен в квартире последнего". Этот эпизод описан в воспоминаниях будущего главы кадетской партии: "В это утро у меня на станции Удельной, где я продолжал жить, собрались делегаты Союза Союзов, чтобы обдумать отношение Союза к булыгинской Думе. Это было, конечно, не публичное, а частное собрание. /.../ Мой флигель был окружен полицией, которая арестовала всех собравшихся у меня посетителей".[29]

Одессизмы надолго остались в языке Анны (Матильды). В 1914 г. Л. Андреев писал брату: "/.../ И только Анечка ввиду военного времени скопидомит керосин: недавно ругалась как черт, что два часа коптила лампа и масса выгорела "петролиума" (так по-одесски зовется керосин)".[30]

* * *

Судя по тому, какие характеристики давал Чуковский Анне Ильиничне в своем дневнике, если б не дружба с Л. Андреевым, с ней он не знался бы. В июне 1909 г. он записывает: "Эту его новую жену никто терпеть не может, все бойкотируют. Прислуга сменяется феноменально часто".[31] Корней Иванович явно не преувеличивал. Все мемуаристы тепло вспоминают первую жену Андреева, и никто ни словом не обмолвился о второй, хотя с ней он прожил вдвое больше. Справедливости ради надо сказать, что с Анной Ильиничной 16 лет дружила Марина Цветаева, но и она подтверждает, что "с ней никто не дружил", и что она "со всеми ссорилась".[32]

Под впечатлением от драматических воспоминаний Вадима — сына Андреева от первого брака, Чуковский пишет: "Анна Ильинична, скупая, тупая, любила одного только Савву /.../".[33] Вера Андреева о матери в своей

книге говорит с величайшим почтением, но очевидно, что даже родных Веру и Валентина мать не любила. "Холодный взгляд маминых черных глаз /.../ замораживал самое буйное веселье. /.../ С глубокой радостью я начала замечать, что мама уже не присматривалась ко мне с каким-то холодным отчуждением, ее взгляд стал добрее и ласковее, особенно когда она видела мои хозяйственные старания".[34] Это был какой-то наследственный изъян. Тот же холод существовал и между Анной Яковлевной и ее Матильдой. "У нее были немного странные отношения с мамой, — пишет В. Андреева. — Возможно, долгие годы разлуки наложили свой отпечаток, да и прежде, наверное, бабушкина фанатическая преданность искусству, постоянная жизнь за границей, неизбежная отчужденность от семьи отдалили ее от мамы".[35] И не только от нее. После революции Анна Яковлевна осталась в России[36], а Илья Николаевич эмигрировал в Швейцарию и там в 1919 году умер.[37]

* * *

Толя Денисевич в 1907 г. отказалась выйти за Л. Андреева, потому что уже тайно была замужем за Владимиром Абрамовичем Фельдманом.[38] В 1903 г. он поступил на историко-филологический факультет ИНУ, сразу включился в студенческое движение и в начале 1904 г. был уволен без права поступления.[39] В июне 1905 г. при одесском комитете партии эсеров образовали военную организацию, одним из руководителей которой стал В.А. Фельдман.[40] В декабре того же года его арестовали и в начале 1906-го по распоряжению временного одесского генерал-губернатора выслали в Тобольскую губернию, откуда он 4 июня 1906 г. скрылся.[41] Пишут, что побег организовала Виктория. Она увезла заболевшего туберкулезом мужа в Швейцарию, где он в 1916 г. умер.[42] "Дедушка Илья Николаевич, — пишет Вера Андреева, — дал тете денег, чтоб она пожила с маленьким сыном в Италии".[43] Вероятно, там и застала ее революция. По крайней мере, когда Анна Ильинична с детьми в 1923 г. приехала в Италию, ребенку Виктории от второго брака было шесть лет.[44] А "тетя Толя" к тому времени стала ревностной католичкой.[45] Умерла Виктория Ильинична Бертрам в Париже в 1971 г.[46]

Из воспоминаний Веры и Вадима Андреевых видно, как тяжело жилось им в эмиграции. Но куда страшней все сложилось у оставшихся в России младших детей И.Н. Денисевича.

Ия вышла замуж за следователя ЧК. Ее, выросшую среди эсеров, в качестве "наседки" подсаживали в камеру к О.Е. Черновой-Колбасиной и ее

дочерям, чтоб выведать, где скрывается Виктор Чернов[47], и арестовать его. Ольга Елисеевна хорошо знала всю семью Денисевичей, а со своей сверстницей Викторией дружила.[48]

Владимир стал сотрудником НКВД и в 1938 г. был расстрелян.[49]

Фотографии Денисевичей любезно предоставлены для публикации заведующим Русским архивом в Лидсе Ричардом Дэвисом

Примечания

[1] Чуковский К.И. Леонид Андреев // Собрание сочинений в 15 т. — Т. 5. — М., 2001. — С. 122. Чуковский пишет, что "в нее был когда-то влюблен, десятилетним гимназистом, Борис Житков".

[2] Чуковский К.И. Дневник (1901-1921) // Собрание сочинений в 15 т. — Т. 11. — М., 2006. — С. 155.

[3] Там же, с. 260.

[4] Чуковский К.И. Дневник (1936-1969) // Собрание сочинений в 15 т. — Т. 13. — М., 2007. — С. 363.

[5] Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО). — Ф. 2, оп. 8, д. 1441, л. 26 об. — 27.

[6] Адрес-календари Одесского градоначальства с 1891 г. по 1893 гг.

[7] Адрес-календари Одесского градоначальства с 1896 по 1901 гг.

[8] ГАОО. — Ф. 37, оп. 13, д. 69, л. 183 об. — 184.

[9] Захарова (Цедербаум) Конкордия Ивановна (1878-1939) — деятель социал-демократического движения с конца 90-х гг., агент "Искры", меньшевичка. После 1917 г. вместе с мужем С.О. Цедербаумом неоднократно подвергалась репрессиям. Умерла в ссылке.

[10] ГАОО. — Ф. П-2, оп. 1, д. 398, л. 32.

[11] Лазарис Алексей Владимирович (1868-?) — сын купца, родился в Севастополе, в ИНУ поступил по свидетельству зрелости Симферопольской гимназии. Присяжный поверенный. В 1898-1899 годах — редактор-издатель газеты "Южное обозрение".

[12] Государственный архив Российской федерации (далее — ГАРФ). — Ф. 102, ДП, ОО, оп. 1901 г., д. 825 ч. 1, л. 67.

[13] Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. 1900-1903 гг. Сборник документов в 3-х тт. — Т. 1. — М., 1969. — С. 324.

[14] Там же, с. 248.

[15] В списках членов общества, прилагаемых к отчетам правления ЛАО, Денисевичи значатся с 1899 по 1902 гг. В декабре 1901 г. они еще в Одессе, а потом Илья Николаевич появляется в справочнике "Весь Петербург" на 1903 г., который готовился к печати в конце 1902-го.

[16] Список членов ЛАО за 1903 г.

[17] Блюм А. Бунин и "Южное обозрение" // Дружба народов. — М., 1968, № 7, с. 284.

[18] ГАОО. — Ф. П-2, оп. 1, д. 388, л. 5.

[19] ГАРФ. — Ф. 102, ДП, ОО, оп. 1901 г., д. 825 ч. 1, л. 67 об. — 68, 75.

[20] ГАОО. — Ф. 37, оп. 13, д. 356, л. 17 об. — 18.

[21] Ройзман Исаак Сруль-Гершевич (1875 — после 1926) — социал-демократ, окончил естественное отделение физико-математического факультета ИНУ.

[22] ГАРФ. — Ф. 102, ДП, ОО, оп.1901 г., д. 825 ч. 1, л. 68.

ГАРФ. — Ф. 102, ДП, ОО, оп. 1898 г., д. 5 ч. 48.

ГАОО. — Ф. 314, оп. 1, д. 54, л. 14.

О М. Мрост см. Н. Панасенко. Одесское окружение Корнея Чуковского: Мросты // Мория. — 2008, № 9. — С. 45-50.

[23] Андреева В. Эхо прошедшего. — М., 1986. — С. 209.

С семидесятых годов участвовал в революционном движении и родной брат А.Я. Денисевич — Федор Яковлевич Чепурин (ГАОО. — Ф. 314, оп. 1, д. 214, л. 6; Ф. 5, оп. 1, д. 73, л. 120 об. — 121).

[24] Чернова-Андреева О.В. Холодная весна (Главы из книги) // Звезда. — 2001, № 8. — С. 135.

[25] Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. — М., 1989. — С. 73.

2 дек. 1907 г. "Одесские Новости" опубликовали сообщение: "23 ноября в Петербурге арестованы бывший секретарь одесской городской управы Денисевич, его жена и дочери". Днем раньше был арестован Трауберг (Бурцев, с. 248).

[26] Загубанский Иван Георгиевич (1875-1904) — приказчик книжного магазина Г. Бакалова в Варне, доставлял искровские издания в Одессу.

[27] ГАОО. — Ф. 314, оп. 1, д. 240, л. 26 — 26 об.

[28] Весь Петербург на 1903 г.

[29] Милюков П.Н. Воспоминания. — М., 1990. — С. 306-307.

[30] Русский современник. — 1924, № 4. — С. 141.

[31] Чуковский К.И. Дневник (1901-1921) // Собрание сочинений в 15 тт. — Т. 11. — М., 2006. — С. 155.

[32] Марина Цветаева. Письма // Звезда. — 1992, № 10. — С. 45.

[33] Чуковский К.И. Дневник (1901-1921) // Собрание сочинений в 15 тт. — Т. 13. — М., 2007. — С. 234.

[34] Андреева В. Эхо прошедшего. — М., 1986. — С. 62, 184.

[35] Там же, с. 209.

[36] Там же, с.109, 208-209.

[37] Незабытые могилы. Т. 2. — М., 1999. — С. 347.

[38] Чуковский К.И. Дневник (1901-1921) // Собрание сочинений в 15 тт. — Т. 11. — М., 2006. — С. 260.

В "Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского дома" на 1977 г. — Л., 1979. — С. 187 — в комментарии к письму Л. Андреева ошибочно мужем В. Денисевич назван К.И. Фельдман.

[39] ГАОО. — Ф. 45, оп. 5, д. 13566, л. 2, 3.

[40] А. Рябинин-Скляревский. Революционная работа в войсках Одесского гарнизона в 1904-06 гг. // Летопись революции. — 1925, № 5-6. — С. 161.

[41] ГАОО. — Ф. 2, оп. 2, д. 3506, л. 31; ф. 314, оп. 2, д. 144, л. 632.

[42] Незабытые могилы. Т. 1. — М., 1999. — С. 301.

[43] Андреева В. Эхо прошедшего. — М., 1986. — С. 173.

[44] Там же.

[45] Там же, с. 232.

[46] Незабытые могилы. Т. 1. — М., 1999. — С. 301.

[47] Чернов Виктор Михайлович (1873-1952) —один из лидеров партии эсеров, ее теоретик. С 5 мая по 28 августа 1917 г. министр земледелия Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции. Во время второй мировой войны участник Французского Сопротивления.

[48] Чернова-Андреева О.В. Холодная весна (Главы из книги) // Звезда. — 2001, № 8. — С. 135.

[49] Денисевич Владимир Ильич, родился в 1888 г., г. Херсон; русский; образование среднее; член ВКП(б) (в 1905-1917 член партии эсеров); заместитель особоуполномоченного УНКВД по Московской обл., капитан госбезопасности. Проживал: Москва, ул. 2-я Извозная, д. 30, кв. 5. Арестован 23 июля 1937 г. Приговорен: в особом порядке 10 января 1938 г., обв.: участие в к.-р. Террористической организации. Расстрелян 10 января 1938 г. Место захоронения — Московская обл., Коммунарка. Реабилитирован 1 июля 1991 г. Прокуратурой СССР Источник: Москва, расстрельные списки — Коммунарка. http://lists.memo.ru/d10/f455.htm

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Детские годы в Арнаутской слободке

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
А.С. Пушкин

"О, сколько нам открытий чудных" готовят архивные изыскания Олега Иосифовича Губаря по истории Одессы! Каждая их публикация вызывает неизменный интерес, дает возможность слой за слоем открывать историю родного города в безукоризненной документальной точности.

Но, признаюсь, публикация в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская (№ 40) очерка О. Губаря "Арнаутская слободка и Вольный рынок" вызвала у меня особый эмоциональный отклик, долго не отпускавший и побудивший сесть за клавиатуру — теперь ведь не скажешь: "и пальцы тянутся к перу, перо к бумаге"...

Прежде всего, сам топоним — Арнаутская слободка. До сих пор, как известно, сохранился район — Слободка, утративший уточнение — Романовка. Сохранилось в памяти, хоть исчезло из употребления, название Воронцовская слободка. А уж легендарную "Воронью слободку", ее быт и нравы на себе испытал, в частности, в Одессе, каждый второй — коммунальные квартиры, а то и дворы напоминали образ, созданный И. Ильфом и Е. Петровым.

Одесситы знали, что своим названием улицы Большая Арнаутская и Малая Арнаутская обязаны албанцам, первым поселенцам этого района, хоть, как пишет О. Губарь, люди селились там разные: "По распоряжению де Рибаса эти сооружения передали греческому попечителю Кес-Оглу (Кесоглу) для размещения средиземноморских переселенцев. Последний, однако, помещал здесь не только греков, албанцев и югославян, но и лиц, прибывавших из разных регионов России и зарубежья".

Я заинтересовалась, почему албанцев звали арнаутами. Нашла много интересного: арнауты — субэтнос, утративший свой язык. В отличие от албанцев, арнауты — православные, может, поэтому самая большая община арнаутов живет в Греции. В память о былом кроме названий улиц в Одессе сохранились фамилии Арнаут и Арнаутов. Когда-то высоким одесским стандартом была картошка "американка", фонтанские помидоры и мука из "арнаутки", то есть пшеницы особо твердых сортов.

Турки называли албанцев арнаутами, а греки — арванитами. Я вспом-

нила, что у моей старшей сестры была подруга — Алла Арванити, жила она наискосок от нас на Малой Арнаутской угол Гимназической. Может, ее предки и были первыми поселенцами нашего района.

Но вот Арнаутская слободка — я впервые услышала такое историческое название, не сохранившееся ни в живой речи, ни в литературе. Но главное, что меня привело в уже упомянутое эмоциональное потрясение, — совершенно личное: значительная часть моей жизни была связана с Арнаутской слободкой. Если часто говорят — мы родом из детства, то я могу сказать, что мое детство родом из Арнаутской слободки.

Оказывается, история моей "малой родины" началась еще в августе 1795 года, то есть это старейший район города, что в моих глазах придает ему дополнительную прелесть, а уж особую гордость вызвало такое сообщение: "Эпицентр Арнаутской слободки представлял собой в плане почти квадрат, ограниченный современными улицами Базарной, Канатной, Пантелеймоновской и Пушкинской".

Так вот я и жила в самом "центре" этого эпицентра. Два основных "ствола", давших название Слободке, — Большая и Малая Арнаутские — корнями уходят к морю, пересекаются протяженными Канатной, Ремесленной (Осипова), а между Белинского и Пушкинской ветвятся крошечным Канатным переулком, Новой (теперь Черновола), Гимназической и Земской (Лейтенанта Шмидта).

Вот Гимназическая, между Малой Арнаутской и Большой Арнаутской, и была судьбой подарена мне в детстве и ранней юности "во владение", в обитание.

Правда, в начале войны и оккупации мы жили на углу Пушкинской и Малой Арнаутской, в глубине небольшого дворика в подслеповатом помещении на уровне земли. Потом, как рассказывала мама, нас оттуда выставили, потому что оккупанты разместили там жандармерию. Наверное, в помещении, где мы жили, разместили конюшню.

Этот угол Пушкинской и Малой Арнаутской запомнился мне страшным впечатлением. Перед освобождением Одессы была взорвана (?) табачная фабрика (на ее месте в 50-е годы выстроили ЦУМ), и мы с мамой видели пожар, охвативший все этажи прекрасного здания в стиле модерн. Зрелище было ужасное.

Часть квартала Пушкинской от Малой Арнаутской до Ильинской церкви продолжала оставаться своей, домашней. Мои родители на протяжении многих лет были прихожанами Ильинской церкви. Гораздо позже мама рассказывала, как после войны, во второй половине сороковых годов, в Ильинской церкви появились новые прихожане — довольно моло-

дой человек с пожилой элегантной дамой с неизменной шляпкой на голове. Они всегда стояли в левом приделе, у клироса. И при всей скромности и строгости их одеяния они выделялись среди церковной публики. Это были вернувшиеся из Франции Николай Алексеевич Полторацкий и его мама Елена Карловна Полторацкая (Мейнике).

Собственно, мама об этом начала рассказывать, когда мы подружились с Николаем Алексеевичем и Натальей Филипповной Полторацкими. Потом подросла Анна Николаевна Полторацкая. Мы и с ней подружились. И ходили к Полторацким-старшим на Нежинскую, и к Анке Полторацкой на Пушкинскую. Она к тому времени жила со своей семьей в тех комнатках бывшего Ильинского подворья, в которых по возвращении, до женитьбы на Наталье Филипповне, жил с Еленой Карловной Николай Алексеевич.

Боже, как хорошо было тогда и на Нежинской, и на Пушкинской!

...Изгнанные жандармерией с Пушкинской, мы нашли пристанище на Гимназической. Именно там, на Гимназической угол Большой Арнаутской, прошло в страхах раннее "детство с испуганными глазами". Я уже об этом писала. И все же. Как долго тянулись там два с половиной года оккупации, пока мы не дождались освобождения! Два апрельских дня 1944 года запомнились навсегда. В серый день 9 апреля оккупантами были расклеены бумажки с приказом закрыть ставни на окнах, оставить открытыми ворота и двери. Все были в панике: чего ждать — резни? Наконец, под вечер мама приоткрыла ставни в окне, выходившем в просвет между двумя домами на Большую Арнаутскую, и мы увидели серую толпу, тянувшуюся в сторону Пушкинской. Они уходили. Мама начала креститься и плакать от радости: "Господи, наконец-то они уходят!". И незабываемый первый счастливый день — солнечное утро 10 апреля! И опять по Большой Арнаутской, но уже от Старопортофранковской, Ришельевской, Пушкинской шли НАШИ — в мокрых гимнастерках (шли от затопленной водой Пересыпи), уставшие, со счастливыми лицами — мы вернулись в Одессу! Весь народ высыпал на улицу, со всем, что было у каждого в доме, — мамалыга, картошка в мундирах, кусок хлеба. Объятия, поцелуи! Даже теперь, спустя столько десятилетий, я помню 10 апреля как один из самых счастливых дней в моей жизни.

Через какое-то время мы переехали на Гимназическую угол Малой Арнаутской. Отсюда я пошла в школу, отсюда уехала в Ленинград, сюда за мной пришел Женя Голубовский, чтобы повести в ЗАГС возле Оперного театра, в Пале-Рояле. Я вернулась из Ленинграда. Мы жили с Женей на Кузнечной, но родители продолжали жить на Гимназической угол Малой Арнаутской. Да и я была прописана там же, пока мы не получили квартиру на Черемушках.

Кстати, о прописке. Наш ЖЭК был на Земской. Пишу Земская не от фанаберии, а просто с тех далеких лет привыкла к этому названию. Мне приходилось там бывать у паспортистки Аллы Ивановны, веселой одесситки, то за какой-то справкой, то однажды, потеряв паспорт. Алла Ивановна, отругав меня, выдала мне новый паспорт. Через какое-то время я в него заглянула и увидела, что в графе "Место рождения" было написано "Ленинград". Я опять бросилась на Земскую.

— Алла Ивановна, я очень люблю Ленинград, но я все-таки родилась в Одессе!

— Ой, какая разница! — воскликнула Алла Ивановна. — Ладно, будет тебе Одесса, хоть я думаю, что ты ленинградка. А вообще, скажи спасибо, что в паспорте нет шестой графы — специальность. Я бы тебе написала — балерина.

И еще несколько лет, встретившись на Малой Арнаутской, Алла Ивановна говорила: "Моя ленинградская балерина!"...

...Освоение Арнаутской слободки проходило постепенно. После освобождения Одессы, до того, как я пошла в школу (на Французском бульваре), только малое пространство вблизи нашего дома было знакомым и привычным — Ильинская церковь, кинотеатр "Бомонд" на углу Земской и Итальянского бульвара (потом на его месте выросла "хрущевка"). Походы с мамой на Привоз, особенно привлекательным был магазин в центре старого Привоза, где продавались различные промтовары, в том числе игрушки. Это было полутемное помещение-времянка, построенное чуть ли не из жести, похожее на большой склад, но носило оно название ГУМа. Каждую весну там покупались на лето сандалии, на протяжении нескольких лет они были абсолютно одинаковыми, только менялся размер.

Магазинов было немного, некоторые сохранились еще с дореволюционных лет. Старожилы помнили их прежние имена, гастроном на углу Пушкинской и Новорыбной неизменно назывался Дубининским.

С одним магазином связано воспоминание, оставшееся на всю жизнь. На нечетной стороне Малой Арнаутской, ближе к Земской, до последних лет была булочная. Обычно мы ходили в булочную на Канатной — между Малой Арнаутской и Большой Арнаутской, но часто и туда, к Земской. Напротив булочной стояла будка, где иногда, чтобы не мешать булочной, "выбрасывали" какие-нибудь продукты — крупы или муку. Очевидно, как-то узнавали об этом заранее, потому что очередь выстраивалась с раннего утра.

Мы с мамой заняли очередь, "в одни руки" давали ограниченное количество продукта, а семья была большая. В начальных классах школы я училась всегда на второй смене, вот мне и выпадала обязанность стоять

с мамой в очередях. Мы уже приближались к заветному окошку будки, как вдруг появился мужик в милицейской форме, окинул взглядом (так и хочется написать — мутным) очередь, подошел к моей худенькой маме, вытащил ее из очереди и занял наше место. Я заплакала, у мамы дрожали губы. Никто из очереди слова не выкрикнул в нашу защиту.

В детстве нам делали прививки от оспы, Манту, Пирке и другие. Но тогда и там, на Малой Арнаутской, в свои семь или восемь лет я получила, может быть, самую важную прививку. На всю жизнь — от власти, в тот раз явившейся мне в милицейской форме, и от толпы...

Угол Малой Арнаутской и Земской, по диагонали от злополучной будки, связан совсем с иными воспоминаниями. За высокой решеткой в глубине уютного дворика стояло красивое старинное здание, и там же, в этом дворе, в послевоенные годы стоял, как на якоре, настоящий небольшой самолет. Это уже теперь я знаю, что здание было изначально синагогой рубщиков кошерного мяса и построено было еще в первой половине XIX века. Тогда же, в послевоенные годы, там был Аэроклуб. Все детские годы я проходила мимо, любуясь и зданием, и самолетиком. Только когда в девятом классе мы перешли в мужскую школу, я иногда с одноклассниками заходила внутрь здания. На втором этаже был кружок авиамоделирования, в котором пропадал наш соученик Володя Литвак. На длинном столе у окна перед Володей лежали десятки, а может, сотни каких-то только ему понятных деталей, винтиков, гаечек, шурупчиков и прочих ценностей, над которыми Володя колдовал, пытаясь что-то нам объяснить. Мало я помню в те годы таких увлеченных сверстников, как Володя Литвак.

Кроме не исчезавшего из памяти горького эпизода с будкой и милиционером эта нечетная сторона Малой Арнаутской от Земской до Гимназической подарила, к счастью, и другие воспоминания, другие образы.

В середине учебного года в девятом классе у нас появилась новая девочка с пушистыми черными ресницами, оттенявшими синеву ее глаз, с густой шапкой темных волнистых волос, словом, красавица! У нас в классе все девочки были с косичками, в параллельных были девочки и со стрижками. Наш классный руководитель Исай Ефимович Затуловский, человек строгих правил, говорил: "В моем классе учатся девочки, а в тех — барышни". И тут появилась со своей замечательной головкой Лора Фельдмус! Мы быстро с ней подружились, тем более что жила она вначале на том квартале, о котором идет речь. Через какое-то время она переехала на Канатную, в угловой дом напротив стадиона "Спартак". Лариса приехала в Одессу из далекого казахского Темир-Тау. Чуть позже, со-

гретая одесским теплом, она рассказала, что оказалась в Темир-Тау потому, что там находился в "почетной" ссылке ее отец. После его кончины она вернулась в Одессу. Мы уже окончили школу, но Лариса оставалась моим "Вергилием" в точных науках, она училась в институте связи, и мои проблемы в строительном институте казались ей пустяком.

Через много лет Лариса (она очень давно живет в Лос-Анжелесе) нашла меня через сайт Всемирного клуба одесситов. Для меня она осталась той же прелестной девочкой с Малой Арнаутской — между Земской и Гимназической!

Всем читателям, слушателям, поклонникам таланта писателя, историка, знатока Одессы, одессита до последней нервной клетки открою тайну — на этом квартале всю жизнь живет Александр Розенбойм (Ростислав Александров), мой приятель с давних школьных лет.

Начиная от Канатной и до Белинского — что ни дом, то воспоминания об одноклассницах и одноклассниках.

Вот эркер на третьем этаже дома, где жила Рита Лихтер. Мы часто возвращались с ней с Французского бульвара, из школы, вместе. Иногда я провожала ее в Отраду, где жил ее отец, в доме, на месте которого выросла современная помпезная "Отрада". На Малой Арнаутской Рита жила с двумя тетями, очевидно, сестрами ее мамы.

Рита была очень живой добродушной девочкой, очень смешливой. Умер Сталин. Всех учениц нашей женской школы поочередно ставили к гипсовому бюсту в "траурный караул". Меня поставили с Ритой. Что-то она мне шепнула, а я в смешливости ей не уступала. Какой мукой было в течение этих минут караула под бдительным взором директрисы школы сдерживать смех, распиравший нас! Но в четырнадцать лет мы уже понимали, что смех "у тела" вождя может плохо кончиться не только для нас, но и для наших близких...

Малая Арнаутская угол Канатного переулка. В этом доме жила машинистка, у которой мы покупали отпечатанные на папиросной бумаге экзаменационные билеты и потом кружочком перед каждым экзаменом отмечали номера уже выученных.

А в доме напротив жил Дима Гуревич. Когда мы учились в десятом классе, проходила республиканская олимпиада по математике. Было девять победителей. Из них семеро из Одессы, все из нашей 101-й школы, из них пятеро — из нашего класса: Дима Гуревич, Валерий Кудинов, Володя Низгурецкий, Феликс Ройтман, Жора (Зёка) Яблонский. Наш математик и классный руководитель Исай Ефимович Затуловский был счастлив.

Я никогда не обладала математическим талантом. Но еще много лет после школы удивляла своих знакомых хорошими знаниями по математике. На их удивление всегда отвечала — меня хорошо учили математике в 54-й школе, на Французском бульваре, Нехама Иосифовна Глезер, Израиль Самойлович Кац и Исай Ефимович Затуловский — в 101-й, на Большой Арнаутской.

"Я гляжу на фотокарточку: две косички, строгий взгляд..."

Лора Фурман жила на Малой Арнаутской, напротив Канатного переулка. Невысокого роста, с едва заметными веснушками, подчеркивавшими миловидность ее лица. Жила с мамой, рано овдовевшей, с младшими сестрой и братом, о которых заботилась с мамой наравне.

Комсорг класса. Один из наших одноклассников называл ее — "директор советской власти". С первого по десятый класс училась исключительно на "пятерки" — без всяких поблажек со стороны учителей. Но "директора советской власти" растоптала советская власть.

Письменный экзамен на аттестат зрелости, то ли сочинение по русской литературе, то ли математика. Лоре втиснули какую-то ошибку, то ли запятую лишнюю, то ли какую-то математическую малость. Золотой медали ей не дали, получила она серебряную. Она пыталась бороться, ездила в Киев, в министерство образования. Конечно, ничего не добилась. Мы все понимали, почему Лора не получила золотую медаль, но помочь ей, кроме участия и сопереживания, ничем не могли.

Это ее подкосило. Она поступила в самый близкий к дому гидрометеорологический институт (он был тогда на Большой Арнаутской). Она и там училась отлично, скорее, уже по привычке. Потом вышла замуж за вьетнамца. Ее долго мурыжили здесь. И во Вьетнаме ей было несладко. С сестрой, уехавшей в Америку, переписывалась через Одессу — во Вьетнаме шла война.

Из наших одноклассников она первая покинула эту столь горькую для нее землю...

Даже сейчас, несмотря на убийственные пробки на узкой мостовой, несмотря на то, что "флора там все та же, да фауна не та", Малая Арнаутская все же сохранила тихий неброский архитектурный облик девятнадцатого столетия с немногими вставками века двадцатого, хоть начинает вторгаться и нынешнее столетие. На смену романтическому определению девятнадцатого века — "Архитектура — это музыка, застывшая в камне", с новыми реалиями пришло иное — "Архитектура — это коррупция, застывшая в камне"... У Бориса Херсонского есть сборник горьких стихов с выразительным названием "Площадка под застройку". Боюсь, что и Ма-

лой Арнаутской, одной из старейших улиц Одессы, грозит участь стать очередной площадкой под застройку в нашем городе.

Большая Арнаутская. И с этой улицей связано очень много: Сто первая школа, детская районная библиотека во дворе дома номер семь и вечная просьба: "Дайте толстую книгу!" — любую, но чтобы долго длилась радость чтения. Летний кинотеатр — потом на его месте построили Гидрометинститут, теперь там ПКТИ. Лето 55-го года. Бесконечно крутится аргентинский фильм "Возраст любви" с Лолитой Торрес. Билеты в кассе берутся с боем. Не попавшие в кинотеатр слушают Лолиту Торрес под его стеной, на улице, мальчишкам удается взбираться на забор и высокие деревья. Всеобщий восторг. Моя одноклассница с гордостью говорит: "Мой папа 18 (!) раз смотрел "Возраст любви". Вот это любовь! Что там современные хиты!

И дом, построенный в стиле модерн архитектором Скведером! Он был самым красивым и самым необычным домом на Большой Арнаутской от Гимназической до Белинского. Пройти мимо него, не испытав восхищения и восторга, было невозможно

Но главное — Большая Арнаутская была дорогой, которая вела к морю. Может быть, одесское выражение "вид на море и обратно" родилось на Большой Арнаутской? А вид был тот еще, как говорили в Одессе!

Большая Арнаутская, замедлив свое по тем временам широкое течение, естественно вливалась в Лермонтовский переулок. Эти прелестные одесские переулочки и улочки, воспетые Паустовским и Катаевым, — Черноморская (в те времена еще была вторая сторона улицы, погибшая позже во время оползня), Обсерваторный, Стурдзовский, Лермонтовский, Вагнеровский, вся Отрада — в них предвкушение моря было особенно волнующим. В их неповторимость, их лирическую мелодию вливалась музыка морской стихии, вольности и свободы.

Лермонтовский переулок был связан с морем еще одной отличительной особенностью — здесь размещался экипаж одесской "Средней мореходки". Колонны юных гардемаринов, возвращавшиеся из училища в экипаж или же отправлявшиеся в училище, были его "визитной карточкой". И по вечерам в выходные дни — танцплощадка. За танцующими парами с восхищением и завистью наблюдали сквозь красивую решетку двора экипажа не удостоившиеся чести быть по ту сторону решетки.

В крошечном переулке, как и на Арнаутских, кажется, все лица были знакомы. На углу Белинского и Лермонтовского переулка жила моя одноклассница и по женской школе, и по сто первой — Аида Сафарян. В воротах дома, на месте которого высится теперь "Маскарад", кажется, до сих пор стоит Ню-

ма Стомохин, на школьных вечерах исполнявший в лицах свой коронный номер "Лев пьяных не любил, сам в рот не брал хмельного, но обожал подхалимаж". Напротив, на другой стороне переулка, жил уже упомянутой Валера Кудинов, один из победителей математической олимпиады, с мамой Алевтиной Ивановной Кудиновой, тогда — преподавательницей русской литературы в одном из техникумов, потом создательницей легендарной 116-й школы.

А за поворотом, направо, в "тылу" экипажа мореходки в небольшой комнате жил преподаватель училища, кавторанг Хомутов Михаил Дмитриевич с женой Анной Васильевной и дочерью Светланой. Света была нашей одноклассницей.

Стены комнаты были увешаны картинами Айвазовского — это были копии работ знаменитого мариниста, любовно выполненные Михаилом Дмитриевичем. Когда появлялась Аида Сафарян, Михаил Дмитриевич встречал ее арией Радамеса "Милая Аида...". Иногда его просили провести у нас в классе вместо отсутствующей учительницы урок по астрономии. Слушали его, затаив дыхание.

Ему очень шла морская форма. Но еще больше в нем привлекал какой-то внутренний аристократизм, отсутствие высокомерия и назидательности. С нами он общался часто с иронией, с юмором, но всегда как с равными. Замечательный был человек! И дочь у него такая же замечательная!

Мы не были похожи на лицеистов, но "сады Лицея" в те годы нам заменял Лермонтовский курорт с его уютным старым парком. Сколько откровений и девичьих секретов слышала полукруглая скамейка из черного мрамора, стоявшая тогда чуть в глубине от центральной аллеи, сколько первых свиданий было назначено в этот парке, сколько романов, будь то "Обрыв" Гончарова или "Дворянское гнездо" Тургенева, было прочитано на уединенной скамейке в окружении кустов и деревьев, почти над морем...

Небольшой пляж между Ланжероном и Отрадой, который мы так и называли — Лермонтовский, был для нас продолжением нашей Арнаутской слободки. Такой же непритязательный, уютный, домашний. На склонах в послевоенные годы еще не были высажены деревья и кустарники. Кажется, что они хранили пушкинскую первозданность: "С крутого берега сбегая, уж к морю направляюсь я". Склоны действительно были круты, и волны, как говорят, были другими...

Так возникла у моря, приютилась, приникла к нему Арнаутская слободка. Только бы не превратилась она в Атлантиду... В площадку под застройку.

Дмитрий УРСУ

Желтый флаг над Одессой*

Сорок лет назад в жарком августе 1970 года над Одессой взвился желтый флаг противохолерного карантина. На кораблях в порту привычное полотнище красного цвета с серпом и молотом заменили на желтое. Миллионный город был взят в плотное кольцо войск и милиции, в нем стали действовать законы и порядки чрезвычайного положения. Партийно-советская номенклатура на недолгий час уступила место у властного руля медикам и санитарам. Мировая печать, радио и телевидение передавали тревожные сообщения об эпидемии холеры, охватившей кроме южных ворот страны безбрежные просторы СССР. В самой же Одессе говорили о неких острых желудочно-кишечных заболеваниях, а страшное слово *холера* чиновники дрожащей рукой выводили лишь на документах с грифом "Совершенно секретно". Что же происходило на самом деле, горожане доподлинно не знали ни тогда, ни теперь, четыре десятилетия спустя.

Сегодня общественный интерес к этому неординарному эпизоду в новейшей истории Одессы возбужден случившейся осенью прошлого, 2009 года, эпидемией гриппа и карантинными мерами, болезненно пережитыми одесситами.

Задача настоящего исследования — на широкой источниковой основе рассмотреть предпосылки, ход и последствия холерной эпопеи в нашем городе не столько как санитарно-эпидемического, но как экстраординарного общественного явления, как одного из кризисных моментов в истории Одессы.** Впервые вводятся в научный оборот рассекреченные документы областных и городских партийных и советских органов, а также материалы областной санитарно-эпидемиологической станции (СЭС). Кроме того, для раскрытия темы изучены местная и зарубежная пресса, статистика Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), воспоминания очевидцев, медицинская литература.

Специальных научных работ (во всяком случае, в открытом режиме) об Одессе лета 1970 года нет, зато написано немало художественных произведений, в которых этот сюжет служит предлогом для веселого зубоскальства. Холера обогатила городской фольклор массой остроумных

* Публикуется с сокращениями.

** Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность Л.Я. Могилевскому, заместителю директора Украинского научно-исследовательского противочумного института им. И.И. Мечникова, за ценные консультации.

шуток, баек, анекдотов. После сильного испуга, как известно, люди больше и охотнее смеются. Несколько текстов разного свойства и достоинства (порой — весьма сомнительного) можно найти в Интернете. В этой "околохолерной" литературе особняком стоят две публикации: повесть одессита по происхождению писателя Александра Рекемчука "Пир в Одессе после холеры" (2001) и статья краеведа Александра Розенбойма "Пир во время холеры" (2004). Несмотря на схожие названия, это произведения совершенно разные. Во втором, по жанру исторической хронике, речь идет о происшествиях далекого 1918 года, поэтому его в дальнейшем рассказе касаться не будем. Рекемчук же пишет о холере 1970 года, но "по касательной": писатель побывал в Одессе спустя три месяца после карантина. Эпидемия для него лишь повод еще раз рассказать о собственной жизни, в самом деле — увлекательной и полной приключений. В повести есть многое: и холера при Пушкине, который эту болезнь называл чумой, и биография замечательного писателя по фамилии Рекемчук, и умные рассуждения о творчестве, и сочное описание разнообразных южных застолий, нет только холеры в Одессе. Жизнь одесситов в противохолерном карантине дана лишь через восприятие некоторых персонажей повести. Так, одна знакомая писателя запомнила такое: "Трупы на улицах не валялись. Помидоры и огурцы с базара велели мыть с мылом. Еще повсюду стояли бочки с какой-то жидкостью, дезинфекцией".

Интереснее читать приведенный в повести довольно большой отрывок из интервью М. Жванецкого о событиях того знойного августа: "Холера в Одессе имела большой успех... Столько смеха в Зеленом театре не было никогда. Лица в Одессе стали хорошие, в городе вдруг появились продукты и такси. Перебоев с водой не было. На улицах была абсолютная чистота, несвойственная Одессе". После пятидневной обсервации на пароходе рассказчик уехал в Москву. "Через полтора месяца вернулись в Одессу, а там жизнь уже вернулась в нормальное русло: грязь, трамваи забиты, в магазинах пусто..." (О маленьком шедевре М. Жванецкого под заглавием "Холера в Одессе" будет сказано в конце настоящей статьи). Отметим, что идиллическое и ностальгическое восприятие городской жизни в условиях карантина присуще многим одесситам старшего поколения. Насколько верны такие завышенные оценки, постараемся показать далее.

Бесстрастные и не склонные к лирике исторические факты, однако, свидетельствуют об ином: XIX и XX столетия были для Одессы богаты на жестокие страдания населения, вызванные опустошительными заразны-

ми болезнями, главным образом, чумой и холерой. Не только Пушкин их смешивал; совсем недавно при переводе на русский язык романа Габриеля Гарсии Маркеса, который в подлиннике назван "El amor en los tiempos del colera", заглавие переиначили на "Любовь во время чумы". Даже для не знающего испанский язык ясно, что слово "colera" совсем не чума. Кстати, в английском переводе роман назван правильно "Love in the Time of Cholera". Тем не менее, такое смешение понятий простительно: еще в Библии обе болезни объединены под названием "мор, моровая язва". Так, Страшный суд будет сопровождаться "гладами, морами и землетрясениями" (Мф 24:7), а во Второзаконии непослушному народу Господь угрожает "моровой язвой", составные части которой суть такие: "чахлость, горячка, лихорадка, воспаление" (Втор 28:21). В этом перечне, правда, нет главного симптома холеры — расстройства желудка, жидкого стула.

Если вернуться к одесскому прошлому, то следует сказать, что жители молодого приморского города сначала познакомились с чумой, и лишь спустя десятилетия — и с холерой. Первая эпидемия чумы в 1812-1813 гг. была самой губительной: из заболевших 3,5 тыс. горожан погибли 2655. Зараза посещала город еще несколько раз, постепенно затухая. Оставим чуму в стороне и поговорим, как советовал Шолом-Алейхем, о чем-то более веселом, о холере.

В России холера появилась впервые в 1823 г., затем спустя семь лет возвратилась, из Астрахани дойдя по Волге до Москвы (именно эту эпидемию видел Пушкин). Летом следующего года она объявилась в столице империи. Вскоре она охватила Западную Европу, перекинулась в Северную Америку, опустошила крупнейшие города мира — Лондон, Париж, Нью-Йорк. В Воронцовском фонде Научной библиотеки ОНУ им. И.И. Мечникова хранится прелюбопытный сборник документов о холере, изданный британским министерством здравоохранения. Нет возможности на нем останавливаться, да и об Одессе в нем ничего не сказано. Наш город проклятая болезнь поразила во время четвертой пандемии, в 1865 г., до этого она бывала здесь лишь эпизодически. Эпидемия охватила кроме Одессы также Бессарабскую, Таврическую, Екатеринославскую и Киевскую губернии. Всего заболели более 13 тыс. чел., из них умерли четыре тысячи.

Холера появлялась регулярно в Одессе несколько раз в конце XIX — начале XX веков. Нет, видимо, необходимости подробно говорить о каждой эпидемии. Важнее подчеркнуть другое: наш город не только много раз страдал от чумы и от холеры, он стал одним из мировых центров преду-

преждения и лечения этих грозных заболеваний. Имена славных борцов против эпидемических инфекций — И.И. Мечникова, Н.Ф. Гамалеи, В.А. Хавкина — золотыми буквами вписаны в историю микробиологии и эпидемиологии. В Одессе была основана первая в России и вторая в мире бактериологическая станция, где над изучением возбудителя холеры и его токсинов в течение многих лет работал будущий академик Н.Ф. Гамалея. Он написал ряд фундаментальных работ об этиологии и профилактике холеры, защитил на эту тему докторскую диссертацию. Гамалея, в частности, дал глубокий анализ вспышки холеры в Одессе в 1908 г., когда из 19 заболевших 15 умерли. Он пришел к выводу, что холерные эпидемии всегда поражают Пересыпь (так, кстати, случилось и в 1970 г.), и объяснил причину этому: в той части города отсутствовала канализация, а во многих домах — и водопровод. Поэтому для одесских условий характерен преимущественно водный путь распространения инфекции.

"Годом большой холеры" в России стал год 1910-й, тогда эпидемия снова появилась и в Одессе. Позже зараза побывала здесь в революционном 1918-м году, затем — в 1922-м году. Оба раза противоэпидемическую службу города возглавил еще один большой ученый — будущий академик Д.К. Заболотный. Подсчитано, что за сто лет (1823-1926) в России холерой переболели 5,5 млн. чел., из них погибли около 2,2 млн. чел., или 42% общего числа. После 1926 года холера в СССР не показывалась несколько десятилетий, и казалось, что она исчезла навсегда.

Громом среди ясного неба прозвучало в Одессе сообщение о появлении холеры в Батуми и Астрахани летом 1970 года. Послушаем, что об этом говорит архивный документ одесского облздрава. Из него явствует, что в середине июля одесским медикам из неофициальных источников, скорее всего, от моряков ЧМП, стало известно о появлении холеры сначала в Батуми, потом — в Астрахани. Из "неофициальных источников", потому что вся информация о холере еще пять лет назад была объявлена государственной тайной. Теперь, вместо того чтобы немедленно сообщить на места по официальным каналам тревожную весть, власть принудила одесских врачей пользоваться слухами и догадками. Тем не менее, они встревожились и приняли некоторые меры по приведению санитарных служб в готовность. С 26 июля в областной инфекционной больнице стали проводиться бактериологические исследования желудочно-кишечных больных по форме 30 на наличие холерного вибриона. Но только 3 августа поздно вечером (в 23 часа) из испражнений подозрительного больного был выделен холерный вибрион Эль Тор серотип Огава.

Первой жертвой начавшейся эпидемии стал Ф.Е. Лютиков, 57 лет, сторож расположенного в черте города на полях орошения совхоза им. Кирова. Он заболел накануне и был доставлен "скорой помощью" в тяжелом состоянии в инфекционную больницу в 9 час. 45 минут с подозрением на острый энтероколит. Сам Лютиков считал, что отравился копченой рыбой. Несмотря на все старания врачей, в 21 час 20 минут Лютиков скончался. Таким образом, для определения у него холерного вибриона лаборатории потребовалось более 13 часов. Конечно, такая медлительность может говорить лишь о недопустимой халатности врачей и крайне несовершенной методике их работы по холере. Но главный недостаток, как представляется, состоял в отсталости технико-материальной базы всей одесской медицины.

Безусловное проникновение в город страшного врага по имени Эль Тор вызвало бурную вспышку активности областных и городских властей. Можно без всякого преувеличения сказать, что ночь с 3 на 4 августа 1970 года многим одесским начальникам запомнилась на всю жизнь. Уже в полпервого ночи заработал противоэпидемический штаб очага, вскоре в его распоряжение прибыла рота солдат внутренних войск для оцепления инфекционной больницы, штаба и других учреждений. В это же время неприятная новость была передана первым лицам — секретарю обкома П. Козырю, председателю облисполкома А. Дуднику, главному санитарному врачу республики М. Мельнику, который срочно прибыл в Одессу, а также начальникам милиции и службы безопасности. Ночью и в первую половину дня 4 августа были развернуты госпитали для больных и отдельно — для подозреваемых (провизорский), изолятор для контактных. На Пересыпь и в район Хаджибеевской дороги направилась бригада врачей-инфекционистов для подворных обходов.

С 5 августа больные холерой стали поступать в госпиталь ежедневно: в этот день — четверо, на следующий — шестеро, причем из разных районов города, в том числе из пос. Ильичевск. Кроме того, 6 августа произошла новая неприятность: вибрион Эль Тор был обнаружен в морской воде пляжа Комсомольский (на Лузановке). В отчете отдела особо опасных инфекций областной СЭС подчеркнуто: "На протяжении ряда лет из этой точки на пляже производился забор воды, и все исследования до 6 августа давали отрицательные результаты".

Стало совершенно ясно, что город охвачен инфекцией и что следует срочно принимать чрезвычайные меры для спасения населения, а именно поднять над Одессой желтый флаг противохолерного карантина и оце-

пить ее плотным кольцом. Первый шаг к этому был сделан 6 августа: Одесса была объявлена неблагополучным городом. Областная Чрезвычайная противоэпидемическая комиссия (ЧПК) решением № 1 констатировала начало эпидемии холеры и ввела карантин, означавший, что выезд из Одессы разрешался только после обсервации в специальных медицинских учреждениях. Карантин был также наложен на совхоз Кирова, гостиницу аэропорта и авиационную техническую базу. Войсками местного гарнизона были оцеплены поля орошения и побережье Хаджибеевского лимана. Было решено провести еще одно важное и необходимое мероприятие: с помощью милиции эвакуированы люди из курортной зоны на морском побережье от Сычавки до с. Приморское Килийского района. На следующий день тысячи отдыхающих бросились в панике к Одессе. По словам очевидцев, они не видели подобного бегства с трагических дней осени 1941 года, только тогда бежали из города.

Введенный ЧПК карантин, однако, оказался неэффективным: железнодорожный вокзал, морской порт и аэродром продолжали функционировать. Сплошной линии оцепления карантинной зоны не существовало. Между тем паника в городе усиливалась, началось повальное бегство приезжих: в аэропорту, на вокзале люди штурмовали самолеты и поезда. У всех на устах было пугающее слово *холера*, хотя местные власти в речах, по местному радио и в прессе твердили о неких острых кишечных заболеваниях (ОКЗ). Эта грубая ложь, впрочем, никого не могла успокоить.

В тот же день, 6 августа, было принято не подлежащее публикации совместное постановление обкома партии и исполкома областного совета "О проведении срочных мероприятий по профилактике заболеваний холерой в Одесской области". В констатирующей части сделаны ссылки на обострение эпидемической обстановки по холере в странах Ближнего Востока, имеющих регулярные транспортные связи с Одессой, и на случаи заболевания холерой в Батуми, Астрахани и Нахичевани. Далее, вопреки установленным фактам, лицемерно говорится о том, что "существует реальная угроза завоза на территорию области заболеваний холерой". В документе сказано об угрозе завоза, в то время как уже имеются более десятка холерных больных и в наличии трупы скончавшихся. Не будем далее останавливаться на этом обширном постановлении, содержащем декларативные призывы в известном стиле: "заслушать, усилить, принять меры, обеспечить, срочно составить план". В нем нет конкретных мероприятий; ничего, например, не сказано о карантинном режиме. Короче, документ провозглашает необходимость профилактики холе-

ры, в то время как ЧПК вводит карантин, который не срабатывает и лишь усиливает общую неразбериху. Естественным образом, паника среди местного населения (по данным статистики, оно насчитывало 860 тыс.) и приезжих (до 300 тыс.) в эти два дня, 6 и 7 августа, только усиливается.

Пока власти мечутся и не знают, что предпринять, эпидемия стремительно ширится. На 12 часов 7 августа в различных районах города выявлены 12 больных с доказанным наличием вибриона Эль Тор в организме. Кроме упоминавшегося Лютикова от холеры скончались еще два одессита — работник ликероводочного завода и безработный житель Ильичевска. Стало ясно, что следует немедленно изолировать Одессу, иначе эпидемия распространится на всю страну. Тот карантин, который ЧПК объявил 6 августа, санитарную безопасность обеспечить не мог.

8 августа, наконец, партийно-советское руководство решилось на крайние меры. ЧПК приняла два постановления. Постановлением № 3 все пионерские лагери Одессы закрыты и превращены в обсервационные пункты. Начальник железной дороги должен был подготовить не менее десяти пассажирских поездов и до конца дня разместить в них пассажиров, находившихся на вокзале и не имевших в Одессе жилья. Начальнику ЧМП даны указания суда "Победа" и "Абрау-Дюрсо" в рейс не выпускать. Посадку разрешить только пассажирам из других городов, затем вывести суда на рейд и поставить на шесть суток на обсервацию. Наконец, признано необходимым с 6 часов вечера город с прилегающими сельскими районами оцепить плотным кордоном войск и милиции.

Другое постановление (№ 4), принятое в тот же день, названо "О введении карантинного режима". Оно предусматривает конкретные и строгие ограничения на транспортное сообщение Одессы: с 15 часов прекращается выезд пассажирских поездов и вылет самолетов, кроме спецрейсов. Закрываются все городские пляжи; запрещалась выписка отдыхающих из всех санаториев и домов отдыха, независимо от срока путевок и наличия билетов на выезд. С 9 августа все здравницы, дома отдыха, турбазы объявлялись на обсервации; то же самое произошло с пионерскими лагерями. В постановлении обозначена граница карантинной зоны: Сычавка, Вороновка, Булдынка, Выгода, Граданицы, далее по р. Днестр до с. Маяки, Николаевка, Овидиополь (включительно), Затока (исключительно). Для обеспечения продуктами и предметами первой необходимости населения, оказавшегося в закрытой зоне, создавались пять перевалочных баз, в частности, в Маяках, Затоке и Алтестове. И последнее: чтобы не допустить резкого повышения цен на рынках из-за прекращения

подвоза, вводились жесткие цены (выражение документа) на продукты питания, реализуемые колхозниками. Эти цены не должны были превышать те, что сложились до введения антихолерного карантина. Немаловажный факт: изложенный выше важнейший документ не был доведен до сведения граждан, он надолго был похоронен в секретных архивах.

Изоляция охваченного эпидемией города от внешней среды — важное, но не достаточное для ликвидации болезни мероприятие. Нужно было срочно уничтожить антисанитарию, убрать с улиц и дворов мусор и разные нечистоты, где вольготно себя чувствовали холерные вибрионы. На следующий день после введения карантина горисполком принял общеобязательное решение "О повышении ответственности за санитарное состояние города". Это был первый документ антиэпидемической направленности, опубликованный в местной печати, хотя в нем и не было ключевых слов для понимания ситуации: "*холера*", "*эпидемия*", "*карантин*". До этого жители города ежедневно читали в газетах призывы пить только кипяченую воду, мыть с мылом не только руки, но и купленные на рынке овощи и фрукты и всячески беречься желудочно-кишечных заболеваний. В тот же день, когда увидело свет это решение, 11 августа, "Медицинская газета" напечатала роковое слово *холера*: одесситы узнали о "случаях заболевания холерой" в далекой Астрахани.

Сокрытие истинного положения в осадном городе приняло гротескные формы: даже адресованные партаппарату и госчиновникам документы избегали слова *холера* и повторяли ничего не объясняющую формулу "острые кишечные заболевания". Так, в постановлении горкома партии от 8 августа "О серьезных недостатках в соблюдении санитарного режима города", где остро критиковался мэр В. Шурко, весьма туманно сказано о "появлении в городе острых желудочно-кишечных заболеваний, иногда со смертельным исходом".

Критика партийного органа пошла на пользу, в городе взялись за наведение санитарного порядка. На сессии городского совета в конце года были приведены цифры на этот счет, хотя отдельным вопросом борьба с холерой опять-таки не стояла: "За короткий срок в городе было развернуто 29 госпиталей и изоляторов на 6 тыс. мест и около 200 обсерваторов более чем на 65 тыс. мест. В период карантина было привлечено к подворному обходу для выявления больных холерой и лиц с нарушением функций кишечника свыше 14 тыс. медработников". Далее исполком перечисляет итоги очистительной работы: "Очищено от мусора 1900 дворов, 300 подвалов, вывезено на свалку свыше 3210 тонн разного мусора".

Если бы не эпидемия, эти нечистоты, возможно, накапливались бы еще много лет.

Одновременно ужесточилась борьба с нарушителями санитарных норм и беглецами из карантинной зоны. В местных газетах публиковались в назидание другим имена наказанных.

Желтый флаг противохолерного карантина развевался над Одессой в течение 40 дней. Жизнь в закрытой зоне не была столь идиллической, как это многим запомнилось: трамваи полупустые, нет очередей, на рынке овощи и фрукты дешевы, как никогда, везде чистота и порядок. Увы, проблем было много, и все они требовали срочного решения: и снабжение города продовольствием, и бесперебойная работа промышленных предприятий, и выполнение поставок по импорту-экспорту в морском порту, и начало учебного года в школах и вузах, и вывоз иногородних, прошедших обсервацию, и многое другое. Но на первом месте, естественно, стояла кратчайшая ликвидация холерной эпидемии. Чтобы обнаружить очаги заразы, локализовать их и проверить состояние здоровья населения, практиковались подворные обходы медиками и сандружинниками (последних было задействовано 11 тыс.). По состоянию на 8 часов утра 19 августа ежедневными подворными обходами было проверено 338 тыс. домов; в них о состоянии здоровья и, конечно, о работе желудочно-кишечного тракта опрашивались все, от мала до велика. При малейшей жалобе на жидкий стул подозрительного забирали в провизорский госпиталь. Кроме того, была проведена профилактическая вакцинация медработникам, персоналу аэропорта и плавсоставу ЧМП, всего 5,5 тыс. человек. Остальному населению было решено ее не проводить по двум причинам — дороговизне и малой эффективности.

Бороться с проклятым вибрионом решили, по совету московских экспертов акад. Н. Жукова-Вережникова и проф. Е. Ковалевой, иным путем, а именно проверенным в Каракалпакии одномоментным приемом антибиотиков. 14 августа на последней странице местной газеты в традиционной рубрике "Служба здоровья" одесситы могли прочитать сообщение о лекарственной профилактике всего городского населения с утра 15 до вечера 18 августа. Надо было принимать по одной таблетке тетрациклина три раза в день в течение 4 дней. Приобрести лекарства можно было в ближайшей аптеке. Рядом с этим объявлением на полосе стояла статья проф. Е. Ковалевой "Меры доступные, эффективные". И снова болезнь не имеет имени, а ее возбудители витиевато названы "болезнетворными агентами", хотя одесситы уже привыкли к слову "вибрион". Минздрав

СССР обеспечил завоз в Одессу 4,5 млн. конвалют тетрациклина и окситетрациклина, а всего было продано населению 2,3 млн. конвалют из расчета на 950 тыс. человек взрослых и детей старше четырех лет. Но население стало принимать антибиотики стихийно раньше назначенного срока: только за один день, 9 августа, было продано 204 тыс. конвалют. Это говорит, между прочим, о том, что в Одессе самых больших секретов долго хранить нет никакой возможности.

Важно отметить, что Одесса и под желтым карантинным флагом не превратилась в "мертвый город". В первые дни после введения карантина государство как единый собственник всего экономического потенциала страны несло убытки из-за прекращения экспортно-импортных операций. Они, правда, в минимальном объеме продолжались. Затем со временем кольцо карантина стало разжиматься. В начале сентября власти через посредство ВОЗ объявили на весь мир, что порты Одессы и Керчи "открыты для торговли". Это, однако, не касалось пассажирского флота: корабли с советскими туристами, возвращавшиеся из зарубежных круизов, разгружались в Николаеве, Херсоне или Новороссийске. Аэропорт Одессы работал преимущественно на отправку застрявших здесь курортников. За период карантина было отправлено 56 тыс. пассажиров, а принято — в два раза меньше. Улетавшие в обязательном порядке проходили процедуру обсервации не менее пяти дней.

В середине августа в Одессе наступил пик заболеваемости холерой. Об этом свидетельствуют такие цифры: 13 числа заболело 15 чел., 15 числа — 8 чел. Затем холера начала отступать: только 16 и 20 августа зафиксировано по пять больных, в остальные дни — двое-трое. Затем 23 августа — трое. 24 августа — ни одного. В конце месяца и в начале следующего регистрировались через день по одному, а с 5 сентября больные в госпиталь перестали поступать. Областная ЧПК, тем не менее, решила выжидать еще 10 дней.

О том, что худшее позади, для одесситов сигналом послужило впервые появившееся в печати запретное слово *холера*. Это произошло 4 сентября в газете "Знамя коммунизма", и роковое слово произнесли не государственные мужи, а журналисты А. Иванов и Ф. Кохрихт. В интервью, взятом у проф. Е. Ковалевой и опубликованном под названием "В борьбе с коварным вибрионом", они напрямик спросили: "Что думают врачи по поводу случаев заболевания холерой?". Вопрос, как сейчас представляется, поставлен предельно корректно: не "эпидемия холеры", а лишь "случаи холеры". В ответе ничего не говорилось о карантине и как долго он еще про-

длится. Читая этот материал, одесситы убедились в правдивости своих подозрений, что город поражен опасной болезнью, но завеса таинственности еще продолжалась ровно 12 дней.

И только 16 сентября местные газеты вышли с радостной новостью на первой полосе: "Карантин снят". Как помнится, о том, что он введен, нигде публично не сообщалось. "Вчера в 12 часов снят карантин". Далее шло интервью с председателем облисполкома и ЧПК А. Дудником, который начал разговор магической формулой "как известно", хотя непонятно, откуда населению могло быть известно содержание секретного документа: "Как известно, в субботу, 8 августа, решением республиканского ЧПК Одесса была объявлена на карантин. В связи с тем, что с 5 сентября не было ни одного случая заболевания на холеру, решено карантин снять". Однако и после этого оставались в силе прежние ограничения: въехать в город можно было только по служебным делам. Выезд разрешался по командировочным удостоверениям и справкам о прохождении осмотра на вибриононосительство. Полная свобода передвижения в Одессе была восстановлена лишь с 7 октября.

Победив страшную опасность, одесситы стали подсчитывать потери — и материальные, и людские. Не подлежит сомнению, что финансовые затраты были огромными, но они до сих пор засекречены, и неизвестно, где искать документы по этому вопросу. Скорей всего, в фондах Совета министров УССР. Легче сказать об итоговых цифрах по больным и умершим, хотя в разных документах они не совпадают. Сначала об одесситах, заболевших холерой. На этот счет имеются три цифры: 126, 104 и 112. Все они приведены в оперативном донесении штаба очага на 8 часов утра 18 сентября: зарегистрировано больных всего 126, лабораторно подтверждены 104 случая. Далее идут следующие данные: выявлено контактных 4052, из них изолированы в изоляторы 2610. Под медицинским наблюдением находились 1452 чел., поступили в провизорские госпитали 4696 чел. Выписано всего 8481 чел., из них больных холерой 112 чел. Если перевести на понятный язык весь набор цифр, то можно предложить такое объяснение: больных холерой было 126 чел., из них выздоровели и были выписаны из госпиталей 112 чел., остальные 14 умерли. В другом документе приводится еще одна цифра: в холерном госпитале побывали 113 чел. Однако холерные больные могли находиться и в других местах, хотя и в небольшом числе. Наконец, в постановлении республиканской ЧПК, принятом в апреле 1971 г., говорится, что в Одессе холерой в прошлом, 1970 году, заболело 125 чел. Последняя цифра, по всей вероятности, и есть самая надежная.

Немало путаницы по поводу летальных исходов от холеры летом 1970 года. В журнале регистрации больных холерного госпиталя занесены данные о шести умерших и даны их фамилии. В итоговой справке к этим шести добавлены еще семеро, скончавшихся от сопутствующих болезней, итого 13 чел. Однако данные отдела особо опасных инфекций областной СЭС говорят о 20 случаях смерти от холеры. Желая проверить надежность письменных документов методами устной истории, автор статьи взял интервью у доктора В.С. Фиалковского, работавшего прозектором в областной инфекционной больнице во время холерной эпидемии. Не зная цифры указанных выше документов, на основе собственного опыта он твердо заявил: от холеры в Одессе умерло 20 чел., из них 14 — в городе, и 6 — в районах области.* Таким образом, можно считать установленным, что в августе-сентябре 1970 г. во время эпидемии холеры заболело 125 чел., из них 20 чел. скончались. Материальные же потери — неисчислимы.

Хотя с 15 сентября карантинный желтый флаг над Одессой сменился на привычный красный, коварная болезнь продолжала угрожать городу и в последующие месяцы.

Сегодня можно уверенно сказать, что все, что сделано в Одессе за последние 40 лет в области совершенствования городского санитарного состояния, сделано под прямым или косвенным воздействием холерной эпидемии 1970 года. Еще в 1908 г. Н.Ф. Гамалея в одной из статей о холере высказал парадоксальную мысль о роли этой болезни в деле улучшения санитарии крупных городов: "Холера по тем большим услугам, которые она оказала и до сих пор оказывает делу санитарии, занимает особенное место среди других инфекций. Давно уже она заслужила название сподвижницы гигиены. Еще правильнее называть холеру верховным санитарным инспектором с неограниченными полномочиями... Можно смело утверждать, что до сих пор все, что сделано городом для обеспечения здоровья обывателей, вызвано прямо или косвенно страхом перед холерой". Как бы цинично ни звучали слова великого ученого, они фундаментально справедливы: холера — самый строгий инспектор санитарного дела, справедливый и неподкупный судья городских властей. Совершенствование и налаживание городского хозяйства Одессы за последние 40 лет шло путем ликвидации тех вопиющих недостатков, которые обнаружила костлявая старуха

* Выражаю доктору В.С. Фиалковскому глубокую благодарность за эти сведения и беседу.

с косой (так ее изображали на старинных гравюрах), пожаловавшая к нам летом 1970 года.

Уроки и предостережения прошлого касаются не только повышения санитарной устойчивости и безопасности, как то предлагали ученые-инфекционисты в статье, напечатанной еще в 1970 г. в местной газете. Речь идет также о морально-психологическом климате в городе, о личной гигиене, об этике общественного поведения и межличностных отношений. Главный урок, если угодно, — завет 40-дневного пребывания одесситов в противохолерном карантине, — метафизический. Его замечательно описал Альбер Камю в романе "Чума", и состоит он в таких нравственных ценностях, как служение долгу, человеческая солидарность, сострадание, моральная и физическая чистота. Эти качества в полную меру проявили в тяжелейших условиях тысячи одесских медицинских работников. Общая беда объединила на некоторое время и облагородила поведение всех горожан. Они пришли в то состояние, о котором вспоминает Михаил Жванецкий: "Лица стали хорошие, на улицах абсолютная чистота". В своей замечательной лирической миниатюре "Холера в Одессе" он продолжает: "Мы живем в одном доме, и лозунг наших врачей — "чистые руки" — пусть будет перед глазами в прямом и переносном смысле. Чистые руки, чистая совесть, чистые глаза перед людьми...".

Владимир КУРЛЯНД

Когда дед плакал

Давид Менделеевич Курлянд
Он стал прототипом Давида Гоцмана — героя сериала "Ликвидация"

В нашей коммунальной квартире в бывшем доме Папудова в то время еще не было балкона. В детстве мне его успешно заменял подоконник. Я мог часами сидеть на нем и наблюдать за уличной жизнью. Развлечений тогда особых не было, и это казалось мне интересным занятием.

Но главным было, конечно, не это. Мне очень хотелось первым увидеть, когда дед, возвращаясь со службы, не спеша поворачивал с улицы Горького и подходил к нашей парадной. И тогда, спешно покинув свой наблюдательный пункт, я мчался к входной двери, распахивал ее и с победным криком бросался дедушке навстречу. А он всегда "искренне" удивлялся: "Ну ты и сыщик... Как же ты узнал, что я пришел?".

Однажды привычный ход жизни был нарушен, и я почти целую неделю ложился спать, так и не дождавшись деда. Бабушка отмалчивалась и на мои настойчивые выпытывания отвечала, что у дедушки много работы. Но я видел, что она очень волнуется, хотя старательно делает вид, что ничего не случилось.

А случилось тогда все-таки вот что. Двое сорванцов, клятвенно пообещав родителям "никуда не лазить", подались обследовать заброшенные подвалы и натолкнулись на вход в катакомбы. Их хватились только вечером, детей нигде не было, но кто-то сказал, что видел их возле подвала. Эта страшная весть со скоростью света облетела весь город, ведь одесситы прекрасно знают, что выйти из лабиринта катакомб очень непросто. Далеко не всякому взрослому это под силу, а ведь это дети, совсем еще несмышленыши. Были созданы специальные группы поисковиков, которые день и ночь прочесывали катакомбы. Люди валились с ног, но счет шел на минуты. Операцию возглавил дедушка. Я только много позже, став взрос-

лым, смог осознать, какая это была колоссальная моральная ответственность. Тогда же я узнал, что у дедушки, оказывается, был план катакомб города, да и помогли "специальные связи" с определенной публикой, в силу своей специфики хорошо знающей этот многокилометровый лабиринт. Как к нему попал этот план — документ, безусловно, эксклюзивный и, безусловно, "совершенно секретный", как смог он убедить людей, принадлежавших уголовному миру, помочь поискам, засвечивая при этом свои тайные тропы, — это, конечно, его профессиональная тайна. Он был правильным опером, поэтому его любили свои, боялись чужие, но уважали все.

Детей нашли через неделю где-то в районе 13 ст. Большого Фонтана. В тот день дед пришел рано, я хорошо запомнил, какие у него были усталые и воспаленные глаза. От одежды по-чужому пахло сыростью и цвелью. Он крепко обнял меня, и я впервые увидел слезы в его глазах. А потом мы ужинали на кухне. Бабушка, не спрашивая, налила дедушке рюмку водки, себе плеснула на донышко, мне — компота, и мы выпили за то, что все хорошо закончилось.

Конечно, мне было ужасно интересно узнать, как же все-таки нашли ребят. Наверное, теперь только в старых фильмах можно увидеть, какая мода была у мальчишек того времени — короткие штанишки с лямкой на пуговице. Я тоже щеголял в таких же. Так вот, дед рассказал тогда, что все дни поиски были безрезультатными — никаких следов, и вдруг кто-то из группы нашел такую лямку с пуговкой в одном из коридоров подземелья. Этот вещдок и сыграл решающую роль, и указал направление поиска. Мальчишек на руках вынесли на поверхность. Они были очень истощены и совсем без сил. Сколько страхов и лишений пришлось перенести этим маленьким горе-путешественникам — невозможно даже представить.

Как дальше сложилась их жизнь, неизвестно, но хочется верить, что у них все хорошо, и что они обязательно когда-нибудь расскажут своим внукам эту историю и вспомнят добрым словом людей, подаривших им, как шутил одессит Аркадий из фильма "Два бойца", "пустяк — вторую жизнь".

Справка

Курлянд Давид Менделеевич родился 1 февраля 1913 года в Одессе. Родился в бедной еврейской семье, которая в 1905 году переехала в Одессу из Вильнюса. Отец Мендель Евсеевич работал печником, умер в 1921 году. Мать Анна Давидовна вместе с сестрой Полиной замучены в Одессе в еврейском гетто. Брат Евсей погиб в 1941 году при обороне Одессы. Брат Моисей умер в Ташкенте в 1942 году. В живых после войны осталась только старшая сестра Анна.

Образование — среднее. В 1941 году начал учебу в Центральной Высшей школе НКВД СССР, но учиться помешала война.

Д.М. Курлянд был женат с 1932 года на Червинской Надежде Григорьевне. Его сын Курлянд Анатолий Давидович 1933 года рождения больше 30 лет отслужил в Вооруженных Силах СССР, полковник в отставке, проживает в Одессе. Его дочь Валентина, 1941 года рождения, работала преподавателем математики в школе, техникуме, неоднократно избиралась депутатом районного Совета народных депутатов. Умерла в 2003 году.

Курлянд Д.М. был самым младшим в семье и в возрасте 7 лет был отдан в детский дом, где пробыл три года, пока шла гражданская война.

Свою трудовую деятельность начал с 12 лет и работал учеником печника, печником в Трубуправлении. С 1932 г. — на соевом заводе на административной работе. С конца 1933 по 1 февраля 1934 года — начальник ОРСа суконной фабрики им. И.В. Сталина.

1 февраля 1934 г. был направлен комсомолом на работу в органы внутренних дел. Прошел должности — помощник оперуполномоченного, оперуполномоченный, начальник секретариата, начальник отделения уголовного розыска, заместитель начальника Управления уголовного розыска города Одессы. Уволен из органов ВД на пенсию 19 ноября 1963 года в звании подполковника. За период службы принимал активное участие в разработке и осуществлении операций по задержанию особо опасных преступников. Не уклонялся от личного задержания преступников. Был известен как аналитик или, как называли его друзья, — "профессор операций", "главный сыщик". Принимал активное участие в разработке операций и удачном завершении многих "громких" дел, таких, как дело "Оборотня", дело о поддельных пропусках, дело фальшивомонетчиков, дело картежников, дело "Губернатора", дело Марущака и многие другие. За период службы награжден рядом государственных и ведомственных наград.

В период Великой Отечественной войны активно участвовал в обороне города, за что был награжден медалью "За оборону Одессы". В период оккупации города направлен в Узбекистан, где в городах Фергана и Ташкент работал начальником отделения уголовного розыска. В день освобождения Одессы от немецко-фашистских оккупантов уже был в городе, осуществляя охрану порта и других важных объектов.

После выхода на пенсию работал начальником отдела кадров на различных предприятиях города, читал лекции в школе милиции, занимался общественной работой. В 70-е годы Курлянд Д.М. принял самое активное участие в создании Народного музея милиции. Благодаря его великолепной памяти и скрупулезности несколько лет работы по архивам позволили собрать в музее уникальные материалы по истории Одесской милиции.

Курлянд Давид Менделеевич умер 28 июля 1993 года и похоронен на Троицком кладбище.

Вдоль по Маразлиевской...

Ко Дню города вышел очередной Одесский календарь – детище АО "ПЛАСКЕ" и Литературного музея. На сей раз он посвящен Маразлиевской. В предыдущих выпусках альманаха мы публиковали материалы о выдающемся одессите, городском голове и меценате Г.Г. Маразли, рассказывали об отдельных зданиях и архитектурных ансамблях.

Сегодня мы предлагаем читателям совершить прогулку по Маразлиевской вместе с сотрудниками Литературного музея и узнать немало интересных фактов истории ее застройки, о домах, о тех, кто в них жил.

Материалы буклета, посвященного Маразлиевской, публикуются с сокращениями.

"Новая улица – 1828, от Барятинского пер. до Базарной;
Михайловская ул. – 27.10.1864;
ул. Маразли (Маразлиевская) – 23.11.1899;
ул. Энгельса – 30.4.1920;
Маразлиевская ул. – 19.11.1941;
ул. Энгельса – 14.4.1944;
Маразлиевская ул. – 20.9.1991".

Я. Майстровой. Улицы Одессы. 1998

24.11.1895. Господину одесскому градоначальнику

"По верноподданному докладу в 23-й день сего ноября государь император, согласно ходатайству одесской городской Думы, высочайше соизволил переименовать "Новую улицу" в Одессе... в улицу "Маразли" в увековечение памяти и долголетней общественной деятельности бывшего городского головы тайного советника Маразли".

На старом плане Одессы, составленном Ф.П. Де-Воланом, город заканчивается правой стороной Канатной улицы. Последующая застройка меняет план, и в 1828 году на окраине города возникает улица, которая так и называется – Новая.

В то время ничем не примечательная улица соседствовала с карантином, карантинным кладбищем, пороховым складом и обширным пустырем будущего парка.

Новая тянулась от Барятинского переулка до Новорыбной (Пантелеймоновской), но застройка на месте канатной фабрики купца Мешкова на Базарной отсекает два квартала от первых пяти. Затем улица продолжалась от Большой Арнаутской до Пантелеймоновской.

К странностям топографического расположения этой улице не привыкать: например, дом № 2 находится в начале Маразлиевской, а № 1 находится в конце, так как левую сторону улицы занимает парк имени Т.Г. Шевченко (Александровский парк).

"Михайловская, или Новая, улица идет от моря по окраине города мимо Архангело-Михайловского девичьего училищного монастыря и только несколько лет тому назад как застроена".

Н.Н. Мурзакевич. "Одесская старина", 1869 год

В путеводителе по Одессе 1875 года К. Висковского на квартале Новой улицы от Барятинского переулка до Сабанского значится всего пять домовладельцев. В 1895 году домовладельцев шестнадцать.

Дома не вплотную друг к другу, а перемежаются садиками и просторными дворами. Маразлиевская — одна из самых красивых улиц нашего города...

В конце 1880-х годов на Маразлиевской, как и по всей Одессе, началось строительство доходных домов со всеми современными усовершенствованиями.

Ее архитектурный облик определили А.И. Бернардацци, Л.Л. Влодек, М.И. Линецкий, В.И. Прохаска, Д.Е. Мазиров, Ю.М. Дмитренко. Большинство зданий выстроено в конце XIX — начале XX в.

Не много найдется улиц в городе, фасады домов которых смотрят на парк и море. Элитарность улицы исключала бойкую торговлю магазинов и деловую суетность контор (эту благородную традицию Маразлиевская соблюдает по настоящее время). Она была тиха, спокойна и удобна.

"За деревьями виднелись великолепные дома, красивые мачты электрических фонарей, чугунные ограды... Хотя Маразлиевская считалась одной из самых красивых улиц города, но в силу своего особого, приморского положения она не отличалась большим оживлением".

В. Катаев. "Катакомбы"

"Маразлиевская улица шире других и хорошо шоссирована гранитным щебнем, являясь прекрасной экипажной дорогой; зимой здесь происходит катание на санях", — писал "Путеводитель..." начала века. Оживлял жизнь обитателей Александровский парк с его развлечениями и праздниками.

Впрочем, жители улицы и сами умели устраивать праздники. Так, 31 мая одесским отделом Императорского общества садоводства проводился "Бой цветов". Сооружался помост, назначались "доверенные судьи", играл оркестр, экипажи были богато украшены гирляндами цветов, которые специально заказывались у садовников: "В назначенное время со стороны Барятинского переулка на Маразлиевскую улицу начинала медленное движение украшенная цветами колонна частных карет, открытых экипажей, различных колясок, запряженных лошадьми. Каждое из средств передвижения украшалось по вкусу и фантазии владельца", — писал М. Бельский. Впоследствии снимки счастливых победителей публиковались в одесских газетах.

Прогулка по Маразлиевской улице, где почти каждый дом — памятник архитектуры, доставит несомненное удовольствие.

Красивое угловое здание в стиле модерн с маскаронами по фасаду начинает нумерацию четной стороны от Барятинского переулка — № 2 — доходный дом М. Луцкого, 1902-1903, архитекторы М.И. Линецкий, С.С. Гальперсон (памятник архитектуры и истории).

В начале XX в. здесь располагались "отделение Дворянского и Крес-

Семья Куприных в Одессе. 1910 г.

А.И. Куприн перед взлетом на воздушном шаре. 1911 г.

Куприн после спуска на морское дно и Е.М. Куприна. 1911 г.

тьянского банков, помещающееся в доме Маразли, расположенном в Барятинском переулке, фасадом на Маразлиевскую". Крестьянский поземельный банк позже переехал в специально выстроенное для него здание на Маразлиевской, 34-а, а Дворянский банк работал в этом доме вплоть до революции.

В 1910-11 гг. в этом доме жил писатель Александр Иванович Куприн.

Одесса была притягательным местом для Куприна. Яркость юга, живость жителей, интересные характеры, та самая "гуща жизни", которую так любил писатель: "...везде искал жизнь, чем она пахнет. Среди грузчиков в одесском порту, воров, фокусников и уличных музыкантах встречались люди с самыми неожиданными биографиями — фантазеры и мечтатели с широкой и нежной душой".

"Мой отец объездил почти всю Среднюю Россию, любил многие ее города, уезды, пейзажи, но особое место в его сердце занимала Одесса... В конце августа 1909 года мы переезжаем в Одессу, где вскоре снимаем квартиру с видом на море".

К.А. Куприна. "Куприн – мой отец"

Для Куприна начался довольно бурный одесский период. Здесь завязалась его многолетняя дружба с художником Петром Нилусом, с борца-

ми Иваном Заикиным, Иваном Поддубным и известным летчиком и спортсменом Сергеем Уточкиным. Возможно, именно в этом доме написаны рассказы "Искушение",1910), "Леночка" (1910), очерк "Мой полет", повесть "Гранатовый браслет" (1911) — произведение, которое сам Куприн считал лучшим из написанного им.

Человек яркого темперамента, писатель ведет жизнь, насыщенную событиями. В Одессе Александр Иванович поднимается на воздушном шаре, спускается на дно Черного моря с водолазами, поддается магии цирка — участвует во французской борьбе, в ноябре 1910 г. совершает полет на одном из первых аэропланов с цирковым борцом и авиатором-любителем И. Заикиным.

В 1925-36 гг. в этом доме жил ученый в области гидравлики проф. В.Н. Пинеги. Его именем назван корабль.

Напротив дома — арка входа в парк и единственное здесь здание нечетной стороны — ресторан "Красный лобстер" ("Архпроект — МДМ").

Четная сторона продолжается великолепным зданием под номером 4 — доходный дом М. Озмидова, 1899, архитектор Ю.М. Дмитренко (памятник архитектуры).

Дом принадлежал технику строительного отделения городской управы М.П. Озмидову, который возглавлял проектные и строительные работы по мощению одесских улиц гранитом, устройству водопровода и ливневой канализации в 1870-1875 гг.

Журналистика была увлечением Михаила Павловича, и в 1875 г. на собственные средства он возобновил выпуск основанной в 1869 г. газеты "Новороссийский телеграф".

В 1912 г. владелицей дома была Варвара Степановна Манжелей.

Одно из немногих современных зданий на Маразлиевской — дом послевоенной постройки под номером 6. Во время войны № 6 был разрушен, и в 1958-59 гг. отстроен новый жилой дом.

№ 8 — дом Ф. Гижицкого, перестройка 1883, архитектор Д.В. Тележинский,

Особняк Я.В. Блюмберга, начало XX в. (памятник архитектуры и истории).

В 1912 г. жил архитектор О.Г. Нудельман.

В 1905-1928 гг. жил и работал ученый-геоботаник и почвовед, президент Новороссийского товарищества природоведов Г.И. Танфильев.

№ 10 — жилой дом и флигель В.С. Котляревского, конец XIX в. (памятник архитектуры)

Семья Котляревских занималась торговлей мануфактурой в Одессе с 1833 г.

Рядом стоящий элегантный трехэтажный дом с эркерами, кружевом балконных решеток, изображение которого также попало на открытку, — № 12 — доходный дом Петрококино, 1896, архитектор А.И. Бернардацци (памятник архитектуры).

Одесская купеческая семья греческого происхождения Петрококино внесла значительный вклад в развитие торговли города, региона и Российской империи в целом.

В 1900-х гг. здесь жили присяжный поверенный М.К. Де-Антониони, архитектор С.М. Зайдеман.

Дом с модными в то время мотивами архитектурного декора античной Греции, украшенный по фасаду барельефами с масонскими мотивами, — № 14-б — доходный дом Я. Наума, 1912-1913, архитектор Я.С. Гольденберг (памятник архитектуры и истории).

Замечателен по стилю дом с фасадом, обработанным крупным рустом, с элементами декора древнего Египта и их трактовкой в стиле времен русского "ампира"; вестибюли, украшенные живописными плафонами и барельефами в стиле модерн, деревянные лестница и панели — это № 14-а — доходный дом Ю.С. Мортона, 1905, архитектор М.И. Линецкий (памятник архитектуры). Во дворе сохранился бассейн-фонтан с трогательной скульптурой — мальчик, обнимающий рыбу.

В 1945-63 гг. жил В.А. Добровольский — ученый в области общего машиностроения, доктор технических наук, профессор, заслуженный

деятель науки и техники, организатор Высшей технической школы в Одессе.

Дом отреставрирован компанией "ПЛАСКЕ" (основана в 1998 г.), офис которой здесь расположен.

"ПЛАСКЕ" продолжает традиции меценатства, поддерживает многие культурологические проекты. Компания является официальным издателем и меценатом проекта Всемирного клуба одесситов — литературно-краеведческого альманаха "Дерибасовская — Ришельевская"; ведущим партнером проекта "Сад скульптур" Литературного музея (автор проекта и создатель экспозиции — Л.В. Липтуга); издателем "Одесского календаря", который выходит ежегодно ко Дню рождения Одессы. Последние четыре года выходит серия календарей "История одной улицы".

У доходного дома № 16, принадлежавшего Ю.С. Мортону, постройка 1886 г., архитектор Д.Е. Мазиров (памятник архитектуры), удачное сочетание декора с четким пропорциональным строем здания.

С 1909 по 1910 гг. размещалась редакция органа южнорусских мелиорационных съездов — журнал "Южный мелиорационный бюллетень".

Усадебный дом с выразительной композицией фасада в классическом стиле, сохранившейся чашей фонтана у входа — № 18 — особняк купца 1-й гильдии Е.Я. Менделевича, 1880-е гг., архитектор Л.Л. Влодек (памятник архитектуры).

Семья Менделевичей была одной из самых богатых в городе. Крупная

торгово-промышленная фирма "М.И. Менделевич", занималась хлеботорговлей, владела многими домами, в том числе и "Пассажем", который также строился по проекту Л.Л. Влодека.

В 1907 году, с августа по ноябрь, особняк был домашней резиденцией одесского градоначальника В.Д. Новицкого.

Внушительный "палаццо" в итальянском духе — № 20 — доходный дом А.С. Панкеевой, 1890-е гг., архитектор Л.Л. Влодек (памятник архитектуры).

Кипучая жизнь города конца XIX — начала XX в. словно не касалась аристократической улицы. Жители Маразлиевской были благополучны и успешны, может, и кипели страсти за стенами уютных особняков, но нам о них не ведомо.

Разве что история "человека-волка", жившего в № 20 (особняк Панкеевых), пациента выдающегося ученого З. Фрейда. Книгу "Из истории одного детского невроза" Фрейд посвятил как раз случаю болезни Сергея Панкеева. Долгие годы он боролся со своей фобией под руководством доктора Фрейда, длительное лечение дало результаты: этот мужественный человек пережил самоубийство сестры, смерть отца, революцию, кризисы, болезни, самоубийство жены и доктора Фрейда, тяготы войны и последующие лишения, написал мемуары о докторе Фрейде и покинул этот мир в возрасте 84 лет.

Многое связывало и Зигмунда Фрейда с Одессой. Здесь жили братья его матери. До замужества мать Фрейда три года училась в одесской гимназии. Когда венскому психиатру было 27 лет, его отец решил открыть в Одессе собственный бизнес. Но неофициальные поборы показались Якобу Фрейду непомерными. Он не стал их платить. И как-то ночью магазин подожгли. Фрейд-старший вернулся в Вену.

Дом № 28 — особняк Е.Я. Менделевича, 1909 г., архитектор В.И. Прохаска (памятник архитектуры), восхищает оригинальным декором — обнаженные женские фигуры, резвящиеся амуры на строгом фасаде, пышно оформленный парадный вход.

Очень красивы вестибюли с лепным декором, здесь сохранились (в ужасном состоянии) столь редкие для сегодняшней Одессы деревянные лестница и перила, наборной паркет на площадках.

Ефим Яковлевич Менделевич, "купец 1-й гильдии, выборный купеческого сословия; член хлебоконтрольной комиссии при одесской бирже; попечитель школы ремесленных учеников, учрежденной Е.М. Менделевич" и прочая.

В 1910-х гг. жил архитектор М.И. Линецкий, по проектам которого построено много прекрасных зданий в Одессе, в том числе и на Маразлиевской, № 2 и № 14. М.И. Линецкий — старший сын основателя национальной литературной школы писателя Ицхока Иоэла Линецкого.

Двухэтажный барский особняк за № 30 — дом М.Ф. Лузанова, отделен от улицы просторным двором, в котором кое-где сохранилась итальянская лавовая плитка, огорожен решеткой со старинными воротами. Лузанов — сын генерала Ф. Лузанова (Лузановка).

Угловое здание по Сабанскому переулку — реконструкция 1995-1997 гг. (архитектор М.Г. Повстанюк) на месте доходного дома Г.Г. Маразли, начало XX в., архитектор А.И. Бернардацци, и красивого здания, построенного в "русском" стиле, затейливые башенки и ажурные навершия которого остались лишь на старинной открытке, — № 32 — доходный дом А.К. Синадино, 1890 г., архитектор Ю.М. Дмитренко (памятник архитектуры), был снесен в 1980-е гг. Семья Синадино занималась виноторговлей.

Здание "сдержанного" модерна со строгими классическими формами и минимумом декора, № 34, — доходный дом инженера И.А. Маргулиса, 1912 г., архитектор Ф.Л. Паппе (памятник архитектуры).

В 1920 г. располагалась редакция журнала "Народное хозяйство" — "ежемесячный орган Одесского губернского Совета народного хозяйства".

С 1956 по 1966 гг. жил заслуженный художник Украины Г.З. Крыжевский.

Солидное здание Крестьянского поземельного банка напоминает древнерусский терем, 1914, архитекторы Ю.М. Дмитренко, Ф.А. Троупянский (памятник архитектуры и истории) — № 34-а.

С 1920-х гг. находился клуб МГБ, НКВД, КГБ.

Здесь в июне 1921 г. работал Ф.Э. Дзержинский.

В 1960 г. одесский обком компартии передал здание под Дворец студентов.

В то время в Одессе гремел студенческий театр миниатюр "Парнас-2" — Михаил Жванецкий, Виктор Ильченко, Роман Карцев и др. Они ставили спектакли, играли в Одесском институте инженеров морского флота и Дворце студентов. В этом театре работали профессиональные режиссеры, а тексты и музыку писали сами актеры.

"В Одессе был студенческий театр миниатюр "Парнас-2". В нем были Миша Жванецкий, Витя Ильченко, Додик Макаревский – они и организовали этот театр. Театр играл миниатюры, Миша Жванецкий писал тексты, а Ильченко и еще десять актеров играли. Вот туда я пришел..."

Р. Карцев

Коллектив "Парнаса-2" стал основой будущей одесской команды КВН.

Изящный особняк с ажурной оградой, башенками, эркерами, протяженными по фасаду балконами — № 36 — дом Петровой , 1901 г., архитектор В.М. Кабиольский, ограда 1896 (памятник архитектуры).

В 1900-х гг. владельцем дома стал И.И. Ген.

Иван Иванович Ген был владельцем завода сельскохозяйственных машин (будущий ЗОР). Во дворе дома сохранился столб с надписью: "СПБ. инженер Цейтш(ель)" По легенде, этот столб — флагшток, знамя на котором ежедневно поднимал сам владелец особняка — И.И. Ген.

№ 48 — доходный дом Половинской, первая половина XIX в. (памятник архитектуры).

Позже домом владел А.Л. Борзенко.

В 1920-1949 гг. жил и работал украинский писатель Н.И. Матяш, автор повестей "Коров'ячі діти" (1925), "Квіти на асфальті" (1932), по его сценариям сняты фильмы на Одесской киностудии — "Кафе "Фанкони" (1929) и "Мирабо" (1930).

№ 50 — дом С.С. Мангуби.

До революции жил и работал доктор Г.З. Сев: "Лечебница для хирургических больных д-ра Г.З. Сева. Открыта лечебница с 1 сентября 1902 года и рассчитана на 10-15 кроватей".

С 1978 по 1990 гг. жил детский писатель А. Батров.

"Детство будущего писателя прошло в Одессе. Здесь он, как и многие его сверстники, породнился с морем. А. Батров испытал на своем веку многое. Был он моряком, журналистом, солдатом. Пересек немало широт от Арктики до Экватора. Он автор многих книг. Все его произведения – об Одессе, о людях, влюбленных в солнце и море, в небо и степь, о тех, кто знает свою цель, кто умеет бороться и побеждать".

Е. Присовский, профессор Одесского университета

Следующий дом, № 52, привлекает своим архитектурным решением — этакий "английский замок" в миниатюре. Построен в 1847 году, архитектор Ф.О. Моранди, для Гудкова. Он угловой, и иногда в справочниках дают его адрес как Троицкая, 1.

В 1910-х гг. здесь жил известный художник Тит Яковлевич Дворников, член Южнорусского товарищества художников.

Дом "причудливой архитектуры" (из путеводителя 1910 г.), № 54, доходный дом Крыжановского — Аудерского Р.Н., 1900, архитектор Л.Л. Влодек (памятник архитектуры).

Здесь проявились в полной мере стилистические особенности архитектуры Л.Л. Влодека — удачное сочетание неоштукатуренного кирпича с лепным декором, отделкой изразцами.

В 1900-х гг. жила семья Катаевых.

"...мы переехали на другую квартиру (...) в шикарном доме Аудерского на Маразлиевской, одной из лучших улиц города".

В. Катаев. "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона"

Внушительный угловой дом № 60 — доходный дом Анатра, 1850, архитектор Ф.О. Моранди. Изначально был одноэтажным, второй этаж достроен в наше время.

В начале XX века особняк приобрел Николай Шенфельд.

В 1901 году здесь располагалась лечебница доктора А.Б. Воллернера.

После лечебницы в течение почти 60 лет размещались различные учебные заведения, первым из которых была частная гимназия В.Н. Масловой и М.Н. Градской. Гимназия была одним из культурных центров города, где на литературных вечерах выступали писатели. В 1918 году с чтением своих рассказов здесь выступил А. Толстой (видимо, по просьбе своей квартирной хозяйки М.Ф. Вальцер, что преподавала в гимназии французский язык и была крестной А. Ахматовой).

В советское время — школа № 83 (до 1975 г.), затем детский сад, с 1996 г. — городская еврейская школа № 94.

№ 64 — жилой дом, 2005, на месте дома Новикова, 1860-е гг., архитектор И.Н. Колович, перестроен для Кауфман, 1890, архитектор С.А. Ландесман. По одесской легенде, на этом месте был постоялый двор, где останавливался А.С. Пушкин в один из приездов.

Дома нечетной стороны Маразлиевской, их всего пять, начинаются с оси улицы Троицкой, где когда-то стояла Михайловская церковь (1828-1835, архитектор Г.И. Торичелли).

Жилой дом сотрудников НКВД, № 1-а, 1929-1931 г., архитектор А.И. Дубинин, выстроен на месте взорванной Михайловской церкви. Этот длинный разноэтажный дом, построенный в духе послереволюционного конструктивизма, является памятником архитектуры. Перед фасадом дома установлен памятник Г.Г. Маразли.

№ 1 — дом статского советника Никифорова, конец XIX в.

В начале XX в. находился "родильный приют акушерки А.И. Сидоровой".

Двухэтажный № 3 — доходный дом А. Бродского, 1887, архитектор А.И. Бернардацци. В 1912 г. располагалось Романовское попечительство. Дворовой флигель, 1913 г., архитектор Ф.Э. Кюнер — красивое четырехэтажное здание в стиле модерн.

Дом № 5 оригинальной архитектуры зарождающегося модерна. Внушительный фасад с эркерами, три двора. Один из лучших проектов архитектора Д.Е. Мазирова. Доходный дом Н. Беликовича, 1902 г. (памятник архитектуры). В 1907 г. "луцкий мещанин Перельман Пейсах-Гирш Фишелев открыл книжную торговлю".

Элегантный дом, отличающийся филигранной проработкой объемов, деталями фасада, № 7 — доходный дом Я.И. Гринчака, 1893, архитектор А.И. Бернардацци (памятник архитектуры и истории).

В 1930 г. находился молочно-мясной и гастрономический магазин треста "Пищемолпродукт". Сейчас на первом этаже здания располагается Всемирный клуб одесситов — общественная организация, призванная объединить всех тех, кто ощущает себя одесситом.

"И теперь куда бы мы ни перемещались по всему земному шару – мы в пределах Всемирного клуба одесситов. ...Клуб только узаконил своих. Первые члены клуба появились 205 лет назад и размножились по всему миру".

М.М. Жванецкий

Закончилась виртуальная прогулка по улице Маразлиевской — "музей модерна и эклектики под открытым небом", но, право слово, прогуляйтесь по-настоящему — не пожалеете.

"Нет ничего красивее одесских улиц..."

А. Аверченко

"Трудно представить себе первоначальную Одессу в сравнении с нынешней. Ведь это была неприглядная скалистая местность, круто обрывающаяся к морю, без малейшей растительности (если не считать оставшихся от Хаджибея трех старых груш), окруженная со стороны Пересыпи песчаной пустыней и со стороны Дальника такой степью, что в ней волков ловили. И на этой местности строилась Одесса из дикаря и глины, не защищенная от зноя и пыли ни одним деревцем..."

А.М. Дерибас. "Старая Одесса"

Публикация Татьяны ЗАЯРНОЙ

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК

Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение (Наркевичи, Кичи, Андреевские и Никитины)*

К 150-летию со дня рождения М.Ф. Кич-Маразли
и 200-летию со дня рождения Э.К. Андреевского

Никитины

Как уже отмечалось, от брака Фердинанда Францевича Наркевича с Екатериной Петровной Курдимановой родилось три дочери: Генриетта, Вера и Мария. Старшей дочерью была Генриетта Фердинандовна Наркевич (ок. 1851-1898), в возрасте девятнадцати лет в январе 1871 г. вышедшая замуж за Федора Платоновича Никитина (1845-1911). Вера Фердинандовна Наркевич (ум. после 1913) не позднее 1877 г. вышла замуж за Константина Эрастовича Андреевского (1855/1856-1935). Мария Фердинандовна Наркевич (1859-1945) в возрасте девятнадцати лет в феврале 1879 г. вышла замуж за кандидата прав участкового мирового судью по г. Одессе Павла Николаевича Кича (1846-1905). Вероятно, М.Ф. Наркевич была младшей из всех трех сестер.

Супругом Г.Ф. Наркевич стал Федор Платонович Никитин. В настоящее время эта личность и вся фамилия Никитиных в целом позабыты, тогда как в свое время они были достаточно известны в нашем крае. Федор Платонович родился 11 августа 1845 г. в Николаеве[1]. Он был сыном столоначальника Черноморской кораблестроительной экспедиции титулярного советника Платона Филимоновича Никитина (1810-1847) и его супруги Марии Васильевны, урожд. Соколовой-Бородкиной (1819-?). 20 августа 1845 г. Ф.П. Никитин был крещен в купеческой церкви Рождества Богородицы г. Николаева. Восприемниками при крещении выступили помещик Херсонской губернии 14 класса Николай Андреевич Кириаков** и жена

* Продолжение. Начало в кн. 36.

** Николай Андреевич Кириаков, помещик Ананьевского уезда, был женат на Александре Петровне, которая была постоянной восприемницей детей Марии Петровны Кашневой и ее супруга Ивана Петровича Кашнева (1803-?), правителя канцелярии главного командира Черноморского флота и портов, впоследствии статского советника. От их тринадцати (!) детей произошло многочисленное потомство, существующее и сегодня. Вероятно, Мария и Анна были сестрами, урожденными Бо(а)рковскими. Потомок рода Кашневых — известный одесский педагог Ольга Сергеевна Кашнева. Род Кашневых был внесен во 3-ю часть родословной книги Херсонской губернии.

правителя канцелярии главного командира Черноморского флота и портов коллежского советника Ивана Петровича Кашнева Мария Петровна. Любопытно, что свидетельство о крещении Ф.П. Никитина, которое хранится в его студенческом деле, было заверено Елисаветградским городовым магистратом[2].

Родители и крестные Ф.П. Никитина принадлежали к известным дворянским семьям Херсонской губернии. Мать Мария Васильевна, урожд. Соколова-Бородкина (1819-?), была дочерью землевладельца Бобринецкого уезда Херсонской губ., подполковника Алексопольского мушкетерского полка Василия Васильевича Бородкина (Соколова-Бородкина) и его супруги Феодосии Степановны, урожд. Навродской. Кроме дочери Марии в семье были другие дети: Кирилл (1816-?), женатый на Варваре Петровне Ганской, Григорий (1818-?), Анна (1827-?) и Александра (1829-?), замужем за майором Иваном Богдановичем. В 1858 г. род Соколовых-Бородкиных был внесен во 3-ю часть родословной книги Херсонской губернии[3].

Дед Федора Платоновича, Филимон Никитин, в 1785 г. вступил в службу солдатом, находился в Сибирском гренадерском полку, фурьер — 1772 г., сержант — 1794 г., аудитор — 1798 г., титулярный советник — 1803 г. В походах находился в Польше в 1788 и 1789 гг., в Молдавии и Бессарабии — 7 сентября у реки Сальчи и при изгнании неприятеля до г. Исмаила. 1793-94 гг. — в Польше, при Варшавском бунте в сражении с бунтовщиками, где был ранен в ногу ружейной пулей. 24 сентября — в сражении при Мациовицком замке, в сражении и при совершенном разбитии польского войска. 24 октября — при штурме неприятельских укреплений и взятии Праги. С ноября по 10 декабря — в преследовании неприятеля до Држевице. В 1804 г. — в Черном и Средиземном морях. 1807 г. — в Молдавии и Валахии, где участвовал в сражениях против турков при селении Турбат и крепости Журж. Уволен от службы с мундиром. Определен на инвалидное содержание за полученные в сражениях раны[4].

В посемейном списке без даты (составлен в период с 1827 по 1830 гг.) указан состав семьи: титулярный советник в отставке Филимон Никитин, 55 лет, женат на Ульяне Павловне Вучновичевой, у них дети: Платон — 17 лет, Андрей — 13 дет, Наталья — 19 лет, Марья — 13 лет. Место жительства — Елизаветградский уезд.

Платон Филимонович Никитин родился 29 октября 1810 г. и был крещен в Новомиргородской соборной Николаевской церкви (в метрике отец указан поручиком), восприемником выступил поручик Иван Ива-

нов, а Андрей Филимонович родился 2 сентября 1817 г. и был крещен в Соборной Николаевской церкви г. Александрии (отец указан александрийским исправником), восприемником выступил Георгий Данилович[5].

31 декабря 1828 г. слушалось дело о внесении титулярного советника Филимона Никитина в личное дворянство, дело было слушано, но поскольку "он, Никитин, происходит не из дворян, а потому, по одним заслугам, не сообщающим дворянства, то он не может быть внесенным в родословную дворянскую книгу"[6].

В 1838-1839 гг. помещик Елизаветградского уезда титулярный советник Филимон Никитин предпринял новую попытку и просил внести его с семейством в родословную книгу Херсонской губ. 5 ноября 1839 г. Херсонское дворянское депутатское собрание, ссылаясь на указ из Временного присутствия герольдии от 16 августа, отказало ему[7].

Добиться признания в дворянском достоинстве удалось лишь вдове его сына.

Согласно формулярному списку о службе и достоинстве столоначальника кораблестроительной экспедиции Черноморского интендантства титулярного советника Платона Никитина за 1846 г., ему 32 года, из обер-офицерских детей, родовое имение в Бобринецком уезде Херсонской губ., за матерью его состоит 31 душа крестьян, благоприобретенное имение у жены — каменный 2-этажный дом в г. Николаеве, 61 душа крестьян в Херсонском уезде. Имеет сына Николая 3 лет. По окончании курса наук в Харьковском университете по юридическому факультету вступил в службу в Новомиргородский уланский полк. Унтер-офицер — 19 февраля 1832 г., юнкер — 23 августа 1832 г., корнет — 23 декабря 1832 г., поручик — 5 июня 1834 г., старший адъютант в штабе 2-й уланской дивизии — 13 июня 1835 г., утвержден в данной должности 17 января 1836 г., ротмистр — 4 сентября 1837 г., уволен от службы для определения к статским делам 28 марта 1840 г., в нынешней должности с 9 сентября 1840 г.[8]

Вероятнее всего, П.Ф. Никитин скончался не позднее начала осени 1847 г., так как в 1846 г. он был еще жив, а в документах от сентября 1847 г. его супруга уже фигурирует вдовой. Согласно прошению вдовы титулярного советника Платона Никитина Марии Никитиной, жительствующей в Бобринецком уезде, в котором она указывала: "желаю быть по заслугам мужа моего, титулярного советника Платона Никитина, во 2 части родословной книги Херсонской губ. Для чего при сем прилагаю копии о службе мужа моего, формулярный список, метрические свидетельства о крещении детей моих, Николая и Федора"[9] (Николай родился в 1843 г.).

Ф.П. Никитин
Фото из некролога в одесской газете

19 сентября 1847 г. род Никитиных: вдова титулярного советника Платона Никитина Мария Васильевна с малолетними сыновьями, Николаем и Федором, по заслугам покойного мужа приобретенным военной службой, был внесен во 2-ю часть Дворянской родословной книги Херсонской губернии[10]. Затем род был утвержден в потомственном дворянстве указом Правительствующего сената от 27 апреля 1848 г. за № 11357[11].

В 1863 г. Федор Платонович Никитин "выдержал экзамен вместе с учениками 1-й Киевской гимназии", о чем 5 июня 1863 г. ему был выдан аттестат[12]. Согласно аттестату, он был троечником, что не помешало ему впоследствии сделать блестящую карьеру. Проживая в г. Елисаветграде Бобринецкого уезда Херсонской губ., Никитин 5 июля 1863 г. пишет прошение о принятии его на математический факультет Императорского Московского университета и вскоре поступает туда. Одновременно с ним в университет поступает (на юридический факультет) и П.Н. Кич, оба они впоследствии вступят в брак с сестрами Наркевич. В 1867 г. Никитин окончил физико-математический факультет Московского университета и одно время готовился посвятить себя ученой деятельности, которую вскоре оставил.

27 января 1871 г. в Николаевской церкви местечка Евгеньевки Тираспольского уезда* состоялось бракосочетание дворянина, кандидата математических наук Московского Императорского университета Федора Платоновича Никитина, 25 лет, и дочери подполковника Генриетты Францевны Наркевич, 19 лет[13]. Поручителями при бракосочетании по жениху выступили действительный студент Санкт-Петербургского земледельческого института Николай Платонович Никитин [брат жениха] и землевладелец Александрийского уезда отставной поручик Николай

* Евгеньевка (Амосиевское) — владельческое местечко Тираспольского уезда на реке Большой Куяльник, расположено недалеко от имений Курдимановых. В настоящее время Евгеньевка вошла в состав села Коноплево Ивановского района Одесской области.

Корнилиевич Ильяшевич*; по невесте: землевладелец, отставной поручик Владислав Антонович Выбадовский и поручик Владимир Николаевич Жуковский.

Как уже ранее сообщалось, 15 мая 1871 г. старшим нотариусом Одесского окружного суда была утверждена запись о даре жене кандидата Московского университета Генриетте Фердинандовне Никитиной матерью ее, женой подполковника Екатериной Петровной Наркевич, 500 десятин земли при селе Елизаветовке (она же Екатериновка), при балке Урытой и при дер. Новопетровке в Тираспольском уезде, со всеми строениями, обзаведениями и угодьями. Цена даримому имению была определена в 10 тысяч рублей[14] (это была часть земель, доставшихся Екатерине Петровне от ее отца), а 28 августа 1889 г. по выдельной [так в оригинале] записи, утвержденной 26 июля 1885 г. между женой статского советника Генриеттой Фердинандовной Никитиной и ее сестрами — женой коллежского секретаря Верой Фердинандовной Андреевской и женой коллежского советника Марией Фердинандовной Кич — за Г.Ф. Никтиной закреплялось имение в 1090 десятин земли при с. Елизаветовке, дер. Екатериновке и урочище Урытой в Тираспольском уезде, доставшееся ей от матери, цена имению 56 680 руб.[15] (иными словами, данное имение переходило в полную собственность Г.Ф. Никитиной, а ее сестры и их наследники не могли на него претендовать). "Список населенных мест Херсонской губернии" за 1896 г. сообщает: "Екатериновка (Наркевича), и Никитина хутор в Петро-Веровской волости Тираспольского уезда, бал[ка] Урыта, дворов 33, жителей 191, у. гор. 82 в., вол. и зем. почти. ст. Евгеньевка 9 в., ст. ж. Раздельная 37 в.".[16]

18 октября 1880 г. супруга коллежского секретаря Федора Платоновича Никитина Генриетта Фердинандовна подала прошение в Херсонское дворянское депутатское собрание, в котором она указала: "Желая быть внесенной в дворянскую родословную книгу при муже моем, Федоре Платоновиче Никитине, состоящим внесенным малолетним, 1847 г., и представляя при этом в подлинниках аттестат о службе мужа моего, выданный от прокурора Одесского окружного суда 16 декабря 1877 г., за № 10596, и о браке моем свидетельство, заверенное Херсонской духовной консисторией, покорнейше прошу Дворянское депутатское собрание сделать об этом распоряжение"[17]. Протоколом, состоявшимся в Депутат-

* Николай Корнилиевич Ильяшевич (род. 1828). Сын поручика отдельного корпуса военных поселений Корнилия Михайловича Ильяшевича и Надежды Петровны, урожд. Курдимановой, двоюродный брат Г.Ф. Наркевич.

ском собрании 20 октября 1880 г., ее прошение было удовлетворено, и собрание заключило: "жену коллежского секретаря Федора Платоновича Никитина Генриэтту Фердинандовну причислить к родословной мужа ея, во 2-ю ч. родословной книги Херсонской губ., и об этом донести Правительствующему сенату по Департаменту герольдии"[18].

Согласно вышеуказанному аттестату, данному прокурором Одесского окружного суда, состоявшему при нем кандидатом на судебные должности коллежскому секретарю Федору Платоновичу Никитину в том, что он, как видно из формулярного списка, от роду 26 лет, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет, жалования не получает, происходит из дворян; имеет в Елизаветградском уезде Херсонской губернии 427 десятин земли, лично им приобретенной. Окончил курс в Императорском Московском университете по физико-математическому факультету со степенью кандидата, причем за представленное сочинение на тему "Теория прилива и отлива моря" награжден серебряной медалью. Приказом по ведомству Министерства юстиции от 9 декабря 1870 г. за № 109 определен на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Одесского окружного суда, определением Департамента герольдии Правительствующего сената, состоявшимся 18.02.1871 г., утвержден по степени кандидата в чине коллежского секретаря со старшинством со дня поступления его на службу, то есть с 03.12.1870 г. В походах против неприятеля, в штрафах, под судом и следствием, в отпусках и отставке не был. Женат на дочери полковника Наркевича, Генриетте Фердинандовне, и имеет сына Платона. Приказом по ведомству Министерства юстиции от 4 февраля 1872 г. согласно прошению, уволен от службы. В удостоверение сего и выдан ему, Никитину, настоящий аттестат за надлежащими подписями и приложением казенной печати[19].

В 1870-х Ф.П. Никитин избирается гласным елисаветградского уездного земства, почетным мировым судьей Елисаветградского и Тираспольского уездов, затем гласным Херсонской губернской земской управы. В 1874-1876 гг. он был гласным Херсонского губернского земского собрания от Тираспольского уезда[20] (его брат Николай Платонович был гласным от Елисаветградского уезда в 1883-1885 и 1889-1891 гг.). 11 мая 1883 г. елисаветградским земском собранием Ф.П. Никитин был в очередной раз избран почетным мировым судьей и губернским гласным[21]. За помощь армии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. член Херсонской губернской земской управы коллежский секретарь Ф.П. Никитин был представлен к награде[22].

В 1884 г. он был избран председателем Херсонской губернской земской управы, и в этой должности он оставался в течение десяти лет[23]. Также он являлся членом правления Земского банка Херсонской губернии. В январе 1883 г. "Одесский вестник" опубликовал статью "Опять ложь "Одесского листка", в которой сообщалось: "В "Одесском листке" читаем, между прочим: "теперь оказывается, что директорское кресло в Земском банке не составляет такой прелести, как ему приписывали. Избранный в члены правления г. Никитин пожелал лучше быть членом губернской земской управы, с 3.000 руб. жалованья, чем получать в банке 4.000 руб. Хотя от г. Никитина не получено еще официального отказа, но на его место приглашают уже кандидатов: г. Сухомлинов* — отказался, г. Кич — отказался, г. Леонард** — отказался, и г. Астафьев*** — отказался. Происходит что-то непонятное! Банковский пирог потерял свою прелесть?" и проч.

На деле оказывается, что Ф.П. Никитин отнюдь не отказался, а заявил только, что приехать в Одессу ранее открытия навигации он не может. Вследствие этого правление банка и порешило пригласить кандидатов. Из них: г. Сухомлинов предпочел продолжить дело ревизии банка, г. Кич не пожелал, естественно, бросить своей почетной должности председателя мирового съезда ради месячного или двухмесячного директорства в банке, а к гг. Леонарду и Астафьеву не были посылаемы еще приглашения..."[24].

30 августа 1893 г. Федор Платонович получил чин действительного статского советника[25]. В марте 1894 г. было создано Министерство земледелия и государственных имуществ[26] и в том же году Никитин был назначен управляющим государственными имуществами Харьковской и Полтавской губерний, а через год был назначен директором Лесного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ и одновременно инспектором корпуса лесничих (в 1905 г. министерство было переименовано в Главное управление землеустройства и земледелия), в 1904 г. назначен товарищем министра земледелия и гос. имуществ, членом сельскохозяйственного совета министерства[27].

* Сухомлинов Николай Федорович (1852 — после 1917). Почетный мировой судья Одесского уезда и Одессы, херсонский губернский предводитель дворянства, действительный статский советник, гофмаршал, член Государственного совета по выборам.

** Кириак Васильевич Леонард (1838-1906). Балтский и сорокский предводитель дворянства (1863-1881), в 1900-х годах — действительный статский советник, гласный одесской Думы, почетный мировой судья г. Одессы, председатель наблюдательного комитета Земского банка Херсонской губернии.

*** Астафьев В.И.

В начале 1900-х годов он был членом Кустарного комитета и Императорского русского географического общества[28]. 9 апреля 1900 г. получил чин тайного советника[29].

Федор Платонович получал 8000 руб. жалованья и иных выплат, владел приобретенным имением в 487 десятин земли в Херсонской губернии, был награжден орденами, медалями и знаками отличия: орденом Св. Владимира 3 ст. (1886 г.), бриллиантовым перстнем (1888 г.), орденом Св. Станислава 1 ст. (1896 г.), медалями в память царствования имп. Александра III и коронации 1896 г., а также прусским орденом Короны 1 ст. (1901 г.)[30]. В Санкт-Петербурге Федор Платонович проживал на 5-й линии Васильевского острова, 34, вместе с сыном Сергеем, который также служил в Петербурге[31].

Деятельности Ф.П. Никитина на посту директора лесного департамента была посвящена большая статья в журнале "Лесное хозяйство" за 1997 г.[32]:

"Успешность проведения реформ в значительной мере обусловливается тогда, когда находятся деятели, способные увидеть главное и проникнуться истинным пониманием интересов общества и государства. Отличительной чертой таких деятелей является социальная активность, сочетающаяся с личной ответственностью за то дело, за которое они берутся. Эти люди не считают власть самоцелью, способной реализовать их политические и иные амбиции. Власть для них — инструмент для улучшения благосостояния общества в целом и того конкретного дела, которое они возглавляют. Именно таким руководителем Лесного департамента (1895-1905 гг.) был преемник Е.С. Писарева Федор Платонович Никитин.

Ф.П. Никитин не имел специального лесного образования. Учился он так же, как и ЕС. Писарев, на математическом факультете Московского университета, по окончании которого был мировым судьей в Херсонской губ., членом губернской земской управы и ее председателем. Должность начальника земской управы по тем временам считалась высокой. Так что, работая в земствах, Ф.П. Никитин получил прекрасный опыт хозяйственного управления. В государственном управлении особую важность приобретала не только глубина специальных знаний, но и широта кругозора руководителя ведомства. Именно ею и обладал Федор Платонович.

В 1894 г. Ф.П. Никитина пригласили в систему Министерства земледелия и государственных имуществ на должность управляющего имуществом в Харьковской и Полтавской губ. В указанной должности он пробыл всего год, но этого оказалось достаточным, чтобы убедиться в возможнос-

ти перевода его в аппарат министерства на пост директора Лесного департамента. Неожиданное привлечение не имеющего профессионального опыта человека к руководству специализированной отраслью оправдывалось его большим опытом государственной службы, в чем вскоре убедились и лесоводы. Кипучая деятельность Ф.П. Никитина помогла решить многие важнейшие вопросы отрасли, которые прежде годами залеживались в канцеляриях вышестоящих учреждений.

Он активизировал работу лесоохранительных комитетов, добился повышения должностных окладов лесным специалистам, различных доплат не только за выслугу лет, но и за выполняемые в лесничествах работы. С приходом Ф.П. Никитина в Лесной департамент возрастает степень участия местных властей в управлении лесными делами, расширении побочных пользований лесом. Увеличению объемов лесохозяйственных работ в казенных лесничествах способствовало неуклонное повышение лесного дохода, составлявшего весомую часть государственного бюджета.

Период активного лесного хозяйства практически начинается при Ф.П. Никитине. Он был убежденным сторонником так называемых хозяйственных лесозаготовок в лесничествах, проводившихся под руководством самих лесничих. К этому его подтолкнул опыт земца. Начиная с 1895-1898 гг., хозяйственные лесозаготовки, в процессе которых лесничие становились лесопромышленными подрядчиками, получают устойчивое развитие.

Хозяйственные заготовки в лесничествах не только имели прямую денежную выгоду для казны и экономическое значение для потребителей, получающих от казны необходимые материалы по умеренным ценам, но и оказались весьма важными для сельского населения. Благодаря расширяющимся в лесничествах работам оно получало постоянный заработок, притом в свободное (зимнее) время. Лесничества в данном случае являлись своего рода государственным регулятором на рабочем рынке. Они ликвидировали монополизм частных подрядчиков при заключении трудовых договоров.

Ф.П. Никитин управлял Лесным департаментом до 1905 г. Последние полгода он одновременно был и товарищем министра земледелия и государственных имуществ. До него никто из директоров Лесного департамента такой чести не удостаивался".

Ф.П. Никитин находился на посту директора Лесного департамента с 17 июня 1895 по 6 июня 1905 г.[33] Он был отстранен от должности, так как ему было предъявлено обвинение в злоупотреблениях при продаже воло-

годских лесов, принадлежащих казне. Состоявшийся суд вынес Никитину оправдательный вердикт, но он был вынужден выйти в отставку.

Защищал Никитина известный адвокат Николай Платонович Карабчевский (1851-1925), впоследствии его речь в защиту Никитина была опубликована[34]. Дело это слушалось 10 мая 1910 г. в Уголовном кассационном департаменте Правительствующего сената с участием сословных представителей. Тайный советник Никитин в качестве бывшего директора Лесного департамента вместе с подчиненными ему управляющим государственными имуществами Вологодской губернии Павловским и старшим лесным ревизором Богдановым был предан суду по обвинению в разного рода злоупотреблениях по лесному хозяйству Вологодский губернии, причем обвинение квалифицировало эти злоупотребления как служебные подлоги, предусмотренные статьей 362 Уложения о наказаниях. Дело это возникло по заявлениям бывшего старшего ревизора Вологодской губернии Скаковского в 1904 г. Правительствующий сенат по I Департаменту своим определением от 22 декабря 1906 г. назначил по делу предварительное следствие, а 8 декабря 1909 г. был составлен обвинительный акт, предложенный Особому присутствию Правительствующего сената. В числе свидетелей были допрошены тайный советник А.С. Ермолов, князь Б.А. Васильчиков, действительный статский советник Н.Н. Кутлер, сенатор Нарышкин, тайный советник П.Ф. Красовский и много других лиц высокого служебного положения. Дело слушалось несколько дней.

Из речи адвоката Карабчевского:

"Господа сенаторы и господа сословные представители! К тайному советнику Никитину, бывшему директору Лесного департамента, а впоследствии товарищу министра земледелия и государственных имуществ, предъявлено очень тяжкое обвинение — обвинение по ст. 362 Уложения о наказаниях. В ряду преступлений должностных лиц (если исключить вымогательство) едва ли не самое тяжкое, с точки зрения входящих в него юридических и нравственных элементов. Служебный подлог и именно тот его вид, который в данном случае выдвигается, подлог в докладах и рапортах начальству, предполагает наличие, во-первых, своекорыстных, говоря словами закона, "корыстных или иных личных" видов, ничего общего со служебным долгом не имеющих, и во-вторых, — сознательную ложь, обман как средство введения в заблуждение начальства. Ранее всякого спора по существу ... констатируем отсутствие этих элементов.

Мы спешим с этим по двум основаниям: во-первых, для того чтобы возможно скорее отбросить грязь незаслуженного подозрения, во-вторых,

потому что раз откинуты эти мотивы, вы уже спокойно и легко разберетесь в существе спорного вопроса.

Перед нами довольно широко раскинулась деятельность тайного советника Никитина. Долгое время энергичный земский деятель, до перехода его на государственную службу он был председателем Херсонской земской управы, пользуясь не только уважением местного общества, но и обожанием местного населения. Статс-секретарь А.С. Ермолов, ценя его выдающиеся качества, в бытность свою министром "переманил" его на государственную службу. Во главе Лесного департамента, хиревшего в тисках рутины, ему хотелось поставить человека энергичного, деятельного, знающего и понимающего хозяйственную жизнь страны. Не без колебания принял Ф.П. Никитин это предложение. Он занял место директора Лесного департамента, место, которое до тех пор в течение многих лет занимал тайный советник Писарев, один из главнейших свидетелей обвинения по настоящему делу. Гроза предания суду, как известно, обрушилась на Никитина не сразу. Она надвигалась упорно, настойчиво, медленно и, наконец, разразилась уже тогда, когда после десятилетнего пребывания в должности директора департамента тайный советник Никитин занял место товарища министра, на смену господина Нарышкина. Когда три года назад Правительствующий сенат по I Департаменту назначил над тайным советником Никитиным предварительное следствие, враги его (Скаковский, Писарев, Нарышкин) подняли голову и возликовали. Но характерно, что даже эти три столпа обвинения, дававшие самые удручающие показания на предварительном следствии, не посмели бросить ему в лицо прямого обвинения во взяточничестве. Для этого даже у них не оказалось никаких данных. Зато вне показаний этих трех лиц получилась единодушная, гармоничная характеристика светлой служебной деятельности Никитина, исключающая даже самые отдаленные подозрения. Огромное лесное хозяйство России, приносившее при Писареве только 23 миллиона в год дохода, в первый же год управления Лесным департаментом Никитина легко и свободно утраивает цифру дохода до 66 миллионов. Как бы то ни было, свершилось. Прошлого не вернуть и не изгладить. Если бы в вашу задачу могла входить на основании вами исследованного оценка всей служебной деятельности тайного советника Никитина, я не обинуясь просил бы у вас для него похвального листа. Но вы только уголовные судьи и можете, в сущности, немногое — только оправдать невинного".

Приговором Особого присутствия Правительствующего сената тайный советник Никитин после весьма краткого совещания судебного при-

сутствия был признан по суду оправданным. Оправданы также и его подчиненные. Вскоре по вступлении приговора в законную силу тайный советник Никитин был высочайше пожалован орденом Св. Анны 1 ст.

В некрологе Г.Г. Маразли, который скончался 1 мая 1907 г. (он и Никитин были женаты на родных сестрах), сообщалось, что среди прочих венков у подножия гроба был и венок от семьи Никитиных[35].

Несмотря на оправдательный приговор, это потрясение не прошло для Никитина бесследно. Судя по всему, на службе он более не состоял и деятельностью никакой не занимался (так, например, в справочнике "Весь Петербург на 1909 г." он указан лишь проживающим в городе). Выехав за границу, он скончался в Базеле (Швейцария) 30 июля 1911 г.[36]

На 1898 г. его супруга Генриетта Фердинандовна значилась владелицей 10090 десятин земли при селе Елизаветовке и деревне Екатериновке Тираспольского уезда Херсонской губ.[37] В этом же справочнике ее супруг Федор Платонович указан владельцем 487 десятин земли при деревне Аннинской Елисаветградского уезда Херсонской губ.[38]

Генриетта Фердинандовна Никитина скончалась 24 марта 1898 г. в Херсоне в возрасте 46-47 лет после продолжительной и тяжелой болезни, как сообщалось в некрологе, и 29 числа того же месяца была погребена в Одессе на Втором (новом) христианском кладбище[39].

От брака Ф.П. Никитина с Г.Ф. Наркевич родилось трое сыновей.

Старший, Платон Федорович Никитин, упоминается в 1872 г. Вероятно, он скончался в младенчестве.

Сергей Федорович Никитин родился 26 февраля 1873 г., был крещен 14 марта в Успенском соборе Елисаветграда. Восприемниками при крещении выступили: действительный студент агрономии Николай Платонович Никитин [дядя] и жена полковника Екатерина Петровна Наркевич [бабушка][40].

20 февраля 1882 г. Сергею Никитину было выдано свидетельство о дворянстве из Херсонского дворянского депутатского собрания с формулировкой: "т. к. родился после утверждения в дворянстве, то окончательно принадлежит к роду его" (по свидетельству М.Ю. Катин-Ярцева, обычно вместо свидетельства давалась копия определения).

Он обучался 7 лет в Херсонской прогимназии и 2 года в Херсонской гимназии (оценки — равномерно "3" и "4"). 14 июня 1891 г. получил аттестат, 10 июля просил принять его на юридический факультет Императорского Московского университета. Проживал на тот момент в Херсоне. В 1891 г. поступил на юридический факультет Императорского Москов-

ского университета, по окончании которого 8 октября 1896 г. был удостоен диплома 1-й степени. 10 ноября 1896 г. просил выслать диплом по адресу: С.-Петербург, 5 линия Васильевского острова, д. 34, кв. 1[41].

14 июля 1896 г. С.Ф. Никитин поступил на службу, с 23 февраля 1898 г. состоял в ведомстве Министерства внутренних дел,[42] с 1 июля 1900 г. — младший помощник делопроизводителя VIII класса Земского отдела Министерства внутренних дел , с 23 октября 1906 г. — там же старший помощник делопроизводителя[43]. К 1917 г. продолжает служить все в том же Земском отделе МВД, где и начинал свою карьеру.

Титулярный советник (на 1900), коллежский асессор (на 1903), надворный советник (с 14.07.1906 и на 1908), на 1912-1917 г. — статский советник. Кавалер орд. Св. Станислава 3 ст. (06.04.1903), Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом (16.04.1905).

Первоначально, в конце 1890-х — начале 1900-х годов, проживал вместе с отцом на 5-й линии Васильевского острова, 34[44], в 1908 г. — на ул. Б. Пушкарской, 69[45], в 1912 г. — на Малой Подьяческой, 14[46], в 1917 г. — на Петроградской стороне Большого проспекта, 22-24[47].

Незадолго до 1906 г. Сергей Федорович вступил в брак с артисткой Императорской оперы Прасковьей Ивановной Чердынцевой, по сцене Галиной Ивановной Никитиной (1877-?). Она окончила киевскую гимназию, с 1901 г. выступала в Харьковской опере, в 1905-1906 и 1911-1913 гг. была солисткой московского Большого театра, в 1907-1910 гг. — петербургского Мариинского театра, в сезоне 1910/1911 пела в петербургском Народном доме, в 1912 г. выступила в Париже. Обладала красивым по тембру голосом с сильным низким регистром. Незаурядное дарование певицы — "носительницы удивительного голоса" — отмечал Ф. Шаляпин, по совету которого она была принята в Большой театр[48].

В 2001 г. Доминик Чердыне (Dominique Tcherdyne) из Швейцарии на зарубежных и российских сайтах размещает сообщение о поиске предков: "Разыскиваются следы семьи Чердынцевых. Михаил Чердынцев, родившийся примерно в 1860 году, был врачом в Чердыни (нынешней Пермской области). Около 1890 года он женился на Галине (родилась в 1874 году) и развелся с ней между 1893 и 1900 годами. Их сын Юрий Михайлович Чердынцев родился в 1892 году в Чердыни, служил морским инженером в Петрограде. Принимал участие в боях с большевиками в 1918-1921 годах и эвакуировался из Севастополя. Разыскиваются также следы Сергея Никитина, родившегося около 1860 года в Санкт-Петербурге, а потом жившего в Киеве. У него было четверо братьев, одного из которых звали

С.Ф. Никитин
Фото в студенческом деле

Платоном. Между 1893 и 1900 годами он женился на оперной певице украинке Галине"[49]. Этот же человек разыскивал следы Ghalina Nelghonska (1874-1920)[50]. По нашему мнению, в сообщениях идет речь о Сергее Федоровиче Никитине и его супруге. Судьба С.Ф. Никитина и его супруги после 1917 г. неизвестна.

Глеб Федорович Никитин родился 4 апреля 1878 г.[51] Был гласным одесской городской Думы (1905 г.). На 1906 г. он был членом одесской городской управы, проживал на ул. Херсонской, 58[52]. В марте 1907 г. он как бывший член городской управы проходил по списку лиц, рекомендуемых в гласные одесской городской Думы прогрессивной группой избранных (в окончательной редакции)[53]. На 1910 г. он был кандидатом на судебные должности, проживал в доме М.Б. фон Деши на Сабанеевом мосту, 5-7 (угол ул. Гоголя), был владельцем дома по Вознесенскому пер., 1[54], на 1911 г. проживает там же, значится владельцем домов по Вознесенскому пер., 3, и Полтавской Победы, 16 (угол ул. Греческой)[55], на 1912 г. проживал в собственном доме на ул. Полтавской Победы, 16[56]. На 1912 г. вновь значится проживающим на ул. Гоголя в доме Деши, № 21 (угол Сабанеева моста), владелец домов по Вознесенскому пер., 3, и Полтавской Победы, 16, указан членом Технического общества[57]. На 1916 г. он в чине коллежского советника был добавочным мировым судьей по Одесскому уезду, проживал на ул. Полтавской победы, 16[58].

Он был женат (бракосочетание состоялось предположительно в начале 1910-х годов) на Лидии Николаевне, фамилия которой пока не установлена. На 1910-1914 гг. она была членом Касперовской общины Общества Красного Креста в Одессе. Возможно, Лидия Николаевна была одной из шести дочерей знаменитого врача-эпидемиолога Николая Федоровича Гамалеи (1859, Одесса — 1949, Москва), которому с 1880-х по 1911 г. при-

надлежал дом на ул. Полтавской Победы, 16 (этот дом принадлежал семье Гамалея уже в 1870-х годах). Однако эта версия нуждается в дальнейшей проверке.

Скончался Глеб Федорович 6 апреля 1953 г. и был похоронен на Русском кладбище Кокад в Ницце[59].

Примечания

[1] Дело студента Императорского Московского университета Ф.П. Никитина // Центральный государственный исторический архив г. Москвы (далее — ЦГИА г. Москвы), ф. 418, оп. 32, д. 428. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[2] Там же.

[3] Дело о дворянстве Соколовых-Бородкиных // Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург (далее — РГИА), ф. 1343, оп. 29, д. 5258. Сообщено М.Ю. Линниченко.

[4] О дворянстве рода Никитиных (1838 г., 28.04.-27.07.1839 г.) // РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 1804, л. 3. Сообщено А.В. Лебединской.

[5] Там же, л. 7.

[6] Там же, л. 2.

[7] Там же, л. 11.

[8] О дворянстве рода Никитиных (1847 и 1881 гг.) // РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 1808, л. 19-20. Сообщено А.В. Лебединской.

[9] Там же, л. 18.

[10] Там же, л. 7 об.

[11] Дело студента Имп. Московского университета С.Ф. Никитина // ЦГИА г. Москвы, ф. 418, оп. 305, д. 472, лл. 7-7об. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[12] Дело студента Имп. Московского университета Ф.П. Никитина // ЦГИА г. Москвы, ф. 418, оп. 32, д. 428. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[13] О дворянстве рода Никитиных (1847 и 1881 гг.) // РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 1808, л. 5.

[14] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1871. — № 1579. — Разряд XVI. — Ст. 543. — Здесь и далее — сообщено А.В. Лебединской.

[15] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1889. — № 4296. — Разряд XV. — Ст. 165.

[16] Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении. Херсон, 1896. — С. 378.

[17] О дворянстве рода Никитиных (1847 и 1881 гг.) // РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 1808, л. 3.

[18] Там же, л. 1.

[19] Там же, л. 3-3 об.

[20] Исторический очерк деятельности Херсонского губернского земства за 1865-1899 гг. Вып. 1. Херсон, 1904. — С. 308. Сообщено А.И. Пешим.

[21] Одесский вестник. — 1883, 15 мая. — С. 2.

[22] Наградные листы, списки и сведения о лицах, представленных к наградам за помощь армии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Государственный архив Херсонской области, ф. 1, оп. 1, д. 52, л. 157. Сообщено А.И. Пешим.

[23] Ф.П.Никитин: [Некролог] // Одесские новости. — 1911, 5 авг. — С. 2.

[24] Одесский вестник. — 1883, 8 (20) янв. — № 5. — С. 2.

[25] Список гражданским чинам первых четырех классов. Часть вторая. Чины четвертого класса. СПб., 1899. — С. 996.

[26] Краткий обзор деятельности Министерство земледелия и государственных имуществ за первый год его существования (30 марта 1894 — 30 марта 1895 года). — СПб., 1895. — С. 2.

[27] Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на [1895-1908 гг.]

[28] Весь Петербург на 1901 г. — С. 405; то же на 1904 г. — С. 461.

[29] Список гражданским чинам первых трех классов (исправлено по 1 июня 1900 г.). СПб., 1900. — С. 751. Сообщено И.Г. Лильп.

[30] Список гражданским чинам первых четырех классов. Часть вторая. Чины четвертого класса. СПб., 1899. — С. 996; Список гражданским чинам первых четырех классов (исправлено по 1 августа 1901 г.). Ч.1. — СПб., 1900. — С. 701. Сообщено И.Г. Лильп.

[31] Весь Петербург на 1898 г. — С. 376; то же на 1901 г. — С. 405; то же на 1904 г. — С. 461; то же на 1909 г. — С. 559.

[32] Бобров Р.В. Директора Лесного департамента (Ф.П. Никитин, А.Ф. Кублицкий-Пиоттух, Н.В. Грудистов, Н.Г. Чернявский // Лесное хозяйство. —1997. —№ 5 — С. 17-19. Сообщено А.В. Лебединской.

[33] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917. В 4 томах. Том 3. Центральные государственные учреждения. — М., 2002. — С. 84.

[34] Карабчевский Н.П. Около правосудия. Статьи, речи, очерки. — Тула, 2001. — С. 469-477.

[35] Г.Г. Маразли [Некролог]. Одесский листок. — 1907, 3 мая.

[36] Ф.П.Никитин: [Некролог].

[37] Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Ч. 2. (Алфавит землевладельцев.) СПб., 1899. — С. 102. Сообщено И.Г. Лильп.

[38] Там же.

[39] Новороссийский телеграф.— 1898, 25, 29 марта; Река времен. Книга 4. Русский провинциальный некрополь: картотека Н.П. Чулкова из собрания ГЛМ. — М., 1996. — С. 286.

[40] Дело студента Имп. Московского университета С.Ф. Никитина. Л. 5.

[41] Там же, л. 20, 21.

[42] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел. 1906 года (исправлено по 20 мая). Ч. I (Центральные учреждения). — СПб., 1906. — С. 177.

[43] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел. 1907 года (исправлен по 6 декабря 1906 г.).— Ч. I . СПб., 1907. — С. 178.

[44] Весь Петербург на 1901 г. — С. 404, то же на 1904 г. — С. 461.

[45] Весь Петербург на 1909 г. — С. 559.

[46] Весь Петербург на 1913 г. — С. 448. Сообщено И.Г. Лильп.

[47] Весь Петроград на 1917 г. — С. 486.

[48] О службе артистки оперной труппы Прасковьи Никитиной. 1907-1910 гг. // РГИА, ф. 497 (Дирекция императорских театров), оп. 5, д. 2245. Сообщено И.А. Анисимовой; сайт "Биография.ру" http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=96354

[49] Сайт "Поиск пропавших предков" http://www.mtu-net.ru/rrr/search/s171.htm
http://genforum.genealogy.com/russia/messages/4462.html

[50] Материалы для некрополя Русского кладбища Кокад в Ницце, собранные И.И. Грезиным, 1996-2001. (Архив И.И. Грезина, Швейцария.)

[51] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1906 г. — Одесса, 1906. — С. 43, 44.

[52] Одесский листок. — 1907, 20 марта. — С. 1.

[53] Одесса: Адресная и справочная книга всей Одессы ... на 1911 год. — Одесса, 1911. — С. 180. (Далее — Вся Одесса на ... г.)

[54] Вся Одесса на 1912 год.

[55] Вся Одесса на 1913 год.

[56] Вся Одесса на 1914 год. — С. 293.

[57] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1916 г. Одесса, 1916. — С. 449. (изменения и дополнения).

[58] Материалы для некрополя Русского кладбища Кокад в Ницце, собранные И.И. Грезиным, 1996-2001.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

День мужчин

Мы — мужчины!

Наш день — 23 февраля.

И наши милые дамы в опасной сутолоке покупают нам одеколоны и зажигалки.

А для бедных мужей носки и плоскогубцы.

Мужчины — народ думающий, принципиальный, с юмором.

Без чего бы то ни было лишнего.

Тут уж всё.

Стоит мужчина на своем.

Крепко стоит.

Мыслит все время.

Часто мрачен.

По ночам вздыхает, ворочается.

Руки разбрасывает.

Защищает кого-то.

Ответственность несет.

Шепчут ему, как женщине: — Сними с себя!

Имея в виду ответственность.

Плечи освободи.

Нет, не выбежать ему из семьи, не побежать по улице к морю, не уехать поездом, не взлететь соколом, не вырваться в небо вольное.

Три женщины — жена и две дочки.

Все — дети его.

Ворочается во сне.

Хрипит! Зубами щелкает заводскими.

Руками роет постель свою, жену беспокоит бессмысленно.

И страна на его плечах с претензиями: — Налоги давай!

НДС, ФСБ; МВД. Хотят, хотят ребята!

Только им сотрудников кормить, а ему — детей.

Плати, корми, одевай женщин своих и на государство отчисляй.

Много у государства забот, заседаний тревожных, съездов опухших, решений ошибочных, ракет неисправных, танков устарелых, конфликтов разных.

И люди огорчают.

Гибнут люди.

Платить надо семьям.

Отдай часть, отними у своих.

Будь добр, мужчина!

Он часто мрачен.

Даже не часто, а всегда!

Ест что попало.

Пьет что попало.

Спешит. Звонит.

Широкоплечий, озабоченный.

Если заработал, в спортзал идет, потратить на себя что-то.

Отвлечься до изнеможения, до потери сознания (отвлечься от работы!!!).

(От работы отвлечься!)

И выйти без дум и без сил.

И пиво с мужчинами спортзальными пить. Бесшумно!

Спортсмены.

Твердая рука.

Крепкая фигура.

Хорош он вне дома, вне семьи.

Почти без недостатков!

Красив. В очках.

Даже стихи какие-то.

Но для этого нужна женщина внимательная.

Не посторонняя, что дома ждет.

А внимательная, которая бы вскрикнула: — Вот это место — повтори, Игорь. ... Повтори ей, Игорёк!

Но опасно, не потянет он еще одну женщину, хоть и внимательную.

И крепок, и статен, и в очках.

А не отодвинешь ее потом.

Вот если бы, скажем, с 23 февраля по 8 марта.

Но кто ж на это пойдет.

Да и плечи уже болят от ответственности.

Поэтому бесшумно пьет он пиво с мужчинами разными, молча выбирая друга себе.

Из сдержанных.

С кем можно и на эту тему поговорить.

Жалеет он. Куда ж девается все это солнышко в виде любви, руки, покрытой поцелуями.

Его мужской руки.

Теперь губами только разговоры с претензиями.

Руками только рукопожатия — здоров, здоров.

А женский поцелуй, в котором и есть главная любовь, ушел из отношений.

Вначале делаем любовь, потом ею занимаемся.

Пыхтя по праздникам: 23 февраля, 8 марта, 1 мая, 7 ноября.

Мужчина кормящий.

Десять часов на работе в поисках выхода.

Три часа в пробках без радости от машины.

Семь часов во сне — с двумя перерывами на тревогу.

Мужчина мыслящий.

Не пошевелиться!

Связан телефонными обещаниями.

Пунктуален.

От этого не ходит никуда.

Всё перевернулось, не вычислить время.

А опаздывать не может.

Обмануть не может.

Не рекомендует никого, чтоб забрали от него и взяли себе.

Значит, и не богат.

Порядочность ценят.

Но использовать негде.

А на порядочных все держится.

Весь бизнес кого обманывает?

Реклама кого надувает?

Таких вот лохов, которыми сейчас называют порядочных.

Остались люди рыночные, что покупают, перекупают долги, векселя, акции, бумаги.

Они и не мужчины.

Игроки жизни?

Кто хочет, чтоб его мужем был игрок?

Казиношник!

Рулеточник!

Картежник!

Чья он опора?

Когда его найдешь, чтоб опереться?

Кому нужна эта судорожная блефующая личность?

Мы ведь о мужчинах, что своими крепкими руками не могут свести концы с концами.

Пожелаем им хотя бы собеседника.

Выпьем за них немного...

Немного женского сладкого вина!

Чтобы почувствовать и оценить защитника!

Марк ГИРШИН

После дождя

Дождь не прекращался уже третий день, тек по стенам домов, деревьям, зонтикам. Под этим темным дымящимся небом ничего не могло остаться сухим.

У ланчонета, куда он шел, ему повезло.

Поднявшийся из душной утробы сабвея пассажир положил на верх полной размокшей бумаги урны свою еще сухую газету, как раз когда он проходил мимо. Он подхватил ее и укрыл под зонтик, избежав необходимости идти за ней к ближайшему киоску.

В ланчонете он взял со стойки толстую приятную губам чашку, нацедил кипяток и, отнеся на столик, высыпал из пакетиков кофе и сахар, из картонки величиной с наперсток вылил сливки, все было стерильно и насыпано на каждом столике в изобилии. Он еще не потерял способность находить удовольствие в этих вещах после обжигающих пальцы стаканов и неопрятных сахарниц одесских кафе.

За широким витринным окном ланчонета неслышно кружилась карусель машин вокруг Колумбовой колонны. И были видны темные купы деревьев Центрального парка, обливаемые дождем кареты и экипажи с поднятым верхом и тяжелые лошади под клеенкой, ожидающие туристов. Но какие могут быть туристы в такую погоду!

В ланчонет вошла женщина с мокрыми волосами и у стойки налила себе кофе. Отпивая на ходу, присела за соседний столик. Прилипшая к телу мокрая ти-ширт обнаруживала, что женщина не носила бра.

Неожиданно он услышал: "Что пишут о погоде на завтра?".

Он взглянул на первую страницу газеты: "С утра солнце, потом опять дождь". Она пробормотада: "Shit", — и снова уставилась в свою чашку. Еще ему показалось, он услышал: "Забавный акцент!".

Уже зажгли неон. Было ярко, с улицы войти — прохладно. И пахло хорошей едой.

Читать на людях нью-йоркскую газету, а по тиви показывают какой-нибудь бейсбол (он уже понимал правила и реагировал на игру синхронно с американцами), — собственно, ради обстановки он приходил сюда после работы.

Ему пришла в голову забавная мысль, что нет на посетителях ланчонета такой вещи, которая была бы ему не по карману, включая золото, — его можно приобрести в любом ювелирном магазине в кредит, имея работу.

Женщина опустила чашку на столик. На лице ее не было краски, и было очевидно, что женщина поглощена собой. Она встала и пошла к стойке налить еще кофе. Ее джинсы почернели от дождя внизу, у сухих лодыжек с сандалиями на босых ногах. Кошелек висел сбоку на поясе. По тому, как она шла, он догадался, что женщина пьяна.

Она выпила кофе у стойки и вышла. Он видел, как она прошла мимо мокрого окна, у которого он сидел. Он отложил газету и вышел тоже.

Дождь прекратился. В воздухе стояла водяная пыль, липкая и теплая от автомобильных выхлопов. Через дорогу, у Центрального парка, женщина садилась в экипаж. Возчик опустил кожаный верх и забрал из-под морды лошади брезентовое ведро с овсом (склевывающие просыпанный овес голуби неохотно посторонились), и подвесил ведро под экипаж.

Когда экипаж тронулся, открылось сухое место на дороге, где он стоял. Голуби вернулись к овсу.

Он перешел улицу. За невысоким гранитным парапетом парка видна была между деревьев двухрядная дорога с мчащимися автомобилями. По ее обочине медленно катил белый экипаж.

Он сложил зонтик и не спеша пошел вдоль парапета. На другой стороне улицы фронтом к парку тянулись гостиницы с лепными фасадами, украшенными флагами. К их входу шли через тротуар навесы. Под навесами стояли живописные швейцары и вызывали свистком такси. Желтые такси подъезжали я отъезжали.

У Пятой авеню парк заканчивался. Можно было пересечь авеню и продолжить путь по узкой улице Восточной стороны. Идти было все равно куда. Но сумрачное мокрое ущелье улицы не привлекало.

Возвращаясь тем же путем к стоянке экипажей, он обратил внимание на особенность помпезных гостиниц: балконы во всю длину фасадов тянулись почему-то на высоте верхнего этажа, под крышей. И еще. Подъезжали и уезжали из гостиниц люди пожилые, и это бросалось в глаза, потому что их вещи несли молодые служащие.

Белый экипаж, в котором уехала женщина, опять стоял у обочины. Возчик ставил под морду лошади ведро с овсом. Его цилиндр лежал на козлах. Женщина шла по другой стороне улицы. Очевидно, она только что приехала. "Почему бы не продолжить с ней разговор?"

Он тоже перешел улицу и поравнялся с ней.

— Еще раз: привет!

Она резко вскинула голову, неприязненно оглядела его и остановилась, не желая идти с ним рядом. На миг он оказался лицом к ее лицу,

бледному и узкому, с видимыми скулами. Кончики ее потемневших от влаги волос с легкой примесью меди прилипли к запавшим щекам. Ирландка? На улице, при натуральном свете, она оказалась моложе, чем в ланчонете.

— Get lost! (Потеряйтесь!)

До него донесся пьяный перегар.

В слитном шипенье автомобильных шин по мокрой дороге он обострившимся слухом различал шлёп сандалий за собой. Звуки эти становились отчетливей, когда машины останавливали свой бег перед светофором.

Очень нужно было напрашиваться! Жаль было потерянного хорошего настроения. Он услышал, что женщина догоняет его. Ему даже показалось, что его зовут. Он ускорил шаги. Мало ли что человеку в таком состоянии может прийти в голову!

— Эй, ю, Брутус!..

Из всех возможных окликов, каким женщина могла бы привлечь его внимание, этот был самый загадочный.

— Почему Брутус?

— Не ваш это бизнес — почему. Вы все предатели!

Очень вразумительное объяснение.

Перед навесом у входа в гостиницу женщина остановилась. "Неужели она здесь живет? В этих сандалиях!"

Она опустили взгляд на красную дорожку, раскатанную поперек тротуара от дверей гостиницы к проезжей части улицы. Дорожка была в черных пятнах от мокрых подошв прохожих.

Теперь она смотрела на него исподлобья, с лукавинкой.

— Вы хотели меня любить, не так ли?

Массивные бронзовые ручки на дверях гостиницы венчались орлами, как скипетры.

— О, Боже!

И хихикнула.

"Пьяная баба", — он поморщился.

После этого она, очевидно, должна была вернуться в гостиницу. Чего не произошло. Она двинулась дальше по улице, как бы желая продолжить с ним разговор. Она и продолжила. Но другим тоном.

— Вы не военный пилот? Вы похожи на военного пилота. Они не откажут леди в фэйвер, не так ли?

Несколько шагов прошли молча.

— Имеется один человек, — она призналась. — Убейте его фор ми!

И спустя миг:

— Я устала, Здесь что-то должно быть...

В каждой из этих дорогих гостиниц, несомненно, имелся ресторан. У него была с собой кредитная карточка. Но и цены в таких местах! Но и женщину с Пятьдесят девятой улицы повести в какой-нибудь "фест-фуд" значило бы потерять ее. А терять эту алкоголичку он уже не хотел. Временами она выныривала из каких-то глубин и появлялась разумная речь приятной певучей интонации нью-йоркских интеллигентов. Этой среды он здесь был лишен.

Что касается диннер, то почему бы не заменить его коктейлем со льдом, который можно иметь в любом баре на соседней Мэдисон авеню? Или "Russian Tearoom" в двух блоках отсюда, с официантами в вышитых рубахах навыпуск, подпоясанных ремешками, подающими чай в подстаканниках от "Тиффани".

Он выбрал бар, где бывал.

Путь к нему шел через небольшой сквер с фонтаном. Струи из фонтана рассыпались над прохожими, отчего их неожиданно кропило холодной водой.

В чаше фонтана плескались черные дети из недалеких субсидированных корпусов, оглашая сквер криками. Их второпях сброшенные с ног кеды были разбросаны по скверу.

В баре произошло следующее.

Когда знакомый бартендер, к которому он уже обращался запросто: "Рик", двинул к нему по стойке бокал и повернулся к ней: "Мэм?.." — "Что бы такое придумать?" — она спросила себя, удерживая переступающего от нетерпения с ноги на ногу бартендера улыбкой. Улыбка обнаружила преждевременные лучики у глаз, а пепельный от дыма трубок и сигар свет бара наложил тени на лицо. Довольно невыгодная комбинация.

Он попробовал представить себе ее дома, скажем, в кресле с большим блокнотом на коленях, карандаш в зубах, что-то такое очень деловое соображающую для своей К°. И эта сцена пришлась ему по душе.

Спустя минуту он добавил к ней детский контур и игрушки на полу. И себя рядом. Тоже на полу.

Через настежь раскрытые половинки дверей в смежную комнату виден был некто к ним спиной. Он оглядывал себя в зеркале, очевидно, собираясь уходить. Зеркало отражало блеск тугих прядей молодых волос, кирпичного цвета лицо и на широкой кисти тяжелого белого металла часы (если из платины, то ее подарок!).

Этот малый, как бы ни ее бойфренд, был ему тут совсем ни к чему, и он поспешил убрать его со сцены вместе со смежной комнатой.

Очевидно, так легко она не могла разлучить себя с ним, почему снова ушла в глубины своей экстремальной ситуации.

Сидя рядом со своим случайным встречным у стойки, она рассеянно вертела недопитый бокал, стуча кольцом по стеклу.

Он обратил внимание на подушечки ее пальцев. Недостающая строка ее жизни, наконец, нашлась: "Играет в оркестре, может быть, даже рядом, в Линкольн-центре. Вполне может позволить себе Пятьдесят девятую стрит".

Вдруг женщина соскользнула с высокого стульчика и пошла к выходу.

И, как и в ланчонете, он рассчитался и вышел за ней. На заметно опустевшей улице уже горели фонари, и он увидел ее издалека. Ему пришлось вернуться в бар за забытым зонтиком. Когда он снова вышел на улицу, женщины уже не было.

Фонтан в пустом сквере был уже подсвечен, и пахло свежей водой.

Повернув на Пятьдесят девятую улицу, он снова увидел женщину. Она стояла через дорогу напротив гостиницы, прислонясь к скользкому от жирной влаги парапету. Когда он стал рядом, она посмотрела на него и ничего не сказала. Карет и экипажей уже не было у обочины, и сухой гудрон под ними стал цвета мокрого антрацита, как и остальная проезжая часть улицы. На то место, где они стояли, указывал лишь просыпанный мокрый овес.

Прохожих поубавилось. Но тот же трэфик желтых такси, Когда они стопорили у светофора, слышен был масляный шелест моторов. А за парапетом в парке громко шлепались на землю капли с деревьев.

Он взял женщину за руку. Рука была холодной и мокрой.

Она подняла плечо, освобождая руку.

Дорогу в гостиницу она переходила, игнорируя автомобили.

Больше ничего не оставалось делать. Он почувствовал, что устал, и захотелось домой. Он миновал "Russian Tearoom" с притушенными огнями за окнами и вдруг осознал, что сделал круг.

Женщина в прежней позе стояла у парапета напротив гостиницы. Когда он приблизился, она оставила парапет к пошла навстречу.

Дома он, прежде всего, заглянул в ванную, не остались ли там забытые кем-нибудь серьги-стекляшки или кисточка от "мэйкап". Не хватало еще ей обнаружить, что она попала в "массадж салон"!

После чего предложил ей горячий душ и "Тайленол".

Пользуясь ее отсутствием, наскоро привел постель в порядок, накинув

что-то на измятую простыню на привольном и для двоих "кингс сайз" матрасе. И тут же осенило: да какой к черту "кингс сайз" на двоих, когда ни о каких двоих не может быть и речи!

К ее выходу из ванной у него уже было готово для себя кресло с придвинутым стулом на ночь.

Она посмотрела на свою руку: "Вы мне в парке сделали больно. У вас шершавая ладонь".

— Такая работа, — пришлось оправдаться.

Инженер, он здесь устроился слесарем, и каждый второй пай-чек относил в банк на кооператив.

Когда он проснулся, было уже раннее утро. Из серого окна к нему в кресло доносилась прохлада. Скоро вставать к сабвею, чтобы не опоздать на работу. Он не подымет ее с собой так рано, как других, а неслышно уйдет, оставив ключ и записку. Интересно будет с ней договорить, когда он вернется с работы. "Брутус!"

Он снова уснул, а когда открыл глаза, она уже стояла одетая у синего окна и старалась защелкнуть за спиной пряжку пояса с кошельком. Тиширт на ней все еще выглядела влажной. Его безрукавка, которую он дал ей после душа переодеться, лежала аккуратно сложенная на стуле. Он предложил ее, но женщина уверила, что она о'кей.

Она вызвала такси по телефону и понизила голос, давая свой адрес, чтобы адрес остался ему неизвестен. Он его знал. Но что с того!

Она шла к нему с дружески протянутой рукой, и он вторично увидел ее улыбку с уютными лучиками: "Bye! Nice to meet you. И забудьте все, что я вам вчера наговорила. I wasn't myself (Я не была собой)".

До того она так улыбалась бартендеру.

Она вышла, и он услышал, как торопливо зашлепали ее сандалии по лестнице, как будто женщина убегала.

Когда он спустился на улицу, солнце, как и предсказывала газета, ярко светило в безоблачном небе и освещало на противоположной стороне улицы разноцветные узкие дома с рыбными лавками в нижних этажах, и на выставленные на тротуар стойки со льдом рыбники в перчатках высыпали из ящиков серебристую рыбу. В просвечиваемых солнцем аквариумах грелись черно-серые лобстеры с гигантскими клешнями, перехваченными резинками.

От дождя не осталось и мокрого пятна. Все было сухо, воздух горяч и свеж. Его сторона улицы еще лежала в тени.

Приподнятое настроение куда-то ушло. Вдруг обнаружилось, что все

у него не так и не то: работа (ему за кульманом стоять, а он лазит под машины с молотком и зубилом), квартира (в доме колониальных времен без лифта и с деревянной лестницей) на торговой улице, где одна сторона пахнет рыбой, а из открытых дверей лавок на другой — специями всех островов Карибского бассейна. И многое другое.

Подошел поезд, и он втиснулся в вагон.

Ричфилд-Спрингс, США

Олег ГУБАРЬ

Клиническая биография

Психоаналитики призывают отдавать себе отчет. Я и отдаю. Повторяющееся ощущение: продираешь зенки, соображая, каким ветром тебя сюда занесло. Хотя на самом деле ты дома, и рядом мирно сопит, допустим, какая-нибудь теплая жена, то есть фактически и практически твоя, и относительно давняя, и которую обжигающе жалко. С опаской адаптируешься, но недоумение остается. Знакомо вам такое? Может, сказывается опыт многоженства, включающий неоднократную "перемену мест". Или бурная экспедиционная биография. Или советская армейка: наш отдельный специализированный батальон шатался по российской глубинке, по текстильным городкам, как переезжая сваха. Или многолетнее кочевание по советским больничкам для бедных. Черт его знает. Факт тот, что утрачен вкус к свежести пейзажей и ландшафтов, не говоря уже о топографии жилья, заветрилось восприятие. И — некстати — в людей я перестал влюбляться. "Мой адрес — не дом и не улица..." Координаты неизвестны. В момент просыпания приходится себя пеленговать.

Некто ляпнул и попал: если мир ушел из-под ног, и вам больше не за что держаться, уцепитесь за женщину (о самих женщинах там, правда, ничего не говорится, то есть ежели что, так непонятно, за кого им и цепляться). Верно, покидать зону заплыва не рекомендуется. Подгребают злобные спасатели и, вяло поругиваясь, отрывают от буя. Кика — душераздирающе худосочная мерзлячка. Льняные, байковые ночные рубашки и шерстяные носки "в рубчик" предпочтительнее скабрезных пеньюаров. Однотонно вязкое верблюжье одеяло, короче, паровая банька. Прямо-таки младенчик в испарине. Ножки к животику подтянет — привычная поза в материнской утробе. Сдобная Галка, та напротив, аппетитно сновала голяком, обмахиваясь, отдуваясь, воздушные ванны принимала. Еще и окно в стужу распахнет. Этой весь мир подавай. Тоня — демисезонная, серединка на половинку, зимой расслабленно впадала в спячку Кикой, летом задорно фонтанировала Галкой. И еще много-много предупреждающих буев и оттенков. Хватайся и держись. Главное — доплыть и заключить в объятья. Ты можешь! А там видно будет.

Неважная получилась иллюстрация: просыпаешься в обнимку с буем. Чушь какая-то, пошлятина. Пусть будет иначе. Привлекает внимание одинокий буек. Зачем он талапается, жалкий, в беспросветном ожидании потенциального утопающего? Дать ему реализоваться. Раз так, тону.

Взаимное тяготение — это лучше, точнее. Где утону, с кем проснусь в следующий раз, в следующей жизни, в следующем недоумении.

Это все прелюдия к коротенькому сюжету о том, как однажды проснулся, уцепившись за Кику. Был тогда помпезный свадебный кортеж со всеми причиндалами: ящерообразный лимузин, возложение цветов безвременно неизвестному от кратковременно известных, позирование с дорогими гримасами по всем парадно-мраморным лестницам и анфиладам, под елками-палками, поездка к чертовой матери в пригород и т. д. и прочее. А она — свидетельница, или, как принято говорить, подружка: шаг вправо, шаг влево — попытка к бегству. Все идет согласно регламенту. В том числе весна наша приморская, промозглая. В воздушном платьице стремно, в особенности с мочеполовыми проблемами, именуемыми цистит. А стоеросовые молодожены все едут и едут безостановочно в гребаную даль, беспросветно светлую. Вот и высиди такое золотое яйцо. С минуты на минуту растечешься по президентскому салону весенним половодьем от заказанного и сполна оплаченного счастья. Не ногу, а всю судорогой свело, пусть себе думают: от зависти. Дал Бог, остановились, фотографироваться на фоне национальной природы типа ржаных полей с тучными стадами. И Кика зашагала по трассе, широко расставляя крепенькие судорожные ножки, по которым это самое сладко стекало в округлые туфли-лодочки. Вот и поплыл, и утонул, один только усек ее замешательство со всеми вытекающими последствиями. Никто ни хрена и не заметил, поскольку все собою оголтело занимались, а я — возьми и влюбись. Да-а, представьте себе, по этому самому проливному поводу. Пусть там Фрейд с Уилсоном и прочими психоаналитиками копаются в наших "контурах", программных и аппаратных обеспечениях сознания, и с пристрастием или даже беспристрастно комментируют. А все равно сие есть тайна велика. Спаслись на время, и ладно. Опять-таки судорожно уцепились друг за дружку. Тяжеловат я для хрупкого поплавка. Тону, озираюсь. Еще буек в поле зрения, побольше, но тоже неприкаянный. Тут иначе было. Училка-первогодка. Маевка, повезла своих обормотов на лиман, и понесло ее в воду камыш декоративный резать для интерьера. А там, на заиленном мелководье, кладбище разбитых бутылок из-под народных гуляний. Напоролась на зазубренный скелет, заботливый физрук ее аккуратно так несет, будто невесту, а по бережку, по песочечку — кровавый след, как у Конан-Дойла. Беру этот след, рыскаю, вынюхиваю, исподтишка наблюдая колеблющиеся в ритме переноски крепкие лодыжки. Я эти трогательные части тела ухитрялся охватывать ладонью. У меня руки музыкальные, запросто

беру октаву плюс терцию. Это не Галя-медичка и не Тоня-музыкантша была, которых за давней мимолетностью пропускаю, а другая, сильно напоминавшая Кику. К музыке отношения не имела, да кто ж его и имеет из музыкальных критиков, сказано же о них: не баба. Из кухни доносилось, однако, негромкое надрывное пение, — склонившись над сковородкой, в соскальзывающих наушниках Училка подпевала Башлачеву, Янке и некоему со щемящим голосом итальянцу. Подкрадывался поближе и, не замеченный стряпухой, млея, подслушивал. "Что было, то и будет", — вытягивал итальянец. Нет, не так: "Ничего не изменялось и ничего не изменится". Когда-то немного изучал язык Лоренцо Медичи, потому и разобрал местами, — короче, туда вмонтировали всего-навсего перифраз из Экклезиаста, но по-итальянски звучит впечатляюще. Была такая неуклюжая шутка: она признавала только иностранные лекарства; те же, но в русском переводе, на нее не действовали. Плевать мне было на обширность ее эрудиции, когда самого безголово захлестывало, когда пропитывался ею до безмозглости костей. И вообще, хорошо быть Марусей, которая из-за тебя отравилась, но потом тобою же спасена до такой степени, что тебе самому пришлось удавиться, на худой конец утопиться. Но непредсказуемым образом, как сейчас помню, в мае месяце, меня спасла частная рыбопромышленница Софья, восторженно сообщившая о моей широкой известности в определенных кругах. Вероятно, имея в виду круги по воде. Промысел, а больше сбыт шли у Сони из рук вон плохо: норвежцы завалили рынок бессмертной селедкой, китайцы многофункциональными крабовыми палочками, турки навели порчу на бычков, а мифологическая кефаль встречается только в учебниках по экологии. Поэтому спасительница моя никак не могла реализовать заветную мечту о современной стиральной машине, ибо доходов от улова хватало только на моющие средства для ручной стирки. Наблюдая мечтательницу, согбенную в постирушке, впадал в черную, как наше море, меланхолию. Куда ж нам плыть, раздумывал, бывало. Да оно и понятно, куда: кланяясь шаечке с исподним, Сонька открывала мощные причальные тумбы, к которым так и тянуло пришвартоваться. Пусть за волноломами открывается вид на яркий гидрографический бакен — где ты, Кика, и, кстати, Мисюсь (?) — не доплыву. Продолжаю самоуничтожающе сладострастно тонуть в лохани.

Вот, собственно, и все. Сеанс психотерапии окончен: запеленговал себя. Камень в ногах придает устойчивость.

Сергей ШЕПЕЛЬ

Три притчи

Потерянное счастье

Жило в человеке счастье, жило не тужило. Любило оно свободу, простор, полет, красоту и любовь. Оно видело во всем внутреннюю, потенциальную красоту, свет и чистоту, и хотело, чтобы и человек их увидел, а он тыкал счастье носом во внешнее сегодняшнее несовершенство и уродство, и этой "грязью" замазывал ему глаза. Он связал счастью крылья канатами обид и претензий и понаставил преград из условностей.

И вот счастье перестало летать то из-за связанных крыльев, то из-за преград-условностей, о которые оно ранило свои большие крылья, когда те были не связаны, или потому что из-за грязи на глазах не видело, куда лететь. А счастью полет был необходим, без полета и свободы оно задыхалось. И от такой вот жизни счастье стало чахнуть, оно стало ко всему безразличным.

Шло время, и оно так изменилось, что человек перестал узнавать его. Загрустил он без счастья и стал звать его:

— Счастье, ты где?

— Да вот же я, — грустно ответило оно.

— Нет, ты "не счастье".

— Да как же так, присмотрись получше, вот же я — твое счастье.

— Нет, нет, ты "не счастье".

Так незаметно к счастью прицепилось это новое прозвище — "не счастье".

Стал человек задумываться, откуда взялось это "несчастье" и куда, собственно говоря, делось его счастье? Не найдя его в себе, он начал поиски своего счастья во внешнем мире. И где только не искал его человек, чем только не пытался привлечь его — и вкусной едой, и деньгами, и украшениями, и машиной, и шикарной квартирой с мебелью, но ничего не помогало. Так бродит человек до сих пор в его поисках и не может найти. И как же он найдет его, если вовне его нет, если оно там же, где и прежде, — в нем самом?

И так хочется закричать:

— Пробудись, человек! Хватит искать свое счастье там, где его нет. Посмотри, вот же оно, в тебе самом. Да, да, то, что теперь ты называешь несчастьем. Что? Не узнаешь? Так может, тебе попробовать отмыть его от той грязи, которой ты вымазал его, освободить его крылья от канатов обид

и убрать преграды условностей, чтобы дать ему возможность взлететь? Может, тогда ты его узнаешь?

Надеюсь, ты услышишь меня, человек, и поможешь своему счастью вновь обрести свободу и стать самим собой.

Лист и воробей

Жил-был один листик. Однажды сильный ветер сорвал его с дерева и понес, то вверх, то вниз. Маленький воробушек, который в этом году только вылупился, спросил его:

— Почему ты упал с дерева?

— Я не падал, мне просто надоело висеть на нем, — ответил листик.

— А куда ты летишь? — опять спросил любопытный воробей.

— Куда хочу, туда и лечу. Захочу, полечу вверх, захочу — вниз. Я свободный лист, — сказал листик.

Надо сказать, что он был слишком гордый и высокомерный, чтобы признать, что не умеет летать и что он полностью подчинен внешним влияниям, например, ветру, хотя, может, он и в действительности так думал.

Когда ветер немного стих, и листик упал в ручеек, воробушек вновь спросил его:

— А почему ты перестал летать и упал в воду? И куда теперь направляешься?

— Я никуда не падал, — обиженно ответил листик, — просто мне надоело летать и захотелось поплавать, а плыву я, куда захочу, ведь я свободный лист и сам решаю, что мне делать.

— А почему ты не поплывешь в другую сторону? — поинтересовался воробушек.

— Сколько раз тебе можно объяснять? Раз я не плыву туда, значит, не хочу, ведь я делаю лишь то, чего хочу сам, — начиная сердиться, ответил листик и поплыл дальше по течению.

Через несколько дней воробушек уже научился летать и, совершая свой третий полет, увидел своего старого знакомого — листика, но тот так изменился, что птенец не сразу узнал его.

— Привет, листик, — пропищал он. — Как дела? Почему ты пожелтел, кто с тобой это сделал?

— Никто ничего со мной не делал, мне просто захотелось сменить свой цвет, вот я и стал желтым, — ответил листик.

Воробушек поверил листику, и после этого случая стал считать листья высшими существами, ибо не мог понять, как можно летать без крыльев и плавать без ног, а уж тем более по своему желанию менять цвет.

Но вот наступила осень, и все чаще и чаще стали слетать с деревьев листья, но воробушек никогда не видел, чтобы они летели против ветра, а когда они попадали в ручей, никто из них не плыл против течения, разве что очень сильный ветер толкал их. И никогда он не видел, чтобы какой-нибудь лист остался зеленым и "захотел" не менять свой цвет. Он повзрослел и приобрел жизненный опыт, а вместе с этим изменил свое отношение к листьям, живущим в иллюзии самоуспокоения, что они управляют своей жизнью.

А еще он узнал, что также есть и другие существа, которые считают себя ни от чего не зависящими, — это люди. Их поведение и жизнь в целом зависят от внезапных порывов эмоций, чувств и желаний, которые исходят неизвестно откуда и несут их неизвестно куда. И никто не пытается бороться с ними, за исключением немногих, сумевших покорить их. А еще они считают людей, чей ветер желаний и чувств дует в другом направлении, странными, лишь потому, что их несет не в том направлении, что и их.

Он так и не смог понять, почему они так себя ведут, почему им, таким слабым, но потенциально таким сильным, так нравится утешать себя сказкой о своем всемогуществе, вместо того чтобы пытаться противостоять порывам "ветров" или даже научиться управлять ими, ведь люди — это существа, которым это подвластно, которые сами могут решать, в каком направлении им странствовать по безбрежным водам жизни.

И воробушек решил, что лучше признать, что ветер может снести тебя и изменить намеченный путь, но иметь возможность противостоять ему, чем говорить, что ветер не властен над тобой, и ты летишь именно туда, куда хочешь, когда он несет тебя в обратном направлении.

Фонарь

Шел человек по Пути, и застала его в дороге ночь. Остановился он, огляделся по сторонам: Пути не видно, а вокруг шорохи и неизвестные звуки. Страшно ему стало, и попросил он Бога о помощи, просветлении и указании Пути.

Засиял яркий свет, осветивший все вокруг, и явился Господь, и дал Он человеку фонарь.

Обрадовался человек, что теперь ему будет не так темно, страшно и одиноко, и всю ночь ходил с включенным фонарем, а утром, когда стало светло, выключил его и положил в задний карман.

Так прошел день. Вечером, когда стали сгущаться сумерки, снова напал страх на человека, да такой сильный, что он напрочь позабыл о вчерашнем даре и стал снова взывать к Господу. И раздался Божий глас:

— Я тебе уже дал фонарь, так чего же ты еще хочешь?

Но человек был так напуган, что ничего не слышал, а только бормотал:

— Спаси, Господи, спаси.

Подумал Господь, как же помочь человеку, и дал ему пинка под зад. Схватился человек за задницу и ощутил в кармане фонарь.

У каждого из нас во внутреннем "кармане" есть такой "фонарик", подаренный нам Богом. Главное, когда вокруг сгущается тьма, не забывать о его существовании и пользоваться им, освещая себе путь, не дожидаясь пинков.

Леонид ВАГНЕР

Подфлажники*

Подфлажниками называют российских и украинских моряков, работающих на судах под иностранными флагами.

Вот жребий и брошен, контракт подписан, билеты на руках. До вылета двое суток.

Попутчиков от крюинговой компании нет, но это не огорчает. Маршрут известен по прошлому контракту: Одесса — Стамбул; Стамбул — Бахрейн; Бахрейн — Даммам, и вы в королевстве Саудовская Аравия. В Даммаме встретит агент компании, приедет примерно через полтора часа после прибытия самолета, и с восточной неторопливостью за два-три часа оформит все необходимые бумаги. Затем отвезет в гостиницу и следующим утром доставит на фирму за получением спецодежды и обуви. После этого отвезет вас в порт Рас-Танура к борту судна "Кингфишер". А там уже ваш круиз по Персидскому заливу зависит от местонахождения вашего судна — от нескольких часов до четырех суток, возможно, и целую неделю. Но это неважно по дороге туда. Вы уже на работе с момента прохождения пограничного контроля в аэропорту Одесса, и зарплату вам уже начисляют. Да и в начале контракта время идет быстрей, постепенно замедляясь по мере его окончания. Было бы неплохо перенести это ощущение времени в нашу жизнь, где оно бежит с каждым годом все быстрей и быстрей.

Вот так примерно, вспоминая былое и размышляя о предстоящем, я незаметно доехал до дома, где и "обрадовал" жену скорым отъездом. Она принялась расспрашивать о деталях предстоящей работы, попутно перебирать вещи, которые надо приготовить в дорогу, составлять список, что нужно купить, — пытаясь в хлопотах растворить печаль предстоящей разлуки. Моряк может долго ждать работы и быть в состоянии готовности "хоть сегодня уйти в рейс", но ожидаемая работа почти всегда приходит неожиданно. Так получилось и в этот раз. Два дня и две ночи пролетели мгновенно. И вот мы уже в аэропорту. Попрощались без лишних и ненужных слов.

С отрывом самолета от взлетной полосы мысли тоже оторвались от дома и унеслись далеко на восток, туда, где предстояло прожить следую-

* Рассказ печатается с сокращениями. Полную версию рассказа можно прочитать на сайте www.proza.ru/2010/03/01/501

щие четыре, а может, и пять месяцев. Пока было известно только то, что судно норвежской постройки, 1994 года, с автоматической системой динамического позиционирования. Именно наличие ДиПи-системы на этом судне и было основным доводом для подписания этого непривлекательного ни по деньгам, ни по району плавания, ни по продолжительности контракта. Это давало определенные преимущества в будущем, при поиске работы в оффшорных компаниях. Оффшор привлекает моряков возможностью уйти от длительных рейсов, не потеряв при этом в заработке, а иногда и выиграв. Найти хорошую работу нелегко. В оффшоре, как и на грузопассажирских судах, предпочтение отдается специалистам, имеющим опыт работы именно на таком же типе судна, как и то, на которое им нужны специалисты. Или, по крайней мере, имеющим опыт эксплуатации или обслуживания такого же оборудования, которое установлено на данном судне. Для электромеханика опыт обслуживания ДиПи-системы является пропуском для работы на самых сложных и современных судах. Я ехал работать на научном гидрографическом судне "КАРАН-8".

Стамбул, как всегда, встретил шумно и суетливо. Толкаться по нескончаемым магазинам и кафе аэропорта в течение шести часов меня не тяну-

КАРАН-8

ло, поэтому пришлось раскошелиться на сорок долларов и пойти в "Миллениум" — зал ожидания для транзитных пассажиров повышенной комфортности, с раздельными помещениями для курящих и некурящих, со столиками, с открытыми шкафами-ячейками для одежды и сумок, а также с кафе самообслуживания шведского типа на восточный манер.

Не успел я выпить и полведра кофе, как объявили посадку на мой рейс. В самолете, несмотря на выпитый кофе, заснул и, надеюсь, не храпел. Посадки не почувствовал, проснулся от шума пассажиров, вставших с мест и доставших с багажных полок вещи. Взял свою сумку и тоже двинулся к выходу. Спускаясь по трапу, окончательно проснулся, а спустившись с трапа, с удивлением обнаружил, что я не в Бахрейне. Здание аэропорта было другое и намного меньше. Решил вернуться и спросить у стюардесс, те с улыбкой ответили, что это действительно не Бахрейн, а Доха. "Садитесь на свое место, — вежливо пригласили меня в салон, — сейчас полетим в Бахрейн". Вернувшись на свое место, я увидел, что самолет почти опустел, осталось человек двадцать. Проходя по салону, заметил двух спящих пассажиров. Возле них было большое количество пустых шкаликов от красного и белого вина. Наверное, соотечественники и, скорее всего, коллеги, подумал я, — ну кого еще может занести в эти не туристические для европейцев края? Уже сидя на своем месте,

осознал, что мог легко выйти в Дохе и отстать от самолета, лети я в первый раз. Ни в билете, ни на табло в аэропорту Стамбула не было написано, что самолет делает посадку в Дохе. Ни слова об этом не сказали и в крюинговой компании, отправлявшей меня на работу. Да, контракт мог начаться весело и закончиться досрочно и грустно, попей я в "Миллениуме" не кофе, а коньяка, и "полирнись шаровым винчиком" в самолете. Пока я прокручивал в голове этот трагикомичный расклад, салон снова наполнился пассажирами, и самолет начал выруливать на взлетную полосу. На высадку и посадку ушло минут двадцать, не больше. Молодцы, быстро сработали, если бы хлопнул ушами и сошел, то курил бы сейчас в зале транзитных пассажиров, еще ни о чем не подозревая. Курить от этой мысли хотелось уже не так сильно.

В Бахрейн прибыли в третьем часу ночи. Первым делом направился на перекур. Курить разрешено только в одном месте, и я знал, где оно находится. После пяти часов воздержания выкурил две сигареты подряд. Рейс на Даммам в 9.30 утра, времени навалом, пошел бродить по аэропорту.

Полет длился меньше получаса. Встречающий агент был уже в таможенной зоне с моей фамилией на табличке. Взял мои документы, сумку и без очереди, без таможенного досмотра провел меня из зоны контроля к автомобилю на стоянке.

К обеду я был на борту "Кингфишера". В прошлый раз я подружился со стармехом этого судна Славомиром из Польши. Слава был на борту и встретил меня как старого приятеля. Поселил в одноместную каюту и выяснил у капитана, где находится "КАРАН-8". Оказалось, что недалеко, и к вечеру я буду на месте.

Море было спокойное, "КАРАН-8" дрейфовал в ожидании "Кингфишера", включив все свое наружное освещение, и выглядел весьма внушительно. Пришвартовались, я передал свою сумку, а затем и сам через продуктовый люк перешел на борт судна, оказавшись сразу в надстройке, возле холодильных камер. Сразу же началась перегрузка продуктов, до меня никому не было дела. Матрос, который принял у меня сумку, уже принимал ящики с провизией, сумка стояла в коридоре. Вот так встреча! — ни тебе оркестра, ни красавицы с хлебом и солью. Даже тот, кого я приехал менять, не встретил, а это было странновато, мягко говоря. Но не будем торопиться с выводами, всякое бывает, может, человек возникшие технические проблемы решает, и ему сейчас не до вежливости и традиционных церемоний. Взял сумку и пошел по коридору в поисках трапа на мостик.

Тут в коридоре объявился индус с рацией, который и был вахтенным матросом.

— Вы новый электромеханик? Пошли, я покажу вам вашу каюту, — сказал он и, взяв у меня сумку, предложил следовать за ним.

Каюта находилась рядом на этой же палубе, мы практически возле нее и стояли. Матрос постучал и одновременно со словами: "Виктор, вот твой сменщик!" — открыл дверь, не дожидаясь разрешения, вошел и поставил сумку. Хозяин поднялся навстречу, пожали друг другу руки, познакомились.

— Ну вот что, начальству представляться сегодня уже поздно. Давай сначала располагаться, а потом посвистим за жизнь, — предложил Виктор. — Вот твой рундук, вешай куртку, ставь портфель. Извиняй, твоя кровать верхняя, переберешься после моего отъезда. Не буду тебе мешать, пойду пока перекурю.

Курил он недолго, не терпелось узнать последние новости с Украины, да и просто хотелось поговорить на родном языке. Я его понимал, сам прошлый контракт был одним русскоязычным в экипаже. Так что проговорили мы почти до утра.

Поднялись в начале восьмого и после утреннего туалета пошли в кают-компанию пить кофе. Кофеварка была включена, и готовый кофе уже стоял на подогреве.

— Значит, Филипп уже встал, — прокомментировал Виктор. — Филипп — это старший механик, наш босс. Сейчас выпьем кофе, познакомишься. У нас с ним неписаное соглашение, — кто первый встал, тот и готовит кофе. Вот мерка, одна порция на литр воды. Больше не надо, потому что, кроме меня и деда, никто натуральный кофе не пьет (дедом на бывшем советском флоте называли старшего механика). Картежники спят до последнего, и по утрам завтракают в спешке. Некогда им утром кофе заваривать, бадяжат растворимое или чай в пакетиках сёрбают.

Я поинтересовался, кого он называет картежниками.

Он пояснил:

— Это сюрвейера — специалисты по составлению морских карт и по обследованию морского дна и подводных коммуникаций. Судно для них и построено. Наше дело их катать, куда скажут, и обеспечивать работу оборудования. У них имеется свой инженер-электрик. Он занимается сонарами и двумя подводными роботами. Мы помимо всего судового электрооборудования обслуживаем сюрвейерный катер и гидравлический подъемник для его спуска на воду. С катером будь внимателен. Эта игруш-

ка стоит почти два лимона американских рублей. В кают-компании у нас не курят, курить можно в комнате отдыха или в столовой команды. Хотя на "КАРАНЕ-8" кают-компания и столовая команды — это чистая условность. Здесь разделение по принципу восток-запад, а не офицеры и рядовые. Капитаны, например, все арабы, и питаются в столовой команды, там едят руками, без столовых приборов. А вот сюрвейера питаются здесь, даже арабские, — они все учились в Америке, Англии или Канаде и стали приверженцами западной культуры.

— Погоди, ты сказал — капитаны, разве на судне их несколько?

— Совершенно верно. На "КАРАНЕ-8" нет помощников капитана. Судном управляют только капитаны, прошедшие специальные курсы по ДиПи-системе и годичную стажировку. На судне четыре капитана и два капитана-стажера. Тут ты много чего непривычного увидишь, у меня поначалу глаза от удивления квадратными были.

Допили кофе. Пошли к деду. Его каюта находилась двумя палубами выше. По дороге Виктор предупредил, чтобы я не удивлялся экстравагантному виду нашего босса. Удивиться было чему. Стармехом оказался мужчина 55-60 лет, невысокого роста, плотного телосложения и абсолютно лысый. Одет он был в черную майку и шорты-бриджи розового цвета. На левой руке массивные механические часы, на правой руке и на обеих ногах браслеты из разноцветных камней. На шее две золотые цепуры. На одной — какой-то каббалистический символ, а на другой — якорь величиной с детскую ладошку. Он разговаривал по мобильному телефону и кивнул нам на диван, чтобы мы располагались, а сам ходил по каюте, как тигр в клетке, не обращая больше на нас внимания. Телефонный разговор был напряженный, я услышал все английские ругательства, которые знал, но сути разговора не понял. Закончив разговор, он сначала поздоровался с Виктором, затем подошел ко мне, я встал.

— Филипп, — коротко представился он.

— Леонид, — ответил я, и мы обменялись крепким рукопожатием.

Филипп, рассмеявшись, сказал, обращаясь к Виктору:

— А он не араб!

Я понял намек, и тоже обращаясь к Виктору и показывая на Филиппа, сказал:

— А он тоже!

Дело в том, что в арабской культуре крепкое рукопожатие не принято. Оно демонстрирует силу и означает агрессивные намерения. Арабы-мужчины обычно при встрече берут друг друга за руки выше локтя, слегка

прижимаются и троекратно касаются друг друга щеками. Со стороны может показаться, что они целуются. Наши новые русские так и делают, а молодняк их копирует, считая, что это круто. Арабы же помимо проявления дружелюбия во время такого приветствия демонстрируют друг другу, что они соблюдают заповеди Корана, и от них нет запаха алкоголя, а во время месяца Рамадан в светлое время суток от них нет также запаха табака и пищи. Так что арабы друг друга нюхают, а не целуют. Рукопожатия у них настолько вялые, что это даже и не рукопожатия вовсе, а просто соприкосновение ладошками. Так приветствуют незнакомых людей и чужестранцев. Они этим как бы показывают, что без оружия и не имеют враждебных намерений.

Дед не стал меня ни о чем расспрашивать, а сразу распорядился, чтобы Виктор шел показывать мне судовое оборудование.

Судно было немаленьким. К тому же, это был электроход. Начали, как и полагается, с машины...

В ручном режиме судном можно управлять с пяти постов управления. На каждом посту кнопочек, джойстиков, индикаторов и лампочек было как игрушек на новогодней елке. Вся информация поступала в бортовой компьютер и отображалась на мониторах по выбору оператора. Выбрать можно было одну из 500 страниц. Виктор приободрил:

— Не бойся, все сразу не поломается. Я плановое техническое обслуживание сделал с опережением. Надеюсь, у тебя будет пару недель осмотреться и изучить техдокументацию...

Время пролетело незаметно.

Виктор посмотрел на часы.

— Ого, мы с тобой заработались! Время спать, а мы еще не ели!

В кают-компанию мы пришли в числе первых. Один уже обедал, другой стоял возле раздаточного окна. Как только мы вошли, он сразу оживился:

— Привет, парни! О, Виктор, поздравляю! Наконец-то приехала твоя замена, — и уже обращаясь ко мне, продолжал: — Добро пожаловать на борт! Меня зовут Даррелл. А как твое имя?

— Мое имя Аурел Теофил Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, — ответил я на полном серьезе, — но ты можешь называть меня просто Лео, — добавил я после небольшой паузы и протянул для рукопожатия руку.

Дарреллу шутка понравилась:

— О, да ты шутник! Из какого ты города? Я из Кейптауна, у нас тоже живут веселые люди.

— Из Одессы, столицы юмора, Украины, — ответил я.

— Снова шутишь?

— Нет, не шучу. В Одессе ежегодно проходит карнавал юмора. Приезжает много гостей. У меня есть даже видео, могу показать, — продолжил я разговор.

Виктор сделал заказ повару, я попросил повара положить мне то же самое. Пока повар выполнял наш заказ, Виктор сказал мне по-русски:

— Напрасно ты его зацепил, он тут местный забияка и всех подкалывает, теперь тебе покоя от него не будет.

Во время обеда я продолжил свое знакомство с экипажем, а после обеда перекурили и продолжили экскурсию. За два часа осмотр закончили, и Виктор подвел итог:

— Я свою мазурку отплясал. Все, что было, показал. Все, что помнил, рассказал. Дальше действуй самостоятельно, и если возникнут вопросы, я буду в каюте.

На своем опыте я убедился, что для изучения нового судна нужно время. Ни за день, ни за два этого не сделать.

На следующее утро мы вместе совершили обязательный ежедневный обход судна с целью визуального контроля работы оборудования и освещения. Начали с центрального поста управления. Спустившись в машинное отделение, встретили вахтенного механика, араба. Он заулыбался и, обращаясь ко мне, сказал:

— Собака хер мудир, — и вышел по своим делам.

Я спросил Виктора:

— Меня что, уже послали?

Он засмеялся и пояснил:

— Это был Исса — веселый добряк. Он сказал тебе "доброе утро, начальник". Мудир по-арабски значит начальник, господин, а не то, что ты подумал. Собака хер — доброе утро. Легко запоминается, правда? Кстати, по поводу выхода в интернет можешь обращаться к Иссе. Он мужик безотказный.

Жизнь на "КАРАНЕ-8" шла своим чередом. Проводив коллегу в отпуск, первым делом обустроился в каюте. Навел небольшой порядок и разложил свои вещи. Теперь это мой дом на несколько месяцев. О присутствии моего предшественника напоминал маленький бумажный украинский флаг, приклеенный с внутренней стороны входной двери, да лист бумаги, прикрепленный к книжной полке с напечатанным на украинском языке приветствием следующего содержания:

Вітаю Вас,
шановний,
на борту КАРАН-8!
Найперше — зичу Вам міцного здоров'ячка, спокійної роботи і високої зарплати.
По-друге, не рвись в герої, поки не покличуть і не заплатять, бо герої мають бути Живими, Здоровими та (бажано) Багатими.
Як казали древні греки: живий пес набагато кращий, аніж здохлий лев.
А відносно зарплати є славна українська приказка про те, що тільки дурень думкою багатіє. В житті є деякі відмінності від математичних законів.
Наприклад:
Від переміни місць сума (Σ $/₡/Hrn) сильно міняється.
Буде шия, то ярмо на неї знайдеться.
А тепер повернемось до справ корабляцьких. Заставляю різними методами закривати двері в туалетах (розумію, що таке поняття, як двері, в багатьох культурах відсутнє. Особливо в теплих краях, але, але...)
Буває, що сморід повзе по коридору і через кондиціонер потрапляє до кают. Неприємно, як мінімум...
Я в каюті встановив прискавку, приблизно раз на годину чути котячий чих.
На кондиціонерах за номерами 1; 2; 3; 36 встановлено новий контролер температури.
Інструкція на контролер буде додана до цього листа.

Приветствие-напутствие выбрасывать не стал, снял и положил в архивную папку с инструкциями.

Следующие несколько дней выдались спокойными, и я за это время осмотрелся и притерся, как говорится. Успел со многими познакомиться. Затем на судно прибыл стармех Ибрагим и заменил Филиппа, который уехал в Таиланд на три недели отдыха.

Украинские моряки работают здесь в нескольких оффшорных компаниях, которые специализируются по типам судов, но все работают на одну компанию "Арамко", которая и является собственником портов, нефтяных терминалов, трубопроводов, насосных станций и большинства судов.

Для специализированных судов имеется два основных технических

порта — Рас-Танура и Танаджиб. Здесь суда заправляют водой и топливом, снабжают запасными частями и продуктами питания. Отсюда отправляют все снабжение на строительство и ремонт морских нефтяных трубопроводов и объектов. Сюда свозят технические отходы и бытовой мусор с этих объектов.

В этих портах суда ремонтируют. В Рас-Тануре имеется даже свой плавучий док для капитального ремонта судовых корпусов.

Во время стоянки в портах моряки имеют возможность общаться между собой и обмениваться фильмами и книгами, а также информацией из первых рук о том, кому как работается, и где как платят.

"КАРАН-8" заходил в Рас-Тануру довольно часто. Раз в неделю, а то и чаще. В один из таких заходов я познакомился с Леонидовичем — капитаном буксира, который стоял в сухом доке на ремонте. Он ходил вдоль всего причала порта спортивной походкой. Судя по его комплекции, он боролся с лишним весом. Я подождал, когда он снова будет проходить мимо нашего борта, поприветствовал его на русском языке и спросил:

— Что, земляк, воюем с лишними килограммами?

На что он бойко ответил:

— Ни в коем случае, наоборот, нагуливаю аппетит перед ужином! Давай присоединяйся, если есть желание и возможность!

И возможность, и желание были. Я сошел с судна, и уже через минуту мы зашагали вдоль причалов вместе, по ходу знакомясь. Через семь кругов по порту я знал его историю жизни, а он — мою.

Константину Леонидовичу было 57 лет. Он окончил в Ленинграде Высшее военное морское училище. Всю жизнь посвятил Военно-Морскому Флоту и провел на военных кораблях. Дослужился до должности командира БПК (большого противолодочного корабля) и ушел на пенсию в звании капитана первого ранга. После службы вернулся в родные края, на Украину. Купил домик и обосновался под Киевом. Поначалу с подачи своих высокопоставленных друзей-сослуживцев открыл совместный бизнес в Киеве. Имели два автосалона, специализировались на продаже дорогих автомобилей. Затем ему надоела вся эта бизнесовая возня с наездами и крышами. Имитировал запой, чтобы не обижать друзей прямым отказом продолжать уже налаженное дело. Руководство бизнесом вместе со своей долей передал своей второй жене — в качестве отступных при разводе. Первая жена вместе с двумя сыновьями эмигрировала в Канаду еще в начале девяностых, сразу после его ухода с военной службы. Так что он теперь счастливый холостяк. Военная пенсия приличная, но сидеть без

дела тошно. Вот снова и вернулся в моря. В этой компании капитанит на буксире уже три года, который неделю как в ремонте. Его поселили в небольшую портовую гостиницу. Вся его работа заключается в том, чтобы утром прийти на пятнадцатиминутную рабочую планерку. Леонидович изнывал от безделья и с нетерпением ожидал прибытия своего напарника, тоже капитана этого же буксира. Работа их буксира заключалась в постановке танкеров к нефтяному терминалу под погрузку. А загруженные танкера оттягивать от терминала на безопасное расстояние. Работа была круглосуточная, и они несли ходовую вахту шесть часов через шесть.

Слава, его напарник, был родом из Севастополя. По иронии судьбы, он тоже был военным моряком и тоже дослужился до звания капитана первого ранга. Но нес службу на подводных лодках. Со слов Леонидовича, Слава хорошо разбирался в компьютерной технике и электронике и являлся фанатом штурманского дела. Кроме этого, был весельчаком, выдумщиком и массовиком-затейником. Поэтому с его прибытием житуха должна была повеселеть.

Как-то само собой получилось, что я стал называть своего нового знакомого Леонидовичем. По имени-отчеству здесь никто друг к другу не обращался. А называть его Костей язык не поворачивался. Леонидович сказал, что они будут на ремонте два месяца, и их команду расформировывают на другие суда. Он слышал, что на "КАРАН-8" пошлют матроса с их буксира, индуса по имени Правин. Сказал, что он проработал с ними больше года, и что он нормальный парень. А также попросил меня по возможности подсказать ему, что к чему на нашем судне, и посодействовать чем смогу.

Подошло время ужина. Леонидович сказал мне номер комнаты гостиницы, где он проживал, и приглашал заходить в гости, когда будем в следующий раз в порту. Я тоже пригласил его заходить в гости на "КАРАН-8" без письменного приглашения на фирменном бланке.

Рано утром мы ушли в море. На судне произошла очередная частичная смена экипажа. Помимо тех, кого я уже знал, появились новые лица. Вернулись из отпуска еще один старший механик Белла и мой коллега, электрик Халид. Меня с ними познакомил Ибрагим. У сюрвейеров появилось двое новых для меня людей. Индонезиец Эдмунд и бразилец Марсело. Нового матроса я заметил не сразу, а только после обеда, когда вышел перекурить на палубу. Мы познакомились. Это был тот матрос, за которого говорил Леонидович. Я передал ему привет от его бывшего капитана и сказал, что если у него возникнут какие-нибудь вопросы, то он может

обращаться ко мне. Правин искренне обрадовался, что за него не забыли. И сказал, что "кэптин" Слава и "кэптин" Костя очень хорошие капитаны, и ему жаль, что буксир поставили в ремонт, и его перевели на другое судно. Я ему ответил, что здесь тоже хороший экипаж и нормальные капитаны. Он недоверчиво посмотрел на меня и, отрицательно покачивая головой, промолвил:

— Нет, таких как они, я здесь больше не встречу, — помолчав, с грустью добавил: — Никогда.

По роду своей работы я общался со всем экипажем — от уборщика до капитана. Потому что помимо ежедневного простого осмотра оборудования я еще и выяснял у персонала, который его использовал, есть ли с ним какие-нибудь проблемы в работе, или нет. Много ходил и много общался, поэтому познакомился со всеми быстро.

В один из вечеров поднялся ветер. И в порт начали прибывать суда, чтобы переждать шторм. Места на причалах не хватало, и приходящие суда швартовались к бортам судов, уже стоящих у причала. К нашему борту пришвартовался водолазный бот, капитаном которого был грузин.

Я увидел его сразу после швартовки. Он расспрашивал нашего матроса, есть ли у нас члены экипажа из Грузии или Украины. И я поприветствовал его по-грузински:

— Гамарджоба, генацвале!

— Гамарджоба, дорогой! Откуда ты?

— Из Одессы. А ты?

— Из Поти, дорогой, из Поти. Слушай, у тебя фильмы есть? Я свои уже по два раза пересмотрел. Если есть, давай меняться.

— Давай. Кто к кому в гости пойдет?

— Приходи ты. А то я должен быть на мостике, пока порт-контроль меня по радио не вызовет.

— Хорошо, ставь чачу в холодильник, минут через десять буду.

В Грузии я не бывал, но со слов капитанов ремонтируемого буксира знал, что есть две дыры на Черноморском флоте — Донузлав и Поти. В этих портах раньше располагались базы минных тральщиков Черноморского флота, а также туда отправляли всех залетчиков в ссылку. Им тоже выпала честь там послужить. И Поти они оба отдавали предпочтение, потому что местная виноградная водка — чача — валила с ног не хуже, чем пулемет Дегтярева.

Я взял в каюте свой жесткий диск на 500 "гектар" да пару десятков

дисков и отправился на водолазный бот. Зураб, так звали капитана бота, уже меня ждал. Он предложил, чтобы вначале я выбрал фильмы с его жесткого диска и скопировал их на свой, так как он хочет переформатировать свой жесткий диск, разбив его для удобства на три тома. Я не возражал и принялся изучать коллекцию фильмов Зураба, который в это время просматривал принесенные мной диски. Я выбрал всего несколько фильмов, остальные либо уже смотрел, либо у меня они были тоже. Я составил список отобранных мной фильмов и стал показывать Зурабу, что имелось на моем жестком диске. У меня была большая коллекция советских старых фильмов.

Зураб вначале тоже составлял список. Когда мы дошли до файла "фильмы Резо Габриадзе", эмоции так захлестнули Зураба, что он чуть не расплакался:

— Вот это подарок! Вах, какой молодец! Ты посмотри! Все фильмы Резо у него есть, даже самые старые короткометражные. А у грузинского капитана одни только американские боевики! Хорошо, что родители не видят моего позора. Эх, жаль, что мы не встретились в какой-нибудь другой стране, я бы тебя, дорогой, хоть угостил, как положено за такой подарок. А здесь нельзя, сам понимаешь. Кока-колу даже предлагать не буду, а то еще расскажешь кому-нибудь, чем тебя грузинский капитан угощал. Я тогда точно такого позора не переживу.

— А ты здесь один на судне? Или есть еще кто-нибудь из наших? — решил я отвлечь Зураба от самобичевания.

— Старпом у меня тоже грузин. Отари его зовут, спит сейчас после вахты. Вот обрадую его, когда проснется. Слушай, дорогой, с фильмами тут до утра времени понадобится, чтобы все скопировать. Погода плохая, ночью точно в море не выйдем. Ты, если можешь, оставь все у меня до утра, и список фильмов, которые тебе понравились, тоже оставь. Я сам все скопирую и завтра утром диски принесу тебе на судно. Если вдруг ночью мои водолазы кому-то срочно потребуются, и нам придется уходить, то я твои диски передам вашему вахтенному матросу. Обещаю. Или ты тоже думаешь, что все грузины мошенники? Давай я тебе залог оставлю?

— Брось, Зураб, какой залог, о чем ты говоришь? С грузинами я дело имел. У меня в армии друг из Тбилиси был, да и сейчас в Одессе есть несколько знакомых грузин. Под их слово никогда залога не требовалось, — слегка обиделся я на предложение о залоге.

— Извини, дорогой! Не хотел тебя обидеть. Так, значит, договорились?

— Конечно, договорились. О чем речь?

Я объяснил, как найти мою каюту, и ушел. Зураб пришел следующим утром, сразу после завтрака.

— С праздником, дорогой! — сказал он вместо приветствия, пожимая мне руку.

— И тебя, Зураб, с праздником! А что, разве сегодня уже 9 Мая?

— Да, сегодня уже 9 Мая! Вот, держи подарок! — сказал он, вытаскивая из пакета блок сигарет, и положил его на мой стол.

Я понял, что грузин хитрит и просто желает отблагодарить меня за фильмы. Фильмами и книгами все обменивались здесь просто так, без всякой коммерции. Но отказываться было бесполезно, все равно назад бы он уже подарок не взял, ни под каким предлогом. Подарить такой же блок сигарет было равносильно отказу, и он бы тоже его не взял. Я сообразил, как выкрутиться, и достал пачку хорошего трубочного табака. Подарок был не равноценным по стоимости блока сигарет и позволял Зурабу чувствовать, что мы не просто обменялись равноценными подарками, а что он все-таки меня отблагодарил в меру возможностей.

— А это тебе подарок, — сказал я, протягивая ему табак.

— Хитрый, да? — заулыбался, разгадав мой маневр, Зураб. — Да у меня даже трубки, чтобы табак курить, нет. Может быть, лучше оставь себе?

— Трубку купишь, не бедный! А если мой подарок не возьмешь, сигареты твои выброшу. Честное слово.

— Хорошо, хорошо, дорогой, не буду даже спорить! Ты меня извини, я заскочил всего на минутку, мне надо возвращаться на свой крейсер. Я думаю, еще увидимся, поэтому не прощаюсь. По прогнозу, два-три дня штормить будет. Ну ладно, бывай! Я пошел отсыпаться. Твои диски в пакете. И еще раз спасибо тебе за грузинские фильмы, дорогой, очень ты меня порадовал!

Зураб ушел на свой бот, а я занялся починкой стиральной машинки, с которой и провозился до самого обеда. Когда я пришел в кают-компанию, там уже были почти все сюрвейера. Мое обычное место было свободно, и я поспешил его занять. Напротив меня уже обедал американец Джон, рядом с ним австралиец Нил. Следом за мной пришел Филипп, и наш столик был полностью укомплектован.

— Привет парни! Отличная сегодня погода! — приветствовал всех Филипп. Сюрвейера посмеялись каламбуру Филиппа. Потому что погода была плохой, но для сюрвейеров она означала вынужденный выходной день. Так что для них она была хорошей.

— Какие новости? Кто-нибудь включал сегодня телевизор? — поинтересовался у присутствующих шотландец Стюарт.

— В Москве что-то военные празднуют, — ответил бразилец Марсело.

— А что празднуют сегодня русские? — попытался уточнить у Марсело араб Фахад.

— Не знаю, я переключил канал, — ответил бразилец.

— А ты у Лео спроси, он, наверное, знает, — вступил в разговор Даррелл.

— Сегодня День Победы над фашисткой Германией во второй мировой войне, — ответил я Фахаду, не дожидаясь, пока он спросит меня лично.

— Странные эти русские. Америка выиграла эту войну, а они празднуют, — сказал Джон.

От неожиданности я поперхнулся супом и уронил в тарелку ложку. Все обернулись. А я, кашлянув, чтобы прочистить горло, задал наглецу вопрос:

— Ты, видно, пошутил, Джон? Неудачная тема для шуток.

— А кто тебе сказал, что я пошутил? Это исторический факт! — улыбаясь своей приклеенной улыбкой, с уверенностью заявил Джон.

— Да какой, к черту, факт? Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года, а Америка начала военные действия против Германии только в июне 1944 года. Всего за год до окончания войны, когда уже никто не сомневался в победе СССР. Во время военных действий американцев погибло меньше, чем за то же время погибло на американских дорогах в результате аварий. Конечно, Америка помогала, она поставляла оборудование, продукты и медикаменты. Но за деньги. СССР после войны еще много лет платил деньги за американскую помощь. Бизнес Америка сделала на этой войне, а за победу заплатил СССР жизнью двадцати миллионов человек.

Видимо, я слишком эмоционально говорил, потому что кушать все перестали и смотрели на нас с Джоном, у которого было такое удивленное лицо, что он даже рот забыл закрыть.

— Заработала деньги или выиграла войну? Какая разница? Это ведь одно и то же, — с искренним недоумением и удивлением в голосе наконец-то констатировал он.

— Нет, не все равно. Одним деньги, другим — память и слава. Получили деньги — и отвалите, не надо говорить, что вы выиграли.

— Это было так давно, парни, что уже пора забыть про эту войну, — высказал свое отношение к нашему спору Нил.

— Нет, Нил, такое забывать нельзя! Сколько людей живет в Австралии? — поинтересовался я у него.

— Около двадцати миллионов примерно, — ответил тот.

— Извини за сравнение, но давай убьем всех жителей Австралии и через пятьдесят лет забудем об этой трагедии. Тебе это понравится?

— Как это убьем всех жителей, они же не солдаты на войне? — удивленно спросил Нил.

— Да очень просто. Попросим, например, Америку сбросить несколько атомных бомб на Австралию, они за хорошие деньги что угодно сделают. Тем более им не в первый раз. На Японию они уже бросали две атомных бомбы, сожгли два города вместе со всеми жителями, — ответил я ошарашенному моим гипотетическим предположением австралийцу.

Но тут пришла очередь Джона потерять контроль над своими эмоциями, он почти прокричал:

— Что за чушь? Америка никогда не бросала ядерных бомб на Японию! Это наглая ложь, и ты, Лео, за это ответишь!

— Неужели? А кто же тогда, по-твоему, 6 и 9 августа 1945 года сбросил атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки? Или они сами на себя их сбросили? — ответил я, стараясь быть спокойным. Джон кинул вопросительный взгляд на Филиппа, и тот утвердительно кивнул ему головой.

— Все, хватит, брейк. Закрыли политический диспут. Дайте спокойно пообедать! — сказал до сих пор молчавший новозеландец Йен, постукивая при этом ножом по стеклянной бутылке.

Закончили обед и разошлись молча. Я пошел курить на корму. Целый день мои мысли крутились вокруг этого разговора за ленчем. Почти все присутствующие были с университетским образованием. Все прекрасные специалисты своего дела, иначе бы они просто не работали в "Арамко". И вдруг такая ограниченность кругозора. Про вторую мировую войну слышали краем уха. Не знают, кто с кем воевал и кто одержал победу.

За такими невеселыми размышлениями и прошел почти весь этот день. Где-то около пяти часов вечера я решил пойти развеяться от этих мыслей к своим капитанам с буксира.

Там меня ожидал очередной сюрприз. Застал я неразлучных военных как раз перед выходом на вечернюю прогулку, которая обещала быть не скучной. Дело в том, что Слава доставал Леонидовича пройти вдоль всего причала строевым шагом, тем самым имитируя военный парад в честь Дня Победы. Леонидович, естественно, упирался. И у них как раз шла словесная перепалка по этому поводу.

— Отцепись от меня, Слава! По-хорошему прошу!

— А как заливал соловьем?! Леня вот мне не даст соврать. "Будешь

возле буксира, втяни живот. Мы хоть и в запасе, но все равно в строю!" — копировал интонации Леонидовича Слава.

— А я говорю, отцепись от меня! Хватит, на первомайскую демонстрацию уже сходили! Или забыл уже? — отбивался Леонидович.

— Так то демонстрация! А это почти военный парад!

— Какой парад, Слава? Ты в своем уме? Будем топать по причалу, как два идиота. Все подумают, что у нас точно крышу от безделья сорвало!

— Все, Леня, сливай воду! Грустная история, конечно, но что поделаешь? Отсырели детонаторы у Леонидовича! И порох весь промок на хрен! Теперь только медитировать и остается. Даже бабы больше не интересуют его, нашего бывшего истребителя подводных лодок. Так что он уже даже не в запасе. Кому такой запас нужен? Списан подчистую. Так что, Леня, придется тебе идти со мной вместо Леонидовича! Пойдешь?

— Пойду, — неожиданно сам для себя ответил я решительно.

— Видал?! Без тебя обойдемся, Леонидович!

— Леня, ты что, серьезно пойдешь строевым шагом с этим безумным авантюристом вдоль всего причала? — удивленно спросил Леонидович.

— Пойду, Леонидович. Сегодня за обедом зацепился с нашим американцем по поводу Дня Победы. Он заявил, что странные эти русские. Америка выиграла войну, а они празднуют!

— Ни хрена себе заявочка! — не сдержался Леонидович.

— Вот и меня это тоже зацепило. Пойду потопаю вместе со Славой, может быть, попустит.

— Так это в корне меняет постановку вопроса о моем участии в импровизированном военном параде! Надеюсь, ты не промолчал? Ответил достойно этому самозванцу?

— О, я вижу, порох уже начинает просыхать! Тогда будешь командовать, Леонидович! У тебя голос лучше поставлен, — оживился Слава.

— Договорились. Но чтобы топали мне, как положено! — уже по-деловому продолжил Леонидович.

— Леня уже в комбинезоне. Так что и нам надо скинуть тапочки и шорты, комбезы у нас одинаковые! — продолжил Слава.

Сказано — сделано. Капитаны быстро переоделись в комбинезоны, и мы в одинаковой униформе пошли на исходную позицию, в конец причала.

Леонидович встал впереди, мы в шеренгу сзади. Получился как бы треугольник. Леонидович дал положенные команды: Равняйсь! Смирно! Строевым шагом ша-гом марш! И мы прошли вдоль всего причала, ни разу не сбившись с ноги. Леонидович маршировал впереди, по привычке од-

ной рукой как бы придерживая воображаемый кортик, чтобы тот не болтался во время ходьбы строевым шагом. В конце причала скомандовал:

— На месте — стой! — и для верности дал счет: — Раз, два.

Развернулся к нам лицом. Опять скомандовал:

— Равняйсь! Смирно! Вольно, разойдись!

И мы пошли гулять дальше, уже без строя и строевого шага.

Возле пришвартованных рядом буксиров нас поджидали четверо азербайджанцев. Они после приветствия и поздравления с праздником немного смущенно поинтересовались, что случилось, и почему мы шагали строем по причалу. И как бы оправдываясь, добавили, что у них телевизоры не показывают из-за антенны, и они не в курсе последних событий в мире. Мы их успокоили, что в мире все спокойно. Просто мы решили так отметить День Победы. Потому что по сто грамм за Победу здесь не выпьешь. А вообще никак не отметить этот праздник тоже как-то нехорошо, мы все служили в армии. Да тут еще и один американец заявил, что это Америка выиграла войну!

— Ты смотри! Билядь какая! — возмутился самый старший из них. — Если бы вы нам об этом сказали, мы бы тоже с вами строем прошли!

— Так за чем дело стало? Давайте. Мы готовы еще раз вместе с вами пройти! Это уже посолидней будет. А то мы маячили тут, как три тополя на Плющихе, — неожиданно предложил Леонидович.

— Ты серьезно, капитан? — уточнил тот же азербайджанец.

— Такими вещами не шутят, ара (так в армии обращались к азербайджанцам, если не знали имени, они не обижались, потому что ара означает друг), — подтвердил Леонидович.

— Тогда подожди пять минут, я схожу на соседний буксир. Там тоже наши земляки работают. Могут обидеться, если не позовем. Хорошо?

— Подожди, Леонидович, — вдруг вмешался Слава, — одна закавыка имеется. Мы, конечно, не нарушаем ни одного пункта в контракте. Есть только один скользкий момент. Время-то еще рабочее. И если наш парад кому-то из местного начальства не понравится, то есть формальный повод домахаться. Предлагаю всем желающим пройти строем ровно в шесть часов, собраться вон в той беседке под пальмой.

— Значит, на том и порешим, собираемся в шесть под пальмой, — подытожил Леонидович.

До шести было еще почти сорок минут. И я, по примеру азербайджанцев, решил сообщить о предстоящем параде грузинскому капитану с водолазного бота и направился в сторону своего судна. Слава с Леонидовичем направились сразу в беседку.

Без пяти шесть под пальмой возле беседки собралось больше десяти человек.

— Ну, вот и ладно. На минимальное военное подразделение нас уже набралось. Не хватает только военного оркестра, поэтому предлагаю пройти с песней, как положено, — обратился ко всем Леонидович.

— А какую песню будем петь? — поинтересовался один из азербайджанцев.

— А вы какую песню в армии пели? — спросил его же Леонидович.

— "У солдата выходной", — ответил тот.

— Вот и хорошо, напомни нам первые два куплета, — попросил его Леонидович.

Тот немного замешкался, видимо, стесняясь петь, но Слава пришел ему на выручку:

— Да ты не пой, а просто текст песни словами скажи. И нам запомнить будет легче! А мотив потом напоешь, если кто не знает.

Слова были нехитрыми. Да и многие эту песню уже слышали. После того как ара рассказал текст песни, Слава вполголоса ее напел. Леонидович посмотрел на часы и сказал:

— Куранты пробили шесть, пора, господа, — и затем уже громко, командирским голосом продолжил: — Слушай мою команду! В шеренгу по ранжиру становись!

Когда все построились по росту, Леонидович скомандовал:

— На первый-второй-третий рассчитайся! — и после окончания расчета продолжил: — Первые номера на месте, вторые шаг, третьи два шага вперед шагом марш, налево, сомкнись! Шагом марш!

Вспомнив молодость, зашагали браво. Дав немного привыкнуть к строевому шагу, наш командир скомандовал:

— Песню запевай!

Мы успели пропеть два куплета и прошли больше половины причалов, когда появился джип береговой охраны. Он направился в нашу сторону и остановился у нас на пути, метрах в десяти от строя. Леонидович не растерялся и скомандовал:

— На месте стой! Смирно!

А сам строевым шагом направился к джипу. Подойдя, отдал честь и по-английски доложил:

— Господин офицер! Офицеры-резервисты дружественных королевству Саудовская Аравия стран празднуют День Победы и окончания второй мировой воины. Рапортует капитан первого ранга Лагутин!

Удивленный происходящим, арабский офицер тоже отдал честь. Леонидович продолжил:

— Разрешите продолжать, господин офицер?

После небольшой паузы тот ответил:

— О'кей, через десять минут закончить.

По его команде два солдата вылезли из джипа, а он вместе с водителем джипа уехал. Леонидович развернул строй, и мы, еще раз пропев два куплета нашей строевой песни, домаршировали до нашей исходной позиции, где и закончили наш импровизированный парад. Мы не спешили расходиться по своим судам и расположились в беседке под пальмой для перекура. Через пару минут вернулся джип, но уже без офицера. Водитель вынес из машины упаковку холодной кока-колы и, сказав, что это от господина офицера, передал ее Леонидовичу. А сам, подобрав двух оставленных для присмотра за нами солдат, уехал. Мы еще некоторое время пообщались, вспоминая, в основном, свои армейские годы, куря сигареты и попивая напиток наших бывших американских союзников, и тоже начали расходиться. Настроение у всех было приподнятое.

Я решил позвонить домой и пошел на судно за мобильным телефоном. Возле трапа встретил Даррелла и Йена, они грузили аппаратуру в служебный автомобиль.

— Лео, тебе что-нибудь надо купить в городе? Мы с Йеном едем в офис.

— Спасибо, Даррелл. Если получится, купи большой торт, пожалуйста.

— Хорошо, без проблем. А что праздновать будешь?

— День Победы.

— Кстати, вы здорово маршировали. Хочу спросить тебя. Почему ты сегодня за ленчем так волновался за русских? Ты ведь с Украины, и фамилия у тебя немецкая?!

— У Джона, кстати, фамилия тоже немецкая, но ему нравится Америка.

— Кажется, я понял. Вы просто играете за разные команды, да? Джон за Америку, а ты за Россию?

— Можно и так сказать. А ты, Даррелл, за какую команду играешь?

— Я не играю, политика меня не интересует. Моя команда — это я и моя семья.

— А ты, Йен, за какую команду?

— Я, как и Даррелл, тоже поддерживаю нейтралитет.

— Так это просто замечательно, парни, вы меня порадовали!

— Тебе-то, Лео, какая от этого выгода?

— Как это — какая выгода, Даррелл? Прямая. Вот, например, в американской команде не будет хватать игроков. И что, где их искать? Вот вы с Йеном будете играть за Америку? Нет. Ну, а если российской команде понадобятся дополнительные игроки? Да вы своими глазами сегодня видели, как мы быстро построились на причале. Кстати, среди нас не было ни одного гражданина России. Были люди с Украины, Азербайджана, Грузии. Раньше мы были одной страной, и День Победы — это наш общий праздник.

Они уехали. А я пошел звонить домой.

Лена обрадовалась моему звонку. Мы обменялись поздравлениями. Затем она рассказала, что сегодня по традиции в честь Дня Победы курсанты Одесской национальной морской академии прошли строевым маршем с оркестром через весь центр города, от главного корпуса академии до памятника Неизвестному Матросу.

— Наш Артем тоже был в строю, а я снимала все на видеокамеру. Набегалась так, что ног не чувствую, но зато съемкой осталась довольна. Придешь из рейса, мы тебе покажем, какие мы молодцы. Позавчера была на праздничном концерте Одесского национального филармонического оркестра. Хобарт Эрл (дирижер и руководитель оркестра. — **Прим. автора**), конечно, гений. Концерт был замечательным, а концовка просто потрясающей. Представляешь, оркестр отыграл концертную программу, публика аплодирует, требует на бис. Оркестр сыграл на бис, музыканты кланяются, начинают уходить со сцены. Но публика музыкантов отпускать не хочет, продолжает аплодировать и требовать на бис еще раз. Оркестр возвращается, Хобарт снова становится за дирижерский пульт, публика затихает. И тут грянул марш "Прощание славянки", зал, как по команде, встал одновременно. Аплодировали стоя, у многих на глазах были слезы. По эмоциям это был даже не шторм в 12 баллов, это было цунами, которое просто всех накрыло. Жаль, тебя не было на этом концерте.

Мы еще немного поговорили о домашних делах и попрощались. Мои мысли еще какое-то время по инерции крутились вокруг телефонного разговора и незаметно переросли в философские рассуждения. Интересный человек этот Хобарт Эрл. Сын испанки и американца, поздний ребенок. Родился и жил в Венесуэле, окончил Венскую консерваторию. В начале девяностых приехал в Одессу, стал руководителем городского филармонического оркестра. Сумел сохранить разбегающийся коллектив оркестра в смутное время. И не просто сохранил, а поднял статус городского филармонического оркестра до уровня национального. И все это не

благодаря, а вопреки обстоятельствам. Видимо, внешние обстоятельства не в силах остановить талант или помешать гению выполнить свою миссию. Гений абсолютно бескорыстен, поэтому он находится вне конкуренции и практически неуязвим. У него нет врагов, у него могут быть только завистники.

На следующий день распогодилось, и суда разбежались по всему Персидскому заливу выполнять свою работу, оставив на причале двух капитанов ремонтируемого буксира да воспоминание о военном интернациональном параде в честь Дня Победы, который они шутя сумели организовать. За оставшиеся почти три месяца моего контракта такого скопления судов в порту я больше не видел, хотя штормовая погода и была еще не один раз.

Доработал я свой контракт нормально. Жизнь людей и работа экипажа на "КАРАНЕ-8" шла размеренно, своим чередом. Одни уходили, другие приходили. Пришло и мое время возвращаться домой.

Обычно моряку после возвращения из рейса друзья и знакомые задают при встрече один и тот же вопрос:

— Ну, как там моря?

— Да все нормально! — а как же еще можно ответить на такой вопрос без душевного разговора за рюмкой чая?

Персидский залив, 2009 год

Андрей Вознесенский: "Успеть бы свой выполнить жребий"

Так, давно, 26 января 1989 года, строкой из стихов Андрея Вознесенского я назвал интервью с ним, опубликованное в "Вечерней Одессе". Думаю, не только для меня, для всех, кто в 60-е воспринимал стихи А. Вознесенского как глоток чистого воздуха, смерть поэта стала личной утратой. Взял в руки самый первый томик его стихов "Мозаика" с автографом поэта:

"Очень сердечно.
Евгению Михайловичу Голубовскому
от автора
через тысячу лет
Одесса 1989
Андрей Вознесенский".

Да, тогда казалось, что нас от 1960 года, когда вышла "Мозаика", отделяла тысяча лет. Но, кажется, еще одна тысяча лет прошла от того зимнего морозного дня, когда в гостинице "Красная" мы разговаривали, пили вино, Андрей Вознесенский надписывал книгу, — до сегодняшнего дня.

Заведующая отделом искусств библиотеки имени М. Горького Татьяна Васильевна Щурова сразу же в своих папках нашла мне эту страницу из "Вечерки", я перечитал интервью и решил, что есть смысл познакомить с ним сегодняшнего читателя — оно сквозь годы несет живой голос поэта.

А далее текст из газеты — без единой правки.

В нашем городе в филармонии и университете с творческими вечерами по приглашению Объединения театральных студий выступает Андрей Андреевич Вознесенский. Читает стихи — давние и последние, отвечает на записки. И я, готовясь к встрече с поэтом, взял томики его стихов, благо у меня они есть все — от "Мозаики", вышедшей в 1960 году во Владимире тиражом 5000 экземпляров, до "Рва", изданного в 1987 году "Советским писателем" тиражом в 200000 экземпляров.

Перелистывая книги, вспоминая старые, давно знакомые строки, вчитываясь в забытые, я вдруг обнаружил, что А. Вознесенский — поэт диалога. Он не только восклицает, при этом мощным жестом занося над головой руку (вспомните, как Никита Сергеевич Хрущев кричал ему: "Вы не вождь! Не вождь! Не думайте, что за вами пойдут!"), но и спрашивает, все время задает вопросы.

Так родилась форма этой беседы. Андрей Андреевич согласился ответить на вопросы, которые он сам ставил в своих стихах и поэмах.

— "Писатели, что в вашем околодке?"

— Могу отнести этот вопрос и лично к себе. И тогда признаюсь, что я суеверен, не люблю рассказывать о замыслах, планах. Разве о том лишь, что уже сделано. Это, прежде всего, новая книга стихов с моими же рисунками "Черный ящик". Для меня это определение — символ поэзии, души, жизни. Но много времени, сил отнимает и то, что я назвал бы "стихами в жизни". К примеру, 31 января во Дворце молодежи я веду вечер поэтов новой волны. Считаю, что нужно им помочь пробиться, так как среди них есть люди, безусловно талантливые. Но пробиться им трудно. И дело сейчас уже не в цензуре. Это нас резала цензура, а они оттираются от издательств десятью тысячами профессиональных писателей, членов нашего творческого союза. Как молодым (да и не молодым) начинающим преодолеть это сопротивление... Возможно, если бы и у нас платили литератору не тогда, когда выходит книга, а когда она раскуплена, положение было бы проще...

Как видите, от себя я перешел к общим писательским проблемам. Что я могу сказать о литературной ситуации в стране? Писатели должны заниматься своим делом — писать. А ведь сегодня читателя больше интере-

сует не книга одного из этих 10000, а книга А. Платонова, М. Булгакова, Б. Пастернака... Это создает новую ситуацию, когда писатель должен выступать в одном и том же номере журнала с классиками. И мне кажется, что писатели сегодня больше читают, чем пишут. Но убежден — будет скачок. Через год или два, но будет. Литература молодых, а может, не только молодых, станет серьезней, глубже.

В стихотворении "Стенограмма недавних лет", из которого вы взяли эту строку-вопрос, был и мой ответ:

Писатели, что в вашем околодке?
Писатели: грызем друг другу глотки.

К сожалению, это происходит и сегодня. И только что на встрече с руководителями партии и государства все говорили, что нужна консолидация, а вслед за тем — письмо в "Правду". Старый способ выяснения правоты в творческих спорах. Нет, нужно писать не письма, а стихи и прозу.

— "Кто мы, фишки или великие?" — так ставили вы вопрос уже в самой первой своей книге.

— Этот вопрос обращен к любому человеку. В нашей державе столько лет процветало холуйство, нас так долго убеждали, что незаменимых нет, что все мы фишки, винтики, гаечки... И думаю, не только Сталин виноват, но и молчаливое большинство. Нам необходимо поверить в себя, не быть инертными.

Мы как-то уже привыкли к мысли, что у нас все, кроме запасов недр, второсортное. Эта мысль мешает творчеству. И художник, и слесарь — каждый в своем деле — должны хотеть быть гениями. Тогда мы все станем великими, всей державой.

— "Который век? Которой эры?" — спрашивали вы, перекликаясь с пастернаковским: "Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?".

— А сейчас бы мне хотелось всерьез сказать несколько слов про наш XX век. Он вот-вот кончится, а какие-то полуграмотные люди еще не могут его "признать". В искусстве это век Хлебникова и кинематографа, это век, давший русский авангард. И пора уже понять, что К. Малевич и В. Кандинский — это не "новации", а классика XX века, это не эксперимент и поиск, а находки, повторяю — уже ставшие классикой.

Конечно же, наш XX век был и веком чудовищным. Таких преступлений, как те, что совершил Сталин против своего же народа, не знала история. И это одна из составляющих нашего века. Пора подвести его итоги. XX век родился в XIX. И в наше время уже рождается XXI век. Очень важно распознать его, понять, оценить.

— "Где еще в мире так ждут Живаго?" — это вопрос не только поэта, влюбленного в поэзию Б.Л. Пастернака, но и председателя комиссии по его литературному наследию.

— Сейчас, в феврале, в день рождения Б. Пастернака, а ему в этом году исполнилось бы 99 лет, пройдут вечера, затем Пастернаковские чтения, на которые приедут и профессора-русисты из других стран. Это должен быть серьезный разговор о сути его поэтики, о философии творчества.

Что же касается романа "Доктор Живаго", то о том, насколько ждали этой книги, можно сказать языком статистики — прыжком тиража журнала "Новый мир". Знаю, что многие из тех, кто прочел роман сейчас впервые, остались разочарованными. Ждали лобовой политической сенсации. Помнили, что Н. Хрущев и его окружение обвиняли книгу в клевете на народ и антисоветизме. Но ведь в "Докторе Живаго" ничего этого нет. Так что произошло незапланированное разоблачение, мы увидели — как нам лгали.

Я слушал чтение этого романа автором. Еще с тех пор полюбил книгу и считаю ее великим художественным произведением. Сейчас все читают политическую прозу — это естественно. Но пройдет несколько лет, мы все узнаем, надеюсь, и про Сталина, и про Берию, и тогда, я убежден, читатель перечитает "Доктора Живаго" — и откроет его для себя уже навсегда.

— "Зачем среди ночной поры
Встречаются антимиры?"

— А вы знаете, очень хорошо, что встречаются. Ведь казалось, что антимиры, к примеру, это наша интеллигенция и наша же эмиграция. А ведь новое мышление позволило нам понять неделимость нашей культуры. И вот с выставками приезжают М. Шемякин и Э. Неизвестный, уже был в СССР и завершил "Бориса Годунова" Ю. Любимов, сейчас в Москве Н. Коржавин, автор антисталинских стихов, написанных еще при Сталине, должен приехать на гастроли М. Барышников. Сейчас в Ленинград должна приехать балерина Н. Макарова. И встречи этих антимиров плодотворны для нашей культуры.

— "Я думаю, право ли большинство?"

— Казалось бы, в годы утверждения демократии вопрос так ставить нельзя. Но в искусстве большинство ничего не решает. Вспомните, что одна из главных тем А.С. Пушкина — гений и толпа. Мне возразят — иные социальные условия. А разве в XX веке понимали художников-новаторов, того же Малевича, Мельникова, Платонова?

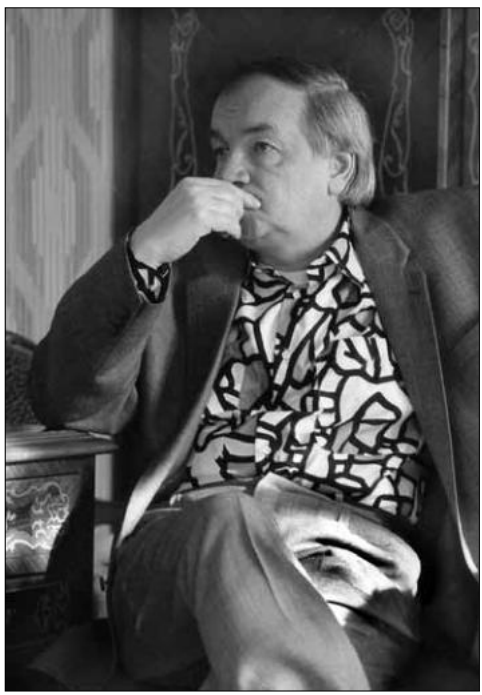
— "Как занесло васильковое семя
На Елисейские, на поля?"

— Это из стихов о Марке Шагале. Но сейчас хотелось бы шире взглянуть на то, что приоткрывают эти строки. Ведь мы не бережливы к своим национальным ценностям. Разве можно было допустить, чтобы уехал Виктор Некрасов, автор "В окопах Сталинграда", чтобы уехал тот же Шагал, навсегда оставшийся верным своему Витебску? Но если положить руку на сердце, разве можем мы сегодня сказать, что, останься Шагал, останься Кандинский, — они не погибли бы в сталинской мясорубке? Увы, не можем. Вот это и занесло васильковое семя. И думаю, мы должны радоваться, что тот же Шагал, Кандинский выжили. Ведь это не просто вершины искусства XX века, это то, чем обогатила Россия весь мир.

— "Ольга! Ольга! Облик молодой.
Богоматерь — год 37-й.
Разве позабыть тот стыд и страх?
Кто-нибудь есть в русских городах?"

— Сегодня я отвечаю: есть! Есть люди, не потерявшие стыд и совесть. А историю, положенную в основу стихотворения "Богоматерь-37", мне рассказала Ольга Федоровна Берггольц, которую так избивал на допросах следователь, что у нее, беременной, случился выкидыш. И больше не было детей. А со следователем она еще встретилась. Спустя годы он подошел к ней на одном из

торжественных заседаний и, улыбаясь, спросил: "Не узнаете?". Возможно, он был рад встрече, как же, известная поэтесса. А Ольга Берггольц повернулась и ушла с заседания. Тогда это был ее молчаливый протест. Но мы сегодня не позабыли ни тот стыд, ни тот страх, — и эта память позволяет надеяться.

— "Все марты поменялись на июли.

Коровы, что ли, балуют, Бедуля?"

— Эти стихи написаны давно. Но и тогда белорусский председатель колхоза В. Бедуля был ростком сегодняшнего дня. Да, даже в годы застоя он пытался что-то сделать толковое. А если есть упрямый, упорный человек, ощущающий и свои возможности, и обязанность творить, тогда приходит успех.

— "А может быть, все же прямая короче?" — этим вопросом вы задавались еще в "Параболической балладе". Но и вторую книгу назвали все же не "Прямая", а "Парабола".

— Прямая, конечно, короче. Но как жить по прямой? Посмотрите на историю нашей страны за семьдесят лет. Разве это — путь по прямой? Да и все судьбы людей, про которых мы сегодня говорили, — параболические. Они к нам возвращаются после сложного витка. Но главное — возвращаются. Некоторые — с неба.

— "Вы — автоответчик Вознесенского?" — этот вопрос прозвучал в полушуточном стихотворении 1989 года.

— Я действительно поставил дома автоответчик, чтобы не чувствовать свою подневольную зависимость от телефона.

Но дело тут и в другом. В слове "автоответчик" я слышу два смысла: ты отвечаешь на вопросы человечества и ты отвечаешь за то, что происходит при

твоей жизни. Это единство — в традиции русской культуры от Достоевского до наших дней.

Конечно, это не все вопросы, которые задавал себе, да и нам в стихах Андрей Вознесенский. И так же, как неисчерпаемы вопросы, — неисчерпаемы ответы.

Последнюю свою книгу "Ров" поэт открыл стихами:

Успеть бы свой выполнить жребий.
Хотя бы десятое спеть,
Забвенное слово "свобода"
по-русски осмыслить успеть.
.....
Не мысля толпе на потребу,
но именно потому
успеть бы свой выполнить жребий,
народу помочь своему.

Это уже не вопросы. Это программа, где слиты и ответственность, и ответы поэта.

Интервью Евгения ГОЛУБОВСКОГО
Фото Сергея КАЛМЫКОВА

Нина ДАНИЛОВА

В то далекое счастье

В июле 2006-го года сбылась моя многолетняя эмигрантская мечта о посещении Одессы. Обстоятельства сложились так, что мой приезд ограничивался только десятью днями. Затем нужно было возвращаться поездом в Москву и оттуда через три дня лететь обратно в Израиль. Все предупреждения об огромном разочаровании, о "совсем не той Одессе" в моем случае оказались неоправданными. Я была счастлива повидаться с друзьями, увидеть любимые улицы, памятники и бульвары, с наслаждением вдохнуть черноморский воздух и погрузиться в ласковое, такое родное море. Дел и желанных встреч предстояло очень много, приходилось носиться с утра и до поздней ночи. Пришло время, когда, наконец-то, на самом деле сбывались мои сны-мечты! Мы встречались с одноклассниками, отмечая сорокалетний юбилей школьного выпуска. Это было необыкновенно трогательно — собрались бабушки и дедушки, воспринимающие друг друга как девочек и мальчиков, дети и внуки которых живут на всех континентах. Просто сказка о сохраненном времени! На самом деле сохранить прекрасный внешний облик почти неизмененным удалось только одной Неле — моей татарской подруге юности, в доме которой мы собирались. Последние три школьных года мы сидели за одной партой, обе были хроническими отличницами и с упоением играли в сборной команде КВН. Когда соученики разошлись после бурного веселья, мы с Нелей вспоминали замечательные казенки — репетиции КВНовских домашних заданий и наши трогательные невинные юношеские романы. Она показала мне фотографии своих детей и внуков, живущих в Чикаго, к которым летает каждое лето. После безвременной кончины мужа Неля героически возглавляет небольшой бизнес по оптовому распространению газет и журналов.

Мои коллеги по работе тоже собрались, накрыв традиционно щедрый стол, и вспоминали о почти трех десятках лет, проведенных в давно ушедшем в историю вычислительном центре. И радость встреч, и грусть о невозвратных годах — все нахлынуло на нас. Были у меня и кладбищенские дела, и визиты к друзьям, прогулки с подругами по заповедным одесским местечкам с посещением любимых ресторанчиков. Довелось встретиться со старыми врачами, ревниво расспрашивающими о том, как справляется израильская медицина с моим непростым организмом. В общем, время летело, а список дел и встреч не заканчивался. Я жила у еще одной любимой та-

тарской подруги Халиды возле Таировского рынка, и в один из последних дней, возвращаясь домой, решила купить свежей рыбы. Это была одна из заветных "мечт" — вспомнить вкус одесских морских бычков! Надежды на исполнение этой дерзкой мечты у меня почти не имелось. В научно-популярной передаче "Атланты. В поисках истины", которую вел обожаемый мной Александр Городницкий, объяснялась причина исчезновения рыбы из Черного моря. Как оказалось, в балластных водах, задержавшихся в трюмах судов, следующих из дальневосточных морей, была завезена некая активная фауна, которая вовсе не страдает отсутствием аппетита и страсти к размножению. В течение нескольких лет эти медузоподобные мелкие твари безумно расплодились и сожрали весь черноморский планктон, что и послужило причиной гибели уникальной рыбы от бескормицы. Но все же ученые-океанологи обещали в ближайшее время заселить бассейн Черного моря другими, более крупными морскими организмами, в свою очередь, питающимися расплодившимися тварями, но совершенно равнодушными к дефицитному планктону. И тогда, возможно, рыба появится снова.

Вспомнив всю эту предысторию, я брела по рыбному ряду, выискивая хотя бы какой-то приемлемый вариант речной и прудовой рыбы. И вдруг увидела на прилавке натюрморт, не поддающийся словесному описанию, — две небольшие очаровательные камбалы и связка некрупных блестящих темных морских бычков! Первым моим желанием было просто расцеловать всю эту свежую прелесть. Я вдыхала вожделенный аромат и не могла вдоволь наглядеться на изысканные рыбьи формы. Но пора была переходить от эмоций к делу. За прилавком стояли два совершенно спитых старичка-рыбачка. Чтобы начать задушевный разговор, я выбрала не самую удачную фразу для установки начальной цены: "Боже мой, камбала вернулась!". Последовала пауза, и затем довольно загадочный ответ рыбака, стоящего слева: "И камбала тоже вернулась...". Цены, которые назвал мне правый старичок, он сам выговаривал со стыдом, но чувствовалось, что будет бороться с остатками совести до конца. Таких денег у меня с собой просто не имелось — даже только на связку бычков. Нужно было бежать домой за долларами, затем в обменный пункт. За это время, естественно, вожделенная рыба уже уплывет. Аналогичных натюрмортов вокруг не наблюдалось. Это было жестоко. Я вынула фотоаппарат и попросила разрешения у старичков сделать снимок их счастливого улова — на память и для предъявления друзьям. Возражений не последовало. И вдруг в момент нажатия фотокнопки левый рыбачок произнес:

Судьба, как ракета, летит по параболе.
Обычно во мраке, а реже — по радуге.

Если бы одна из камбал вдруг стала человеческим голосом лично выражать мне сожаление по поводу недостаточной платежеспособности, наверное, моя реакция на это была бы такой же. Дедушка цитировал "Параболическую балладу" Андрея Вознесенского, которую я когда-то читала со сцены на смотрах художественной самодеятельности в седьмом классе. Затем он сложил подрагивающими руками всю сказочную рыбу в черный пакет, вручил мне его и ушел. Я поняла, что он знал меня в прошлой школьной жизни, но был совершенно незнаком или неузнаваем. Выложив из своего кошелька все имеющиеся там деньги на прилавок перед его вдруг примолкшим товарищем, я поблагодарила и направилась домой, бесполезно напрягая память. Халида осталась очень довольна моим уловом и велела всегда возвращаться домой через рыбный ряд. Когда мы жарили камбалу и бычки, на меня нахлынули воспоминания такой давности, что невозможно даже представить, что это вообще где-то еще хранилось в переполненной головушке. И главное, что всплывали не только события тех далеких лет, но и те чувства, которые тогда бушевали в юной неопытной душе. Думаю, что все эти бурные процессы воспоминаний спровоцировал сладостный запах и вкус жареной рыбы. Иначе невозможно объяснить тот факт, что этой ночью моей бедной подруге не суждено было уснуть. Ей пришлось стать единственной зрительницей концерта художественной самодеятельности образца 1961-65-го годов, которая вдруг поперла из меня с неукротимым напором. В некоторых номерах Халидка тоже принимала участие. Пели хором в два голоса, декламировали стихи с правильной отчетливой советской интонацией. Самое удивительное, что все слова были на своих законных местах в головах, а не пропадали в черных дырах, уже ставших привычными в последние годы. Построение гимнастических пирамид, к сожалению, оказалось затруднительным, равно как и выполнение акробатических этюдов, в которых я в детстве непременно принимала участие. Но самым неукротимым действом оказались народные танцы. Как можно было забыть о них, о том многолетнем состоянии восторга, который они дарили?! Я начала с индийского танца, разучивая который, мы с подругой Люсей в шестом классе чуть не свернули свои буйные головы, пытаясь научиться двигать шеей, как это делали настоящие индийские танцовщицы. Шеи двигаются, кстати, до сих пор, несмотря на возрастные ограничения. Для правильного танцевального костюма наматывали сари из обычных белых простыней, сверкающих нашитыми разноцветными блестками, купленными в специальном магазине "Театральный". Самой большой проблемой были украшения — браслеты, клипсы и кольца, которых, честно говоря, не было совсем. А без них никакие индийские движения не воспринимаются

зрителями должным образом. Соседи, обожавшие индийские фильмы, собирали драгоценности для этого святого дела. Нас было четыре девочки, танцующих босиком, в простынях, блестках, прокатной бижутерии, с обильным макияжем и с нарисованными сердечками между бровями. И один также босой "индус" Игорь, которому все мы сверхстарательно строили безумные глазки чисто по-индийски. Не он ли был сегодняшним сентиментальным рыбаком? Тогда мне казалось, что его черные глаза блестели еще ярче, когда останавливались на мне. Однажды Игорь провожал нас с Люсей домой после очередного концерта, прошедшего с бешеным успехом, и оставил в трамвае чемоданчик с костюмами и соседскими драгоценностями. К великому счастью, забытый чемоданчик передали водителю. А он, увидев простыни с нашитыми дешевыми блестками, не смог найти им достойного применения и сдал в бюро находок в депо. Только тогда я узнала, что тоненькое колечко с синим камушком, пожертвованное моей соседкой, было золотым, а камень — драгоценным сапфиром. Кольцо пришлось немедленно вернуть владелице. А глаза Игоря стали похожи на виновато-собачьи. Мы не встречались лет этак сорок пять! Нет, кажется, у рыбака глаза выцветшие синие.

Дальше материализовался воинственный кубинский танец, исполнявшийся когда-то в брючных костюмах цвета хаки. Вспомнила все движения, и ноги до сих пор не забыли ту далекую "кубинскую" чечетку. Товарищей по оружию с острова Свободы было много, всех не упомнишь. Дальнейший процесс танцевальной ностальгии властно подхватил и диктовал свое. Приняв ударную дозу таблеток от давления, я демонстрировала подруге пленительные движения чардаша Монти, темповые молдавский и румынский танцы, украинский гопак и русскую кадриль, польский краковяк и очаровательную мазурку. Какое это было наслаждение — чувствовать, как твое когда-то тренированное тело повинуется музыкально-танцевальной гармонии! Мы с Люсей несколько лет солировали в ансамбле Дворца железнодорожников, а позднее я танцевала в студенческом ансамбле Одесского университета. Пытаясь вспоминать своих партнеров, я примеряла их на роль сегодняшнего рыбака, но ничего не прояснялось. Зато из забытья выплыли такие яркие эпизоды, которые немного позднее очень пригодились.

В 1961-м году в нашей школе вел танцевальный кружок солист балета Одесского оперного театра Павел Фомин. На первое занятие в актовый зал собралось много желающих принять участие в народных танцах. Первым испытанием была та самая незабываемая кубинская чечетка, которую Павлик показал под аккомпанемент фортепиано. Народ застучал каблуками, стараясь повторить движения, казавшиеся замысловатыми и неуло-

вимыми. Школа затряслась и загромыхала, как кубинская революция. Павлик работал ногами вместе с нами, а его жена ходила по рядам, стараясь обнаружить хотя бы что-либо похожее. Когда она подошла к нам с Люсей, ее напряженное лицо просветлело. Мы были немедленно выведены на сцену со словами: "Вот, наконец, совершенно правильные движения! Теперь вы тоже будете учить и отбирать остальных кубинцев". Мы были в полном восторге от успеха и доверия. Этот эпизод фактически стал определяющим в нашей танцевальной карьере.

В 1964-м году к нам в дворцовый ансамбль пришел знаменитый танцовщик из театра оперетты Игорь Дидурко. Редкостный образчик мужского обаяния и высочайшей профессиональной требовательности, он буквально выжимал из нас все соки. На его репетициях я, тогда новенькая во взрослом ансамбле, чуть не теряла сознание от старания идеально выполнять его требования, и он это заметил. При разучивании мазурки — блестящей, воздушной, с темповым вальсированием и прыжками на колени партнера — он вдруг стал показывать новые па со мной, а не с более опытной танцовщицей. Трудно передать ощущение восторга, которое довелось мне испытать тогда! Наверное, нечто подобное чувствовала Наташа Ростова на первом балу. Я представляла себя необыкновенно легкой в его руках и летящей, как во сне. Темпераментная грациозная мазурка с таким потрясающим партнером завершилась аплодисментами всего ансамбля, пленного красотой танца. Моя душа парила на небывалой высоте!

Последние годы я работаю в семьях с маленькими израильскими детьми и наблюдаю, как их старшие братья и сестры часами играют в компьютерные игры или лежат перед глупейшим телевизором. И невольно вспоминаю нас в этом возрасте, к счастью, лишенных возможностей такого жизнеубиения. На тренировки по спортивной гимнастике мы с Люсей ездили через весь город в спортзал "Локомотив" ранним утром без завтрака. Возвращаясь после интенсивной нагрузки, покупали по одному горячему бублику за пять копеек и медленно-медленно смаковали их по дороге домой в трамвае. Ничего не было тогда вкуснее этих ароматных свежих бубликов! Дальше следовало приготовить уроки, пообедать и бежать в школу на вторую смену. А после занятий — на репетиции танцев. И так каждый день, иначе жизнь казалась пустой и бессмысленной. И таких детей было очень много. Перед родителями не стояли проблемы нашей незанятости или плохого аппетита. Никто не воспринимал это как ежедневный подвиг — обычные, нормальные будни. Но я уверена, что если бы не эта детская закалка, невозможно было бы перенести все то, что пришлось позднее. Все понятно —

другие времена, другая жизнь. Но иногда мне кажется, что цивилизация и технический прогресс взимают непомерную плату с человечества.

Я возвращалась в Израиль из Домодедово в конце июля 2006-го года, в разгаре Второй ливанской войны. Рейс задерживался, среди пассажиров разгоралась паника. Некоторые израильтяне, живущие на Севере, вообще не знали, остались ли их дома целыми, есть ли им вообще куда возвращаться. Московские подруги уговаривали меня отложить отъезд и пожить в столице, пока Ближний Восток не угомонится. Но душа рвалась домой, предчувствуя наступление очередной черной полосы — ухудшения депрессии у дочери. Я всегда заранее ощущаю эту надвигающуюся беду и стараюсь собрать все душевные силы, чтобы дочь могла подпитываться моей энергией. Эти ужасные состояния необъяснимого страха и бессмысленности существования начались у нее с десяти лет, до этого она была умнейшим прелестным ребенком. Мое сочувствие, сопереживание и поддержка в периоды обострений необходимы ей, как воздух. Конечно же, подключаем лекарства, но они негативно влияют на память и сосредоточенность. Атаки болезни длятся от месяца до полугода, в течение которых я держусь, как стоик. Но когда ей становится легче, меня настигает такая слабость и опустошенность, что требуется каждый раз прилагать колоссальные усилия для вхождения в нормальную жизнь.

После окончания ливанской войны 2006-го года многие израильтяне чувствовали себя психически травмированными — людям приходилось долгое время жить под страхом обстрелов, спускаться по ночам с детьми в бомбоубежища под вой сирен. Некоторые остались без жилья, без бизнеса, без доходов. Государство постепенно восполняло материальные потери. Для психологической помощи подключали горячие телефонные линии, по радио и телевиденью выступали врачи-психологи, разъясняли, советовали, учили. Однажды мы с мужем услышали по ТВ советы знаменитого израильского психиатра. Он рекомендовал для выхода из депрессии упражнение, которое назвал "Погружение в далекое счастье". Необходимо было хорошо сосредоточиться и постараться вспомнить обязательно в хронологическом порядке все эпизоды своей жизни, в которых тобой ощущалось что-либо необычайно прекрасное. Причем это могли быть любые детские увлечения, приносившие тебе огромную радость, — танцы и спортивные победы, а также любимая работа и интересные путешествия, любовные эпизоды и театральные спектакли, общение с детьми и близкими друзьями, сочинение стихов и прозы. Главное условие — отчетливо визуализировать и воссоздать в подробностях, как это происходило, что ты ощу-

щал, вплоть до тональности звуков и оттенков запахов. Твоя задача — максимально войти в ту прежнюю обстановку и снова явственно почувствовать уже когда-то пережитое счастье. Доктор объяснил, что эффект от регулярно повторяемых подобных упражнений не только уводит от депрессии, но вызывает выбросы омолаживающих гормонов, повышает положительную энергетику, улучшает память и внешний вид человека.

И я решила попробовать, тем более что совсем недавно в Одессе уже занималась этим, вспоминая свои танцевальные подвиги. И вот после нескольких дней усердных занятий я вдруг совершенно неожиданно вспомнила одесского старичка-рыбачка и с легкостью вычислила его. С Сашей мы не только жили поблизости и учились в параллельных классах, но позднее подружились с его женой в тот период, когда вынашивали наших детей. Вера родила на две недели раньше меня и дала незабываемый инструктаж, который очень мне пригодился. Перед первыми родами каждой женщине приходится выслушивать много разнообразных советов, но в глубине души все равно шевелится холодок страха и недоверия чужому, часто далекому опыту. Но свеженькая родная подруга-первородка говорит с тобой на достоверном языке только что пережитых ощущений. Она предупредила меня о том, что как бы ни казалось тяжело в процессе родов выдерживать то, что приходится, после благополучного исхода все забывается в считанные минуты. Но главный сюрприз, пообещала Вера, ожидает тебя сразу же после рождения ребенка. Меня ожидало даже два сюрприза. Во-первых, родилась очаровательная девочка, хотя всю беременность по всем приметам и прогнозам речь шла только о мальчике. И это было замечательно! Во-вторых, такого ощущения полного блаженства и ни с чем несравнимого счастья я не испытывала никогда. Гораздо позже в журнале "Мама" мне попалась статья, в которой объяснялось, что выброс огромного количества гормонов после родов способствует потрясающим ощущениям у большинства рожениц, невероятно усиливает естественную радость этого важнейшего события в жизни. Позднее мы с Верой бурно обсуждали наши переживания, проблемы грудного кормления и ухода за крошечными дочками в первые месяцы. Она часто подкармливала мою Ирочку своим молоком, которого у нее было в избытке, чего нельзя было сказать обо мне. Мы жили в схожих нелегких условиях в квартирах своих свекровей по соседству, и нужно сказать, что "их матери" совсем не облегчали нам этот многотрудный период. Обе мамаши обладали суровыми характерами и очень влияли на своих единственных возлюбленных сыновей, на наш взгляд, совсем не в лучшую сторону. Я пыталась оправдать депрессивный характер своей свекрови тяжелей-

шей историей ее жизни. Во время войны ей пришлось прожить несколько месяцев в гетто вместе с родителями и братьями. Она чудом выжила — единственная из многих, скрывалась в жутких условиях, и это не могло не отразиться на ее психике. Как выяснилось позднее, это чувство подавляющего страха через много лет проявилось у ее внучки, моей дочери. Фашизм догнал ее к десяти годам, как выразился опытный израильский психиатр.

А тогда, в 70-е годы, обстановка в обоих наших домах постепенно накалялась. Вера была настроена по отношению к своей свекрови более воинственно, требовала от Саши активного участия в бытовых нагрузках, а он уже тогда любил выпить с друзьями. Иногда в подвыпившем состоянии Саша вспоминал наши школьные концерты, просил меня почитать стихи, и особенно любил "Параболическую балладу". Он был мечтательным, инфантильным и верил во внезапные взлеты удачи. Но ни мечты, ни поэзия не помогали — жизнь не налаживалась. Вера первая не выдержала — и ушла с ребенком к своим родителям. Я продержалась дольше, но вскоре тоже вынуждена была совершить аналогичный шаг — вернулась к своим инвалидам, маме и брату. Наши двадцатилетние мужья не проявили особого героизма в борьбе за свои семьи и, поддерживаемые любящими мамочками, продолжали жизненный путь уже без нас. Я вынуждена была отдать дочку в ясли, работала программистом и училась в университете на вечернем отделении мехмата. Вера теперь жила далеко, мы почти не виделись, но я знала, что ее дальнейшая жизнь сложилась хорошо. Она окончила медицинский институт, вышла замуж и уехала в Канаду. Сашу я с тех пор почти не встречала. От общих знакомых как-то давно просочилась информация о том, что он защитил диссертацию и много лет возглавлял закрытое КБ, выполнявшее заказы для оборонной промышленности. Понятно, что последующее вычеркивание из рухнувшей профессии и привело его к неузнаваемому рыбацкому состоянию. Но все же любимые стихи продолжают звучать в его памяти. И спасибо ему за это.

Все это я вспомнила в один момент во время упражнений по мысленному путешествию по прожитым годам. Вот уж действительно, парабола судьбы с отрицательным коэффициентом — перевернутая и убывающая после высшей точки взлета вниз до бесконечности:

Прости мне дурацкую эту параболу.
Сметая каноны, прогнозы, параграфы,
Несутся искусство, любовь и история
По параболической траектории!

Бат Ям

Сергей ЩЕПОТЬЕВ

"Но не улетучится имя его..."

Несли не хоронить,
Несли короновать.
А. Вознесенский

Вот его и не стало.
А как было здорово,
Когда его лира
с воронами вздорила,

С вороньём кабинетов,
секретных вертушек
И с критическим хором
коммунальных лягушек!

Отрицал равнодушное
житие вязко-сонное,
Бунтовал против душного
быта сыто-кальсонного.

А любил — нараспашку,
как Уитмен, космически.
Строил многоэтажки —
небоскребы лирические:

За плечами недаром
годы в архитектурном.
Ле-Корбюзье бравады,
Росси литературный,

Гойя людского горя,
яростный по-испански.
Горло трагиактера,
в толпу швырнувшего маску,

Рыцарь, с открытым забралом
рвущийся в самую гущу,
Из лучших шестидесятников
неоспоримо лучший...

Отвоевался. Отмучился.
Царство ему небесное!
Всё — пролётом. Но не улетучится
имя его Воскресное!

1 июня 2010

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ

КГБ и другие стихи

Прощай. Не озирайся. Озирнись!!!*
Васыль Стус
(1938-1985, лагерный карцер)

* * *

Я считаю, что это неплохой результат.
Из двух дюжин допрошенных друзей
только двое раскололись.
Валерий Николаевич угодливо дал
прочесть их показания.
Сначала Ларины.
Но она была совсем девчонка,
любила шмотки и зналась с фарцой.
Ее прижали "спекуляцией"
(кажется, статья 154).
И зачем я давал ей "плохие книжки"?
Ну совсем не в лошадку корм.
И Митюхин.
Я его после спросил:
— Ты что, в штаны наложил
или просто сдурел?
Он ответил:
— А почему я должен был врать?
Митюхин — моралист!
Да это не курам — цыплятам на смех.
Так я и не понял: пересрал или козел.
Нет, неплохой результат.
Только двое.
Правда, после дюжину как ветром сдуло.

* * *

Внезапно стемнело.
Я притаился за водосточной трубой.
Там было промозгло и осклизло.
Зато коты так и не заметили меня.
От них шибало помойкой и подвалом.
Они важно разговаривали
и по очереди отрыгивались.
Что бы они сделали,
если бы обнаружили меня:
оскорбили? избили? забрали деньги?

* * *

Между прочим, моя-то, Галина Ивановна, на допросе
отказалась с ними разговаривать.
— Игоречка все всегда хвалили:
в школе, в университете, на службе.
И характеристики — только положительные.
А вы про него гадости говорите.
Не желаю с вами разговаривать!
Отец уже, к счастью, умер.
Он бы этого не выдержал.

* * *

Полосы света. Июль.
Самая светлая полоса
дышит рядом
на диване.
На карте для пальцев
Киев
где-то рядом
с Александрией.

* * *

Это была единственная искренняя фраза
Вилена Павловича:
— Подруги у вас — пальчики оближешь.
Я уж не уточнил, какие.

Интересно, сколько они меня прослушивали?
Месяца три? Полгода?
Кто у меня тогда бывал?
Представляю, как Вилен Павлович и Валерий Николаевич
прокручивали записи.
Потели? Краснели? Пыхтели?

* * *

В первое утро ареста
майор приказал принести в камеру
оба тома "Войны и мира",
чтоб знал,
что времени навалом.
Но это только утром
такое счастье: родные голоса,
французский с русским вперемежку,
одышка Пьера, поцелуй Наташи.
Дурак-майор, нашел чем запугать,
но это только утром,
а пока

* * *

Я позвонила папе на работу
и спросила разрешение включить телевизор.
В это время шли мультики.
Папа сказал, что он занят и что включить можно.
Я спросила:
— Чем занят?
Он ответил:
— Допрашиваю, детка.
Я ничего не поняла,
но телек сразу включила.
Девочка, ты выросла?
Папа допрашивал меня.

* * *

Поздно вечером
в гастрономе

я увидел их всех
сразу и поодиночке.
Электрический лютый свет
обтекал скулы, спитые глаза,
лица хорошо поработавших убийц.
Рядом, покачиваясь, как водоросли,
стояли на тонких ногах
их полусонные дети;
их некрасивые жены
в масках из пудры и помады
били продавщиц.
Когда кто-нибудь из них
пересекал границу света,
и мое сердце сжималось,
и срывалось во мрак,
и я понимал,
что не любить их просто невозможно.

* * *

Бабушка молчала. Отец бурчал.
Мать всхлипывала.
Я целовал мамочкины алые ноготки,
фильдеперсовые коленки,
пудреный носик.
Год был 1951.
Бабушка, кавалер ордена Славы,
приехала к нам в Читу,
чтобы по-тихому
выскользнуть из рядов ВКП(б).
Отец, сотрудник газеты
"На боевом посту",
тещу не сдал. Но бурчал.
Все могли на фиг загреметь.
По-моему, не худшая семья.

Городские хроники

* * *

До Очакова прежде — всего два часа, на подводных крыльях "Комета",
потом пять часов ждешь катера — посудина, каких мало,
и тащишься на косу вдоль берега, посередине лета,
которое всем давало, а вот и тебе перепало.

Москвичи здесь строили дачи на закате восьмидесятых,
в девяностые — все разъехались, и все развалилось на фиг.
Местные живут, как жили, в беленых хатах,
а еще тут мак, конопля и умеренный наркотраффик.

Был клуб, закрылся, отдали церкви — по назначенью,
на за год священник с бывшим директором спились на пару.
Была и школа, но вывелись дети, и какое сейчас ученье?
Зато банька — осталась, хорошо поддают пару.

Пьет каждый первый, каждый второй рыбачит,
иногда проплывают мимо катера рыбнадзора.
Если здесь живешь, — браконьерствуешь, значит —
встретил друга, считай, что поймал вора.

Сети запрещены, а на удочку здесь никогда ничего не клевало,
утром увидишь след змеи на песке полоскою извитою,
или, лодку переворачивая, спугнешь гадюку, бывало,
и гадюка плывет, головку приподняв над водою.

* * *

Иосифу Островскому

Восьмидесятые. Мастерская художника. Книги на полках.
Картины, повернутые к стене.

В последние годы жизни он рисовал бородачей в ермолках,
будто хотел восстановить их численность в этой стране.

Рисовал — с газетой, трубкой, скрипкой, виолончелью,
опять — с газетой, с поднятой рюмкой, с опущенной головой,
всклокоченной бородой, утраченной целью,
золотою цепью с брегетом, рыжим жилетом, ухмылкой кривой.

Его картины висели в квартирах у родственников и знакомых,
деды которых были похожи на эти портреты, но...
Сохранились бы фотоальбомы — были бы фото в альбомах.
Тела лежали б на старом кладбище, но кладбище снесено.

Сам художник был молод, не отпустил бороды, не носил ермолок
и не хотел быть похожим на еврейского старика...
Не него недовольно поглядывал слабеющий государственный Молох,
но помалкивал, только грозил пальцем издалека.

* * *

Ни задуматься над жизнью, ни дрожать над ней:
придвигается ближе, прижимается плотней.
Что-то сбивчиво шепчет прямо в ухо, не поймешь.
Мысль нашептанная, тихая, но все-таки — ложь.

Город тоже скособочился, облупился атлант,
знай себе цветет акация, играет музыкант,
джазовый дуэт саксофон-магнитофон.
На гранитном постаменте чугунный грифон.

Военная гавань: эсминец, катера,
бывшая подлодка, товарищи — ура!!!
Мороженое сливочное, прямо со льда.
Морячки-солдатики, горе не беда!

Бывшая подлодка, светло-серый огурец,
тещин мост, колоннада, Воронцовский дворец.
Из ниши под лестницей надгробная плита
выплывает медленно, на манер плота.

"Здесь лежит" — написано, но он лежит не здесь.
Век прошедший тянется, закончился не весь.
Девочка гуляет с папироской во рту.
Бумажные кораблики швартуются в порту.

* * *

Через десять лет после окончанья войны,
она еще не ушла из города: живые обрубки солдат
попадались на каждом шагу, в большинстве были пьяны.
Помню коляски с моторчиками, крики, надсадный мат.

Были доски на четырех подшипниках — это для тех,
у кого ампутация на уровне бедер, но руки целы — вот повезло!
А у кого-то раненье в промежность — ни деток, ни блудных утех.
Зато — на своих двоих, в раму вставляет стекло.

Стеклорез-алмаз, мы думали — ну и богач!
А другой ходил, кричал, точил ножницы и ножи.
По клумбе на площади ковылял одинокий грач.
Дом был частично разрушен. Раны были свежи.

А этот хрипел: "Когда я вернулся, здесь
не было ни жида, ни жиденка, а вот теперь опять
на свет повылазили!" Не понимая слов, я сжимался весь,
и, выйдя во двор, меня домой уводила мать.

* * *

Я помню руины домов после давних бомбежек,
на стене коммунальной кухни мухоловок-сороконожек,
летний кинотеатр в Доме ученых —
между рядов топает симпатичный ежик.

Пять военных лет до меня, плюс столько же послевоенных.
Стройки силами немецких военнопленных.

Деревянный пенал. Складной перочинный ножик.

Помню пьяных калек на улицах — все калечнее год от года.
Весной цветут каштаны, потом акации. Хороша погода.
Осиные талии, плечики, сумочки — это такая мода.

Юноши в светло-сером, а то и в белом.
В ателье портной размечает выкройку мелом.

Возвращают-прощают врагов народа.

Дедушка, подымая рюмку, говорит по-старинке: "Прозит!"
Мимо окон гробы с оркестром когда провозят, когда проносят.
Выброси старую шубку! Зачем? Кушать не просит.

Пусть моль в шкафу ее ест за милую душу.
А так, погляжу на шубку — и вспомню покойную тетю Нюшу.

Володя гуляет с Наташей. Но Зину свою не бросит.

За ребенком нужно присматривать — больно прыток.
К Первомаю почтовый ящик полон цветных открыток.
Если не будет войны, в магазинах будет избыток.

Значит, нужно еще раз выпить за мир во всем, как положено, мире.
Будет вам изобилие — размечтались! Держите карманы шире.

Вышила бы наволочку, да не хватает зеленых ниток.

Пятачок со звоном падает в гипсовую кошку-копилку.
Отец прикупил приемник, вставляет в розетку вилку.
БиБиСи, глядя из Лондона, прорывается сквозь глушилку.

Зеленый глазок — треугольный сектор то шире, то уже.
Дворовые небеса глядят на свое отражение в луже.

Покрутившись, песик ложится спать на подстилку.

* * *

Родиону Феденёву

Человек говорил: "Вишневый сад был именно здесь.
К чеховскому юбилею нужен бы мемориал".
Беда, что сто лет как сад был вырублен весь,
а человек — болел, в сущности — умирал.

Сожжена беседка, усадьба под корень разорена,
потом разрушена, но, если раскопки, — можно найти
фундамент, по фотографиям все отстроить и на
том же месте весною саду сказать: "Цвети!"

И сад расцвел бы не по приказу, а сам по себе,
по природной любви к цветению и белизне,
а черный грач сидел бы на рыжей печной трубе,
головой бы вертел и радовался весне.

Человек говорил: "Своего сада нет, пусть цветет чужой
сад российской словесности, будто бы век назад
не был выкорчеван, пусть стоит над душой,
пусть простирает ветви над нами вишневый сад!"

Человека нет, но в стране мечтаний он выходит на склон,
вместе с черной птицей радуется весне.
А по аллее блуждает заботливо выращенный клон
писателя в шляпе, с бородкою и в пенсне.

* * *

У королевы всегда есть король,
а также рыцарь и паж.
Когда-никогда попадется не столь
знакомый типаж,
не из колоды, иной фигурант,
к примеру, художник, рок-музыкант,
графоман-меломан-наркоман,
душа, что дырявый карман.

Пишет, рисует, играет, поет,
не по уму гниет.

Вот тогда-то для короля
небеса с овчинку, с пятак земля,
а рыцарь — внутренних войск капитан,
наливает третий стакан.
Грустны глаза студента-пажа
с третьего этажа.

У королевы всегда есть двор,
Мясоедовская, двадцать пять.
Там о ней говорят до сих пор:
прости Господи, та еще блядь.
Галерея, тумбочка у дверей,
тщедушный сосед-еврей.

Одесский кофе, киевский торт,
направление на аборт.

Все это тоскливо, все это старо —
как мир, как карты таро.

Завтра будет иной расклад —
дело пойдет на лад.
Королева на балконе стоит:
связка прищепок на шее, халат,
в общем, тот еще вид.

Черное кружевное белье.
Словно умер кто у нее.

* * *

Лохотрон в подземном, мать его, переходе:
подходит баба, говорит, ты выиграл, к примеру — видик.
Нечто гнилое расцвело-прижилось в народе.
Каждый второй — алкаш или паралитик.

Любое столетье кончается вырожденьем, как будто
эпоха заботится, чтобы о ней не жалели.
Привокзальная, мать ее, площадь. Фанерная будка.
Инвалид-афганец в советской солдатской шинели.

Всё — на месте, но все поменялись местами.
Чем-то торгуют, сводят концы с концами, баулы тащат.
Например, планетарий снова украшен крестами,
а у входа в наколках сидят пацаны и глаза таращат.

А платаны не изменились, кроны кишат грачами.
Последний снег на газонах и крышах тает.
Даже ночи светлее, но кто же гуляет ночами,
даже если не спится и воздуха не хватает.

Три дня без солнца

Три дня в Одессе солнца нет —
Невероятность, катастрофа!
За эти дни прожив сто лет,
Слагаю горестные строфы.

Мне их ноябрьская мгла,
Как заклинанье, диктовала.
Три дня без света и тепла —
Для нрава южного немало.

Для сердца нежного беда —
Унылый вид родной природы.
С небес текущая вода
И ощущенье непогоды —

То мука сущая для нас,
Привыкших сызмальства к поблажкам.
Влюбленный так страдает тяжко,
Когда не видит милых глаз.

* * *

Чем словесный пламень жарче,
Тем бедней вокруг приметы.
Ничего не сыщешь жальче
Обиталища поэта.

Длинен слог иль лапидарен —
Бытие его всесильно.
Дом не прибран, суп не сварен,
Если пишется обильно.

Хуже ж то, что мысли здравой
И полезной в обиходе

Не дает он даже права
Развиваться на свободе.

Словно царь своим народом, —
Как ведется, не бескровно, —
Он владеет обиходом
И хозяйкой, безусловно.

Жребий мой давно измерен —
Я, к несчастью, не двужильна:
Дом запущен, день потерян,
Если пишется обильно.

* * *

Я лето не люблю, оно несет мне муки —
В былые времена о них писал поэт.
Но даже комары и иже с ними мухи
Не досаждают так, как ряд иных примет.

Средь пляжной суеты не место чистой ноте:
Гудит нестройный хор, народный пляс шумит.
Я лето не люблю за расслабленье плоти,
Сомлевшей от жары и потерявшей стыд.

Стерпеть ее разгул — задача непростая,
А время между тем бежит за часом час.
Я лето не люблю за то, что, пролетая,
Оно последних грез, увы, лишает нас.

Ни в чем отрады нет, в груди биенье глухо,
День начат кое-как и тянется зазря...
Я лето не люблю за размягченье духа
И изменений жду к началу сентября.

Печальное

И на солнечном этом причале,
И в тени расцветающих лип
Невозможно прожить без печали —
Тленный отблеск повсюду разлит.

Даже в буйном цветении южном
Средь беспечного щебета птиц
Отражается в сердце недужном
Зыбкий свет мимолетных зарниц.

Что ж, такая у жизни повадка,
Так она принимает гостей:
Чуть попотчует ягодой сладкой —
И холодную стелет постель.

То, что меркнет, помалу сгорая,
Без печали не может пройти.
Это после просторы без края,
А земные конечны пути...

Расставаться невесело с нею:
Хоть стареют, бледнеют черты,
Ничего не отыщешь роднее
Проходящей ее красоты.

"Если вы помните..."

Звездочка

Ранняя звездочка, милая, ты
  Света Земле посылаешь немного,
Выключи ночь, я боюсь темноты,
  Солнце включи поскорей, ради Бога.

Имя собственное

Спускаясь с гор в долины,
Ручьи и там, и тут
Свое меняют имя:
Их реками зовут.

И если ветры с ними
Вдруг тучи принесут,
Они изменят имя:
Дождем их назовут.

Они мечтают ныне,
Что если дотекут,
Опять изменят имя:
Их морем назовут.

Осень

Рваные тучи от слез отсырели,
Громом грозят.
Выть на Луну сейчас самое время.
Где ж ее взять?

Время

Без удержу не кружись,
Может не выдержать стремя.
Там, где кончается жизнь,
Там начинается ВРЕМЯ...

Конь

— Сударь, вы кто?
— Конь меня звать.
— Вас без пальто
Трудно узнать.

Счастье

Если вы помните, любите если,
Если вы утро встречаете песней,
Ночью вы спите и видите сны,
Денег вокруг никому не должны,
Если несчастье прошло стороною,
Значит, попали вы в царство земное.
Если нужны вы хотя бы отчасти,
Это и есть настоящее СЧАСТЬЕ.

Чудо

Мы смотрим под ноги, нам лень
Поднять глаза... И мне, но я
Взглянул. А там цветет сирень.
Одесса, улица, ноябрь.

Людмила ЕРЕМИНА

Одесский художественный музей и граждане Одессы

Кроме традиционного пополнения музейной коллекции в собрании Одесского художественного большое место занимают произведения искусства, поступившие от одесситов в подарок. Немалую часть составляют работы, подаренные музею во второй половине XX века. Они были переданы наследниками эмигрировавших художников в 1920-е годы. Картины, как и люди, имеют свою судьбу, свою историю. И это первая попытка рассказать об истории картин, поступивших в музей от людей — одесситов, живших и работавших в нашем городе, наших милых и дорогих соотечественников, которые заслуживают нашей памяти, нашего внимания.

В первые послереволюционные годы некоторым художникам удалось выехать из России. Массовый выезд художников, как и литераторов конца XIX — начала XX веков, относится к началу 1920-х годов. Лояльная позиция советской власти по отношению к художникам, эмигрировавшим за границу, длилась до конца 1920-х годов. Начиная с 1930-х гг. официальная враждебность к эмигрантам начала распространяться на действительных и мнимых противников. И только в начале 1960-х годов началось постепенное возвращение забытых имен.

Не обошла стороной такая участь и одесскую интеллигенцию. Многих художников и коллекционеров, писателей и ученых, врачей и профессоров одесских вузов постигла участь эмигрантской жизни. В музеях картины художников-эмигрантов были далеко спрятаны в хранилища, так как экспонировать их в залах было запрещено (В. Кандинский, Малевич и др.). Но в начале 1960-х годов сотруднице музея, заведующей отделом XIX — начала XX вв. Лидии Наумовне Калмановской (1918-1999) удалось выйти на племянника известного русского художника К.А. Сомова, Евгения Сергеевича Михайлова (сына его родной сестры), через которого была налажена связь с семьей Михаила Васильевича Брайкевича (1873-1942), большого любителя искусства, коллекционера, последнего перед революцией мэра нашего города. В марте 1919 г. он с семьей (жена, две дочери и сын) покинул Одессу и поселился в Лондоне. Перед отъездом упакованная его коллекция была передана им в Новороссийский (ныне Одесский) университет на сохранение. И только в 1937 г. через Одесский музейный фонд, потеряв частично авторство и имена изображенных на

портретах лиц, эта коллекция попала в Одесский художественный музей (в то время — Государственный музей русского и украинского искусства).

Получив адрес семьи Брайкевича, Л.Н. Калмановская обратилась с письмом к жене М.В. Брайкевича Софье Андреевне с просьбой переслать список произведений, переданных в университет при выезде ее семьи из страны. И с этого момента началась долгая дружеская переписка, насыщенная фактами по уточнению недостающих сведений, событиями их семейной жизни и т. д. Переписка продлилась более тридцати лет (1962-1995). За эти годы многое было сделано, а главное, установились добрые доверительные отношения семьи к музею.

Из писем жены, дочерей и сына М. Брайкевича стали известные многие факты из их биографии. Михаил Брайкевич родился в Одессе в семье помещика, который имел имение под Одессой, мать — сельская учительница. В Одессе он окончил реальное училище, затем курсы Института путей сообщения в Петербурге и там поступил в инженерную фирму Бунге. Здесь познакомился с дочерью хозяина Софьей Андреевной, и вскоре они поженились. Предприятие Бунге через некоторое время открыло вторую контору, уже в Одессе, во главе которой стал Михаил Васильевич. В летнее время он участвовал в строительстве Великого Сибирского пути, а зимой ездил в Москву и Петербург, где приобретал картины для своей коллекции. Также известно, что в Одессе он построил дом для своей семьи по

П. Ганский. Венеция

Черноморской дороге, 4, и по его же проекту был построен дом для скульптора Б.В. Эдуардса по адресу: бульвар Лидерсовский, 3. В семье было трое детей: Ксана (Ксения), Михаил и Татьяна. Перед революцией, боясь за жизнь своей семьи, он сначала эмигрировал на английском пароходе в Константинополь, а потом перебрался в Лондон. В скором времени он стал во главе Строительного общества "Economic House" и построил много домов в Лондоне.

Е. Буковецкий. Портрет Веры Прохудиной

Со временем, став на ноги, он снова стал коллекционировать произведения искусства, часто ездил в Париж, где жило много русских художников, с которыми он был знаком еще в России, в том числе и с К.А. Сомовым (1869-1939), с которым дружил до последних дней его жизни, являясь душеприказчиком художника. Константин Сомов оставил ему на хранение свой дневник и переписку, велев опубликовать эти материалы через 70 лет. Однако М. Брайкевич умер в 1940 г., и его сын Михаил Михайлович передал это наследство племяннику К. Сомова — Е.С. Михайлову, который позднее передал материалы в Русский музей (С.-Петербург). Дневник был опубликован через сорок лет, в 1979 г. (М., "Искусство", 1979).

Михаил Васильевич Брайкевич был личностью очень примечательной. В собрании Одесского художественного музея произведения из его коллекции занимают значительное место и, прежде всего, произведения таких художников, как К. Сомов (около 80 работ), А. Бенуа, М. Добужинский, Г. Лукомский и др. В одном из его писем он дает характеристику "коллекционеру": "Сказать по правде, любой серьезный коллекционер — это эгоист, не в отношении себя, конечно, но в отношении своей коллекции. Он нетерпим и упрям, он ни перед чем не остановится, чтобы приобрести картину хорошего художника, и из всех картин выберет лучшую".

В Англии Михаил Васильевич купил небольшой дом и перевез часть коллекции туда. Остальные картины раздарил своим детям, которые жи-

П. Нилус. Натюрморт. Белые пионы

ли в разных местах Англии. После его смерти по завещанию часть картин была подарена английскому народу в благодарность за гостеприимство и спасение от русской революции 1917 г., в результате которой многие погибли. Его жена Софья Андреевна определила все картины в английский музей. Это было сделать нелегко, так как русские художники не были известны в то время за границей. И только Оксфордский музей согласился принять эти живописные работы.

Несколько слов о детях М. Брайкевича, с которыми после смерти матери шла переписка с музеем. Сын Михаил Михайлович был инженером-гидравликом. В Одессе он окончил реальное училище Дальнейшее образование получил в Лондоне, завершив его в 1923 г.. Много лет работал на заводе специалистом по гидравлическим турбинам — до 1958 г., до выхода в отставку. Он умер в 1992 г., почти в 90 лет. Ксения, дочь, и ее муж Фильдинг-Кларк умерли в 1980-годах и все свое имущество и документы передали Советскому посольству в Лондоне. Татьяна, дочь (1916-1965), была пианисткой, певицей. Но большим профессионалом не стала. Все последние сведения о семье Брайкевичей стали известны из последнего письма Ирины Петровны Брайкевич — жены Михаила Михайловича, которое было написано 25.02.1995 г. в ответ на письмо Л. Калмановской от 12.11.1994 г.

В результате переписки, которую вела Л.Н. Калмановская с семьей Брайкевичей более тридцати лет, музей дважды получал подарки из Лондона от дочери Ксении и сына Михаила. Первый раз это было в 1976 г., когда подарком стали три произведения К. Сомова:

— Портрет Татьяны Михайловны Брайкевич, 1931 г.; х. м.

— Портрет Михаила Васильевича Брайкевича, 1937 г.; б., акв.

— Портрет С.В. Рахманинова 1929 г.; б., рис. акв. (рисунок к портрету, хранящемуся в Третьяковской галерее).

Через восемь лет, в 1984 г., музей получил второй подарок из пяти ра-

бот: два произведения художника Г. Лукомского (1882-1952) — "Кострома", 1913 г.; б., гуашь; и "Статуя Христа"; б., уголь. А также три произведения М. Добужинского (1875-1957), которые существенно дополнили музейную коллекцию этого художника: эскиз декорации к опере "Борис Годунов", 1935 г.; б., акв.; "Лондон. Колледж"; к., пастель; "Виндзорский парк"; б., пастель.

Музей бесконечно благодарен этой удивительной семье, которая несмотря ни на что сохранила свою любовь к родному городу, к соотечественникам, которым достался этот бесценный дар.

В том же знаменательном 1976 году музей получил еще один, не менее важный подарок из Парижа от приемной дочери одесского художника Петра Александровича Нилуса Валентины Голубовской — двадцать четыре произведения этюдного характера, выполненные маслом, акварелью, пастелью. Известно, что художник Петр Александрович Нилус эмигрировал из Одессы в конце 1919 г. Сначала он жил в странах Балканского региона, а в конце 1923 г. поселился в Париже. В музейной коллекции довольно много произведений художника, созданных им в Одессе. Но на тот период совершенно было не знакомо его творчество парижского периода. И неожиданно для себя мы открыли нового для нас Нилуса.

В начале 1960-х годов доктор искусствоведения В.А. Афанасьев (Киев) работал над изданием первой монографической книжки о художнике Петре Нилусе на имеющихся в архивах материалах. Ему удалось выйти на приемную дочь Нилуса Валентину Голубовскую, которая жила во Франции, в Париже, и у них завязалась переписка. Позже, в начале 1970-х годов, Афанасьев побывал у нее в гостях и рассказал о том, что в Одесском художественном музее сохранилась значительная коллекция работ художника, что в постоянной экспозиции музея выставлены его работы, что издан небольшой буклет "Произведения П.А. Нилуса в собрании музея" (Л. Еремина), который он передал ей, что в Одессе любят и хранят память о художнике. Вследствие этого визита Афанасьева Валентина Голубовская передала музею через Посольство Украины во Франции этюды художника и материалы из своего личного архива. На основе этих материалов в 2007 г. была издана книга о художнике. Это бесценный материал, который раскрывает жизнь художника после его отъезда из Одессы, а главное — знакомит с его творческим перевоплощением, которое он совершенствовал все годы эмиграции. Этюды знакомят нас с улицами Парижа и его окрестностями в разное время года, рассказывают о жизни большого города. Серия великолепных натюрмортов, выполнен-

ных маслом, акварелью, пастелью. Благодаря этим материалам перед нами воссоздана полная картина жизни и эволюция творчества художника.

О друге П.А. Нилуса художнике Евгении Осиповиче Буковецком (1866-1948), казалось, мы знали все. Но вот неожиданно в 1990 г. из Канады (г. Оттава) через Посольство Украины в Канаде музей получает посылку с семью произведениями Е. Буковецкого. Ее передали друзья дочери Буковецкого Ирины — Виктор и Урсула Рейс, исполнив ее завещание.

Евгений Осипович (Иосифович) Буковецкий — художник-жанрист. Учился в Одесской рисовальной школе у К. Костанди и Г. Ладыженского, в петербургской Академии художеств, затем в Париже в частной академии Р. Жюльена под руководством Жан-Поля Лоранса. В 1893-1919 входил в ядро ТЮРХ. Один из создателей Общества им. К.К. Костанди (1922). В период с 1937 по 1945 гг. преподавал в Одесском художественном училище. Евгений Осипович жил и работал в Одессе. Сын богатых родителей, он имел доходный дом, рядом с которым выстроил для себя двухэтажный особняк по улице Княжеской, 27. Второй этаж занимали его мастерская и картинная галерея с его произведениями и произведениями зарубежных мастеров, а также других одесских художников. В этом же доме была замечательная мастерская Петра Александровича Нилуса. Будучи человеком состоятельным, Буковецкий еженедельно по четвергам устраивал творческие встречи, но приглашал только мужское общество. Здесь бывали, в основном, друзья, приятели — художники, писатели, музыканты, артисты, врачи. На четвергах была вкусная еда, всегда было весело, шумно. Гости рисовали, декламировали, музицировали, пели. Почти в каждый свой приезд гостем был И.А. Бунин. Именно из дома Буковецкого, прожив здесь почти полтора года, Бунин с женой в начале 1920 г. эмигрировали из Одессы за границу. Именно здесь им был создан роман "Окаянные дни".

В 1900 г. в возрасте 34 лет Буковецкий женился на Вере Прохудиной, 16-летней дочери одесского купца. А через 18 лет, накануне революции 1917 г., они расстались. Жена с дочерью Ириной выехали в Париж, и там Вера вышла замуж вторично. Буковецкий остался в Одессе, по мере сил приспособившись к новому социальному порядку, продолжая художественную деятельность. Со временем его второй женой стала Александра Митрофановна Алексеева, с которой он продолжал жить в том же доме, но уже в коммунальной квартире. Ирина, его дочь, училась в Сорбонне, затем вышла замуж и с мужем уехала в Канаду. Картины, которые Ирина завещала музею, были получены от отца при разводе родителей и вывезе-

ны в Париж. Таким образом, они были с ней в течение всей ее жизни как напоминание об отце, о ее родном доме, городе, в котором она родилась: автопортрет Е. Буковецкого, портрет Веры Прохудиной, "Портрет Ирины" (в возрасте 5-6 лет), "Интерьер жилой комнаты", "Вид из окна", "Дом в Одессе", "Пейзаж". Буковецкий умер в Одессе в возрасте 82 лет. После смерти его жены наследницей произведений художника стала ее сестра Вера Митрофановна. Значительная часть наследия была передана в Одесский художественный музей.

З. Серебрякова
Портрет Зинаиды Мартыновской

В том же 1990 году музей пополнился еще одним произведением замечательной русской художницы Зинаиды Евгеньевны Серебряковой — "Портрет Зинаиды Николаевны Мартыновской", написанный в 1961 г. Зинаида Мартыновская — жена известного одесского ученого в области технической термодинамики и холодильной техники, доктора технических наук профессора, заслуженного деятеля науки и техники Украины, ректора Одесского технологического института холодильной промышленности Владимира Сергеевича Мартыновского (1906-1973). В период с 1960 по 1964 годы он был заместителем директора департамента образования ЮНЕСКО в Париже. В мае 1961 г. на праздничном приеме в Советском посольстве Мартыновские познакомились с известной русской художницей З.Е. Серебряковой — и подружились с ней. Известно, что художница жила в Париже более чем скромно, зарабатывала на жизнь заказными портретами. В ходе их автомобильной прогулки по Парижу художница предложила супружеской паре написать их портреты, на что они немедленно согласились. Однако когда они через некоторое время приехали выкупать свои портреты, то денег хватило только на один. И конечно, был выбран мужской портрет. А портрет З. Мартыновской так и остался в мастерской художницы.

В 1987 г., к 20-летию смерти художницы в Третьяковской галерее дочерью и сыном художницы была организована выставка ее памяти. И на-

К. Сомов. Портрет Татьяны Брайкевич

ша землячка, одесситка Зинаида Николаевна Мартыновская (1911-1995), будучи пожилым и очень больным человеком, обратилась с письмом к детям художницы с просьбой сообщить о судьбе ее портрета, описав всю историю его создания. Узнав, что ее портрет так и хранится в их семье, и купить его она по-прежнему не может, попросила передать его в коллекцию Одесского художественного музея. В 1990 году портрет был передан в музей. А в 1993 г. на дому у больной Зинаиды Николаевны состоялась встреча двух портретов, написанных в Париже в 1961 г. З.Е. Серебряковой. Пожилая больная женщина была в восторге от этой так много значащей для нее встречи. Одесское телевидение освещало это событие и рассказало всю историю написания портрета по рассказу З. Мартыновской.

В постоянной экспозиции музея находится одна из лучших картин одесского художника Петра Павловича Ганского (1867-1942) "У пруда", 1902 г. До 1995 г. о художнике мало что было известно, не знали даже точных дат его жизни. В начале сентября 1995 г. музей посетили две пожилые дамы, которые представились племянницами художника Петра Павловича Ганского (1867-1942) — Елена Борисовна Позднякова и Татьяна Борисовна Золотова. Они рассказали, что живут в Эстонии, в Таллинне, и приехали в Одессу навестить родные места. И сразу многое прояснилось в биографии художника, чье имя постоянно встречалось в обзорных статьях о выставках южнорусских художников и стояло в ряду самых известных одесских художников конца XIX — начала XX вв.: К. Костанди, П. Нилуса, Е. Буковецкого, Г. Головкова, Т. Дворникова и др. Тогда же Е. Позднякова и Т. Золотова подарили музею фотографии П. Ганского и тридцать девять этюдов художника, выполненных в разное время маслом и акварелью. Нужно сказать, что в коллекциях музеев Украины произведений этого художника нет.

С того времени началась моя длительная переписка с племянницами, в результате которой постепенно собрался небольшой, но очень важный материал о жизни и творчестве художника. И в 2004 г., спустя девять лет, мне удалось издать книжечку о незаурядной трагической судьбе художника. Посылая эту книжечку племянницам художника, я не ожидала такой бурной реакции. Летом этого же года они приехали в Одессу и через Посольство Украины в Эстонии передали музею еще сорок произведений Петра Павловича Ганского, которые раскрыли яркий талант художника, обогатили музейную коллекцию. В залах музея была устроена презентация этих работ с участием одесского телевидения, прессы. Таким образом, было восстановлено в памяти одесситов еще одно имя замечательного художника, нашего земляка, и коллекция обогатилась на семьдесят девять его произведений. В настоящее время в постоянную экспозицию музея введена после реставрации еще одна работа художника, "Венеция".

За период 1976 по 1995 годы музей получил в подарок сто восемнадцать произведений, которые прожили долгую жизнь, путешествуя со своими хозяевами по миру, и все же вернулись домой. Этот неоценимый дар преподнесли одесситам бескорыстные, любящие свой город, свой музей наши соотечественники. Великая им благодарность.

Конечно, и в настоящее время в музей поступают подарки от художников-одесситов, живущих на родине и за рубежом. Но это случайные поступления, и они существенно не влияют на содержание и качество музейной коллекции. Но кто знает, возможно, пройдут годы, и эти подарки станут значимыми и полезными. Музей благодарен им за любовь и память о своем городе, музее, потому что все, что собирается, сохраняется музеем, — остается людям.

Владимир СЕРЕБРО

Реквием по домашней библиотеке

Habent sua fata libelli — "У книг своя судьба".
Древнеримский грамматик Теренциан Мавр

Еще во времена Римской империи каждый уважающий себя патриций считал делом чести иметь роскошную домашнюю библиотеку, хотя тогда не каждый владел элементарной грамотой. Домашняя библиотека как показатель финансового уровня ее владельца сохранила свое значение по настоящее время, нечто вроде часов "Ролекс". Предельным и потому наиболее уродливым выражением этой тенденции служит пополнение квартиры книгами под тон обоев. Но домашняя библиотека в жизни людей играет и куда более благородную роль. Вот об этом и хочется поговорить.

Для многих владельцев, будем надеяться, домашняя библиотека — источник интеллектуального питания: получения знаний, воспитания вкуса и формирования критического разума. В полной мере всеми этими качествами обладает такая, которая создавалась в течение длительного времени и стала результатом деятельности ума и сердца нескольких поколений семьи. В этом случае домашняя библиотека может многое рассказать о ее владельцах.

Домашняя библиотека нашей семьи — это отражение умственной и душевной работы пяти поколений ее членов: купца, врачей, психолога, химика, инженера-механика, инженера-металлурга и математика, людей молодых и пожилых, верующих и атеистов, но живших в одной и той же квартире, — птенцов, вылетевших из одного гнезда.

В 1940 году я, второклассник одной из одесских школ, познакомился и подружился со своей соученицей и ровесницей по имени Лиля. Бывая у нее в гостях, я не мог не обратить внимания на обилие там книг. Четыре шкафа и четырехсторонняя вертящаяся этажерка в кабинете ее отца, известного в городе врача М.С. Беленького; по одному шкафу в родительской спальне и в холле; книжные полки в детской и бабушкиной комнате; наконец, книги на письменных столах, прикроватных тумбочках и на столике у дивана. В те далекие времена завораживающее впечатление на меня производил трехсекционный шкаф в кабинете. На его полках стояли многотомные энциклопедии, справочники и словари в массивных обложках с золотым тиснением. Лидирующее положение среди них занимали 86 томов энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, 16 томов Еврей-

ской энциклопедии того же издательства, все опубликованные до войны тома Большой советской энциклопедии и, наконец, многотомные издания медицинской справочной литературы.

Во время войны с фашисткой Германией наша дружба с Лилей прервалась эвакуацией, но восстановилась вскоре после окончания войны. И тогда-то я узнал, что в семье к словарю Брокгауза и Эфрона отношение особое, можно сказать, "родственное". Дело в том, что ее троюродный дед по линии отца, известный ученый-экономист, сподвижник царского министра графа С.Ю. Витте Борис Филиппович Брандт ведал в словаре вопросами экономики. Там же о нем есть статья как о крупном специалисте. Кроме того, в одном из последних томов приведена его фотография в числе активных и постоянных сотрудников редакции.

До войны по молодости лет я не мог, конечно, судить о "взрослых" книгах. А вот о детских... Это другое дело. Лиля была окружена обилием детских изданий с отличными иллюстрациями. Ее проявившаяся еще в раннем детстве ненасытная любовь к книгам поражала и взрослых, и детей. С годами эта любовь переросла в страсть и, если угодно, стала средой ее обитания. Можно сказать и так: Лиля — генетический библиофил, и в этом отношении — достойный продолжатель семейных традиций. В ее памяти бережно хранились и хранятся воспоминания о детских книгах еще дореволюционной поры из серий "Серебряная библиотека" и "Золотая библиотека", и советских изданий: Чуковского, Маршака, Барто, Гайдара и других авторов. Трудно передать словами, как восторгалась она такими, например, произведениями, как "Маленький лорд Фаунтлерой", "Маленький миллионер" "Тимур и его команда". Дореволюционные детские книги — это наследство ее матери, а послереволюционные — это уже результат материнской заботы.

В 1955 году мы с Лилей поженились, и оба уже как взрослые члены семьи включились в благородную работу по пополнению домашней библиотеки. Это было весьма заметно, поскольку мы представляли новые для семьи специальности: она — химик, я — металлург.

Истоки семьи берут свое начало во второй половине XIX века. Отсюда понятен такой раздел домашней библиотеки, как иудаика. Создавался этот раздел благодаря усилиям предыдущих поколений — дедушек и прадедушек. В него входили Еврейская энциклопедия и множество книг еврейских историков, писателей, журналистов и религиозных мыслителей конца XIX — начала XX веков, а также сохранившийся после фашисткой оккупации Свиток Эстер.

О существовании свитка жена знала давно, из рассказов ее бабушки. Я же был посвящен в историю свитка отцом жены. К свитку, несмотря на его иудаистское содержание, отношение в семье было не религиозное, а скорее историко-культурологическое и вместе с тем несколько мистическое.

В годы оккупации Одессы фашистами свиток оставался на своем привычном месте — за книжным завалом в одном из многочисленных книжных шкафов кабинета доктора. И свиток благополучно пережил это страшное время! Семья моей будущей жены жила тогда в эвакуации, а их квартиру занимали люди, даже не подозревавшие о существовании свитка. Чтобы подчеркнуть необычность и некоторую фантастичность этой истории, надо сказать, что все книги по иудаике из домашней библиотеки исчезли в годы оккупации. Пропала Еврейская энциклопедия, сочинения классиков еврейской литературы, труды еврейских историков и философов. Можно предположить, что к этому приложили руки люди, жившие в квартире в эти страшные годы. Кто их осудит? Еврейские книги, если бы их обнаружили оккупанты, могли стать для жильцов смертельным приговором.

С тех пор прошло много лет, и как-то в разговоре незадолго до смерти тесть сказал мне:

— Свиток этот находится в нашей семье очень давно. Он переходил от одного поколения семьи к другому. И всегда хранился у самого старшего. А после того, что он пережил фашизм, свиток приобрел, если угодно, мистический смысл, он стал семейным талисманом. Вот когда я умру, свиток перейдет к тебе и к моей дочери, а после вашей смерти — к моему внуку, а потом к его сыну, а затем — и к следующим поколениям. Так должно быть всегда. Обещай мне, что ты мою волю учтешь.

Я казал: "Несомненно", — но постарался уйти от этой темы как можно быстрее. Я всегда ненавидел упоминание о смерти в разговорах с пожилыми людьми. И сейчас, когда сам свалился в старость, вижу, что был прав...

Свиток, свернутый в рулон, представляет собой пергамент с рукописным текстом, написанным черными чернилами на древнееврейском языке. Находится он в свинцовом футляре, от которого утеряна крышка. Ее я смастерил из обтянутого дерматином картона.

После смерти родителей жены мы поняли, что почти ничего не знаем о свитке. К счастью, тогда был еще жив крупный историк и большой друг нашей семьи — специалист по еврейской истории профессор Саул Яковлевич Боровой. К нему-то жена и обратилась за разъяснением. Так мы узнали, что наш свиток — это Книга Эстер, что такие рукописные свитки были обязательным атрибутом более или менее состоятельных еврейских

домов, и что по ряду признаков изготовление нашего экземпляра относится к середине XIX века.

Когда мы с женой решили эмигрировать в США, в страну, где тогда уже жил со своей семьей наш сын, перед нами стал вопрос, как осуществить волю отца жены по поводу Свитка Эстер. Ответ очевиден. Только взяв свиток с собой. Как очевидно и другое: это нереально. Решения проблемы мы не находили...

Упомянутое выше исчезновение книг по иудаике — это не единственное тяжелое событие в истории нашей домашней библиотеки. Были и другие, напрямую связанные с тоталитарными настроениями в обществе. Касались они книг, чьи авторы были причислены правящим режимом к "идеологически чуждым и вредным элементам". Еще до войны к ним отнесли Зигмунда Фрейда, психолога, психиатра, невролога, основателя психоаналитической школы. В те времена его книги могли стать для их владельцев не только причиной потери работы, но и поводом к длительному тюремному заключению. И мама моей жены была вынуждена некоторые из них уничтожить, а оставшиеся глубоко запрятать. Интересно отметить, в те времена фрейдизм как научное направление вызывал большой интерес по всему миру, только в Советском Союзе и гитлеровской Германии жгли книги Фрейда. Фрейду принадлежат слова: "В Средние века сожгли бы меня, теперь жгут всего лишь мои книги".

А после войны в связи с "борьбой с космополитизмом" и другими гонениями на писателей, поэтов и других представителей интеллигенции из библиотеки частично исчезли книги Зощенко и Ахматовой. Более того, тогда-то пришлось уничтожить отпечатанную на машинке "Поэму без героя" с авторскими правками, что иначе как трагедией назвать нельзя.

Пора поговорить о других разделах нашей домашней библиотеки. Начнем с того, что каждый из них в обязательном порядке включал в себя набор соответствующих фундаментальных справочников и энциклопедий. В наше время разделы библиотеки обрели своих ведущих. Медицину, живопись и изобразительное искусство курировал отец моей жены, профессор медицины. Психиатрию, психологию и поэзию — мать жены, доцент-психолог. Химию — жена, преподаватель вуза; литейное дело, физику и математику — я, научный работник. Наконец, художественную литературу — все. С взрослением нашего сына возник еще один раздел — это математика и физика для одаренных детей. "Непроницаемой границы" между разделами библиотеки и членами семьи, "ведущими разделов", разумеется, не было.

К концу XX века наша библиотека заметно разрослась. Основную роль в этом отношении начали играть мы с женой: сперва ее родители отошли от дел, а затем покинули этот мир. Мы регулярно посещали книжные магазины и ярмарки, а я привозил книги практически из каждой командировки, в первую очередь — из Москвы, Ленинграда и Киева. Заметное пополнение связано также с ежегодными подписками на многие толстые литературные журналы и на журналы по профессиям членов семьи. Об общем количестве книг в нашей домашней библиотеке можно только сказать, что они размещались в двадцати трех книжных шкафах. Книг там было не считано.

В послевоенные годы среди интеллигенции в моде была погоня за собраниями сочинений классиков литературы и специальных серий, например, таких, как "Жизнь замечательных людей". Мы же "модными болезнями" не страдали. И приобретали только то, что ложилось нам на душу. Вот почему у нас были только дореволюционное собрание сочинений Пушкина и послевоенные — Паустовского и Эренбурга.

Заметную часть в нашей библиотеке занимали периодические издания, причем не столько специальные, сколько "толстые" литературные. В 80-90-х годах на книжных полках уютно расположились такие журналы, как "Новый мир", "Знамя", "Октябрь", "Нева", "Иностранная литература", "Юность" и даже "Даугава".

Так как наша домашняя библиотека имела долгую (еще дореволюционную) историю, то в ней были и редкие, антикварные книги, изданные на разных языках. В качестве примера назову некоторые. Сто басен на английском, французском и немецком языках с иллюстрациями ручной раскраски.. Книга издана в Берлине, судя по ее бумаге, в конце XVIII — начале XIX века. На книге есть владетельская подпись 1842 года. Книги "Театр Коцебу", язык немецкий, шрифт готический, шесть томов, годы изданий 1801-1815. Книга "Прогулки художника по Рейну", язык французский, издана в Париже, иллюстрации Тернера и Стэнфилда. Книга "Чувственное путешествие Стерна во Францию" с посвящением Державину была опубликована в Москве в 1803 году. Из более поздних изданий можно назвать полные собрания сочинений Пушкина в 10 томах издательства Брокгауза и Эфрона (1911 г.), Лермонтова в одном томе издательства Ф. Павленкова (1910 г.) и Гоголя тоже в одном томе объемом 976 страниц издательства Товарищества М.О. Вольф. Все это были образцы полиграфического искусства, снабженные великолепными иллюстрациями и обширным справочным ап-

паратом. Думаю, что со мной согласятся многие: такие книги в руках — это прикосновение к святому...

Было еще одно обстоятельство, определяющее нашу душевную привязанность к домашней библиотеке. Речь идет о книгах, в которых рассказывается о нашей семье, о наших родных, и о книгах с авторскими дарственными надписями. Среди них были дарения не только коллег по профессиям, но и известных писателей, поэтов и художников. Называть их имена не буду: имен много, а кого-то позабыть — великий грех!

Вот один из последних по времени примеров. В трудный и очень нервный период подготовки к эмиграции нас навестил сын К. Паустовского Вадим. Он приехал в наш город для поиска материалов об одесском периоде жизни писателя. Нас же он расспрашивал о санатории доктора Якова Ушеровича Ландесмана. Дело в том, что отец Вадима с теплотой вспоминал о пребывании в этом санатории, а доктор Ландесман — Лилин родной дед. В 1992 году вышла книга писателя "Повесть о жизни" с послесловием Вадима. В нем он благодарит Лилю за предоставленные ему материалы о санатории. Ну, как же нам относиться к этой книге?!

Наконец, что такое для нас с женой книги, говорит еще и следующая, сугубо личная, почти интимная история. Когда мы подали документы в ЗАГС, я преподнес Лиле свадебный подарок. Это был художественный альбом "Дрезденская галерея"... Да, тогда были другие времена и другие нравы.

Пора вернуться в более позднее, пенсионное время. Приняв решение об эмиграции, мы столкнулись с проблемой, которая имела явно выраженный трагический оттенок. Суть ее заключалась в следующем. О вывозе из страны книг, изданных до войны, и речи быть не могло: это было запрещено таможенными правилами. Но и остальные перевезти ни физически, ни материально не было никакой возможности. Кроме того, книги нельзя бросать на произвол судьбы, они как дети, за ними нужен присмотр и уход. Для этого они должны попасть в "хорошие руки". А как поступить с книгами с авторскими посвящениями? Ведь бросить их на произвол судьбы или даже передать в третьи руки — это даже не плохой поступок, это проступок!

Вот почему расставание с библиотекой стало для нас с женой событием трагическим. Не буду его описывать, так как это слишком тяжелая нагрузка на душу. Ограничусь итогами. Около полутонны книг были отправлены посылками и багажом на адрес сына, в Нью-Йорк. Большая же часть библиотеки (ее перевозили на двух грузовиках) была подарена

Одесской еврейской городской библиотеке, а меньшая — библиотеке Дома актеров. Вот текст письма, которое направил нам тогдашний руководитель Одесской религиозной общины раввин Ишая Гиссер:

"*Еврейская община города Одессы выражает глубокую благодарность Лидии Моисеевне Беленькой и Владимиру Семеновичу Серебро в связи с передачей книг, принадлежащих Вашей семье, в дар Еврейской городской библиотеке, за содействие в восстановлении Музея еврейской культуры г. Одессы*".

Библиотека — концентрированная память людей, домашняя библиотека — концентрированная память семьи. Если вспомнить, что память — важнейшая составляющая совести, и что "без памяти совесть мертва" (Д. Гранин), то становится ясно: нравственную роль домашних библиотек трудно переоценить. И еще: человека к призванию подталкивают родители, учителя, окружение и домашняя библиотека.

Поделюсь жизненным опытом, приобретенным в эмиграции: души читающих людей черствеют и стареют медленнее.

Нью-Йорк

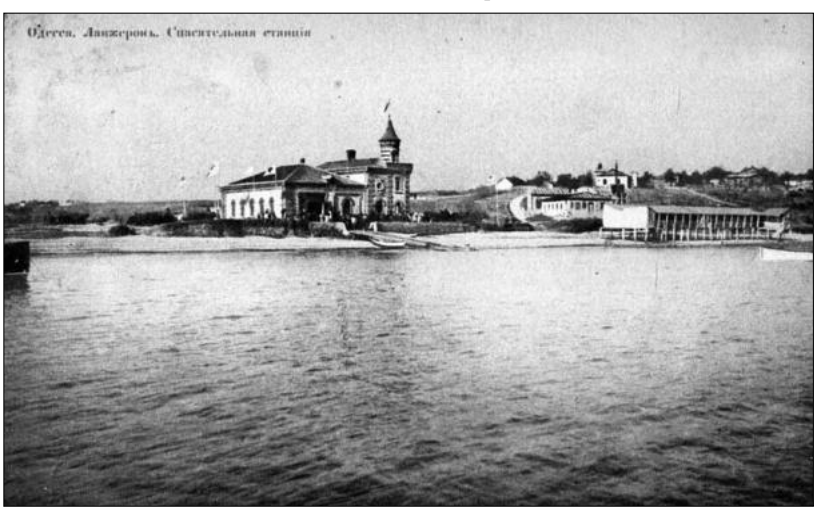
Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ

Некоторые ошибки на одесских открытках

Иллюстрированные почтовые карточки — открытки — появились в Российской империи в конце XIX века, их расцвет пришелся на начало XX века. Так как основой видовых открыток чаще всего были фотографии, то почтовая карточка всегда была и остается теперь достоверным историческим свидетельством прошедших времен, ушедших памятников архитектуры, отшумевших событий.

Старинные одесские видовые открытки верой и правдой служили и служат до сих пор для восстановления утраченных архитектурных памятников или их деталей, как, например, фонтана в Пале-Рояле, стены 2-го Еврейского кладбища на Люстдорфской дороге, памятника Основателям Одессы на Екатерининской площади. Сейчас благодаря открыткам восстанавливается в первозданном виде утраченный еще в начале 1930-х годов сложный и многоликий декор уникального здания — бывшей гостиницы "Большая Московская" на Дерибасовской улице.

Ошибочной на открытке может быть только подпись, поставленная не всегда сведущими людьми — издателями-коммерсантами, вкладывавшими деньги в доходный в начале XX века открыточный бизнес.

Так, например, на почтовой карточке с видом Николаевского (Приморского) бульвара и памятника Дюку де Ришелье стоит курьезная надпись: "Одесса. Улица Крещатик".

Наибольшее число открыток с ошибочными надписями посвящены морскому побережью Одессы. Живописные виды с причудливыми скалами и изгибами береговой линии, отпечатанные с одного и того же негатива, на пяти одесских открытках названы по-разному: "Берег Аркадии", "Большой Фонтан", "Ланжерон", "Средний Фонтан", "Малый Фонтан". Судя по береговому рельефу, съемки производили, скорее всего, на Большом Фонтане. Но в данном случае доискаться до сути практически невозможно, да и не так уж важна в этом случае достоверность.

Еще одна морская открытка — вид с моря на спасательную станцию в немецкой колонии Люстдорф под Одессой — снабжена подписью: "Ланжерон. Спасательная станция". В ошибочности надписи может убедиться каждый желающий: ведь спасательные станции и на Ланжероне, и в Люстдорфе существуют до сих пор, достаточно доехать до Люстдорфа, чтобы удостовериться в идентичности изображения на открытке со спасательной станцией.

Известные одесские открытки с видами города, снабженные неверными надписями, способствовали укоренению многолетних ошибок в атрибуции значимых и привлекательных в архитектурном или историческом отношении зданий.

Расскажем о четырех таких открытках, ошибочные надписи на которых мы считаем своим долгом исправить, чтобы избежать использования видов на них историками и краеведами не по назначению.

Перед нами открытка с видом гидропатического заведения (водолечебницы) в конце Елисаветинской улицы вблизи Преображенской, на которой значится: "Санатория Акционерного общества". В ошибочности этой надписи легко убедиться, если рассмотреть с большим увеличением надпись над живописным крыльцом в мавританском стиле: "Водолечебница и санатория Я.Н. Валика".

Провизор Яков Наумович Валик вместе с доктором по внутренним и нервным болезням Вениамином Исидоровичем Абелем 8 января 1902 года открыли заведение в двухэтажном доме, специально построенном в богатом декором мавританском стиле согласно традициям прошлого века, существовавшим для гидропатических заведений. Они были первыми владельцами водолечебницы на Елисаветинской, через несколько лет Я.Н. Валик владел гидропатическим заведением единолично, во втором десятилетии XX века владельцем значился А.Б. Гинесин (Генесин), еще позднее — А. Бенисович. Согласно городским справочникам и путеводителям, водолечебницы на этом месте в XIX веке не существовало.

"Санатория Акционерного общества" не имела к великолепному зданию на Елисаветинской, запечатленному на открытке, никакого отноше-

ния. Согласно сведениям из многочисленных одесских путеводителей и справочников начала XX века, лечебное заведение с таким названием располагалось с 1 января 1900 года в тихом приморском районе города на углу улиц Карантинной (теперь — Юрия Олеши), № 7 (9), и Греческой.

Во всех рекламных объявлениях упоминалось имя прежнего владельца — доктора Льва Моисеевича Шорштейна. История этого первого в Одессе, второго в России, после московского, гидропатического заведения и его владельцев — отца и сына Шорштейнов, безусловно, заслуживает внимания. Позволим себе сделать небольшое отступление от открыточной темы для рассказа о забытом и вычеркнутом некоторыми современными исследователями замечательном архитектурном и лечебном объекте и его незаурядных создателях и владельцах.

Старейшую, существовавшую с 1848 года гидропатическую лечебницу, располагавшуюся "в двух верстах от города", по сведениям, почерпну-

тым из "Путеводителя по бальнеологическим заведениям Одессы" 1879 года, открыл доктор медицины вольнопрактикующий лекарь Моисей Михайлович Шорштейн. Доктор Шорштейн был потомственным почетным гражданином Одессы, отличился во время Крымской (русско-турецкой) войны и в числе шести врачей-евреев был награжден императором орденом Святого Станислава III степени.

В путеводителе "Одесская старина" 1869 года сказано, что "...лечебницей Шорштейна кончается Преображенская улица. За чертой далее — предел людского успокоения до общего воскресения". Лечебное заведение вблизи кладбища — не очень удачное, на наш взгляд, размещение.

В 1876 году сын и наследник основателя заведения, врач по профессии, как и отец, потомственный почетный гражданин Одессы Лев Моисеевич Шорштейн отстроил по проекту архитектора Василия Федоровича Мааса новое здание в восточном стиле на улице Карантинной (теперь — Олеши), № 7 (9), угол Греческой и оснастил его по последнему слову тогдашней медицинской науки. Причем многие приборы и приспособления были изобретены самим талантливым владельцем и изготовлены по его чертежам.

После смерти Л.М. Шорштейна лечебница перешла во владение "Акционерного общества", заказавшего перестройку здания архитектору А.О. Бернардацци.

Сравним известные нам изображения лечебницы Шорштейна: рисунок из путеводителя 1879 года и фотографию в путеводителе Г. Каранта 1901 года после перестройки, и исследуемую открытку. Безусловно, оба эти здания очень похожи. Правда, фасад лечебницы Шорштейна выходил в уютный дворик с фонтаном, в то время как "Санатория Я. Валика" своим живописным фасадом украшала Елисаветинскую улицу.

Судьба этих прекрасных зданий сложилась по-разному: зданию бывшей лечебницы Шорштейна суждено было быть разрушенным бомбой во время Великой Отечественной войны вместе со школой, стоящей рядом. А вот дом бывшей лечебницы Валика до сих пор красуется на Елисаветинской улице, хотя внутри он перестроен под нужды Академии холода, его занимающей.

Известно, что многочисленные гидропатические заведения, которых было множество на Юге Российской империи, строились в восточном стиле. В альбоме "Старая Одесса. Торговля и промышленность", изданном в 2009 году, мы показали внешний вид и интерьеры нескольких гидропатических заведений Одессы: "Водолечебница врачей С.С. Рабинови-

ча и А.А. Ясиновского" на Канатной, гидропатическое заведение Исаковича на Преображенской, городская водолечебница на Французском бульваре, гидропатическое заведение А.Б. Воллернера на Маразлиевской, гидропатическое заведение доктора Л.М. Шорштейна, преобразованное после смерти владельца в "Акционерное общество водолечения и купаний в Одессе", водолечебница Я. Валика. В их архитектурном облике четко прослеживается мавританский стиль, а интерьеры исполнены по типу турецких бань, которые существовали в Одессе в первой половине XIX века.

Внешняя схожесть гидропатических заведений и стала, очевидно, причиной ошибочной надписи на открытке столетней давности. По этой же причине все сведения о старинном здании разрушенной в войну "Санатории Акционерного общества" (бывшей Л.М. Шорштейна) во многих авторитетных изданиях автоматически перенесены на лечебницу Я. Валика, начавшую работать только в начале XX века.

Рассмотрим еще одну интересную одесскую открытку, надпись на которой гласит: "Еврейская общественная больница".

Одесситы хорошо знают, что старинное одесское лечебное заведение, именуемое и теперь в быту "Еврейской больницей", расположено на Мясоедовской улице угол Богдана Хмельницкого (Госпитальной). Среди разнообразных по архитектуре корпусов больницы, сосредоточенных

в обширном больничном парке, нет скромного одноэтажного особняка, выходящего фасадом на улицу.

Надпись на фронтоне здания, попавшего на открытку, сообщала, что оно сооружено "...в память 25-летия царствования в Бозе почившего императора Александра II". В книге, изданной одесским городским управлением к 100-летию города, мы обнаружили, что такая надпись украшала в конце XIX века здание еврейской богадельни, сооруженной в 1884 году в начале Старопортофранковской улицы.

Сведения из многочисленных старинных одесских справочников подтверждают, что еврейская богадельня находилась в собственном доме на улице Старопортофранковской, № 6.

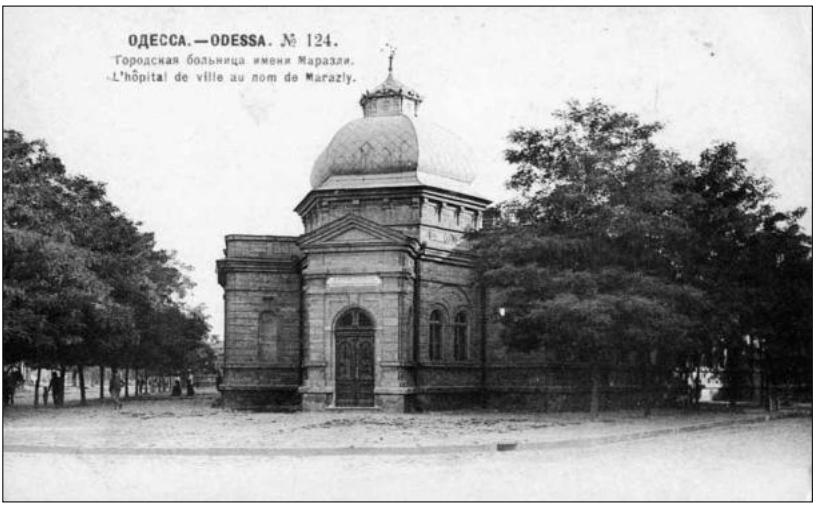
Еврейская община Одессы приняла решение об "учреждении богадельни для старцев обоего пола" в 1880 году в ознаменование четвертьвекового юбилея царствования императора Александра II, широко отмечавшегося в это время в России. Однако капиталы на строительство и содержание богадельни накапливали в течение четырех лет из средств коробочного сбора с евреев. За это время Александр II стал жертвой террористического акта и в задуманной надписи на фронтоне здания пришлось добавить слова: "...в Бозе почившего...".

Таким образом, на открытке с надписью "Еврейская больница" на самом деле изображено родственное учреждение — еврейская богадельня, проработавшая в городе до смутных времен частой смены властей, когда не стало денег на ее содержание. Условия в богадельне были весьма приличными, во всяком случае, призреваемые жили там по много лет. Об этом свидетельствуют данные из отчетов еврейской богадельни, хранящиеся в нашей коллекции и подробно проанализированные в статье в № 2 альманаха "Мория".

Здание бывшей богадельни, превращенное при советской власти в жилой дом, можно лицезреть и сейчас без надписи на фронтоне и входного крыльца.

Третий сюжет с ошибкой на открытке также связан с благотворительным заведением. Речь пойдет об открытке с надписью: "Городская больница имени Маразли", рассматривая которую при значительном увеличении, можно прочитать текст вывески: "Спиридоновское отделение".

В данном случае перепутаны названия зданий, находящихся вблизи друг от друга и входящих в одну богадельню, состоящую из трех приютов. На треугольной по форме площади, составленной улицами Хуторской (Генерала Цветаева), Внешней (Мечникова) и Высоким переулком,

по проекту архитектора И.Ф. Яценко в 1891 году были заложены три отдельно стоящих корпуса новой городской богадельни.

Здание, попавшее на открытку, было построено в 1892 году на средства, завещанные потомственным почетным гражданином Одессы Спиридоном Черепенниковым для "хронических больных, страдающих грудными болезнями". В честь жертвователя отделение на углу Хуторской (Генерала Цветаева) и 2-й Старопортофранковской (Внешней, Мечникова) улиц было названо Спиридоновским.

На средства Г.Г. Маразли в том же году по соседству, на Хуторской улице угол Высокого переулка, были построены два больших полутораэтажных здания, называвшихся поначалу "Новым отделением" богадельни. Участие в строительстве богадельни — один из многочисленных актов щедрой благотворительности замечательного одессита, многолетнего гласного городской Думы, городского головы Григория Григорьевича Маразли. Для полноты картины добавим, что на третьем углу располагалось административное отделение богадельни, сооруженное на средства города.

Ясно, что издатели открытки перепутали два отделения, созданные на средства благотворителей: Спиридоновское и Маразлиевское (Новое).

И еще один колоритный одесский вид — крупный план Пантелеймоновского подворья — стал невольной "жертвой" нерадивых издателей. Открытки, отпечатанные разными издателями по одному и тому

же негативу, подписаны по-разному. Есть открытка с ошибочной надписью: "Сретенская церковь", хотя церковь во имя Сретения Господня находилась в центре Нового базара. А Пантелеймоновское подворье, давшее имя улице, на которой оно расположено, было возведено вблизи вокзала, так как служило для временного размещения паломников, отправлявшихся через Одессу морем к Святым местам и обратно.

Некоторая путаница в названиях существует на открытках с видами одесских мостов, перекинутых через городские овраги (канавы). "Не повезло" мосту через Карантинную балку по Полицейской (Кондратенко) (теперь Бунина) улице, сооруженному в 1892 году по проекту архитектора С. Ландесмана. Инициатором строительства моста был генерал-губернатор П.Е. Коцебу, и посему этому инженерному сооружению было присвоено его имя. В быту мост чаще всего именовался Полицейским (Кондратенко) по имени улицы, на которой он находился, иногда Сабанским, так как вблизи находились Сабанские казармы. Все эти названия отражены на открытках с видами моста.

Однако на многих открытках мост обозначен как "Мост Новикова". Причем удивительно то, что с одного и того же негатива были отпечатаны открытки несколькими издательствами. Весьма авторитетное издательство "Акционерное общество Гранберг в Стокгольме", например, потрудилось правильно обозначить мост. А легендарный одесский издатель от-

крытых писем дантист Симон Гефтер, скрывавшийся под разными псевдонимами, в том числе "АССЕДОРЕТФЕГС" (что означало С. Гефтер Одесса), умудрился перепутать Полицейский мост с мостом Новикова по улице Жуковского.

Наши копания в ошибках на открытках кажутся нам небесполезными для читателей, так как зачастую в замечательных изданиях по истории города иллюстрации, очень оживляющие текст, не соответствуют описываемым объектам.

Роман БРОДАВКО

Между прошлым и будущим

Имя художника-архитектора Якова Чернихова сегодня в Украине известно только узкому кругу специалистов и историков искусства, хотя работы Мастера — архитектурные, графические и теоретические — еще при его жизни были признаны как новаторские и, безусловно, оказали значительное влияние на мировую архитектуру. Для нас это имя дорого еще и потому, что становление Якова Георгиевича как творческой личности происходило в Одессе.

Яков Чернихов родился в Павлограде Екатеринославской губернии в многодетной семье. В 1904 году он переезжает в Одессу и поступает в Художественное училище, в стенах которого проводит десять лет. История этого учебного заведения уходит корнями в 1865 год, когда было создано Одесское общество изящных искусств (1865-1918). Задачи общества сводились к "насаждению и развитию художественного вкуса во всех слоях общества, поощрению всех отраслей художественной деятельности и распространению как чисто художественного, так и художественно-промышленного образования". Они были решены с созданием училища.

Одесское художественное училище — с живописным, скульптурным и архитектурным отделениями — считалось одним из лучших и авторитетных на просторах Российской империи. Учителями Чернихова были выдающиеся художники К. Костанди и Г. Ладыженский. А сама атмосфера этого учебного заведения нацеливала на творчество, на поиски своего "я" в искусстве.

В годы учебы Яков зарабатывал на жизнь, работая грузчиком в порту, картонажником, резчиком паспарту, ретушером и фотографом, помощником архитектора при проектировании и строительстве Одесской художественно-промышленной выставки 1910 года. Все это позволило Чернихову овладеть разными сторонами графического ремесла. А кроме того, на него не могла не оказать влияния яркая художественная жизнь города, постоянное общение и сотрудничество с одаренными живописцами, графиками и зодчими, которые искали новые пути в искусстве и архитектуре.

Обучаясь в Одессе, Чернихов увлекся построениями классического орнамента. Что толкнуло его на это, неизвестно. Но "ритмы старше образов — и в сознании, и в искусстве". В истории культуры орнамент фиксировал именно ритмы. Графо-аналитические исследования орнамента, произведенные Черниховым в 1912 году, привели его к мысли, что дальнейшее развитие этого вида искусства может произойти только с переходом

на новый, более сложный уровень ритмообразования и композиции. Таковыми явились "ритм соотношений" взамен доминирующего в классике "ритма повторения" и его производных, и "асимметрия" вместо доминирующей в классике "симметрии".

Разработанные Черниховым "сеточные", "плетеные" и "силуэтные" орнаменты предвосхитили за полстолетия такие явления, как компьютерная графика и оп-арт. Эти орнаменты способны проявляться в трехмерном пространстве и развиваться в любых его направлениях.

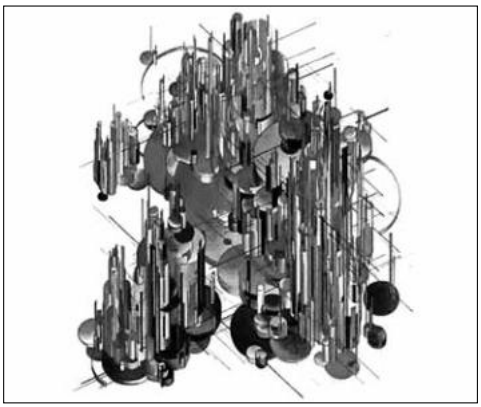
В 1914 году, окончив одесское училище, Яков Георгиевич переезжает в Петербург и поступает на живописный факультет Академии художеств и одновременно на Высшие педагогические курсы академии. А двумя годами позже, в 1916-м, Чернихов переходит на архитектурный факультет и оканчивает его в 1925 году как художник-архитектор. Его наставники в академии — В. Беклемищев, В. Кардовский, И. Фомин, однако главным своим учителем Чернихов считал академика архитектуры Леонтия Бенуа.

После окончания академии Чернихов увлекся промышленной архитектурой. Пафос индустриализации определял в те годы художественные поиски в разных видах искусства. Если, скажем, обратиться к музыке, то как не вспомнить созданные в те годы "Стальной скок" С. Прокофьева, балет "Болт" Д. Шостаковича... Чернихов, испытывавший в то время влияние конструктивизма, писал: "Сегодня фабрично-заводские здания должны отвечать производственным принципам эпохи. Под влиянием функциональной целесообразности, присущей машине, новый стиль в архитектуре приобретает лаконизм, утилитарность, упрощение и четкость участвующих форм. Машина — не мертвое механическое сооружение служебного порядка, а нечто самодовлеющее и, в известном смысле, не чуждое искусству".

Теория и практика всегда шли рука об руку в творчестве Якова Георгиевича. В 1930 году он публикует свой первый крупный научный труд "Основы современной архитектуры". В нем он переосмысливает фундаментальные понятия зодчества, такие, как пространство, гармония, статика, функциональность, конструкция, композиция, исходя из ранее выдвинутого им постулата о коренной смене ритмов в пользу ритма соотношений и господства асимметрии. Эта книга стала своеобразной декларацией новой архитектуры.

Вслед за этим трудом появляются книги "Конструкции архитектурных и машинных форм" и "Архитектурные фантазии. 101 композиция". Они оказали огромное воздействие на современных архитекторов, а самого Чернихова стали называть "советским Пиранези".

В 1933 году в Аничковом дворце в Ленинграде по указанию Кирова была развернута масштабная выставка работ Чернихова "2222 архитектурные фантазии", которая стала событием в культурной жизни страны. Работы вызвали как восхищение, так и неодобрение тех, кто отвергал новые пути в зодчестве. Правда, последние были в меньшинстве.

Прежде всего, Чернихов выражал себя в жанре архитектурной фантазии. Он писал: "Фантазия... нужна как величайший фактор прогресса человеческих творений... Если архитектурная фантазия сегодня кажется фантазией, то нет оснований думать, что в недалеком будущем она не станет действительностью".

В 30-40-х годах творческие идеи талантливого русского зодчего выглядели новаторскими, необыкновенными по сравнению с безликой коммунистической архитектурой. "Если бы реализовать все задуманное тогда! — с горечью восклицал современник Якова Георгиевича известный архитектор Константин Мельников. — Мы обездолили искусством несколько поколений!" С одной стороны, с этим трудно не согласиться, с другой — творческие идеи и проекты мастеров двадцатых — начала тридцатых годов во многом открыли путь зодчим более позднего времени.

Архитектурные фантазии Якова Георгиевича произвели огромное впечатление не только на соотечественников, но и на зодчих США, Западной Европы, Японии, Китая. Влияние их просматривается и сегодня. Так, глядя на огромный олимпийский дворец спорта в Пекине, напоминающий птичье гнездо, невольно вспоминаешь гениальные архитектурные фантазии Чернихова.

Одновременно с поисками в области современной архитектуры в конце двадцатых — начале тридцатых годов Яков Георгиевич создает цикл живописной архитектуры, куда вошли "Архитектурные сказки", "Архитектурная романтика", "Старые города", "Архитектура деревянных строений", "Мельницы". Он не только воссоздает атмосферу известных нам стилей прошлого (старой Италии, Древней Руси), но и реконструирует архитектуру древних стран. Труды эти бесценны.

Мастеру не удалось избежать гонений, которые обрушились на головы талантливых представителей отечественной интеллигенции в середине тридцатых годов. Из библиотек были изъяты его книги, а сам автор был подвергнут жестокой критике как конструктивист. Однако Чернихов не сломался. С середины тридцатых по середину сороковых он создает циклы работ "Архитектура дворцов", "Архитектурные ансамбли", "Архитектура будущего", "Архитектура мостов". "Дворцы коммунизма". А в 1942 году, когда Союзом архитекторов был объявлен конкурс на памятники героям — защитникам Родины, Я. Чернихов создает проектно-графическую сюиту "Пантеоны Великой Отечественной войны", которая поражает яркой образностью и поистине эпическим размахом. Увы, тогда идеи Мастера остались только на бумаге...

К сожалению, мы обладаем не многими сведениями о том, каким был Яков Георгиевич в своем дружеском и семейном кругу. Тем не менее, все, кто знал Чернихова, подчеркивают его поистине энциклопедические знания в области зодчества и истории искусств, высокую внутреннюю культуру, редкую доброжелательность по отношению к людям и страстную увлеченность творчеством.

Вспоминает известный художник Леонид Ламм: "В конце 1940-х я учился в Строительном институте Моссовета. Моим учителем и другом был Яков Георгиевич Чернихов, знаменитый авангардный архитектор. Мне просто жутко повезло. Оказалось, что мой отец и Яков Георгиевич были давнишними друзьями: они дружили еще в Одессе до революции и потом в Ленинграде. И поэтому эти отношения стали не просто отношениями учителя и студента, а дружески-семейными. Поэтому мне открылись невероятные знания об авангарде. И это в те, дремучие годы. А это было, дай Бог памяти, 44-47-й годы. Я тогда учился в Строительном институте Моссовета на архитектурном факультете. Мы вместе ходили в мастерскую к Татлину, ходили в дом Мельникова. Он их всех знал. Эти знания оказались во многом решающими в моих последующих работах. В те времена это были "внутренние знания": афишировать все это было невозможно. Об этом даже нельзя было говорить".

Яков Чернихов ушел из жизни в 1951 году. К счастью, усилиями близких людей удалось сохранить его научное наследие, проекты, композиции. Более того, предпринимаются попытки вдохнуть новую жизнь в классику конструктивизма.

Несколько лет назад в Петербурге обсуждался проект реконструкции территории сталепрокатного завода на 25-й линии Васильевского остро-

ва. 1870-х годах здесь был построен завод по производству гвоздей и проволоки, в 1921 г. получивший название "Красный гвоздильщик". В тот период архитектор Яков Чернихов спроектировал канатный цех с водонапорной башней. Ныне запущенное здание, выходящее на 25-й линию, относят к классике советского конструктивизма. По результатам историко-градостроительной экспертизы, это здание было признано вновь выявленным объектом культурного наследия.

Инвестор проекта, финская компания Lipsanen, согласился с предложением архитектора Андрея Чернихова (внука Я. Чернихова) об использовании бывшего здания канатного цеха для общественных целей. Торговые площади предполагается разместить также на галерее, сооружение которой предусматривает проект реконструкции. Андрей Чернихов представил инвесторам чертежи первоначального проекта здания, которое в 1970-х гг. подвергалось реконструкции. По его мнению, здесь целесообразно размещение центра современного искусства по аналогии с парижским D'Orsay и московским центром "Винзавод". Проект этот реализуется. По словам внука, настоящий музей Я. Чернихова потребовал бы значительно большей площади, так как в фонде знаменитого архитектора сохранилось около 20 тысяч эскизов и чертежей.

Имя Якова Чернихова носит престижная международная премия в области концептуальной архитектуры "Вызов времени". На Западе его труды переиздаются. По-видимому, давно настало время увековечить память о выдающемся зодчем в Одессе, где произошло становление его таланта. По крайней мере, это могла бы стать мемориальная доска на здании Художественного училища. Расходы по ее установке взял бы на себя российский фонд, который носит имя Я. Чернихова.

Яков Георгиевич был из племени первопроходцев, значение наследия которых со временем не уменьшается, а наоборот — открывается новыми гранями. Запомним же один из главных провозглашенных им принципов: "Функциональность, рациональность, целевая установка, конструктивность и целесообразность — суть понятия, в высшей степени необходимые в известные моменты их применения, но замена ими понятия красоты невозможна".

Voz d'amor Олеси Z

Среди ее работ есть и посвященные ярким людям искусства — музыкантам, певцам, актерам...

На мой взгляд, особое — знаковое место занимает изображение Смуглой леди, но не шекспировских сонетов, а "морн", "фаду", "модиньи" — мелодий и ритмов, родившихся в созвездии островов Зеленого Мыса — у берегов Африки, но достаточно далеко от континента, — это последняя якорная стоянка на океанском пути в Америку. До 80-х годов XX века мало кто, кроме ученых и мореплавателей, знал и о государстве Кабо-Верде (так назвали его местные жители, в чьих венах течет кровь многих народов), и о том, какие песни звучат в здешних портовых кабачках на креольском языке, в основе которого — диалект португальского. Так было до того, как их не запела невысокого росточка смуглая женщина — Цезария Эвора... История восхождения Босоногой дивы на мировой Олимп изложена в книгах, ею околдованы миллионы людей по всему Земному шару. Я пишу эти строки под томительную мелодию креольского шансона "Voz d'amor", звучащую с диска CD (хорошо бы достать виниловый!) и смотрю на "картину маслом", подписанную автором: "ZАЙVАЯ".

Среди смешенья букв — латинских и кириллицы — выделяется "Z" — Znак, связующий двух женщин — певицу и художника. Что роднит их — столь разных? Может быть, то, что один из толкователей феномена Эворы отметил как "сожаление по уходящему, тяга к минувшему, оставшемуся за кормой...".

Знаки, буквы, письмена занимают в работах Олеси Зайвой особое, лишь ею осознанное, а может быть, и сакральное значение. Одна из первых ее композиций, увиденных мною, посвящена поэту Шота Руставели. Казалось бы, его поэма "Витязь в тигровой шкуре", насыщенная яркими историческими и сказочными персонажами, давала возможность создать многофигурное полотно, но Олеся выразила свое ощущение от великого Эпоса стихотворной строфой, выписанной грузинской каллиграфией на изысканном и гармоничном фоне, — и я тут же вспомнил дивную гамму параджановского шедевра "Цвет граната".

Если язык создателя "Витязя в тигровой шкуре" мне неведом, то строки из "Песни песней" я шепчу у холста "Адам", — увы, не языке оригинала — языке Библии, а повторяю русский перевод любовной ли-

ETRO
Milano

ounty
Fare

ITY ME

рики Царя Соломона: "...Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник: рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками...".

Зайвой еще предстоит бродить по Иерусалиму и убеждаться, как многое она уже угадала... И деревья, пылающие цветом граната у подножья Храмовой горы...

Вовсе не все работы Олеси полны ассоциациями и отсылами к пафосным фигурам и событиям мировой истории и культуры. Я лишь позволил себе высказаться о том, что меня более всего тронуло и побудило к размышлениям. Она ведь молодая женщина, мобильно, ярко и в большинстве случаев самобытно откликающаяся на реалии, вызовы, да и заманчивые предложения со стороны окружающего ее социума. Наделенная несомненным чувством цвета, владеющая современными новациями, циркулирующими в пространстве, условно обозначенном как "художник — критик — галерист — публика", Зайвая с равным мастерством создает и фигуративные, и абстрактные работы.

Для меня особый интерес представляют ее городские пейзажи, в которых Одесса узнается не только в конкретных зданиях и архитектурных фрагментах, но и в причудливо-закономерном сочетании цветовых пятен и объемов.

И в заключении — перевод названия песни Цезарии Эворы, сопровождавшей автора во время набора на компьютере этих кратких и глубоко личных заметок. "Voz d'amor" — "Голос любви".

Евгений ДЕМЕНОК

Дочка

Она очень похожа на отца. Если бы не это явственное сходство, еще долго оставались бы сомнения. Ведь целые поколения советских людей выросли в уверенности, что у главного советского поэта не было детей.

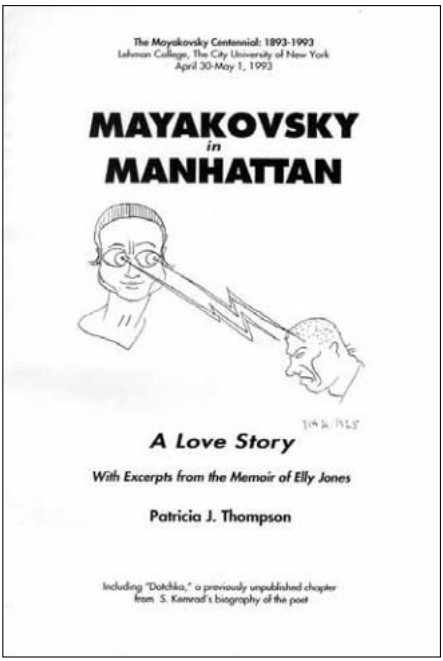
Когда в 1989 году Патриция Томпсон заявила, что является дочерью Владимира Маяковского, не были удивлены только глубокие знатоки его биографии. После первого ее визита в Россию в 1991 году сомнения исчезли. Их сходство поразительно. Патриция была в России четыре раза в 1991-1993 годах. В 1993 она выпустила книгу "Mayakovsky in Manhattan", основанную на архиве ее матери Элли Джонс, и в первую очередь, на шести магнитофонных записях, сделанных 5 июня 1979 и 4 сентября 1982 года. В 2003 году в Москве вышел русский перевод этой книги — "Маяковский на Манхеттене". В архиве Элли Джонс, который достался Патриции, письма и телеграммы Маяковского к ней, рукописи его стихотворений, написанных во время пребывания в Америке, фотографии и рисунки Маяковского и Давида Бурлюка. Два знаменитых рисунка друзей-футуристов, два портрета Элли, — сделаны в один день, во время визита в летний еврейский лагерь "Нит Гедайге". С. Кэмрад во время встречи в Музее Маяковского в Москве в 1991 году предоставил Патриции свою рукопись "Дочка", которая также отдельной главой вошла в ее книгу.

Изначально написать автобиографическую книгу об их романе с Владимиром Маяковским планировала сама Элли Джонс, и магнитофонные записи делала именно для этого, но написать книгу не успела. За книгу взялась Патриция, которая долгое время не хотела заниматься этой темой. Она пишет: "Я должна признаться, что большую часть своей жизни сопротивлялась и не читала Маяковского и книги о нем. Я не хотела раствориться в его сверхмощной личности. Я хотела быть собой". Характерная история для детей выдающихся родителей. А если учесть, что Патриция Томпсон является профессором педагогики Леман-Колледжа при Нью-Йоркском университете, автором около тридцати книг в области феминизма и экологии, читает лекции в Америке, Канаде и Европе, становится понятно, что она действительно стала реализованной самодостаточной личностью. И тем не менее, голос крови победил. Наверное, она нашла внутренний баланс, правильное соотношение между любовью и преклонением перед гениальным отцом и собственной карьерой, собственными достижениями. Сейчас в квартире Патриции на Манхэттене книжные полки заставле-

ны книгами Маяковского и о нем, на стенах висят его портреты, на столиках стоят бюсты поэта. Она не говорит по-русски, но пытается смотреть русские телепередачи и подписывает книги инициалами "Е. В." — Елена Владимировна. В свои 84 года она очень активна и энергична. Патриция довольно высокая, стройная, с гордой осанкой, приятная в общении. Она продолжает преподавать, писать, выступать с лекциями. А когда она становится рядом с фотографией отца... Я не перестаю поражаться, как в наше сейчас протянулась ниточка из такого далекого времени.

Маяковского я люблю еще со школы. Особенно ранние стихи. Футуристические штучки, турне с Бурлюком по городам России, живое слово — все это раз и навсегда произвело на меня впечатление. Энергия, пульсирующая в словах, осязаемая, мощная, не оставляла для меня сомнений в гениальности автора, как бы пафосно ни звучало это слово. Поэтому когда я прошлым летом увидел анонс книги Бенгта Янгфельдта "Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг", я тут же ее захотел. Ждать пришлось недолго, книгу прочитал взахлеб, на 357 странице обрадовался, что у великого поэта есть наследники, а когда на 606 странице я прочел, что дочь Маяковского Патриция Томпсон жива, живет в Нью-Йорке, и Бенгт недавно с ней встречался, план созрел мгновенно. Я решил ее найти, по-

знакомиться, выразить свое восхищение творчеством ее отца, в конце концов, подписать книгу. В радостном возбуждении я позвонил своему папе, который живет как раз в Нью-Йорке, и решительно поставил перед ним задачу отыскать Патрицию в небольшом, в общем-то, городе. В конце концов, существуют телефонные справочники. Папа попытался отнекиваться, но, поняв бесполезность этих попыток, через пару недель выдал мне план действий. Патриция была приглашена на прием в российское консульство в Нью-Йорке, папа сделал так, чтобы его тоже пригласили, и знакомство состоялось. Через некоторое время Патриция пригласила его в гости, они очень долго говорили, папа ушел нагруженный впечатлениями, фотографиями и подписанными книгами. Потом они встречались еще несколько раз, Патриция рассказывала о своей научной карьере, семье — у нее есть сын и внуки, — и записала видеообращение в Одесскому литературному музею, для которого по моей просьбе она также подписала книги: биографию Янгфельдта и свою книгу. А я переслал ей фотографии с музейными стендами, посвященными ее великому отцу, и фото табличек на домах из переулка Маяковского. Ведь Маяковский много раз бывал в Одессе, выступал, причем в первый раз, в 1914 году, вместе с Давидом Бурлюком, который в 1899-1901 годах учился в нашей Художественной школе. Вспомним начало "Облака в штанах"... В общем, Патриции было очень приятно узнать, что в Одессе ее отца помнят и любят.

Нашел я и Бенгта Янгфельдта, спасибо "нашему человеку в Швеции" Михаилу Казинику. Когда я написал Бенгту про историю с Патрицией и выразил восхищение его книгой, он ответил, что мое письмо подняло ему настроение на весь день. А ведь восхищаться действительно есть чем.

Наверное, книга Янгфельдта — самая полная и самая лучшая биография Владимира Маяковского на сегодняшний день. И ведь что удивительно — написал ее не русский литературовед, а швед, написал сначала на шведском, а потом сам же перевел большую часть книги на русский. Теперь благодаря Бенгту в Швеции о Маяковском знают не меньше, а может быть, даже больше, чем у нас. За свою книгу в 2007 году Бенгт Янгфельдт получил премию Августа Стриндберга ("шведский Букер").

Во время визита в летний еврейский лагерь "Нит Гедайге" Маяковский и Бурлюк нарисовали каждый свой портрет Элли Джонс — так же, как портрет Марии Денисовой за одиннадцать лет до этого (см. стр. 33). Рисунок Маяковского (слева) был опубликован в русской нью-йоркской газете в 1932 г.

А теперь я хочу вернуться немного назад и рассказать о том, как же Владимир Маяковский попал в Америку, как он познакомился с Элли Джонс, и как сложилась ее судьба.

Осень 1924. Маяковский в глубокой депрессии. Их отношения с Лили Брик, именно любовные отношения, сошли на нет. У Лили все новые и новые романы, она никогда не скрывала своих мужчин. Очередная ее страсть — Александр Краснощеков, он же Абрам Краснощек — большой советский чиновник, банкир, который к тому же попал в тюрьму, и Лили опекает его дочь Луэллу. Она объясняет Маяковскому, что бросить Краснощекова в такой ситуации было бы подло. Он мечтает уехать из Москвы, и не просто в Европу — путь в Берлин и Париж был для него всегда открыт, — а в кругосветное путешествие или хотя бы в Америку. Он едет в Париж, чтобы там добиваться американской визы. В Париже жила Эльза Триоле, сестра Лили, именно с Эльзой Маяковский познакомился вначале, романа у них не получилось, но Эльза познакомила его с Лили. Сейчас, по прошествии стольких лет, Эльза сохранила чувства к Маяковскому, он же — только дружеские. И вот в Париже они не расстаются, но по банальной причине — Владимир Владимирович совершенно не знает языков, что его безумно раздражает; поэтому, как он сам пишет, объясняется

"на триоле". Он таскает с собой Эльзу даже на свидания. Именно в таком амплуа Маяковский привлек поначалу и Элли Джонс в Нью-Йорке, но об этом позже. В Париже он много общается с художниками — Марселем Дюшаном, Мен Рэем, Робером Делоне, Пикассо. Особенно сдружились они с Фернаном Леже. Маяковский страстный игрок, он играет в карты, на бильярде, заключает пари. Полтора месяца в Париже пролетели быстро, но не приблизили его к цели — американцы так и не дали визу, и он возвращается домой, чтобы повторить попытку весной.

Вторая попытка оказалась удачной. В мае 1925 Маяковский снова в Париже, уже с мексиканской визой, у него с собой 25 тысяч франков, что в советских рублях составляло 2400 — трехгодичная зарплата совслужащего. Колоссальные по тем временам деньги, которые у него за несколько дней до отплытия в Мексику украли. Как писал он сам в письме к Лили: "Вор снял номер против меня в Истрие, и когда я на двадцать секунд вышел по делам моего живота, он с необычайной талантливостью вытащил у меня все деньги и бумажники (с твоей карточкой со всеми бумагами) и скрылся из номера в неизвестном направлении. Все мои заявления не привели ни к чему, только по приметам сказали, что это очень известный по этим делам вор. Денег по молодости лет не чересчур жалко. Но мысль, что мое путешествие прекратится, и я опять дураком приеду на твое посмешище, меня совершенно бесила".

Сомнительно, чтобы Маяковский держал все наличные деньги в одном бумажнике. Может быть, он проиграл их, как незадолго перед выездом, еще в Москве, проиграл все дорожные деньги? В любом случае, писать об этом в письме он не мог и не хотел. Лили пришла ему на помощь и "додавила" издание Госиздатом, где Маяковского не очень любили, собрания его сочинений в четырех томах. Правда, по низкой цене, 12 копеек за строчку (журналы и газеты платили ему в это время 70 копеек за строчку). Тем не менее, аванса в две тысячи рублей и собранных друзьями в Париже денег хватило, и 21 июня 1925 года на корабле "Эспань" Владимир Владимирович отплыл в Мексику. Как он пишет, за восемнадцать дней в пути он хорошо натренировал мимические мышцы, потому что объясняться мог только жестами и мимикой.

В Мексике он довольно долго ждал визу и уже потерял надежду, ведь если Мексика годом раньше признала Советский Союз, то Америка пока нет, но чудо свершилось во многом благодаря друзьям поэта, живущим и работающим в Нью-Йорке. Маяковскому пришлось дать залог в 500 долларов — половину годового дохода американца, которые он одолжил

у сотрудника советского посольства в Мехико. В анкете он сообщил, что является художником, который собирается показать в Америке свои работы. И вот 30 июля 1925 года Маяковский наконец в Нью-Йорке. Первым человеком, с которым он встретился, был, конечно, Давид Бурлюк. Очень скоро американские власти поняли, кто на самом деле приехал в Америку. Портреты и интервью Маяковского стали появляться во множестве газет, особенно в коммунистической прессе. "Нью-Йорк Таймс" писала: "Самый популярный поэт России, Маяковский, одновременно и самый богатый поэт — в той мере, в какой богатство позволительно на его родине. ... Его последняя книга принесла ему 10 тысяч долларов. Маяковский самый известный картежник в России. Он проигрывает в карты намного больше того, что зарабатывает, и живет на выигрыши". В отличие от Европы, Маяковский много выступал в Америке. Он провел несколько нашумевших выступлений в Нью-Йорке, совершил турне по восточным штатам, на его выступление в "Сентрал Опера Хаус" пришло две тысячи человек. На выступлениях он рассказывает о жизни в СССР.

Америка произвела большое впечатление на поэта. Он пишет стихи, его путевые заметки "Мое открытие Америки" вышли в 1926 году отдельной книгой. По возвращении домой он будет читать многочисленные лекции "из американской жизни". А пока американское турне в самом разгаре. Удивительно, что Маяковский, который всегда из любых поездок часто и много писал Лили, независимо от их текущих отношений, за два месяца пребывания в Америке отправил ей всего несколько коротких и бессмысленных телеграмм. Это было настолько нетипично, что уже сама Лили пишет ему отчаянно: "Куда ты пропал?" и "Не смей забывать меня!".

Через месяц после приезда Маяковского в Америку произошла трагедия, которая во многом повлияла на дальнейшие события. 27 августа погиб Исайя Хургин, который помог Владимиру Владимировичу получить визу и снять квартиру в Нью-Йорке. Хургин утонул во время прогулки на лодке по озеру Лонг-Лэйк недалеко от Нью-Йорка. Вместе с ним в лодке находился Эфраим Склянский, прибывший в Америку за три дня до этого в качестве председателя советского треста "Моссукно". Хотя официальной причиной гибели была названа внезапная буря, скорее всего, это было заказное убийство, — Сталин в то время развернул активную кампанию против троцкистов, а Склянский был одним из ближайших людей Троцкого. В русской диаспоре Нью-Йорка смерть Хургина вызвала горе и смятение. Все понимали, что при желании найти могут любого

и везде. Маяковский произнес речь на траурной церемонии и нес урну с прахом Хургина на пароход, отбывающий в Россию.

Через несколько дней после гибели Хургина и Склянского Маяковский получил приглашение на вечеринку от Чарльза Рехта — радикально настроенного американского юриста, который консультировал советские предприятия в Америке и тоже содействовал в выдаче поэту визы. На этой вечеринке и произошло его знакомство с Элли Джонс. Элли, или Елизавета, урожденная Зиберт, родилась в уральской деревне в октябре 1904 года в семье потомков немецких меннонитов — протестантской секты. Елизавета знала помимо русского и немецкого еще английский и французский языки, и во время работы переводчицей в Американской администрации помощи в Самаре познакомилась с английским бухгалтером Джорджем Джонсом, за которого вышла замуж в мае 1923 года, когда ей было всего восемнадцать. Молодожены переехали в Америку, но брак оказался неудачным, и они довольно скоро расстались — Джонс снял Элли квартиру на 71-й улице, и она зарабатывала на жизнь, работая манекенщицей. Вполне вероятно, что Джонс женился на Елизавете, чтобы помочь ей выбраться из России. Итак, к моменту знакомства с Маяковским Элли было всего двадцать лет.

Практически сразу они стали неразлучны. Первоначальный интерес Маяковского к Элли был, скорее всего, вызван практическими соображениями, — как Эльза Триоле в Париже, Элли Джонс была его переводчицей в Америке. Она помогала ему покупать одежду, обувь, подарки дамам, заказывать еду в ресторанах. Однако очень быстро в их отношениях появились чувства. "Он заходил ко мне каждое утро, и мы проводили день вместе, читая и гуляя. ... Нас постоянно куда-то приглашали. Он везде брал меня с собой". Маяковский и Элли были очень осторожны и тщательно скрывали свои отношения — недавний случай с Хургиным показал силу чекистов, а роман с эмигранткой для главного пролетарского поэта мог быть опасным не только для его репутации, но и для жизни. "Мы всегда использовали официальную форму обращения, — вспоминала Элли. — Ни он, ни Бурлюк никогда не называли меня иначе как Елизаветой Петровной. На людях он целовал мне руки".

Маяковский много работал и выступал. Денег у него было мало, поэтому кушали они в недорогих русских и армянских заведениях и в детском кафе на Пятой авеню. Почти все свободное время он проводил в русских и еврейских кварталах Ист-Сайда, часто играл на бильярде и посещал негритянские кабаре в Гарлеме, где, кроме него с Бурлюком и Элли, белых

не было вообще. Страдая от языкового барьера, который не давал ему возможности на многочисленных встречах с американцами развернуться во всю мощь своего таланта, он предпочитал проводить время с Элли. Маяковский много общался с представителями радикальных еврейских кругов и напечатал в газете "Фрейгайт" два стихотворения в переводе на идиш. Они с Элли довольно часто ссорились, яркое тому подтверждение — рисунок Маяковского, вынесенный Патрицией на обложку своей книги. Несмотря на ежедневные встречи, Элли и Маяковскому удалось удержать в тайне свои отношения — кроме Бурлюка очень немногие знали или догадывались об их истинном характере. В поэзии Маяковского образ Элли встречается, пожалуй, лишь однажды. В стихотворении "Вызов" он пишет: "Мы целуем — беззаконно! — над Гудзоном ваших длинноногих жен". Причем в первоначальном наброске вместо "мы" стояло "я".

К концу октября деньги у Маяковского закончились совершенно. Это и стало основной причиной его отъезда из Америки. Он много выступал, что-то выигрывал, много занимал, но Лили Брик собралась в Италию, и он отправил ей почти 950 долларов на поездку, сам оставшись без гроша. Перед отъездом на последние деньги он купил Элли зимнюю одежду и оплатил месячную аренду квартиры. На самом себе он экономил. Если из Парижа Маяковский ехал первым классом, то на корабле "Рошамбо", который шел в Гавр, он провел восемь дней на дешевой койке на самой нижней палубе. И тем не менее, когда Элли, провожавшая поэта на корабль, вернулась в свою квартиру, чтобы "броситься на кровать и рыдать", вся кровать была усыпана незабудками.

Когда Маяковский уезжал, ни он, ни Элли не догадывались о том, что она беременна. Маяковский как-то спросил Элли в начале их отношений, предохраняется ли она. Элли ответила: "Любить — это иметь детей", — на что он ответил: "Ты сумасшедший ребенок". Уезжая, Маяковский попросил Элли держать в тайне все, что было между ними, попросил ее писать ему, но не прямо, а на адрес сестры, и признался, что сам он не большой писатель писем. Элли не всегда придерживалась обещания и писала ему напрямую, сам он тоже писал ей. Вероятно, догадываясь о ее положении, он в новогодней телеграмме написал: "Пиши все. Все. С Новым годом". 6 мая Элли наконец известила его о предстоящих родах, но тоже в завуалированной форме, написав: "Через три недели необходимо заплатить $600 в госпиталь. Если можете, пришлите по этому адресу... Думаю, что понимаете мое молчание. Если умру — allright — если нет, увидимся". 15 июня 1926 года Элли родила дочь Хелен Патрицию, которую кратко

тоже называли Элли. Сейчас Патриция просит называть себя Еленой Владимировной, по крайней мере, в общении с русскими. Маяковский связался с Элли, как только узнал, что стал отцом.

Реакция поэта на рождение дочери очень характерно отражена в одной из записных книжек 1926 года. На пустой странице он написал одно слово: "Дочка".

Законным отцом Патриции считался Джордж Джонс, который взял на себя заботу о ее воспитании. Маяковский хотел поехать в Америку, но это было совершенно нереально. Давая выход отцовским чувствам, он сочинял стихи для детей, в киносценарии "Дети" рассказывается о голодающей семье американских шахтеров, в которой мать звали Элли Джонс. Он увидит свою дочь два года спустя один-единственный раз, в 1928 году в Ницце, где обе Элли — старшая и младшая — проводили лето. Он узнал об этом совершенно случайно, будучи в Париже, от общей нью-йоркской знакомой. Встреча была очень короткой. Некоторое время после этого они активно переписывались, потом все реже, а через два года поэта не стало. Элли Джонс получила университетский диплом и всю жизнь преподавала языки: русский, немецкий и французский. Она умерла в Америке в 1985 году, а в 1989 Патриция Томпсон впервые публично объявила, что она — дочь Маяковского.

Вот так все это было. В предисловии к своей книге Патриция пишет: "Эти записи содержат информацию о том, что моей отец Владимир Маяковский и моя мать Элли Джонс договорились хранить в тайне. Каждый раз, когда мама упоминала об этом, она прикладывала палец к губам (как это делал Маяковский, собираясь покидать Нью-Йорк, до того, как они узнали о том, что мама беременна), говоря просто: "Про это мы должны хранить молчание". Я не связана их клятвой. Для того чтобы заполнить пробелы в биографии моей матери, я разрушаю это почти семидесятилетнее молчание. Настал мой черед рассказать о Маяковском как о человеке — любящем, нежном, эмоционально уязвимом человеке из плоти и крови, каким его знала и любила моя мать, человеке, которого я знаю как своего отца. Кровь — не бронза — текла в его венах".

P. S. Я послал Патриции подписанное Татьяной Ивановной Липтугой приглашение приехать на празднование 216-й годовщины со дня основания Одессы. Хотя ей восемьдесят четыре, она выразила такое желание. А вдруг это действительно произойдет?

Татьяна БОНДАРЧУК

Мои встречи с Окуджавой

Песни Булата Шалвовича Окуджавы мне нравились еще в школе. Сначала я их слушала на громоздком бобинном магнитофоне, потом, когда появились малыми тиражами мягкие пластинки, на проигрывателе.

Однажды мама вернулась с работы пораньше и сказала:

— Знаешь, к нам приезжал Окуджава, я с ним беседовала, у меня где-то автограф есть.

Он был в театральном училище, пел песни, рассказывал о своей жизни, ругал начальство. Простой такой, звездности — ни грамма.

Потом появились диски побольше, я окончила институт, вышла замуж, родила двух детей, переехала в Харьков.

Но все это не мешало мне каждое утро слушать Окуджаву. Хорошо пластинки с его песнями стали долгоиграющими, я реже переставляла иглу.

Осенью 1984 года Булат Шалвович Окуджава приехал в Харьков. И дал несколько концертов в ДК ХТЗ.

Зал, разумеется, был переполнен.

— Я полагаю, здесь собрались тракторостроители, — начал свое выступление Окуджава.

Раздаются аплодисменты и громкий смех.

После выступления Булат Шалвович согласился поехать к Вите Виноковой, члену СП, в крохотную однокомнатную квартиру на Алексеевке. В домашней обстановке он пел запрещенную тогда "Римскую империю времени упадка".

Юношам империи времени упадка
снились постоянно то скатка, то схватка:
то они — в атаке, то они — в окопе,
то вдруг — на Памире, а то вдруг — в Европе.
А критики скажут, что "скатка", представьте, не римская деталь,
что эта ошибка, представьте, всю песенку смысла лишает...
Может быть, может быть, может, и не римская — не жаль,
мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Римлянкам империи времени упадка,
только им, красавицам, доставалось сладко —

все пути открыты перед ихним взором:
хочешь — на работу, а хочешь — на форум.
А критики хором: "Ах, "форум", ах, "форум" — вот римская деталь!
Одно лишь словечко — а песенку как украшает!
Может быть, может быть, может, и римская, — а жаль...
Мне это немного мешает и замысел мой разрушает.

У меня сохранились фотографии того вечера. Дальше — новые времена: распад Союза, цены летят до небес, а выплат никаких нету.

4 ноября 1992 года у меня защита диплома в Московском литературном институте. Нужно собрать рецензии, мне их писали Киреев, Рекемчук, Анашенков, и подготовиться. А пока суд да дело мы с молодым поэтом Олегом Столяровым, студентом литинститута, ходим пить кофе в ЦДЛ. Деньги тают, как тонкие нейлоновые колготки под горячим утюгом.

— Смотри, у меня остались только потрепанные купюры, — говорю я Олегу.

— Да, в буфете ЦДЛ их не примут точно, — протягивает Олег. — Но для метро сойдут.

— Зачем нам метро, если не будет денег на кофе? — пожимаю плечами я.

— Брось! Можно материальную помощь попросить. Скажешь, на обратную дорогу нет. Марина Кудимова не откажет. "Белый, как хоругвь, подгузник", помнишь?!

— Еще бы, — откликаюсь я. — Но стихи — это одно, а деньги — совсем другое.

Нет в моем голосе оптимизма. Не верю я, что нам кто-то может помочь.

Поэтесса Марина Кудимова долго читает мое заявление. Потом нервно мнет его в руках. Наконец, произносит:

— Могу помочь из собственного кармана. Денег в литфонде нет совсем. Ни копейки.

Я неопределенно киваю.

Однако лезть в собственный карман Марина Кудимова не спешит.

— Постой, постой, — вдруг вздрагивает она. — Ты же Столяров Олег?! Так?!

— Ну, я.

Олег обычно не удивляется, когда его узнают литераторы — именитые и не очень, у него мама — поэт Инна Столярова. Богемная жизнь окружала его с пеленок. Вхож в их дом был и Булат Шалвович Окуджава.

— Тебе перевод из Питера. Выступление на радио было?

— Было, — подтверждает Олег.

— Вот и помощь! — обрадовано говорит Марина. Я ясно вижу, как она ликует, что легко отделалась.

— Пойди на почту, получи, это недалеко, там сейчас открыто, перерыв окончился.

Олег неуверенно берет квадратик желтоватой бумаги, и мы выходим из ЦДЛ.

— Этот перевод я уже получал, — признается мне Олег. — Мы зря потратим время.

— Что же делать?

Вопрос риторический. Мы возвращаемся в буфет ЦДЛ, глазами ища знакомых.

За столиком у задней стенки пьет кофе в гордом одиночестве Булат Шалвович Окуджава.

В склянке темного стекла
Из-под импортного пива
Роза красная цвела
Гордо и неторопливо...

Исторический роман
Сочинял я понемногу,
Пробиваясь, как в туман,
От пролога к эпилогу".

— Булат Шалвович, — мигом подскакивает к нему Олег, — я с дамой, на кофе не хватает...

Окуджава молча протягивает 50 рублей.

Тогда на эти деньги кофе можно было пить месяц.

Мне до сих пор стыдно.

Олег КУДРИН

Фон Кихот Готический
"Дон Кихот" как нацистский роман
Главы из книги

От редакции: Феномен возникновения нацизма в Германии – одной из самых развитых и просвещенных стран Европы – и сегодня, в XXI веке, занимает умы. Среди теорий, гипотез и версий, на наш взгляд, вызывают интерес размышления Олега Кудрина (наш земляк, живет в Москве) над романом Сервантеса "Дон Кихот" и творчеством Гейне. Писатель заметил между ними особую связь.

Романтизм и немецкий поход Дон Кихота

В Германию роман пришел в том же веке, в каком был написан – в XVII. Но в понимании романа немецкая культура долгое время оставалась в тени. Пока, наконец, устами и мозгами немецких романтиков не совершила в XVIII-XIX веках настоящий прорыв. Они постулировали роман Сервантеса как идеальный образец романтического произведения, как законченную философскую жизненную систему.

Новалис считал, что основной пафос "Дон Кихота" – в неразрешимом противоречии между действительностью и мечтой. Безумие он был склонен приписывать не столько самому Рыцарю, сколько реальности, каковой он бросил вызов. Фридрих Шлегель видел в романе проявление и противопоставление двух главных жизненных сил: поэзии, представленной Дон Кихотом, и прозы, олицетворенной Санчо Пансой. По Шеллингу, тема романа – реальное в борьбе с идеальным, а Дон Кихот и Санчо Панса – суть мифологические образы. Еще один важный аспект, подмеченный немецкими романтиками, – критическая позиция Сервантеса по отношению к нарождающейся буржуазии и декларируемому ею порядку вещей.

И мы, уже знакомые с мировоззрением Гитлера и Розенберга, можем отметить, что их национал-социалистические взгляды напрямую произрастают из построений немецких романтиков. Вся готовая система нацистских взглядов – вот она, здесь, в представленной романтической схеме. Нужно только немногое – внести в нее расовый аспект: Дон Кихот – герой, нордический, арийский рыцарь, Санчо Панса и тупая масса, толпа, противостоящая рыцарю, – представители "неполноценных рас". И мы получаем нацистскую идеологию во всей красе. "Мир – это арена

мифологизированной борьбы рас. Поэтической, идеалистической — арийской. И всех прочих — "неполноценных", прозаических, материалистических".

Получается, что нацистская идеология — это не идеология последнего шанса крупной буржуазии, империализма, как пытались и пытаются нас убедить отечественные коммунисты-ленинцы. И не воплощенное зло "суверенной личности", по маркизу де Саду, как пытается показать левая интеллигенция Запада. Нацизм — это романтизм плюс расизм, точнее — романтическая схема мира, оплодотворенная, одухотворенная расовым подходом.

Если понять это, то не нужно удивляться, как нация, подарившая миру Гете и Гофмана, могла построить концлагеря. Одно другому не противоречит, одно из другого произрастает. Если понять это, становится понятным, как могли увлекаться нацизмом такие талантливые и объективно порядочные люди германского происхождения, как писатель Кнут Гамсун, психолог Карл Юнг, философ Мартин Хайдеггер, композитор Рихард Штраус, кинорежиссер Лени Рифеншталь...

Кстати, творчество романтика Фридриха Шлегеля просто напрямую лежит в истоках другого важнейшего элемента нацистской идеологии — так называемого "арийского мифа". Шлегель был не только литератором, но и ученым. Изучая культуры Древнего Востока, он нашел в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях, отношение к которым было самым почтительным, даже сакральным. Шлегель же первый воспел санскрит, придя к выводу, что "индийский язык более древний, чем греческий и латинский, не говоря о немецком и персидском". И он же первый предложил термин "арии", говоря о народе, спустившемся с Гималаев, чтобы колонизовать и цивилизовать Европу. В число ариев, по нему, входили и германцы. Шлегель этимологически вывел корень "*ари*" из слова "*честь*". (А честь — это одно из ключевых понятий нацистской идеологии.)

Не зря у Гейне в его "Романтической школе" есть просто замечательная оговорка о почвеннических корнях романтизма: "У народов, поэзия которых стремилась изобразить бесконечное... появлялись чудовищные порождения фантазии, как, например, у скандинавов и индусов мы встречаемся с произведениями, которые считаем... и называем романтическими". Да-да, индоарийская, индогерманская, санскритская ось "варварская дохристианская Скандинавия — брахманская кастовая Индия" у истоков романтизма! Либерал-космополит Гейне болел этим не меньше, чем нена-

видимые им "тевтономаны". И сама эта оговорка не случайна. Для Гейне — это нечто само собой разумеющееся, благодаря указанным выше построениям романтика Фридриха Шлегеля.

Правда, у Шлегеля пока еще нет расового остервенения, однако он все же подошел очень близко к этому. И следующий шаг сделал уже его ученик — Христиан Лассен, противопоставивший "комплексный талант арийцев" семитам, якобы не имеющим гармоничной души, создавшим эгоистичную и замкнутую религию.

Вот так и пошла многонациональная интеллектуальная линия, приведшая к нацизму: Фридрих Шлегель — Христиан Лассен — Карл Пенка — Жорж де Лапуж — Артур де Гобино — Хьюстон Чемберлен — Адольф Гитлер. И не удивляйтесь тому, что вместе с немцами здесь и французы, и англичане. Ведь и они крепко болели белым расизмом. А создававшие Францию, Англию, составлявшие их дворянскую, рыцарскую элиту франки, бургунды, норманны, англы, саксы — это ведь тоже германские племена.

Нацисты против Генриха Гейне

О, несчастный Генрих Гейне! Блистательный и остроумный, иронический до язвительности, до цинизма, и все же в чем-то романтичный. Хотя сам он отделял себя от немецких романтиков. О, Гейне, так убежденно и уверенно говоривший о себе: "Мы, немцы"... Мог ли он подумать, что каких-то 80-100 лет спустя все его творчество, сама его фигура будет рассматриваться сквозь увеличительное стекло. И если б объективно, так нет же — предубежденно.

Он был очень подходящей фигурой, мишенью для нацистов. Популярнейший поэт, писатель, критик, публицист. Немецкий еврей, считавший себя немцем, практически забывший (и читателей заставивший забыть), что он еврей.

Гейне не знал и не мог знать, что в 20-40-х годах XX века его творчество будет рассматриваться по принципу "презумпции виновности". Когда все, что он скажет или напишет, может быть использовано против него, чтобы показать, что еврей по крови не может быть немцем по культуре, по духу. И нацисты отделили его от немецких романтиков решительно и прочно, одним махом топорной работы...

Статья "Введение к "Дон-Кихоту" была написана Генрихом Гейне в 1837 году за 1000 франков — к очередному немецкому изданию романа.

Гейне с некоторой скандальной бравадой всегда любил подчеркнуть, что сделал эту статью только ради денег. Он-то и начал ее не оригинально, не творчески, а большой развернутой цитатой о "Дон Кихоте", представляющей собой главу XVII из его же давней — и уже оплаченной — книги "Путевые картины".

С самого начала — как это противоречит той искренней восторженности, с которой говорили и писали о Рыцаре Печального Образа истинные немцы-романтики братья Шлегели, Шеллинг, Новалис, Вагнер!

В ту же копилку компромата и такая вот финансовая двусмысленность в тексте статьи: "Говорят, он [Сервантес] не знал настоящей цены деньгам, но, уверяю вас, он очень хорошо знал настоящую цену денег, коль скоро они у него кончались".

(Воспользуемся приемом Набокова, построившего одну из своих лекций о Дон Кихоте в виде спортивного соревнования — "игры в мяч", тенниса, игры, современной ламанчскому рыцарю и упомянутой во втором томе романа.

Итак, счет 2:0 в пользу нацистов. Две ошибки. Одна — бравирование своей повышенной меркантильностью. Другая — высокомерное ерничанье над бедным, но честным писателем и солдатом, в чьей жизни отсутствие средств играло поистине трагическую роль.)

О чем же, по мнению Гейне, написал книгу Сервантес?

"Смешное в донкихотстве заключается в том, что благородный рыцарь пытается оживить давно отжившее прошлое, и в том, что между его бедным телом, в особенности спиною, и фактами современности возникли болезненные трения... Каким неблагодарным безрассудством является также и попытка слишком рано ввести будущее в настоящее, если к тому же в этой схватке с тяжеловесными интересами сегодняшнего дня обладаешь только очень тощей клячей, очень ветхими доспехами и столь же немощным телом".

Гейне встык дает то, что он называет "двумя видами донкихотства": а) оживление отжившего прошлого, б) введение будущего в настоящее. Здесь проводится мысль, что Дон Кихоты — это те, кто ищут свое — и общее — будущее в прошлом (тут как раз Гитлер, Гитлер, апеллировавший к средневековому, а то и более архаичному — племенному сознанию, спорить не станет). Но главный вывод, что все это, по мнению Гейне, "смешно", "неблагодарное безрассудство". Как же противны были эти строки, такие взгляды Гитлеру! Ведь он, травленный газами нищий ефрейтор-фронтовик, уходя в 1919 году в политику, имел, пожалуй, еще

меньше, чем Дон Кихот. Однако же сумел завоевать благосклонность миллионов, сумел завоевать свою империю — свой рейх, а вместе с ним всю почти Европу.

Далее Гейне предполагает, что Сервантес действительно хотел лишь высмеять рыцарские романы, но "перо гения всегда больше самого гения". И что же? По Гейне, Сервантес "задумал выставить в смешном виде все вообще проявления человеческого энтузиазма, и прежде всего, — героизм служителей меча". Писатель, "сам того ясно не осознавая, написал глубочайшую сатиру на человеческую восторженность".

Тут Гитлер вообще должен был бы задохнуться от возмущения. Истинный воин Сервантес, герой битвы при Лепанто, хотел "в смешном виде выставить, прежде всего, героизм служителей меча"??? Это после всех-то восторженных рассказов Дон Кихота о труде солдата, каковой намного выше и моральней всяких ученостей. И если роман всего лишь "глубочайшая сатира на человеческую восторженность", почему же уже столько веков человечество восхищается ламанчским рыцарем?..*

(3:0 в пользу нацистов. Ошибка Гейне — непонимание величия энтузиазма, восторженности, идеализма.)

Вот что еще легкомысленно пишет Генрих Гейне о героизме: "Общество — это республика. Если отдельная личность выдвигается, масса гонит ее назад насмешками и злословием... Кто непреклонной силою гения будет вознесен над обычным шаблоном, того постигнет остракизм; общество преследует его такими беспощадными насмешками и клеветой, что ему, в конце концов, приходится удалиться в одиночество своей мысли".

Тут, по теориям Гитлера и нацистов, — полное непонимание роли гения, личности, героя, фюрера в истории. Обычная республиканская, либе-

* Похоже, Гитлер действительно задохнулся от возмущения Генрихом Гейне. И позже, в своих "Застольных беседах" говоря о романе Сервантеса, он впрямую полемизировал не только с евреем-политиком Марксом, но и с евреем-поэтом Гейне. Сравните.

Маркс: "Эпос вымирающего рыцарства".

Гейне: "Глубочайшая сатира на человеческую восторженность".

Гитлер: "Самая блестящая в мире пародия на общество, находившееся в стадии вырождения".

Фраза Гитлера — это, по сути, всего лишь смена оценочных знаков, акцентов в совмещенной фразе Гейне-Маркса. (Кстати, Маркс и Гейне были добрыми приятелями. Гейне много писал для журналов политика-новатора.) Сравните еще раз — уже совмещенные варианты:

Гейне-Маркс: "Глубочайшая сатира на человеческую восторженность, эпос вымирающего рыцарства".

Гитлер: "Самая блестящая в мире пародия на общество, находившееся в стадии вырождения".

ральная, демократическая (то есть в их терминах — еврейская) клевета на человеческое общество. Сами наци в этом вопросе придерживались взглядов протонациста Томаса Карлейля с его замечательной (действительно замечательной, и для нормальных людей) работой — "Герои, почитание героев и героическое в истории".

(А значит, 4:0 — из-за оплевывания роли героев в истории.)

Но вернемся к Сервантесу. Какие сущностные особенности находит Гейне у испанского писателя? "Склонность описывать быт самой низменной черни, самого отверженного сброда свойственна не одному только Сервантесу, но всей современной ему литературе... У Сервантеса мы еще не находим этой односторонней тенденции — изображать низменное совершенно обособленным; он только перемешивает возвышенное с низменным, одно служит для того, чтобы оттенить или осветить другое".

Здесь для Гитлера важно даже не то, что сказано в отношении конкретного романа, а то, что сказано вообще. "...он только перемешивает возвышенное с низменным..." Как же так можно говорить о великом писателе: "только (!!!) перемешивает возвышенное с низменным". Это именно то, в чем Гитлер обвинял еврейских культуртрегеров, каковые, по его мнению, "сами фабрикуют одну только грязь", да еще и "непременно стараются вывалять в грязи все подлинно великое в прошлом".

(5:0 в пользу нацистов. Гейне наказан за очернение великого нордического писателя, приписывание ему грязных методов.)

А дальше пойдут более длинные цитаты, к тому же требующие особого пояснения.

"...Наши немецкие романтики совершенно отбросили в романах демократический элемент и возвратились в нелепую колею рыцарского романа, процветавшего до Сервантеса. Наш де ла Мотт-Фуке — не что иное, как последыш тех поэтов, которые произвели на свет "Амадиса Галльского" и тому подобные чудеса, и я удивляюсь не только таланту, но и мужеству, с каким этот благородный барон сочинял рыцарские романы двести лет спустя после появления "Дон Кихота".

Здесь, прежде всего, нужно пояснить, кто такой "наш де ла Мотт-Фуке". Ну, прежде всего, дедом Фуке был знаменитый прусский генерал, соратник обожаемого фюрером короля Фридриха Великого.

А сам он — довольно видный немецкий поэт и писатель, романтик, воспевавший в своих произведениях германскую старину. Самое известное произведение — знаменитая "Ундина", на русский язык переведенная

Жуковским. А в Германии ставшая источником вдохновения для Гофмана, который ради нее отложил свое писательское перо и взялся за композиторское — написал одноименную романтическую оперу. Менее известны, но для нашей работы знаменательны по тематике "Герой Севера", "Волшебное кольцо".

Во время наполеоновских войн сорокалетний отставник Фуке вернулся в армию для защиты отечества. В те же годы написал патриотические "Стихи 1813 года", которые Большая Советская Энциклопедия стыдливо назвала "не свободными от националистических мотивов". Литературным покровителем Фуке был брат Фридриха Шлегеля — Август.

Легко представить, какова могла быть реакция фюрера на приведенные выше пассажи Гейне. Грубовато-высокомерное "последыш", "благородный барон". И то, что он удивляется "не только таланту, но и мужеству" действительно мужественного и не бесталанного человека. И снова вспоминается недавняя цитата из "Майн Кампф" об авторах, которые "сами фабрикуют одну только грязь... непременно стараются вывалять в грязи все подлинно великое в прошлом".

Но вернемся к Гейне и его описанию начала XIX века. "Своеобразна была та эпоха в Германии, когда эти романы появились на свет и с удовольствием были приняты публикой. Что означала в литературе эта страстная любовь к рыцарству и к картинам старого феодального времени? Мне думается, немецкому народу захотелось навсегда проститься со Средневековьем; но, расчувствовавшись, — а это легко случается с нами, мы решили расцеловаться с ним на прощанье. Мы в последний раз прижались губами к старым надгробным камням. Правда, многие из нас повели себя в высшей степени глупо. Людвиг Тик, сладчайший адепт этой школы, выкопал из могилы давно умерших предков и принялся качать их гроб, словно люльку, напевая при этом с бессмысленным детским лепетом: "Спи, дедушка, спи!"

Тут Гейне-публицист, сменивший Гейне-критика, ошибся, и очень сильно. Романтический интерес к средневековому прошлому не закончился описанным "прощальным поцелуем". Это было только начало, завершившееся стремлением национал-социалистов возродить средневековое цеховое, сословное, племенное строение общества.

К сожалению, строки, посвященные Людвигу Тику, автору лучшего перевода "Дон Кихота" на немецкий язык, действительно не самые удачные. А порой они просто неоправданно грубы, близки к кощунству. Тик ведь действительно работал со старинными народными преданиями,

переписывал их в виде драм и сказок. Перерабатывал и переиздавал сочинения миннезингеров, а также забытых немецких драматургов XVI-XVII веков. Это весьма полезная для культуры любого народа, для понимания и развития любого языка литературная работа. И непонятно, чем же она заслужила столь жесткую, грубую оценку, в которой, как кажется, ирония лишь ради иронии, шутка — ради шутки: "...Выкопал из могилы давно умерших предков и принялся качать их гроб, словно люльку, напевая при этом с бессмысленным детским лепетом: "Спи, дедушка, спи!".

Итак, 6:0 в пользу нацистов. За насмешки Гейне над культурным наследием немецкого народа.

Итого — сет проигран всухую. Разгромная победа нацистских идеологов над Гейне.

Но, как вы понимаете, этот условный матч абсолютно не честный. Из авторского контекста вырываются какие-то фразы, мысли. Упор делается на, может быть, действительно не самых удачных строках. Однако покойный классик уже не может объяснить, оправдаться, что-то изменить, исправить.

Вывод же после этого виртуального поединка делался абсолютно однозначный и безжалостный: "Посмотрите в связи с этим на еврейских художников. От то стучащих в испуге зубами, то в страхе ликующих, то с фырканьем и с жаждой мести распевающих псалмы (которые только благодаря переработке Лютера часто звучат так красиво) о стонущем Габироле, похотливом Давиде бен Шломо до гнусного Генриха Гейне". "Характер евреев в их деятельности торговых посредников и деятельности по разложению чужих типов остался все тем же... от Фило через Давида бен Шломо до Гейне".

Это все слова Розенберга. "Гнусный Гейне" — не больше и не меньше. Кстати, обратите внимание, кого назначает нацистский идеолог в предшественники Гейне. Ну, Фило Иегуда, он же Филон Александрийский, — это древнееврейский философ эллинский поры (20 г. до н. э. — 50 г. н. э.), и он в контексте нашего разговора не так интересен.

А вот "стонущий Габироль" (он же ибн Гебироль, ибн Гвироль, ибн Джабируль, он же Авицеброн) — сефардско-испанский поэт и философ (1021-1058). Испанским сефардом был и каббалист, авторитет в толковании Галахи Давид бен Шломо (он же раввин Давид бен Аби Зимра, акроним — Радбаз, 1479-1573). Правда, между ними существенная разница в 400 лет и — соответственно, в судьбе. Габироль всю жизнь прожил в родной Испании. А бен Шломо в 13-летнем возрасте вместе со всеми

испанскими евреями был изгнан. (Это как раз и был тот злосчастный для евреев 1492 год.) После чего бен Шломо проживал в Палестине и Египте.

Вот в связи с Египтом Розенберг и вывел мировоззренческое родство с Филоном, жителем Александрии Египетской. Правда, Филон проживал там на полторы тысячи лет раньше, чем бен Шломо. Но что значат такие мелочи для проницательного Альфреда Розенберга, верного адепта теории еврейского заговора, тянущегося через пространства и века?

Вот так нежданно замкнулась — закольцевалась наша тема. Идеологическими предшественниками Генриха Гейне, написавшего исключительно ради денег "Введение к "Дон Кихоту", нацисты объявили двух испанских мудрецов-евреев давних XI и XV веков, предшествовавших даже Сервантесу. Нет, совсем не чужой, а близкой и понятной, в их расистских рамках понятной, была Испания для нацистских идеологов.

Москва

Александра ИЛЬФ

Два киноочерка

Только что вышел в свет прекрасный сборник избранных произведений писателя-одессита Семена Гехта. Книга говорит сама за себя так выразительно, что входить в подробности нет необходимости.

Я бесконечно благодарна Семену Григорьевичу за воспоминания об Илье Ильфе, моем отце, которые открыли мне многое, о чем не рассказали другие. Воспоминания эти, озаглавленные "Семь ступеней", были опубликованы в 1963 году, в год смерти Гехта.

После переезда в Москву в 1923 году Ильф и Гехт работали в одной газете – в "Гудке". Они дружили, вместе гуляли по Москве, наблюдали, интересовались, и эти прогулки давали обильные темы для их очерков и рецензий.

"Мы забрели раз на кинофабрику, – вспоминал Гехт. –. Она принадлежала до революции Ханжонкову, работавшему потом в Совкино. В павильоне на Житной бородатый А. Ромм снимал картину "Бухта смерти". В этот вечер снимали тонущий пароход. Героиню то и дело окатывали водой. Окатывали много раз. Техника была в то время слабоватая, в юпитерах что-то не ладилось, и взыскательный оператор накручивал множество вариантов" (С. Гехт. Семь ступеней. – Воспоминания об Илье Ильфе и Евг. Петрове. М., Советский писатель, 1963. С. 112).

Очерк Гехта "Путь в Дамаск", напечатанный в журнале "Огонек" в 1928 г., состоит из трех эпизодов, в юмористических тонах рисующих трудную жизнь киностудии. Если сравнить последний эпизод, озаглавленный "Мокрое дело", с кинофельетоном Ильфа "Драма в нагретой воде", мы убедимся, что оба писателя были именно на той самой съемке, о которой упоминал Гехт.

Мне показалось интересным дополнить впечатление читателей от замечательной книги публикацией двух кинофельетонов двух друзей – Семена Гехта и Ильи Ильфа.

Семен ГЕХТ

Путь в Дамаск

1. Грушевая эссенция

Ворота этого стеклянного дома открываются в семь утра, в час фабричный.

Не гудит здесь, правда, гудок и не часто мелькает рабочая блуза. Вместе с блузой проскальзывают в вестибюль джентльмены в восьмигранных и надменных роговых очках, в лиловых клетчатых пальто, джентльмены, похожие на иностранцев-туристов.

Тут и нищие-калеки, наделенные чудовищными физическими пороками, а поденная цена этим порокам — трояк. Тут и прославленные писатели, почтенные консультанты, подлинные немцы, французы и турки, тут и загнанные, голодные сценаристы, берущие штурмом и измором эту неподатливую стеклянную крепость. Тут и студистки — кулешовские, чайковские, государственные, — все те, кого отравил запах фабрики, столь похожий на запах кулис и рампы.

Нас встречает нелепый медведь, чья вытянутая лапа служит пепельницей. И медведь, и неуклюжая мебель, и посредственные полотна говорят о плохом вкусе бывшего владельца, о вкусе купца первой гильдии.

В коридоре мы наталкиваемся на контору фабрики, открытую, бивуачного характера. Подле столов стоят трехаршинные костелы, сделанные из фанеры и покрытые цементом; вокруг них ходят нарумяненные и разряженные женщины девятнадцатого и четырнадцатого веков, плетется белый офицер со скучным лицом и нафабренными усами, ковыляет местечковый еврей в лапсердаке и усасоподобный ксендз, перебирающий янтарные камни четок.

А за столами бухгалтеры подсчитывают реквизит.

— Два раза лестница, пять раз фонарь, четыре тарелки, две бутылки ликеру, турецкий диван, десять раз колокольня, свеча, погоны, котиковая шапка.

В угловой комнате — художественный совет фабрики.

— За выписки из учебников мы не можем платить деньги, — кричит член совета, — ваши стрельцы пахнут гимназическим спектаклем. Они рассуждают, как комсомольцы. Не годится, товарищ.

Голодный сценарист ерзает на стуле, он краснеет и заикается. Пропал стостраничный труд, тысячекадровая колбаса, утопающая в наплывах, диафрагмах и крупных планах.

Мы слышим звуки веселого марша. Музыка доносится сверху. Мы поднимаемся в ателье. На эстраде — оркестр. Тяжелый бархат замкнул перспективу. Юпитеры вонзились в жертвы, и прожекторы скользят по ним, лаская и щупая. Оркестр заснят, и люди уходят во двор делать панику.

Если ателье пахнет кулисами, то в лаборатории стоит настоящий фабричный дух. Всюду валяются двухсотпятидесятиметровые пачки. Ударяет в нос острый запах химического экстракта. Пахнет грушевой эссенцией. В жидком вареве вылупляются силуэты. Они обрастают плотью.

2. Музыка

Актер Г. встает и быстрыми шажками направляется к винтовой лестнице. Десять ступенек ведут к ателье. Если запрокинуть голову, можно увидеть все, что там делается. Рабочие несут матрацы и ковры. Комендант — злая старуха — волочит по полу гигантский куль из рогожи.

Куль мелодически позванивает. Он битком набит глиняной посудой, бронзовыми фигурками, статуэтками, подсвечниками, слониками, веерами из слоновой кости, малахитовыми чернильницами.

— Целый день возятся с барахлом, — ворчит Г. и возвращается к студийцу.

— Вы кого играете? — вяло спрашивает студиец.

— Турецкого купца, или греческого, черт его знает, Саламакиса какого-то. Не заметно разве?

— Конечно. Это я так, — конфузится студиец, так как Г. сидит в подходящем костюме. На голове у него феска с бубенчиками, лицо обсмуглено и глаза по-восточному распахнуты. Грим засох, и Г. похож на агонизирующего.

По винтовой лестнице спускается маленький пухлый человечек. В правой руке у него коричневая папка, в левой он держит катушку ленты. Это режиссер. Он проходит через фойе с опущенными глазами и оттопырив локти, точно ему угрожают шпицрутены.

— Как у вас накурено! — говорит он и рысцой пробегает в кабинет. Щелкает замок.

У зеленой двери кабинета выстраивается актерская цепь. Какая-то женщина в лохматой пижаме заглядывает в щелку. Актеры переглядываются и шепчутся.

— Сейчас позовет, — весело говорит женщина в пижаме.

— Как они возятся! — стонет Г. и робко, как нищий, стучится в дверь. — Александр Дмитриевич, можно?

— Я занят, — кричит из кабинета режиссер, — в чем дело?

— Скоро съемка начнется? Я заждался.

— Вас позовут. Слоники пропали куда-то.

— Какие слоники?

— Ну, слоны. Не мешайте, Г.

Актеры расходятся и занимают прежние места. Старуха-комендант включает свет. Если приглядеться, можно насчитать всего двенадцать человек. Многие в костюмах, в гриме. У некоторых от скуки и дыма слезят-

ся глаза. Все много говорят, чтобы не уснуть. В этот час фойе напоминает вокзальный перрон. Глухая железнодорожная тоска.

Мужчины сидят на подоконниках, на скамейках, стоят, прислонившись к стене. В центре фойе — только один диван, и его занимают женщины. Дымными сумерками окутаны две польские панны. Они не разговаривают друг с другом и только временами недружелюбно переглядываются.

В фойе хорошо знают об их трагедии. Обе ждут два года. Обе хорошо знакомы с режиссером. Но обе играть не могут. Избранницей будет одна. Кто? Этого не знают даже в фойе.

Немая сцена на диване кажется современной дуэлью. Дуэль эта длительна. Имя победительницы станет известным только через три дня.

Когда режиссер выходит из кабинета, все фойе встает.

— Пора начинать, — говорит женщина в пижаме, — мне надоели мои штаны, Александр Дмитриевич.

— Двенадцатичасовый рабочий день, — ворчит Г.

Режиссер отвечает только тогда, когда он уже на лестнице.

— Скоро начнем, — кричит он оттуда, — через пятнадцать минут.

В девять часов вечера Г. похож на покойника, у которого была нелегкая смерть. Женщина в пижаме спит. Вторая польская панна докуривает папиросу первой панны. Они разговаривают.

В это время по лестнице спускается режиссер. Усталыми глазами он оглядывает тихое фойе и говорит:

— Товарищи, съемка отменяется. Оркестр не приехал. Без музыки я снимать не буду. Завтра в десять.

3. Мокрое дело

Восемнадцать часов длится съемка. С раннего утра на фабрике качали воду. Маленькое ателье превратили в озеро. У правой стены выстроили корабельный коридор, обшили железом и старательно законопатили. В углу — трап с шатающимися перилами.

Восемнадцать часов двое солдат волокут женщину в каюту. Третий солдат жует баранку и спрашивает:

— Что это за баба?

Ему нужно только один раз куснуть, но он съел уже десять баранок. Сцена не выходит и репетируется весь день. Сейчас принесут крыс. Они должны бежать с тонущего корабля. Крыс купили белых, вернее — мышей, и их приходится красить. Они не даются и прокусывают рек-

визитору перчатки и пальцы. Бежать они тоже не хотят. Мучительный свет юпитера ослепил их, и они испуганно застыли на месте. На них кричат, их бьют по заду, швыряют, — напрасно. Трудно, очевидно, работать бесплатно. Вымазанные крысы бегут. Аппарат победно потрескивает.

Тогда выходит полуголый кочегар. Режиссер расписывает ему углем грудь и спину, и кочегар неистово кричит:

— Там взрыв! Взрыв! Спасайтесь!

Здесь кончаются сухие сцены и начинаются мокрые. В коридор накачивают воду. Режиссер выстраивает "водников". Их десять человек, среди них опытные актеры, которые переигрывают. Приходится останавливать их все время.

В конце коридора рабочие делают волну. Юпитеры раскаляются, падает уголек, вода шипит — эффектная получается картина.

Пожарные продолжают качать воду. Рукав ветхий, и машина, присланная из Кропоткинского депо, не пахнет современностью.

— Времен матушки Екатерины, — издевается над насосом механик.

Артистка К. забилась в угол каюты. На ней разодрана кофта, сейчас она в бесчувственном состоянии, волосы распущены, глаза ужасны. Белогвардейцы, видно, вдоволь потешились над ней. Сейчас она будет тонуть, и ее спасет герой-матрос, взорвавший вражеское судно.

Герой-матрос сушит свою бороду у юпитера. Он замочил ее, она расхлесталась и грозит обрывом.

Артистка К. спит. Режиссер подкрадывается к ней, как Тарквиний. Рука ее попадает в воду, и она с ужасом просыпается. Она видит, что каюта затоплена. Она бросается к двери, распахивает ее, и помощник режиссера выливает на нее бочку воды. Это значит, что пароход идет ко дну.

— Желтый свет, — жалуется оператор и останавливает аппарат.

Артистка К. возвращается назад, снова засыпает и просыпается, делает стеклянные глаза и снова бросается к двери. Сонный помощник режиссера выливает на нее еще одну бочку воды.

Режиссер находит, что сцену нужно повторить. На артистку опрокидывают третью бочку воды.

— Тебе не холодно, Лиза? — спрашивает муж артистки.

Он сидит в углу и смотрит на часы.

"Огонек", 1928, № 28 (276)

Александра ИЛЬФ

Два киноочерка

Только что вышел в свет прекрасный сборник избранных произведений писателя-одессита Семена Гехта. Книга говорит сама за себя так выразительно, что входить в подробности нет необходимости.

Я бесконечно благодарна Семену Григорьевичу за воспоминания об Илье Ильфе, моем отце, которые открыли мне многое, о чем не рассказали другие. Воспоминания эти, озаглавленные "Семь ступеней", были опубликованы в 1963 году, в год смерти Гехта.

После переезда в Москву в 1923 году Ильф и Гехт работали в одной газете – в "Гудке". Они дружили, вместе гуляли по Москве, наблюдали, интересовались, и эти прогулки давали обильные темы для их очерков и рецензий.

"Мы забрели раз на кинофабрику, – вспоминал Гехт. –. Она принадлежала до революции Ханжонкову, работавшему потом в Совкино. В павильоне на Житной бородатый А. Ромм снимал картину "Бухта смерти". В этот вечер снимали тонущий пароход. Героиню то и дело окатывали водой. Окатывали много раз. Техника была в то время слабоватая, в юпитерах что-то не ладилось, и взыскательный оператор накручивал множество вариантов" (С. Гехт. Семь ступеней. – Воспоминания об Илье Ильфе и Евг. Петрове. М., Советский писатель, 1963. С. 112).

Очерк Гехта "Путь в Дамаск", напечатанный в журнале "Огонек" в 1928 г., состоит из трех эпизодов, в юмористических тонах рисующих трудную жизнь киностудии. Если сравнить последний эпизод, озаглавленный "Мокрое дело", с кинофельетоном Ильфа "Драма в нагретой воде", мы убедимся, что оба писателя были именно на той самой съемке, о которой упоминал Гехт.

Мне показалось интересным дополнить впечатление читателей от замечательной книги публикацией двух кинофельетонов двух друзей – Семена Гехта и Ильи Ильфа.

Семен ГЕХТ

Путь в Дамаск

1. Грушевая эссенция

Ворота этого стеклянного дома открываются в семь утра, в час фабричный.

Не гудит здесь, правда, гудок и не часто мелькает рабочая блуза. Вместе с блузой проскальзывают в вестибюль джентльмены в восьмигранных и надменных роговых очках, в лиловых клетчатых пальто, джентльмены, похожие на иностранцев-туристов.

Илья ИЛЬФ

Драма в нагретой воде

Кинофельетон

Поручик с умеренно злодейской наружностью и добровольческим трехцветным угольником на рукаве бродит по вестибюлю первой кинофабрики. Сегодня режиссер Роом* снимает сцены затопления парохода для своей "Бухты смерти". Темное бархатное лицо поручика изображает готовность совершить некоторые подлости.

Но ему еще рано. Сперва будут затоплены пароходный коридор и каюта.

Для этого в ателье сооружены две огромные ванны из листового железа. Они настолько велики, что в одну из них целиком вставлен длинный коридор морского парохода, а в другую — каюта.

— Лифшиц, крысы готовы? — спрашивает Роом.

Традиционно бегущие с корабля крысы не готовы. Лифшиц комически взволнован.

— Всю грязную работу делает Лифшиц! Красить крыс должен Лифшиц!

Дело в том, что крыс достать не успели. Пришлось купить мышей, да еще белых. Теперь для большего сходства с крысами их надо перекрасить в серый цвет.

Пожаловавшись на судьбу, Лифшиц берет горстку сажи и уходит на свою странную работу.

Сухое и мокрое

— Сначала сыграем сухие сцены. Потом мокрые.

Все готово. Актриса Карташева сняла жакет и распустила волосы. С аэропланным гуденьем зажглись и потухли прожектора. Свет проверен. Оператор приготовился. Двум солдатам из посредрабиса внушено, что они должны снести Карташеву в каюту. Солдаты приготовились.

Идет репетиция. С верхней площадки раздается голос Карташевой:

— Что, я без чувств?

— Вроде.

Актриса мигом закрывает глаза и болезненно опускается на руки солдат в суконных погонах.

* Роом, Абрам Матвеевич (1894-1976) — советский кинорежиссер. "Бухта смерти" (1926) — фильм, снятый им по рассказу А.С. Новикова-Прибоя "В бухте Отрада" (1924).

— Приготовились! — кричит Роом. — Начали! Взяли! Понесли! Елизавета Петровна, глаза у вас закрыты! Так! Левая рука опущена! Товарищ солдат, головой вносите ее в дверь, а не ногами. Стоп! Еще раз!

Репетируют второй и третий раз, но у одного из солдат движенья по-прежнему нехороши, а лицо беспомощно-напряженно, будто он играет на большой медной трубе.

Когда сцена снята, Роом заинтересованно спрашивает его:

— Скажите, вы актер, электротехник или монтер?

— Я музыкант! — раздраженно отвечает солдат из посредрабиса.

Крысы

— Очистить коридор! Где крысы?

В клетке приносят перекрашенных мышей. Их только три.

— Больше нельзя. Все пальцы перекусали. Прокусывают кожаные перчатки.

Клетку ставят на пол.

— Пускай первую!

Мышка осторожно вылезает из клетки. Но напрасно Роом кричит свои "приготовились, начали, пошли".

Мышь испугана невыносимым светом и не движется с места. Даже подпихивания палочкой не действуют на нее.

Тогда всё ателье, все монтеры, все белогвардейские солдаты, матросы, дежурные, рабочие и сам злодейский поручик в золотых эполетах начинают мяукать, шипеть и всячески пугать бедную мышку.

Один лишь оператор остается спокойным. Он стоит на небольшом ящике у аппарата и ждет.

— Пошла!

Робко побежавшая мышь вызвала всеобщее сочувствие. Ее снимали крупным планом. На экране она будет большая и жирная.

Потоп

К ванне, в которой помещается коридор, вода подается шлангом из водопровода. Пар для согревания воды идет по железной трубе, выведенной в ванну от парового отопления.

Медленно, спокойно и неотвратимо, как в настоящем несчастье, вода заливает пол. Светлые тени бегут по стенам пустынного коридора.

Это герой картины Раздольный открыл кингстоны белогвардейского

парохода. Предполагается, что в одной из кают лежит без чувств Карташева. Спасать ее будет Раздольный.

Нагретая вода залила коридор выше колен.

— Давай волну! Сначала будет спасаться команда!

Сбоку, невидимо для строгого глаза аппарата, досками взбалтывают воду. Сцена идет без репетиции. Репетировать в воде, к крайнему сожалению для режиссеров всего мира, невозможно.

— Свет! Приготовились! Первый, второй номера в воду.

Статисты храбро низвергаются в пучину и бредут в тяжелой, блистающей, как олово, воде. Они выдирают друг у друга спасательные пояса, показывают всю низость человеческой натуры в минуту смертельной опасности, они подымают своим барахтаньем океанские волны и спасаются наверх по мокрой лестнице.

Возвратившись назад и извергая из сапог, рта и носа струи теплой воды, они снова бросались в коридор и снова честно утопали.

Эти сцены сделаны были очень хорошо.

Борода в воде

— Приготовились! Пошел, Василий Ефремыч. Бороду только не замочи. Так, так! У двери стучи!

Увешанный пробками, Раздольный ищет героиню.

Она в это время уже очнулась и, ужасаясь, видит воду, бьющую сквозь двери в каюту. Сюда должен ворваться Раздольный, чтобы спасти героиню.

Но эта сцена будет снята позже. Потому что вода занята в коридоре, и переливать ее в каюту будут только после того, как в коридоре все кончится. А сейчас Карташева считается уже спасенной, и могучий Раздольный уносит ее на своих голых плечах.

Бороду свою он все-таки замочил, и в то время как пожарные перекачивают воду в каюту, Раздольный сушится у юпитера.

Вольтова дуга пылает, и борода дымится. По углам ателье матросы спешно сбрасывают с себя промокшее и отяжелевшее платье.

Прожектора поворачиваются и заливают неумолимым светом каюту. Они тухнут только после сцен в утопающей каюте.

В этот день ателье работало подряд шестнадцать часов.

"Вечерняя Москва", 1925, № 273, 30 ноября. Подпись: И. Фальберг

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

На столе заблудились слоны

Такой была первая строчка стихотворения, с которого началась для меня Зинаида Шишова.

Семь слоников, приносящих счастье.

Заблудившиеся слоны на столе. Счастье, которое, казалось, совсем рядом, вдруг становится маревом. В жизнь врывается подлинная трагедия, страшная, бесчеловечная (не какая-то "оптимистическая трагедия", выдуманная соцреализмом). И все это прочитывается в ее стихах.

Для меня Зинаида Шишова, поэт, открылась в тоненьком "Первом альманахе Литературно-художественного кружка", изданном в январе 1918 года в Одессе. И хоть рядом — стихи Валентина Катаева, Юрия Олеши, Бориса Бобовича, Георгия Долинова, но именно "стихи Зинаиды Шишовой удостоены премии Литературно-художественного кружка". Как рассказывал Вадим Долинов, еще один участник кружка, вот эту строку — "на столе заблудились слоны" — и он, и его тогдашние друзья запомнили сразу и на всю жизнь. Этой строкой первого из опубликованных в альманахе стихотворений Шишова вошла в литературу. Заблудившиеся слоны, как и заблудившийся трамвай Николая Гумилева, стали образом времени.

До сих пор остается неразгаданной тайной, как получилось, что цвет русской литературы 20-х годов XX века — Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Юрий Олеша, этот список можно продолжать, — вышли из одесского литературного кружка "Зеленая лампа". Среди участников "Зеленой лампы" была и Зинаида (друзья ее звали — Зика) Шишова.

Ее поэтическое наследие — две крошечные книги и десяток стихов в газетах и журналах. И тем не менее, и Анатолий Фиолетов, и Эдуард Багрицкий считали ее ярким одаренным поэтом. А в их кругу не было сантиментов, сама Шишова говорила: "Мы были волчата", — и друг к другу они проявляли требовательность, иногда жесткость.

Зинаида Константиновна Шишова родилась 23 сентября 1898 года в семье учителя. Ее отец Константин Данилович Шишов преподавал математику в женской гимназии О.В. Кандыбы, находившейся на Херсонской, 17.

Жила семья, там родилась и Зинаида, в Школьном переулке, 4 (ныне переулок Ушинского).

Биография Зинаиды Шишовой похожа во многом на биографии ее сверстников. Окончила в 1916 году гимназию. Уже с 4-го класса гимназии

начала зарабатывать, давая уроки. В 1917 году поступила на юридический факультет Новороссийского университета. Писала стихи. Познакомилась с Эдуардом Багрицким, который, прослушав ее первые поэтические опыты, пригласил в их компанию.

Вот несколько объявлений из газет 1917-1918 годов.

Рождественский четверг студенческого Литературно-художественного кружка.

28 декабря 1917 года.

Отделение "Поэты".

Зинаида Шишова. "Сумерки", "Письмо с фронта".

Эмилия Немировская. "Синим шелком".

1918. Зал консерватории. Новосельская, 63.

В воскресенье, 17 марта, второй интимный вечер "Зеленой лампы".

Отделение третье. При свете Зеленой лампы.

Новые стихи.

Эдуард Багрицкий, Семен Кессельман, Юрий Олеша, Зинаида Шишова (и др.).

11-й четверг студенческого Литературно-художественного кружка.

24 окт. н. с. 1918 г.

Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий, Анатолий Фиолетов, Зинаида Шишова.

Одесский краевед Александр Розенбойм, который познакомил меня с этими объявлениями, обратил внимание на то, что выступление 24 октября, где читали стихи Шишова и Фиолетов, было их последним совместным выступлением. Шишова выходила замуж за Фиолетова. Но 14 ноября 1918 года талантливого поэта, работавшего тогда в уголовном розыске, застрелили бандиты.

Свою единственную одесскую книгу стихов "Пенаты", вышедшую в издательстве "Омфалос", Зинаида Шишова посвятила Анатолию Фиолетову. Эта книга давно стала библиографической редкостью — в Одессе известно несколько экземпляров. Не сохранившуюся в круговерти историю книжечку стихов сама автор искала долгие годы.

И еще несколько слов о Зинаиде Шишовой. Она продолжала писать стихи в 20-30-е годы, но наиболее активно — в блокадном Ленинграде. И все же основной в ее литературном творчестве стала детская приключенческая, историко-романтическая проза. И ее истоки тоже в ранних стихах Шишовой. В картотеке библиофила и краеведа С.З. Лущика на-

шлась выписка, что в одесском журнале "Огонек" 9 июня (27 мая) 1917 года опубликовано стихотворение Зинаиды Шишовой. Нашел этот журнал, прочитал еще одно забытое стихотворение и понял, что его можно поставить эпиграфом к ее приключенческим романам.

Карта Атлантики

Я помню, мы в детстве с тобою склонялись над этим листом,
Наш путь был отмечен пунктиром, а гавани — красным крестом,
Эахо, Табаско, Чиэпес — и много таинственных стран,
И много таинственных знаков готовил для нас океан.
Мы, помню, пропахшие краской, любили спускаться в камбуз,
Любили следить под водою движенья гигантских медуз...
Мы видели в узком проливе остатки старинных галер,
А после мне ночью приснился в смешном парике кавалер,
Как он, окруженный врагами, в порыве бессильной тоски
Швырнул свои судна на скалы движением узкой руки.
Мы много видали с тобою, мой маленький, глупенький брат,
И после таких приключений так скучно вернуться назад,
И в чинной огромной столовой со старшей сестрой и отцом
Сидеть над немецким спряженьем с усталым потухшим лицом.

Всем, кто читал "Великое плавание" — роман об открытии Америки, "Джек-Соломинка" и другие книги писательницы, будут ясны истоки ее творчества.

Жизнь не баловала Зинаиду Шишову. Она вышла замуж за комиссара Брухнова, родила ребенка, его назвали Маратом, но пришли роковые тридцатые, мужа арестовали, ребенка она воспитывала одна. В архиве поэта Георгия Долинова, одессита, осевшего в Ленинграде, а поэтому его архив сохранился в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, есть письмо З. Шишовой — жене Г. Долинова, поэту Эмилии Немировской. И вновь поблагодарим А. Розенбойма, переписавшего это письмо и привезшего его в Одессу.

"Миля, очень прошу Вас зайти ко мне. У меня два дня нет совершенно денег. Займите где-нибудь ради Христа до 28-го 5 рублей. Я больна, Марик — болен, нет топлива, нет денег и ничего. Нет сил.

У меня — ясное сознание, что мне приходит конец. Миля, если увидишь портниху —

попроси ее зайти – вата в пальто опустилась, я пыталась ее поднять и еще хуже напортила. Теперь пальто надеть нельзя. Если зайдет ко мне, пускай захватит с собою черные нитки.

Приходите, Миля, я больше не вынесу одиночество и этого ужасного безвыходного отчаяния".

Из отчаянья ей удалось выйти. Но жизнь не баловала радостями. Будучи журналистом "Комсомольской искры", я попросил ее о встрече, но она предпочла ответить на вопросы, связанные с одесским издательством "Омфалос", со сборником "Омфалитический Олимп" в письме. Знаю, что подобные письма получал от нее литературовед Роман Тименчик и другие. Как видно, личные встречи для нее даже в 60-е годы были трудны...

Москва 24.3.65

Уважаемый тов. Голубовский

(извините – не знаю Вашего имени и отчества).

Письмо Ваше получила только что и уж отвечаю. Космическая скорость!

Боюсь только, что письмо до этого пролежало положенное время в ССП.

М. б., Вам пригодятся такие дополнения к Вашей статейке:

"Омфалос" – слово греческое, означает – (простите!) – "пуп". Не исключено, что и пресловутая пленительница Геракла называлась как-нибудь вроде "Пуповины". Субсидировал изд-во одесский банкир Натанзон, не получая от этого никакой выгоды, а исключительно ради возлюбленной своей – замечательной танцовщицы Эльзы Крюгер, которая очень любила нашу "Южнорусскую школу".

"Омфалитический Олимп" – это, конечно, лит-мистификация. Авторами стихов были В. Бабаджан, М. Лопатто, А. Фиолетов, но он до выхода сборника не дожил. Волошин в сборнике не участвовал, но Вы правы – в то время всякие подделки и мистификации, стилизации под... были в большом ходу. Вспомните... хотя нет, Вам этого не вспомнить. Давайте по-газетному: вспомним хотя бы киевский "Парнас дыбом" или стихи Наташи Российской.

Со сборником стихов Климентия Бутковского произошла совершенно мистическая история – помните, как у Франса в рассказе о никогда не существовавшем и вдруг воплотившемся садовнике?

Писал стихи тот же Витя Бабаджан, фамилию автору мы подбирали все скопом и вдруг – он ВОЧЕЛОВЕЧИЛСЯ! Явился приехавший с турецкого фронта какой-то прапорщик или поручик по фамилии Бутковский, по имени (надо же!) Климентий (а не клее) и потребовал гонорар за стихи. Натанзон и Бабаджан, оба красные от сдерживаемого смеха, выплатили ему – для смеха же – гонорар. Однако потом произошло более печальное событие: "Омфалос" получил запрос от матери погибшего на фронте Акима Бутковского –

не ее ли это сын, который совсем не погиб, а, переменив имя на более красивое, живет себе в Одессе и пишет стихи. Кое-как ей ответили.

Теперь "о долго живших в Одессе" классиках.

Долго жили в Одессе Куприн, Бунин. А Толстые (Ал. Ник. и жена его — прекрасная поэтесса — Наталья Крандиевская) уехали с последними белыми за границу. Волошин — в Крым, свой Крым.

Амшея Нюренберга я знала. Сейчас в бывшей его мастерской в Перцовском переулке на Соймоновском проезде живет вдова его погибшего товарища — художника Соколика.

В "Омфалосе", кроме Витиной книги о Сезанне еще были выпущены или только подготовлены к печати, кроме монографии об Эль Греко, того же автора (Филиппа Гозиасона) монография о Матиссе, Гойе...

Ну, кажется, всё...

Теперь уже у меня к Вам большая просьба. В том же "Омфалосе" в 1919 году вышла книжечка моих стихов "Пенаты". Стихи плохие, и я бы не поддалась уговорам Олеши и Фиолетова, и сама бы их в печать не отдала. Но после смерти моего мужа Фиолетова я очень болела, и все это было проделано без моего согласия. Настоящим знатокам поэзии книжечка эта ни к чему, а для меня дорога по-другому. М. б., можно раздобыть ее в Одессе? Если что-нибудь услышите о "Пенатах" — очень прошу — напишите.

Привет Вам и милой Одессе.

Зинаида Шишова.

P.S. Когда-нибудь в моих мемуарах Вы об Одессе 20-х годов прочтете рассказ более подробный.

Защищу книгу "Пенаты" Зинаиды Шишовой от самой Зинаиды Шишовой. И в ранних стихах, опубликованных в одесской печати, и в этой книге "Пенаты" есть дыхание настоящего поэта. Да, еще не преодолены влияния ее кумиров тех лет — Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Но уже угадывается свой, ломкий и искренний голос, своя вовлеченность в трагедию, отсчет которой и начинался в 1917 году.

Небезынтересно заметить, что о выпущенной одесским издательством "Омфалос" книге стихов З. Шишовой "Пенаты" похвально отозвался (отнюдь не склонный к похвалам) Иван Бунин.

Письмо, написанное Зинаидой Константиновной спустя полвека после происшедших событий, живое, яркое, эмоциональное, как и ее воспоминания об Эдуарде Багрицком, Юрии Олеше. Жаль, что воспоминания о литературной Одессе 20-х годов она так и не успела написать. Единст-

венная неточность, на которую следует обратить внимание, — сборник "Омфалитический Олимп" действительно составляли коллективно, но третьим участником был не Анатолий Фиолетов, а Николай Бахтин. Хоть, повторюсь, не в этой детали важность письма, а в том, что для Зинаиды Шишовой и в середине 60-х годов Одесса 1917-1918 годов наполнена живыми голосами друзей, ставших уже историей.

Многие стихи сборника "Пенаты" — еще не зарубцевавшаяся рана, связанная с гибелью мужа — талантливого поэта Анатолия Фиолетова. Окаянные дни города, страны совпали с личной трагедией. Вся книга "Пенаты" посвящена Анатолию Фиолетову.

И тут я вспомнил об одном нерасшифрованном посвящении...

В Москве в семидесятые годы я был в гостях у сестры Вениамина Бабаджана — Тотеш. Перелистывая толстую тетрадь со стихами Бабаджана, расспрашивал о нем, о Фиолетове, об издательстве "Омфалос". И вдруг из тетради на пол вылетает тонкий листик бумаги, поднимаю и вздрагиваю: строфа подписана — А. Фиолетов.

Я слышал, что Зина Шишова происходит из семьи французов Рибадо. И вдруг стихи. Много лет спустя я опубликовал их в сборнике А. Фиолетова "О лошадях простого званья" (Одесса, 2000 год).

Ваши предки Рибадо
Были добрые французы.
Вижу бабушка в бандо,
С ней гусар в тугих рейтузах,
Стройный ус и черный стан,
Славный сын гвардейской школы,
Королевский капитан,
Добродушный и веселый,
Революцию хуля

На этом листик обрывался. "Революцию хуля". Дописал ли Фиолетов это стихотворение, обращенное к Шишовой, к той, у кого "на столе заблудились слоны"?..

Уже переизданы стихи Анатолия Фиолетова. Пришел черед найти нового читателя стихам Зинаиды Шишовой — и самым первым, разбросанным по журналам и альманахам, и вошедшим в книгу "Пенаты", и зрелым, написанным в блокадном Ленинграде.

И мы — сквозь время — услышим чистый голос поэта, отлученного от поэзии, но не предавшего поэзию.

Алена ЯВОРСКАЯ

"Маленькое сердце" в "Зеленой лампе"

Энциклопедия сухо сообщает: "Юрий Карлович Олеша — русский советский писатель-прозаик, поэт, драматург, сатирик". Иногда еще дополняют — сценарист.

И вопреки легенде, что в Одессе он только стихи писал, дебютировал Олеша по всем указанным видам литературы именно здесь.

Стихи — почти во всех литературных журналах и газетах с 1915 года. Три рассказа — в "Южном огоньке" и в "Огоньках" за 1918, политические карикатуры в журнале "Бомба" в 1917-18, киносценарии, причем написанные по своим же рассказам. По сообщению журнала "Фигаро" в 1918: "Местным журналистом Юр. Олешей продан сценарий "Рассказ об одном поцелуе" киностудии А.Н. Никитина", а вскоре там же новая информация — "киностудия А. Никитина готовит к постановке драму Юр. Олеши "Рассказ об одном поцелуе". Судьба фильма неизвестна, да и не многие картины тех лет сохранились.

Не намного больше повезло и с текстом первой пьесы Олеши.

История ее создания неразрывно связана с литературным кружком "Зеленая лампа". Возник он еще осенью 1917. Первое упоминание о "Зеленой лампе" есть в статье Петра Ершова с громким названием "Одесса как литературный центр в 1917-18 гг.", опубликованной в "Южном огоньке" в июне 1918: "Создавшиеся осенью кружки "Студенческий литературно-художественный", "Бронзовый гонг", "Зеленая лампа" — сделали, в общем, хорошее дело: объединили молодежь, которая быстрее и продуктивнее стала учиться и работать". Самые яркие звезды того времени выступали в двух первых, и перечень участников практически совпадал. Третий кружок — "Бронзовый гонг" был намного слабее. "Беспристрастно говоря, Катаев в свою "Зеленую лампу" отобрал действительно лучшие силы, и поэтому "Бронзовый гонг" вскоре скончался с печальной славой побежденного конкурента", — с полным основанием заявлял Г. Долинов.

Возникновение "Зеленой лампы" связывают именно с В. Катаевым, организовавшим (по словам того же Долинова) кружок "на коммерческих началах". В воспоминаниях название кружка соотносили с пушкинской "Зеленой лампой" и любовью молодых поэтов к Александру Сергеевичу. Сам В. Катаев в разговоре с А. Розенбоймом приводил более прозаическое толкование: "Перед первым собранием в консерватории поставили на стол лампу с распространенным тогда абажуром зеленого стекла. По-

том мы ее разбили и даже платили кому-то. Отсюда и пошла "Зеленая лампа". А про Пушкина уже потом придумали литературоведы".

Из воспоминаний Бориса Бобовича: "Два слова о Зеленой лампе, душой которой были Багрицкий, Олеша, Катаев, Шишова, Адалис. Собирались мы обычно в квартире "бразильского консула" Мунца, сын которого также был членом Зеленой лампы и писал застенчивые новеллы".

По словам Г. Долинова, "В "Зеленую лампу" Катаева входили: Астахов, Бобович, Багрицкий, Дитрихштейн, Гама, Долинов, Мунц, Катаев, Кесельман, Олеша, Шишова <...> Интимные вечера "Зеленой лампы" устраивались по самой разной программе, т. е. литературно-музыкально-вокально-танцевальной. Причем литературной части уделялась большое самостоятельное отделение, в котором авторы читали свои произведения, интимно сидя у стола и по углам стены. Справа стояла кафедра для лектора, конферансье, которым был Петр Ершов, дававший краткие характеристики творчества каждого из выступающих. Вечера "Зеленой лампы" пользовались успехом у публики и у критики, и посещаемость их была весьма внушительной".

Сам Ершов описывал заседания так: "В зале Консерватории на протяжении всего смутного одесского 1918-го года (фантастическая смена "властей", неразбериха) "Зеленая лампа" стала устраивать открытые платные вечера под несуразным названием — "поэзо-концерты". Удивительно, но — в небезопасные на улицах вечерние часы — концерты собирали изрядное количество публики, и не только молодой.

На сцене устраивалась уютная комната. В центре на столе — горящая лампа под зеленым абажуром. За столом в непринужденных позах — поэты: Георгий Долинов, он же прекрасный пианист, Зинаида Шишова, Аделина Адалис (внешне — экзотика, египетский профиль, длинные острые ногти цвета черной крови), Бор. Бобович, Юрий Олеша, Л. Файнберг, Эмилия Немировская, Валентин Катаев, изредка Эдуард Багрицкий и, само собой разумеется, "др.".

"Зеленая лампа" выпускала и собственные программки, со стилизованным изображением лампы. Как правило, вечер состоял из нескольких отделений: в первом и во втором читали лекцию о литературе, звучала музыка, мелодекламация, пластический танец, третье носило название "При свете Зеленой лампы" — поэты читали свои стихи. Четвертое — "Ералаш Зеленой лампы" — состояло из инсценировок юмористических рассказов и загадочных "оживленных гравюр". Скорее всего, вначале молодежь более всего соблазнялась пятым отделением: "Бал Зеленой лампы — танцы

под рояль до утра, дирижер И. Мунц". Билеты желающие могли приобрести как в магазине "Одесских новостей" на Дерибасовской, так и в консерватории у швейцара.

Отзывы о первом вечере 4 февраля 1918 в "Одесских новостях" и журнале "Огонек" звучат как предсказание: "Сосредоточенный пасьянс молодых надежд и упований — в зеленом кругу интимной лампы. Кто из них избран, кто обречен? Как сложатся карты их поэтической судьбы?". "Из семи поэтов, читавших свои произведения, ни об одном по совести нельзя сказать, что на произведениях его не лежит печать одаренности. <...> Но более сильное впечатление на нас произвели г. Юрий Олеша, г. Иван Мунц и г-жа Зинаида Шишова". И резюме: "В общем, было молодо, уютно и, несмотря на холод, царивший в зале, очень тепло".

В конце программки второго вечера 17 марта публику информировали: "Готовится Третий интимный вечер с лекцией о Чайковском и Четвертый интимный вечер — постановка пьесы Юр. Олеши "Маленькое сердце" в сукнах [то есть костюмированная]".

Содержание первой пьесы молодого драматурга можно хотя бы частично восстановить по рецензиям и воспоминаниям.

Сам Олеша позднее сухо писал: "Литературой стал заниматься поздно, лет восемнадцати. Стихи. Написал пьесу "Маленькое сердце". Ставилась в Одессе. Один раз. Провалилась". Его близкий друг Борис Бобович (исполнитель главной роли в "Маленьком сердце") вспоминал: "Много лет назад Олеша читал нам свою юношески трогательную лирическую пьесу "Маленькое сердце". Уже тогда она свидетельствовала об авторском вкусе, протестующем против шаблона и литературной приземленности. Было в этой пьесе что-то от Стриндберга, но собственное ощущение явлений, влечение к прекрасному в этой пьесе светилось совсем по-олешински. Мы, участники литературного кружка "Зеленая лампа", разыграли "Маленькое сердце" на сцене одесской консерватории. Часто потом Юрий Олеша вспоминал об этом своем раннем драматическом опыте и говорил о нем и грустно, и, может быть, чуть-чуть иронически, но всегда с щемящей жалостью об ушедшей юности, с чуть звучащей в его голосе болью и добротой".

"Пьеса, помнится, была написана на сюжет стихотворения одной из поэтесс кружка Шишовой", — писал Георгий Долинов. Он же называет стихотворение — "Смерть".

Итак, стихи Зинаиды Шишовой, кстати, удостоенные премии "Первого альманаха", вышедшего в январе 1918.

Смерть

Коротенький звонкий выстрел, как будто хлопнула пробка...
Мелькнули тени драпри...
На круглом столике рядом зеленая с белым коробка,
Кажется, от *papeterie*.
В темном пролете парадной мелькнули испуганно лица, —
Значит, дело с концом, —
Сейчас невеста и сестры будут плакать и биться
Над Вашим скорбным лицом.
Бедненький бледненький мальчик, умерший слишком рано —
В двадцать с немногим лет.
Только я имею, как это им не странно,
Ваш последний портрет.
Бедненький мертвый мальчик, я, как черная злая кошка,
Была на Вашем пути...
Хрупкий такой и нежный, подождите меня немножко
— Я тоже должна уйти...

"Несколько строк из стихотворения З. Шишовой толкнули Олешу на создание небольшой — в трех картинах — стихотворной пьесы "Маленькое сердце"... Стихи, конечно, были хороши, но фабула и техника пьесы были наивны", — писал Петр Ершов (режиссер пьесы). В других воспоминаниях он немного изменил оценку: "Под влиянием жеманного стихотворения З. Шишовой о самоубийстве юноши из-за любви Олеша внезапно и стремительно написал трехактную пьесу в стихах — "Маленькое сердце", — каждый акт минут на десять или пятнадцать. Это был его первый драматический опыт, где слышались отзвуки и Метерлинка, и Леонида Андреева, и все было зыбко, неясно загадочно: "Маленькое сердце" надо было не понимать, а "чувствовать".

Недолго думая, вся братия поставила этот спектакль и доставила больше удовольствия себе, чем публике. Олеша то ходил именинником, то омрачался: — театр удивительная вещь, — качал он головой. Пишешь и воображаешь так, а выходит этак".

"В среду 24 (11) апреля в зале Консерватории состоится 4-й вечер "Зеленой лампы". Идет пьеса Юрия Олеши "Маленькое сердце". В главных ролях выступят Мария Шапиро и Б.К. Бобович", — сообщал "Южный

огонек". Премьере пьесы предшествовал доклад Валентина Катаева о символизме, на том же вечере с чтением стихов выступили Эдуард Багрицкий, Александр Биск, Борис Бобович, Георгий Долинов, Катаев, Иван Мунц, Олеша, Зинаида Шишова.

Большого количества рецензий не последовало. Самая подробная была в газете "Яблочко" — "Юмористическом бюллетене, издаваемом корпорацией студентов, руководимых лозунгом: "Живи пока живется! Смотри на все юмористично и презирай бездарь!". "Яблочко" издавала все та же веселая компания "зеленоламповцев". Приглашая на "рандеву поэтов" в модной в те дни молочной "Ай-лайф" (на пересечении Преображенской и Дерибасовской в районе Городского сада), "Яблочко", перечисляя участников, обещало: "Юрий Олеша, пьяный от оваций, в зените своей популярности после постановки в консерватории своей пьесы, прочтет ряд изумительно странных стихотворений, построенных на таких неожиданных положениях, что привыкший даже ко всяким контрастам и метаморфозам одессит почувствует головокружение, близкое к обмороку".

Во втором номере "Южный огонек" поместил под названием "Зеленая лампа" фотографию счастливых автора, режиссера и актеров. Именно благодаря этому сегодня можно назвать все имена: "Зеленая лампа. К постановке драмы Юрия Олеши "Маленькое сердце". В группе сидят: слева Надеждина, П. Ершов (режиссер), Мария Шапиро (героиня), автор, Борис Бобович, суфлер Мицкевич. Стоят Ив. Мунц, В. Долинов, А. Шапиро С. Соколова, Манолин [вероятно, Маноля — псевдоним Эм. Соминского. — **А. Я.**]. Внизу М. Баржаи (танцовщица) и поэт Валентин Катаев (пом. режиссера)".

Исполнителю главной роли Борису Бобовичу мы обязаны представлением о пьесе. Один из главных авторов "Яблочка" поместил во втором номере за апрель-май развернутую рецензию на постановку с собственным участием:

"Зал Консерватории ("Маленькое сердце" Юрия Олеши).

Юр. Олеша славный мальчик. Он не только любит папу и маму, но и очень уважает пишущего эти строки. И все было бы мирно, тихо, все протекало бы в обстановке нежнейшей идиллии, если бы не вдруг разразившаяся катастрофа: Олеша написал сугубо психологическую драму "Маленькое сердце".

Никакие истерики несчастной матери, никакие патологические икоты дяди Сени, никакие увещевания близких и друзей ни к чему не привели.

Юра был тверд, как олух Царя Небесного... Пьеса была поставлена.

О чем же трактует "Маленькое сердце"? Оно трактует о том, что нехорошо любить

падших женщин и, притворяясь невинным дурачком, бросаться в объятья чистой и незапятнанной души Зоси. Там происходит коллизия, как любит выражаться Лоренцо, этот блестящий исследователь русского крепостного театра и видный деятель эпохи освобождения крестьян.

Итак, происходит коллизия. После того как она происходит, Антек решил бесповоротно застрелиться из "Нагана".

Но так как под рукой "Нагана" не оказалось, он согласился, поддаваясь просьбам друга Васи, застрелиться из какого-то полуиспорченного "пугача".

В публике все плачут. Билетер не выдерживает и идет домой пить чай. Олешу долго и настойчиво вызывают, грозя самосудом, но бедный автор прячется за декорациями и, рыдая, жалеет, что написал психологическую пьесу.

Разыграли пьесу великолепно. Особенно хороша была г-жа Шапиро. Чудесно завитые волосы говорили о неподдельном даровании молодой актрисы.

Дивно выявил свой артериосклероз поэт Б. Бобович, игравший Антека.

Нет слов для свободной передачи исполнения роли Зоси г-жой С. Соколовой. Показав удачно скроенную шелковую кофточку, она долго и капризно выходила на вызовы многоуважаемой публики.

Остальные, напрягая последние силы, держали в своих руках ансамбль.

С трепетом ждали рецензии Лоренцо, который в этот день, между прочим, был на бенефисе Баратова".

Через шестьдесят лет "помощник режиссера" вспомнил о постановке пьесы в "Алмазном венце":

"...ключик написал драму "Маленькое сердце", которую однажды и разыграли поклонники его таланта на сцене местного театрального училища. Я был помощником режиссера, и в сцене, когда некий "золотоволосый Антек" должен был застрелиться от любви к некой Ванде, я должен был за кулисами выстрелить из настоящего револьвера в потолок. Но, конечно, мой револьвер дал осечку и некоторое время "золотоволосый Антек" растерянно вертел в руках бутафорский револьвер, прикладывая его то к виску, то к сердцу, а мой настоящий револьвер как нарочно давал осечку за осечкой. Тогда я трахнул подвернувшимся табуретом по доскам театрального пола. "Золотоволосый Антек", вздрогнув от неожиданности, поспешил приложить бутафорский револьвер к сердцу и с некоторым опозданием упал на пол, так что пьеса в конечном итоге закончилась благополучно, и публика была в восторге, устроила ключику овацию, и он выходил несколько раз кланяться, маленький, серенький, лобастенький слоненок, сияя славой, а я аккуратно дергал за веревку, раздвигая и задвигая самодельный занавес.

Барышня, игравшая главную роль роковой женщины Ванды, помнится мне, выходя на вызовы, на глазах у всех поцеловала ключику руку, что вызвало во мне жгучую зависть. Барышня-гимназистка была очень хорошенькая".

Иван ЛИПТУГА

Море, чайки, белый теплоход… или Путешествие на плавучем курорте

Путешествовать всегда интересно и познавательно, особенно если цель путешествия — само путешествие. Так получилось, что автор этой рубрики проводит в пути значительно больше времени, чем в своем родном городе. Бесконечные перелеты, трансферы, отели, конференц-залы, выставки, семинары, форумы, конгрессы, симпозиумы, встречи, ужины, приемы, опять трансферы, опять перелеты, опять отели — и так постоянно. Это тоже можно назвать путешествием, и для него даже определен термин — *бизнес-туризм*, именно он целью и является.

Для многих, конечно, понятие такого туризма пока размыто, впрочем, так же, как и сам бизнес в международном масштабе. Не следует путать туры "челночников" на паромах в Турцию за кожаными изделиями с бизнес-туризмом, точно так же, как не следует их же путать с морским круизом, потому что именно о нем и пойдет речь в этой статье.

Словосочетание "*морской круиз*" для многих остается неосуществимой голубой мечтой всей жизни. Море, солнце, чайки, белый теплоход... Нашим соотечественникам, особенно среднего и старшего возраста, посчаст-

ливилось застать лучшие годы Черноморского морского пароходства и успеть поплавать или увидеть советские круизные суда, которые ходили в Крым, на Кавказ, в Болгарию и даже Турцию. "Руссо туристо, облико морале! Ферштейн?" — всем знаком образ советского человека, который все же мог хоть раз в жизни позволить себе такой круиз. Обычно это были передовики производств и ударники труда. Последний раз пассажирский флот ЧМП пополнился круизным лайнером "Федор Достоевский" в 1988 году, — и то под фрахтом туристической фирмы из ФРГ. После этого, к большому сожалению, круизный, как остальной пассажирский флот, в течение короткого времени был списан, распродан, разворован, и на сегодняшний день, кроме прогулочного катамарана "Хаджибей", уже ничего не осталось...

Поэтому современные одесситы могут довольствоваться редко заходящими в нашу гавань круизными лайнерами под европейскими и другими флагами и даже один раз в году, как это происходит в нынешнем 2010-м, иметь возможность отправиться на одном из таких лайнеров в круиз прямо из Одессы. Правда, возвращаться придется уже из Венеции: обратно судно по экономическим причинам не идет.

Испытывая острую нехватку предложений на отечественном рынке, автор воспользовался советом друзей и приобрел через Интернет билеты на восьмидневный круиз по Средиземному морю. Начало морского вояжа, как и его завершение, — в Барселоне.

Солнечный летний день. Порывы морского ветра покачивали приземляющийся в аэропорту Барселоны "Боинг" "Австрийских авиалиний". Современный сверкающий аэропорт столицы Каталонии и самый крупный авиационный хаб на побережье Средиземного моря пропускает через себя более 32 миллионов пассажиров в год. С учетом всех формальностей, получения багажа и дороги от аэропорта до причала, спустя 30 минут мы уже были на пассажирском терминале перед двенадцатипалубным лайнером "Costa Concordia" круизной компании "Costa Cruises".

Несмотря на впечатляющую вместимость судна — 3500 пассажиров и 1100 членов экипажа, — в терминале было свободно и даже пустынно. Несколько молодых людей подходили к прибывающим пассажирам и помогали выгружать багаж для его дальнейшей транспортировки на судно. Без суеты и лишней спешки пассажиры один за другим проходили регистрацию и группами по 10-15 человек отправлялись по трапу на лайнер. Приятные улыбчивые девушки — сотрудники компании "Costa" — встречали нас и помогали нам на каждом этапе.

PLASKE
ПЛАСКЕ

Прямо перед входом на пароход всех пассажиров, индивидуально или в составе группы, фотографируют с незамысловатой декорацией из штурвала и символики круизной компании — на память о входе. В дальнейшем этому уделяется особая роль, и пассажиру стоит привыкнуть к тому, что везде на судне его может ожидать профессиональный фотограф, готовый запечатлеть гостя на новом оригинальном фоне, предусмотрительно заранее приготовленном. Затем тысячи фотографий распечатываются и выставляются в фотогалерее, где каждый может себя найти и при желании, а также возможности, купить. Увы, по весьма существенной цене...

Мы ступили с трапа на корабль, и сразу же возникло ощущение, что попали в холл многоэтажного отеля. Четыре скоростных стеклянных лифта, лобби с инкрустированным по кругу паркетом, огромная стойка бара, столики с креслами и диванами, в которых уютно расположились ранее заселившиеся пассажиры, попивающие капучино и ристретто. Все оживленно общаются, словно давно знакомы и встретились в привычном кафе на углу родной улицы.

Каждого пассажира встречает менеджер отеля, говорящий на языке пассажира. Автора и его спутников встречала молодая женщина, говорящая на сносном русском языке, которая объяснила, как пройти к своим каютам, и провела вводный инструктаж о поведении на судне.

Каюты расположены со второй по десятую палубу и делятся на внутренние и внешние. С шестого по десятый уровень каждая внешняя каюта имеет индивидуальный балкон. Каюты представляют собой полноценный гостиничный номер немного уменьшенных размеров, в котором есть большая кровать, шкаф на три отделения, рабочий стол, диван, журнальный столик, умывальник, душ, туалет, при этом все нормальных человеческих размеров, поэтому будем называть это номером, чтобы не путать восприятие дорогого читателя. При заселении в номер пассажиров уже ожидает их багаж и ключи в виде магнитных пластиковых карточек, а также приветственная газета, расписание на день и прочие информационные листы, полезные при путешествии.

Через минуту после заселения в номер постучалась дежурная по этажу, отвечающая за порядок в номере, комфорт и безопасность пассажиров. Она представилась и оставила свои контактные данные. Все вежливо и ненавязчиво. Следует сказать, что 1100 человек обслуживающего персонала представляют 52 страны, поэтому в коридорах, ресторанах, клубах, барах и других заведениях можно встретить самых разных членов экипажа — от филиппинцев до бразильцев. Приятно, что и симпатичные вы-

пускницы одесского 26-го Высшего профессионального училища морского туристического сервиса, что на Пушкинской, 18, таже работают на борту "Costa Concordia". Говоря о национальном составе пассажиров, стоит сказать, что примерно 90% пассажиров лайнера были итальянцы.

Инфраструктура судна поражает воображение. Не вдаваясь в детальное описание, лишь перечислим основные объекты — сверху вниз.

Четыре бассейна с зонами для загара и джакузи. Аттракцион — симулятор болида "Формула-1" и одноименный спортивный бар. Тренажерный зал площадью 6000 квадратных метров. Спа-центр с различными банями, саунами, массажными кабинетами, талассотерапией, джакузи, зонами релаксации и солярием. Пять ресторанов, включая два основных — для обедов и ужинов, два клубных и ресторан свободного питания, расположенный вдоль почти всей палубы девятого уровня, в котором с 6:30 утра и до 12 часов ночи можно неограниченно питаться, и это включено в стоимость круиза. Тринадцать тематических баров. Казино и игровые автоматы для детей.

Театр высотой в три палубных уровня. Две дискотеки и музыкальный салон. Два огромных телевизионных экрана. Фотогалерея и галерея магазинов.

Все это позволяет сделать отдых на судне самодостаточным и полноценным, даже при условии долгого морского перехода и отсутствия остановок в портах. Развлекательные программы и креативное использование зон корабля позволяют занять различные группы туристов в зависимости от их возраста, интересов и целей.

Для пожилых людей отдельно организовывают семинары и мастер-классы, по вечерам для них играют в музыкальном салоне Венский вальс, танго и другие классические мелодии, под которые умиротворенные бабушки и дедушки танцуют, демонстрируя отточенные годами технику танца и слаженность... Смотреть на них — истинное удовольствие. С молоком матери они впитывают культуру человеческих отношений и несут ее через всю жизнь, передавая детям и внукам.

На двух дискотеках играет современная музыка и проводятся танцевальные вечеринки латиноамериканских, африканских и других танцев. Организовываются конкурсы, концерты и масса других развлечений.

Пассажиры судна, как это бывает в нормальной повседневной жизни, естественно, разделены на возрастные группы, что добавляет удобства всем и исключает лишние ситуации дискомфорта и ущемления чьих-то прав и интересов. Хочешь слушать классическую музыку — иди в фортепианный бар, предпочитаешь смотреть чемпионат мира по футболу — сту-

пай на палубу к одному из огромных экранов, хочешь играть в казино, ходить по магазинам — пожалуйста, все в твоем распоряжении. Тинейджеры питаются, развлекаются и тусуются в своей компании.

Значительно упрощает жизнь на пароходе специальная "Коста-карта". Это и ключ от каюты, и на время круиза — ваш пропуск на судно, и платежное средство. Все, что продается на лайнере, не требует немедленной оплаты деньгами.

Наше морское путешествие длилось семь дней с однодневными заходами в Марсель, итальянские порты Савонну, Неаполь, Палермо; в Тунис, Пальма-де-Майорку и Барселону. Каждый город по-своему прекрасен и интересен, и о каждом может быть написана книга или как минимум отдельная статья.

Но главная прелесть круиза в том, что каждое утро, не выезжая из своего гостиничного номера, не складывая и не раскладывая вещи, ты оказываешься в новой стране или новом городе и совершенно не обременен вопросами переездов, перелетов, расчетов и т. д. Достаточно просто сойти в порту и отправиться туда, куда пожелаешь. Главное — успеть вернуться на борт к моменту отхода лайнера. Но даже если кто-то из пассажиров не успел этого сделать, то во всех городах захода есть агентства компании "Costa", которые обеспечат вашу доставку до следующего пункта прибытия судна, — естественно, за ваш счет.

У компании "Costa Cruises" четырнадцать современных лайнеров, еще три находятся на заключительном этапе постройки и будут запущены в течение ближайших двух лет. Теплоходы "Costa" уже бороздят все моря и океаны планеты. В декабре 2010 года стартует 100-дневный кругосветный круиз по маршруту Савонна (Италия) — Лос-Анджелес (США) — Сидней (Австралия). Вступив в клуб "Costa", вы получаете шанс выиграть билеты на двоих в кругосветное путешествие или на другой круиз, что и попытался сделать автор со своей любимой супругой в надежде повторить или продлить это замечательное, но, увы, короткое морское путешествие.

О городах, которые мы увидели во время круиза, о самых ярких впечатлениях — читайте в следующих номерах.

Барселона

Михаил ПОЙЗНЕР

В городском саду играет... или "Развод" по-молдавански

Не люблю спорить.

Особенно если абсолютно уверен в своей правоте. Так спорить даже неинтересно.

А часто приходится слышать: "Спорим на то, спорим на это...". Еще чаще: "Спорим на бутылку...". В смысле, на бутылку водки.

Почему это пришло в голову? При мне не единожды спорили даже на ящик водки. Но, как помнится, только один раз этот ящик действительно помог. Больше того, спас человека.

Дело прошлое, а все стоит перед глазами — и та Одесса, и те улицы, и те разговоры, и те лица, и те тени.

Начало семидесятых годов уже того века. Представьте себе угол Картамышевской и Косвенной. Горбатые мостовые, покосившиеся дома, облезшие фасады. Дворы, поросшие бурьяном. Компактно проживающие цыгане. Воры и торговцы краденым. В белый день пьяные встречаются чаще, чем не пьяные... Старухи, продающие семечки еще с румынских оккупационных стаканов. Редкие машины, проскакивающие со стороны таксопарка на Средней. Во всем остальном обычная молдаванская жизнь под тревожный лай собак из частных домов.

Вот в такой обстановке здесь жил и мой давний школьный приятель. Жил как все. С утра на работу, после работы с ребятами-монтажниками "по 150", потом не спеша домой к телевизору и газетам. Кругом все знакомо — никто не обидит.

Катилось так до тех пор, пока в один прекрасный вечер он, как всегда под "мухой", на родной Картамышевской не наткнулся на группу "своих" цыган, шумно играющих в "девятку".

А что такое "девятка"? "Девятка" — примитивная игра по цифрам, указанным на номерах денежных банкнотов. Думать не надо. Один из играющих "заряжает" (прячет в ладони) купюру и называет "свои" цифры — допустим, две первые и одну последнюю. Оставшиеся цифры достаются сопернику. Выигрывает тот, у кого сумма "своих" цифр окажется больше. При подсчете очков десятки отбрасывают, то есть максимальная сумма не может быть больше девяти. Короче, умеешь считать до девяти, — вперед, уже можешь играть. По правилам допускается "заряжать" купюру одного

достоинства, а играть на купюру любого достоинства. И так далее. У нас на Молдаванке про "девятку" знают даже почти грудные дети...

Отчасти знал это и мой приятель. Завидев его шаткую походку, цыгане ожили. Руками и ногами буквально втолкнули его в круг играющих.

Утром целый табор ввалился к нему домой. Объявили приговор — вчера он проиграл целых 20 тыс. рублей (!). В те годы на такие деньги можно было купить аж три автомобиля "Жигули". Поставили свидетелей. Мол, никто играть не заставлял. Даже наоборот... А карточные и другие похожие долги — священны.

Начался ад. Одни цыгане сменялись другими. Приходили не только цыгане... Днем и ночью. Угрозы, крики, плач... Дошло до рукоприкладства. Спокойная жизнь окончилась.

Приятель мой абсолютно ничего не помнил. Помнил только, как подошел. Дальше провал в памяти. Что-то отхлебнул из их бутылки, что-то дали курнуть... Проиграл — не проиграл? Потом все штрих-пунктирно.

А что делать теперь, когда вся семья на грани смертельного срыва?!

Как-то я, шатаясь по Староконному, сбивчиво пересказал эту историю своему знакомому Фиме, в миру завскладом чего-то где-то в самом сердце Эстонской улицы, что сразу же за Привозом. Кому не понятно, что на той Эстонской работать обычный человек не мог?!

Рассказал просто так. Мол, вот как в жизни бывает... Но надо же было знать Фиму! История эта его потрясла. Он уже, очевидно, имел опыт общения с теми, кто вышибает деньги.

Тут надо сказать про самого Фиму.

Фима в молодые годы серьезно занимался тяжелой атлетикой. И до армии, и в армии. Служил в стройбате, где-то за самыми далекими каракумскими барханами. Служил еще с одним одесситом. Два одессита на тысячи километров! В части было довольно много прибалтов, которые соответствующим образом относились к Фиме и его земляку. Зацепить Фиму было трудно. Все-таки он тягал тяжелую штангу и за себя постоять мог. Литовцы методично придирались к Фиминому другу. Когда обстановка стала критической, Фима, ни слова не говоря, на глазах у всех со всего маху разрубил штыковой лопатой арбуз, лежавший на столе. Литовцы только-только собирались его есть. Фима выдавил из себя: "Кто тронет моего земляка, первому так же расшибу башку...". Ошарашенные литовцы сразу поняли, что Фима не так уж далек от осуществления этих замыслов. Поняли и отцепились. Правда, Фима получил за это и "темную", и удар

ножницами в живот, и лужу крови... С годами ничего не забылось. Хотя после армии пробежало немало времени, мужики крепко дружили.

Все это имеет прямое отношение к нашей истории.

...Фима возмущался не на ровном месте.

Накануне он проспорил как раз ящик водки этому давнему армейскому товарищу и его приятелю. Они что-то там не сошлись мнениями о последней игре "Черноморца" на выезде.

Выслушав историю с приговором в 20 тыс. рублей, Фима хитро подмигнул: "Так ты думаешь, твоему "игроку" надо помочь? А он порядочный хлопец?! Что, они ему таки "забили" мозги?!". Я подтвердил.

Фима улыбнулся: "И не такое в жизни бывает... За пару усилий я все разрулю. А игроку твоему это будет стоить как раз ящик водки, которым он рассчитается за тот спор вокруг "Черноморца". Идет?".

Что варилось в Фиминой голове, я узнал потом.

Сказано — сделано. Фима резко взялся за дело. Дотошно выяснил, кто конкретно играл с моим приятелем, кто проявлял наибольшую активность в вышибании долга. Где он вообще и что из себя представляет.

Я проронил: "Этот "активист" почти каждый день играет в "девятку" в горсаду на Дерибасовской, сразу же за ротондой". Фима пару раз лично подходил к этому месту, чтобы убедиться в правдивости моих слов.

Чем больше я вникал в это дело, тем больше поражался, как жизнь может свести разных людей в разное время в разном месте, но с одной целью — подтвердить, что дружба, настоящая дружба — не выдумана кем-то для газетного столбца.

А теперь главное.

Чем же занимался старый Фимин друг с тех еще армейских времен? Чем занимался тот парень, за которого Фима в свое время где-то там за Каракумами пролил хороших пару капель крови?! Оказалось, что он мирно работает экспедитором. Экспедитор экспедитору тоже рознь — это, как говорят в Одессе, еще смотря что ты и кому "перекидываешь" дальше... Он же состоял экспедитором в административно-хозяйственной части... КГБ (!). Такой простой вольнонаемный работник, но с улицы Бебеля, дом 43. А приятель его, с которым они вместе "раздели" Фиму на целый (!) ящик водки, служил "за углом", в военной комендатуре Одесского гарнизона.

...К горсаду со стороны Гаванной подъехала черная "Волга" военной комендатуры. Из нее вышел помощник военного коменданта с двумя солдатами из караульного взвода. Все с красными повязками, какие носит обычный гарнизонный патруль.

Военные направились к ротонде, прямо к играющим в "девятку". Главного игрока, того, который активно "вышибал" деньги после игры на Картамышевской, культурно попросили пройти...

Несчастный никак не ожидал такого внимания со стороны военных. С милицией он худо-бедно всегда разбирался, а тут военные, да еще с патрульными повязками.

Уже в самой "Волге" его попросили собраться с мыслями и не задавать лишних вопросов. В гробовом молчании "Волга" подкатила на Бебеля — к известному мрачному дому, который кое-кто и по сей день на всякий случай старается обойти стороной. Пропуск на помощника военного коменданта и "одного с ним" был выписан заранее.

Задержанного завели в кабинет. На нем не было лица...

У стола стоял человек в цивильной одежде. Это и был наш экспедитор!

Последовало короткое пояснение:

"...Поняли, куда вас привели?!

Не слышу! Поняли или повторить?..

Так вот. Мы попали в очень нехорошую историю.

По вашей вине срывается задание огромной государственной важности.

Вы "засветили" нашего человека, на которого возложено решение части этой задачи. Мы, конечно, принимаем меры, чтобы выправить ситуацию... Если этого не произойдет, вас будут судить по статье "за измену Родине". Требует ли это пояснения? Это до конца понятно?! Не слышу!..

А "наш человек" — это тот, с Картамышевской, которого вы преследуете. Кто будет иметь дело с человеком, за которым ходит толпа...

Теперь ваша задача незаметно (повторяю, незаметно!) охранять его.

Если что-то случится — все подозрения на вас. Со всеми вытекающими последствиями.

Времени мало. Его вообще нет, особенно у вас...

Подписку о неразглашении дадите позже.

Если что... вас найдут из-под земли.

Все. Свободны".

Наш экспедитор уже успел нахвататься "знаний" за теми стенами. С кем поведешься...

На этом мгновенно закончилось вышибание долга с моего приятеля.

Как говорят в Одессе, "развели" клиентов по-взрослому.

А в истории этой последнюю точку поставил все-таки я, когда подвез на своей машине тот трепетный ящик водки к воротам военной комендатуры Одесского гарнизона. На проспект Мира угол Бебеля.

Раз проиграл — рассчитывайся.

А как по-другому?

Хотя, по большому счету, дело тут вовсе не в водке...

Марк АБРАМОВИЧ

День рождения Брежнева

Я не могу сказать, что у моего отца были странности. Наоборот, он был человеком деловым, практичным, работал главным инженером проекта в большом институте с длинным названием, строил тракторные заводы по всей стране. Тем не менее, время от времени он совершал поступки, которые иначе чем странными не назовешь. Зачем он это делал? Не знаю. Пока отец был жив, мне не приходило в голову спросить, а теперь поздно. Может быть, ему не хватало адреналина. А может быть, им двигало любопытство. Похоже, он не мог устоять перед искушением закинуть удочку в тихий омут и увидеть, что за черта он вытащит на этот раз. Ему, конечно, везло, что черти попадались не очень злобные.

В то спокойное субботнее утро отец оторвал листок календаря и увидел, что сегодня день рождения Брежнева. После завтрака он оделся потеплее (на дворе стоял декабрь), пошел на почту и отправил по адресу — МОСКВА, КРЕМЛЬ, ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС — телеграмму следующего содержания: ДОРОГОЙ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ ДВТ ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ТЧК ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ И ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПЛОДОТВОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БЛАГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ТЧК. Подписался полными именем и фамилией, Марк Абрамович Быков, и заполнил адрес отправителя в самом низу бланка. Телеграмму в конце концов приняли, правда, после того как начальник отделения сверила паспортные данные.

Во вторник отца вызвал парторг института, человек, по общему мнению, не подлый. Работали они вместе много лет и относились друг к другу хорошо.

— Отправлял телеграмму?

— Отправлял, — подтвердил отец.

— Ты что, с Брежневым знаком?

— Естественно, нет. Был бы знаком — что бы я здесь делал?

— Ну, как дети малые, — возмутился парторг. — Леонид Ильич человек занятой. Представь, что все отправили бы ему телеграммы. Он что, их прочитать сможет?

— Не отправили бы, — возразил отец, — не все относятся к Леониду Ильичу правильно. Некоторые даже анекдоты рассказывают. А остальные пожалели бы два рубля на телеграмму. А я не пожалел.

— Ладно, — не стал спорить парторг, — дело не в этом. Завтра утром поедешь в райком. С тобой будет беседовать инструктор отдела идеологии. Пропуск тебе заказан, — и добавил когда отец был уже в дверях: — Пожалуйста, не выноси сор из избы.

Инструктор райкома поначалу показался отцу человеком милым и внимательным. Долго расспрашивал о здоровье, семье, квартирных условиях, отношениях с начальством. Затем перешел к телеграмме и стал редкостным занудой. Раз за разом, немного меняя формулировку вопросов, он пытался выведать, каким боком отец знаком с Брежневым. Похоже, ему казалось, что отец темнит. А когда разговор зашел в тупик, с той же дотошностью стал вытягивать, зачем было посылать телеграмму. Отец настаивал на изначальной версии:

— Увидел в календаре, захотелось поздравить — и поздравил. Что здесь непонятного?

— Но с днем рождения обычно поздравляют родственников, друзей, людей близких, — объяснял инструктор свои жизненные понятия.

— А Леонид Ильич и есть близкий человек. Я его вижу чаще, чем моих сестер. По телевизору, конечно, но разница небольшая. Когда я вижу сестер, они тоже говорят, а я молчу.

Отцу показалось, что этот ответ очень не понравился. Тем не менее, на прощание инструктор предложил воспользоваться райкомовским буфетом и попросил не выносить сор из избы, если дело пойдет наверх.

На работе отец появился уже после обеда с авоськой, полной пакетов, которые источали нездешние ароматы. Только уселся за свой стол — сразу зазвонил отдельский телефон. Отец взял трубку и услышал командирский и в то же время елейный голос начальника первого отдела:

— Марк Абрамович, зайди ко мне, тут один человек с тобой поговорить хочет.

Отец зашел. Желающим поговорить оказался майор госбезопасности с незапоминающимися именем и фамилией. Заглядывая в бумажку и делая пометки, он скрупулезно прошелся по отцовской биографии. Потом положил на стол чистый лист.

— Марк Абрамович, пожалуйста, напишите, когда и при каких обстоятельствах вы встречались с Брежневым.

— Я уже сегодня в райкоме вспоминал, но так и не вспомнил. Теперь, боюсь, тоже не получится.

— Да вы не нервничайте, — вполне миролюбиво сказал майор, — когда вспомните, позвоните нам. А если не вспомните, тоже можете позвонить.

Услышите, что кто-то порочит советскую власть или анекдоты нехорошие рассказывает, — и позвоните.

— Ничего из этого не выйдет. Я не справлюсь.

— Как это не справитесь? Столько людей прекрасно справляются, а вы не справитесь!

— Дело в том, — попытался объяснить отец, — что на трезвую голову никто такие разговоры не ведет, а я, если выпью, то на следующий день даже не помню, с кем пил, а о чем беседовали, и подавно.

Отец говорил чистую правду. У него была необычная реакция на алкоголь. После какой-то по счету рюмки он мгновенно и полностью отключался и напрочь забывал все события прошедшего дня. Эта рюмка могла быть и десятой, и первой. Поэтому он старался не пить, а на случай, когда отказаться было невозможно, разработал хитроумную систему подмены спиртного неспиртным.

— Марк Абрамович, — в голосе майора появились суровые нотки, — вы не представляете, сколько людей хотят помогать нам совершенно добровольно. Не всем мы оказываем такое доверие, как вам. А вы отказываетесь. Не забывайте, что у вас первая форма допуска по секретности. Заберем — и вы просто не сможете выполнять свои служебные обязанности. Подумайте хорошенько, одним словом.

Я до сих пор помню, каким расстроенным пришел отец домой в тот вечер. Повинился перед матерью. Не успела она начать его пилить, как зазвонил телефон. Звонивший представился инструктором обкома партии и сказал, что ждет отца завтра в десять утра на проходной. Я думаю, что родители в эту ночь так и не смогли уснуть.

На следующее утро отец поехал в обком. На проходной его встретили и передавали с рук на руки, пока он не оказался в гигантском кабинете первого секретаря. Первый поздоровался с отцом за руку и сразу перешел к делу.

— Не будем терять время. Я уже знаю, что вы никогда не встречались с Леонидом Ильичом. Есть только маленькая нестыковка в том, что Леонид Ильич не только встречался с вами, но и прекрасно помнит вас. Вот послушайте.

Первый нажал на какую-то кнопку, и отец услышал знакомый до боли голос Брежнева:

— Кто прислал? Быков, Марк Абрамович, говоришь? Есть такой, я его по Кишиневу помню. Еврей с русской фамилией. Грамотный товарищ и беленькую грамотно употребляет. Я его перепил, но с большим

трудом, на грани, можно сказать. И как это? Киш мерин тухес? Смотри, не забыл!

Потом первый взял со стола лист бумаги и продолжил:

— А вот справка, которую я получил из КГБ. Из нее следует, что в то время, как Леонид Ильич был первым секретарем ЦК Молдавии, вы были главным инженером проекта Кишиневского тракторного завода и регулярно ездили туда в командировки.

И тут отец вспомнил! Как с конвейера завода сошел первый трактор, как приехали гости из ЦК. После митинга в заводской столовой был банкет, а потом узким кругом поехали на какую-то большую дачу с парной и бассейном. Отца, конечно, прихватили по ошибке, но в провинциальной Молдавии, где тракторный был самым большим заводом, случалось всякое. Вспомнил и симпатичного мужика с густыми широкими бровями, с которым они трепались почти до утра, когда остальные сошли с дистанции. Вспомнил, как выпили на брудершафт. В какой-то момент новый друг заподозрил, что отец мухлюет, и стал ему наливать сам. После пятой рюмки отец отключился. Очнулся он только в гостинице, и последним, что помнил, был сходящий с конвейера трактор.

Пораженный внезапным прозрением, отец немедленно поделился воспоминаниями с первым. Тот слушал с открытым ртом. Он же прервал наступившую тишину:

— Есть мнение, что товарищ Брежнев может пригласить вас в гости. Если пригласит, с деталями вас ознакомят позже. Хочу только предупредить, что не стоит выносить сор из избы, — первый вдруг задумался. — Марк Абрамович, между прочим, что это за тухес такой? Может, вы знаете? Никак разобраться не можем.

Отец незаметно вздохнул. Ненормативную лексику он не любил и пользовался ею крайне редко.

— Тухес — по-еврейски жопа.

— Жопа?! — удивился первый. — А при чем тогда к жопе мерин?

— Не "мерин", а "мир ин". Леонид Ильич попросил научить его еврейским ругательствам. Больше всего ему понравилось "киш мир ин тухес". Переводится как "поцелуй меня в жопу".

— А что, действительно хорошо звучит! Нужно запомнить. Может, пригодится?! — первый явно пришел в хорошее настроение и с удовольствием повторил: — Киш мир ин тухес. Правильно?

— Отлично. У вас получается не хуже, чем у Леонида Ильича, — отец снова вздохнул.

— Марк Абрамович, а о чем еще кроме тухеса говорили, если не секрет?

— Если память меня не обманывает, о заводе, о прекрасных дамах, о том что вокруг сплошной бардак...

— Да, бардака хватает... — согласился первый и вроде даже хотел продолжить, но спохватился: — Марк Абрамович, может быть, вам чем-то нужно помочь?

— Наверное, нужно. Меня вчера товарищ майор пообещал допуска лишить.

— Ну, это пусть вас беспокоит меньше всего. Вы теперь номенклатура лично Леонида Ильича. Без него вас никто и никогда не тронет.

Распрощались. Секретарь вручила отцу два приглашения на обкомовскую базу. Там за полцены отец купил себе финский костюм и голландские туфли, а мама французскую шубу из искусственного меха. В Москву отца так и не пригласили...

Нью-Йорк

Светлана ИЛЬИНА

Рыбацкая уха

Давайте будем снисходительны к исходному морскому продукту наших дней при желании сварить простую уху. Тем, кто покруче, с "бабками", гарантирована достойная встреча с ценами, ассортиментом рыбы, и конечно, темпераментом самого продавца, который грудью защитит товар и предложит разнообразные варианты современной летней ухи вместо кваса и компота.

Из дорогих пород рыб — осетр лежит в центре стола, рядом судак, который за неизвестно чьи заслуги на себя цену поднял, сом с запахом ила и рыхлой тушкой, тоже что-то вообразил и из речного сдуру превратился в морскую породу, черноморская акула-катран — возомнила себя диетической рыбой.

Камбала испокон веков считалась исходным продуктом для заливного, которое обожали все приличные одесситы, включая гостей из дальнего зарубежья, — делает вид, что к ухе вообще не причастна, и только лох может положить в кастрюлю, а не поджарить до румяной корочки.

Глосики и языки ценами, а особенно дистрофическими размерами, портят рыбий ряд и имеют такое отношение к нормальной морской рыбе, как я, простите, к Союзу писателей.

Простого рабоче-крестьянского бычка довели до истощения и истребления. Бычки в томатном соусе в банках поменялись местами с тюлькой, которая уже на прилавке не серебрится и не блестит. Пока поймают в открытом море, в ящики утрамбуют, бока помнут, конечно, весь товарный вид успеют потерять.

Морской ряд нынче не радует разнообразием цветов, форм и размеров. Знаменитая в катаевском сюжете мадам Стороженко не прятала в свое время глаза, заверяя, что нигде не будете иметь крупнее бичка, чем у нее. Свое торговое место не портила вчерашней рыбой и брехней, задуривая голову покупателю. В плане обсчитать, не той свежести рыбу с подкрашенными жабрами подсунуть и напоследок послать подальше... наше общество, демократически недоразвитое, преуспело. Возможно, частичное исчезновение нас либо рыбы как-то перевоспитает население. Когда это произойдет, можно предположить, изучая мою скромную автобиографию. Возраст будет завуалирован, а на события отпустим отрезок времени чуть больше полувека.

Итак, когда родилась, рыба всякая была. Институт закончила — скумбрия-качалочка эмигрировала. Ставридка, дальняя ее родственница, радо-

вала своим изобилием. В любом виде — жареной, соленой, вяленой — никогда не надоедала. Стая игривых дельфинов подгоняла ее к берегу, а она, подражая движениям стаи, выпрыгивала из воды. Эта легкомысленная игра привела к тому, что убежала за дельфинами.

Остались пока камбала и тюлька. Незабываемый ее вкус никогда не исчезал из памяти, даже при переезде в другой город.

Ели тюльку слегка присоленную, с твердой упругой спинкой. Продавцы чистили ее на пробу большими горками, и никто не жадничал, не считал. Дофиновская, береговая, азовская и даже морская из глубинки отличались своим специфическим вкусом. Одесса точно была беременная на голову, так как народ с утра бежал на Привоз за тюлькой и полевой помидорой. Настоящие любители, забавляясь, медленно уплетая тюльку за тюлькой, затевали копеечный торг, и конечно, бывали разочарованы, если торг быстро заканчивался. Выторгованную почти задаром тюльку взвешивали, заворачивали в партийные газетные кульки, которые к радости продавца разрывались, и часть тюльки спокойно падала под ноги. Нервничая, покупатель шел искать другую тюльку с новым копеечным торгом.

Этого добра было так много, что запах рыбьего жира и не отмытых рук от тюлькиного ряда летом практически не исчезал, вода в кране на кухне не капала, а во дворе занимали многочасовую очередь, и каждый из окна следил за своими ведрами. Я сейчас с улыбкой вспоминаю Цилину свадьбу в еврейской части дома, когда ее сестра кричала:

— Ой, я вас умоляю, что вы за люди, имейте совесть, дайте Цили без очереди воды, чтобы могла шею вымыть под большое декольте!

Летом, часто приезжая на выходные дни в Одессу, прямо с вокзала, как с корабля на бал, мчались в любимый ряд. Та тюлька дожила примерно до перестройки и едва-едва сохранила свой вкус в береговой и дофиновской сардельке в наши дни. Их размеры напоминают нынче мелочь для котов.

Поскольку теряются рецепты одесской рыбной кухни, хочу в прекрасном здравии и настроении вспомнить в духе А. Пугачевой о трех счастливых рыбных днях. У нее все про любовь да про любовь, а про рыбацкую уху — ни слова.

Мы ехали на Каролино-Бугаз к знакомому рыбаку, который имел смешанный брак, обеспечивающий еврейский порядок в бухгалтерии с Сониной стороны и полный ажур в его рыбацком деле. Миша легко откровенно любил гостей. Его радовала публика, которая каждому размеру рыбы больше метра, а улову, что лодку у берега от перегруза затопило, верила безоговорочно.

Там, где лиман точно по географической карте соединялся с морем, открывался золотистый бескрайний берег. Зеркальная гладь теплой воды легко поддерживала меня на спине, а незаметное течение потихоньку подбивало к берегу.

Острый шип вначале осторожно, а потом агрессивно прошелся по всей спине. Меня осенила мрачная мысль, что только оставшаяся после войны водоплавающая мина залезла мне под самый зад. Во блин!

Я как рванула, что норму "Готов к труду и обороне" и все рекомендации в особо опасных случаях выполнила мгновенно. Задыхаясь, заорала нечеловеческим голосом: "Бикицер, ложись!".

Меня в неполном сознании подняли и потащили отмыть от песка, так как в короткий промежуток времени успела вырыть окоп руками на нервной почве и укрыться в нем.

Надо же! Вроде как контуженную на голову подвели к воде для изучения чрезвычайного обстоятельства.

— Вот, смотрите под ноги, здесь целый полигон шипов, — сказала я.

Вдруг шип взмахнул хвостом и своим снисходительным видом показал полную степень равнодушия к моему испугу. Единственный глаз камбалы смотрел в глубь проблем. Такая тихая жизнь привела к тому, что количество их поголовья превзошло спрос населения на рыбу весом больше пяти кг, и не оттого, что народ зажрался, а просто количество холодильников было меньше, чем рыб крупных размеров. Вот тогда история с холодильниками и придумала стройную приблатненную систему, где взять, кому на лапу дать, и вывела специальность продавца на самую престижную профессию в стране.

Таких откормленных камбал сейчас нет, им и заниматься икрометанием толком не дают в период запрета на улов. Они, как в старину, плывут к берегу, где любители-браконьеры берут их голыми руками. Я вас спрашиваю, на сколько их хватит? Вот-вот, и я ж такого ж мнения!

Ей-богу, золотистый пустынный берег с небольшими еще деревьями маслин, деревянными куренями напоминал пейзаж фильма "Белое солнце пустыни", но без черной икры. Какая икра, если весь аппетит настроен на настоящую рыбацкую уху?

Издали донесся звук мотора, а среди его звука слышался пристойный мат, указывающий на выполнение поставленных задач. Первая партия бычков, уже отсортированная, готовилась к отправке на Привоз. Оказывается, существовала тогда артель, а не общество ограниченной ответственности, которая таки несла ответственность за качество продукта. Быч-

ки поставлялись с разных мест, каждый в свое время, действительно были разной масти — то черненькие, то серенькие, но главная их отличительная черта была — упитанная круглая довольная морда.

Это как-то можно связать с улыбающимся фейсом наших зрелых одесситок. Правда, от этого они не страдают, так как свой звездный час красоты с тонкой талией и "шпильками" на ногах они пережили. Я не буду лезть в архивную глубь, но вспомню историческую глупость стихийного массового похудения, которая привела мою козырную грудь в рельефном плане истощения до пупка, а количество морщин на лице точно комментировало количество съездов партии. Тьфу, тьфу, еле отползла от такой глупости, которая, кстати, с годами не утихает, а все больше рекламируется, в духе "за ваши деньги уберем, добавим любую часть тела".

Ну и ну! В большое корыто высыпали столько бычков для чистки, что я сразу заволновалась и намекнула, что нам их не съесть, а рыбацкая свадьба не предвидится из-за отсутствия клиентов. Рыбаки, которые по графику везли рыбу на Привоз, отвалили, а оставшаяся часть легла в легкомысленную дырчатую тень молодой маслины.

Я не изменила лиману, и сидя в воде, положив досточку на колени, чистила бычков, складывая молоки в банку, а каждого бычка вспоминала незлым тихим словом.

Что за безобразие, где обещанная уха?

Птицы подлетали и клевали жабры, внутренности, а чайки при каждом легком накате взмахом крыла оставляли брызги на моем плече. Я не хотела уже ухи, позабыв при этом теорию материализации отрицательных эмоций и их последствия.

Ну все, хорош измываться!

Хозяин встал первым, оценил мое терпение и сказал, что дело в шляпе. В голову сразу полезла на морскую тему песня студенческих времен в период безденежья:

Как надену я черную шляпу,
Как поеду я в город Анапу,
И целый я день пролежу-жу-жу
На соленом от моря пляжу.
Перспективы достаточно мрачны,
Но решил наболевший вопрос,
Что умру я под поездом мрачным,
Улыбаясь из-под колес.

Текст шедевра был мало утешителен и не создавал иллюзию благополучия и комфорта.

На печь, обмазанную глиной, что стояла под навесом, поставили большой казан, в который поэтапно клали бычков, от мелких до больших размеров. Мародеры коты терпеливо ждали своей пайки.

— Раньше, помню, я читала, что в царскую уху первым петуха клали, потом осетра, а потом, может, и бичка.

— Такую безвкусицу ни один порядочный одессит есть не будет. Вот где самый цимес, смотри внимательно!

Последние крупные бички были выложены в плоское блюдо и залиты настойкой из трехлитрового бутыля, в состав которой входило: перец черный и стручковый красный, чеснок, соль, алыча, томатный сок, настоянные на уксусе, — настоящая огнедышащая приправа для Змея Горыныча.

— Чего чихаешь? Мух разгоняешь, — смеялись рыбаки.

Половником зачерпнули в металлические миски приятный на вид бульон с большим количеством молок.

— Бичка возьми. Смелей, не робей, нашего красавчика саламуром облей.

Облитый бичок лежал рядом с миской на тарелочке и своим беззаботным видом даже не намекнул, что имеет ко мне плохой интерес из-за неграмотного отношения к нему, когда я его против шерсти в сердцах скоблила. Зацепив кусок бичка с подливой в рот, я получила шок вместе с ожогом и машинально схватила у соседа стакан с... водкой, залпом выпила вместо воды. Всех поразило, что после противоалкогольной рекламы "водку в жару стаканами не наливать" прошло буквально пару минут. Смеялись все и проводили параллель между царской изнеженной душой и нашей юшкой. Я поела юшку и потеряла последние силы в борьбе с варварской рыбацкой едой.

— Ой цьох-льох-льох, як бычок щебече — завершила пришедшим откуда-то на ум мотивом свое печальное застолье.

Я спала до самого вечера. К блюду с бычками, прикрытому газетой, ни мухи, ни коты не приближались. Мужчины курили у лодки, наблюдая за моей реакцией. Я съела бычка сверху, сбоку, а потом снизу, почувствовав адреналиновый прилив, как будто по капиллярам и венам протекло огненное пламя, которое толкнуло меня с разбегу, не боясь шипов, в воду. Ёма-ё!

Сонечка долго смеялась над моими приключениями и по-еврейски отчитывала Мишу.

Ее спецоснастка в виде бывшего свежего халата и клеенчатого фартука точно прогнозировала теорию вероятности рождения мальчиков, а не девочек, так как последние из-за стойкого запаха рыбы не пытались закрепиться в торговом рыбьем ряду.

— Детка, слушай сюда, встань здесь и торгуйся со мной, чтобы я могла тебя нормально покормить не малахольным обедом. С чего начинать? Главное — не строй вид, что у тебя умные мозги, а делай вывод на товар, который богат такими витаминами, что тебя постоянно награждают грамотами от избитка хороших мислей и идей.

Обвешанная бычками на связках, она напоминала памятник, который обязаны поставить потомки славному бычку в рыбном ряду на Привозе.

Соня легко продала все бички и сказала, что мечтает жить там, где одни фруктовые деревья и овощно-фруктовая диета. Им, к счастью, это удалось.

— Дорогая, возьми этого бичка в мягком томатном соусе с черносливом. Не бери дурного в голову, а тяжелого в руки. Их саламур очень возбуждает кровь, смотри на наших сыновей-орлов — кровь с молоком. Бери форшмак, фаршированную рыбу, не спеши, молодая картошка варится, а полный таз тюльки как раз досолился. До вашего поезда еще восемь часов, успеешь все по нашему, по одесскому меню поесть.

Я еле от стола отвалила с трехлитровой банкой тюльки на посошок.

Столько минуло лет, но образец рыбного обязательного меню остался в памяти как несбыточное чудо. Это не то, что нынче: на столе из коробочки разложили селедочку не нашего местожительства и аккуратно порезанную фаршированную рыбу неизвестной породы. Конечно, мне хочется сделать приятное хозяйке и я скромно говорю:

— Какая вкуснятина... сама купила в супермаркете или привезли по заказу?

Это очень современно звучит, в духе нашего времени, и главное — никто на эту реплику не обращает внимание. Привыкли к комфорту, а не к приготовлению рыбного меню одесских хозяек, которые жили, дай бог памяти, в каком это году!

Уколы и приколы

* * *

Будет день — будет и пицца.

* * *

Заключение судмедэксперта: "Хроническое недержание руля".

* * *

Плох тот кот, который не мечтает о сметане.

* * *

Представлял себе Японию в виде кусочков "суши", плавающих в океане.

* * *

Поступили в продажу новые сигареты "Папа Карло". Непередаваемый аромат горелого пня!

* * *

Приятного вам общепита!

* * *

Лучше раньше начать, чем поздно бросить.

* * *

Если вы до сих пор не нашли себя, побеспокойтесь, чтобы это не сделали за вас другие.

* * *

Советуем воздержаться от игры "Где? Когда? Кого?".

* * *

Общество с неограниченной безответственностью.

* * *

Безапелляционный суд.

* * *

Абсцесс пошел.

* * *

Блеф-строганов.

* * *

Летальный аппарат.

* * *

Тайны пиратских вкладов.

* * *

Театральная дрема.

* * *

Маниакальная терапия.

* * *

Ядерный орешек.

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Городок с доходом

По оранжерее ботанического сада идут Старый работник, одетый в старый костюм, и Новый, одетый с иголочки. Новый энергичен и деловит. Говорит со Старым снисходительно, как с ребенком.

Старый — типичный "ботаник".

Старый: Вот этой оранжереей вы и будете заведовать. Я, знаете ли, 40 лет работаю в ботаническом саду и все не налюбуюсь на эту красоту! У нас такие редкие растения!

Новый: Ага... Редкие какие-то, можно будет тут погуще посадить...

Старый: В каком смысле?

Новый: В смысле рентабельности! Тяжело с вами, как теперь говорят, — с "ботаниками", начнешь говорить про доходы, — а не доходит. Хаха! Вы кто по образованию?

Старый: Как кто? Я по образованию ботаник.

Новый: Что, и по образованию тоже ботаник? Тяжелый случай... Тут не любоваться надо, а работать!

Старый: Конечно-конечно, работы тут много. И ремонт нужен, но денег не хватает.

Новый: Вот! Земля должна приносить доход, а тут столько земли пропадает! Ненаучно у вас тут все организовано: парник отгрохали, а ни огурчиков, ни помидорчиков!

Старый: Что вы имеете в виду? Огород? Здесь?!

Новый: Да! Огород — это всегда была моя мечта. Обидно — всю жизнь с землей работал, а огородика посадить не мог! Но зато вот землю прибыльно использовать я научился.

Старый: Вы что, работали в сельском хозяйстве?

Новый: Нет, я был директором кладбища. У меня каждый клочок земли доход приносил!

Старый: Странно как-то. С кладбища в ботанический сад... Мы тут растениями занимаемся.

Новый: А вы думаете, я сразу стал директором кладбища? Да я специалист по цветам! С этого начинал, можно сказать.

Старый: А, тогда другое дело. Значит, вы выращивали цветы?

Новый: Выращивают те, кто продавать не умеет!.. Я их продавал возле кладбища. Так что я, можно сказать, тоже ботаник — сначала занимался цветочками... А потом уже и... ягодками... (*Складывает руки, изображая жмурика.*)

Старый: М-да... Я продолжу. Наши оранжереи исключительно богаты. Сейчас я вам покажу, у нас есть просто уникальные экземпляры...

Новый (*перебивает*)**:** Да-да... А где мой кабинет? Его уже оборудовали? Секретарша хоть приличная?

Старый: И кабинет оборудовали, и секретарша очень приличная женщина, она у нас уже 35 лет работает.

Новый: Сколько лет?!.. Вы правы, это просто уникальный экземпляр секретарши.

Старый: Да! Но ей вполне можно доверить и компьютер, и факс, и любые приборы...

Новый: 35 лет работает... Нет! Боюсь, что то э... оборудование, которое я обычно доверяю секретаршам, этой доверить будет нельзя... Ну да ладно, с этим мы потом разберемся... А растет у вас все, я вижу, неплохо. А как насчет урожая? Тут же, считай, парник. Урожай можно собирать... Продавать и деньги зарабатывать...

Старый: Да что вы все о деньгах думаете!

Новый: А как же! Деньги — они ведь на дороге не валяются.

Старый: Вы совсем как мой брат, он в ГАИ работает. Он тоже говорит: "Деньги на дороге не валяются!.. Они по ней ездят...".

Новый: Это брат ваш так говорит?.. Ха! Так вы, оказывается, из приличной семьи!

Старый: Обратите внимание... (*Показывает на растения.*) Тут у нас разные растения: южноафриканские, американские, дальневосточные...

Новый: Пфф! На этой экзотике много не заработаешь. Я давно понял: люди любят свое, родное. Лучше бы посадили тут что-то наше, исконно русское... Да хоть огурцы!

Старый: К вашему сведению, огурцы происходят не из Рязани, а из субтропиков Китая!

Новый: Огурцы?! Тоже из Китая?! Ну все сейчас, блин, из Китая... А с чего вы это взяли?

Старый: Они до сих пор встречаются там в диком виде.

Новый: Тоже мне доказательство. У меня был один китаец, ограды красил, так его хоть в 7 утра встреть — он уже в диком виде! Просто ужас! Так что ж он после этого, русский?

Старый: Ну почему? Просто сильно обрусевший... Уже с утра... А вот тут у нас... Тут у нас...

Новичок смотрит на табличку и пытается прочесть мудреное научное название на латыни.

Новый (*перебивает*)**:** Тут у вас галиматья какая-то написана.

Старый: Какая еще галиматья? Это название растения!

Новый: Да?! Так что, это вот на всех этих табличках какие-то дурацкие названия написаны? Можно же было на них рекламу разместить! За реальные деньги.

Старый: Да что вы такое говорите! Вы что, у себя на кладбище на могилах тоже рекламные щиты размещали?

Новый: Нет, ну что вы, как можно на могилах... На могилах нельзя... Только в проездах, в проходах и на оградах!

Старый: Вот как... А вот об этом растении (*Показывает.*) я как раз сейчас пишу статью... (*Вдруг прерывается.*) Извините за любопытство, но меня замучил один вопрос. Конфиденциальный. Зачем вы к нам на работу перешли?

Новый (*доверительно*)**:** Только вам. Но вы никому... (*Старый подставляет ухо, Новый шепотом.*) Это коммерческая тайна.

Старый (*тоже шепотом*)**:** А почему тайна?

Новый (*шепотом*)**:** А потому что коммерческая... Вот, теперь и вы тоже в курсе.

Старый (*недоуменно*)**:** Я?.. На чем я остановился? На статье?

Новый: Кстати, и статья нам теперь светит тоже одна. Тьфу-тьфу-тьфу... (*Показывает куда-то в сторону.*) Скажите, а вон там за оранжереей, я видел, какой-то новый забор стоит. Что это?

Старый: Это... (*Вздыхает.*) Это один бизнесмен арендует у нас кусок земли. (*Шепотом.*) Знаете, говорят, он в прошлом — криминальный авторитет.

Новый: А, знаю. Знаю я его. Только (*Машет рукой.*) криминальный авторитет — это у него все в прошлом. Уже давно в прошлом.

Старый (*с надеждой*)**:** Так что, он уже не криминальный, да?

Новый: Нет, он уже не авторитет. Но я его понимаю. Тут красиво. Реально красиво!

Старый (*довольно*)**:** Нравится?

Новый: Еще бы!.. Правда, неупорядоченно как-то. Бессистемно.

Старый: Почему? У нас все разбито на участки, и на каждом участке представлена флора...

Новый (*перебивает*)**:** Участки это хорошо. Я привык к участкам. Будем здесь внедрять мой передовой опыт.

Старый: Какой еще ваш опыт? Что вы имеете в виду!.. Здесь ботанический сад! Я сообщу (*Тычет пальцем вверх.*) Сергею Ивановичу, и он быстро...

Новый: Тихо-тихо... Вы меня не так поняли. Я тоже очень люблю родную природу. А еще больше неродную. И хочется побольше времени проводить, так сказать, на лоне.

Старый (*успокоившись*)**:** Правда?

Новый: Конечно! Поэтому нарежем тут все на небольшие участки и поставим маленькие симпатичные бунгало... Дачки такие VIP-класса. Среди пальм! Классно?

Старый: Что?! Я вам не позволю...

Новый: Один вам! Самый-самый хороший участок. Один мне. Еще лучше. Один Сергей Иванычу, он, кстати, очень просил. Ну, и еще у меня есть кому предложить...

Старый: Но это же самая настоящая... Когда вся страна борется с коррупцией!

Новый: А вы думаете, я не участвую в борьбе с коррупцией? Наоборот! Активно участвую! Правда, я участвую в этой борьбе на стороне победителя... Идемте, надо прикинуть, откуда начнем нарезать по две соточки.

Книжный развал

И это все о нем:
Давид Макаревский
глазами друзей и знакомых
Одесса, Печатный дом, 2010

Додик Макаревский написал три книги — "Про нас", "Про мое", "Про этот нелегкий "легкий" жанр". Четвертую книгу — о самом Давиде Яковлевиче Макаревском — написали его друзья и знакомые. Собрал и отредактировал тексты Валентин Максименко, автор книги о музыкальной Одессе, об Оперном театре.

Книга получилась доброй и искренней. Элементы паззла собрались в картину и представили нам одну из колоритнейших личностей театрального мира нашего города второй половины XX века.

Можно пересказывать многие эпизоды из воспоминаний, можно добавить те, которые пока отсутствуют в книге, но чтоб представить сборник, мне кажется, нужно процитировать одну страницу из эссе А. Галанта "Вагоновожатый одесского трамвая". Кстати, именно этот отрывок прочитал В. Максименко на презентации книги во Всемирном клубе одесситов.

"На самом деле, он тихо вышел из надоевшей ему больницы и сел в трамвай, на котором была табличка: "Odessa/Одесса". Внутри вагона знакомые, родные лица: Утесов и Астахов, Бугова и Михайлов, Демина и Водяной, Ильченко, Дынов, Зайденберг... Обнялись, расцеловались. Трамвай плавно поднялся вверх к звездам. Свободных мест было не много, и Макаревский спросил — куда ему сесть.

— На место вагоновожатого, — сказал Астахов.

— Я? Почему я?

— Ты ведь с детства мечтал водить трамвай, — улыбнулся Утесов.

— Боже мой, откуда вы всё знаете?

— Мы читали твои книги! — дружно ответили актеры.

— Куда рулить?

— Держи на ту мигающую звезду, — показал Леонид Осипович. — Завтра там концерт. Ты тоже выступишь.

В кабинку вошел Водяной.

— Додя, не держи на меня камень, — сказал король оперетты. — Я очень сожалею, что не пригласил тебя в театр. Забодали. А ведь были для тебя роли, какие роли!

— Я не сержусь. Мы еще сыграем. В таком составе, такой спектакль!

— Ты придумал название, сюжет?

— Конечно. Мы его назовем "Про нас"!

Трамвай плывет между звездами. Спектакли, концерты — каждый день. Иногда этот трамвай опускается на землю. В декабре прошлого года он дважды побывал в Одессе. В начале месяца, пригнув голову, в вагон вошел смеющийся Крупник. Рассказал последний одесский анекдот. Через двадцать дней к ним присоединилась царственная Сатосова. Но это совсем другая история".

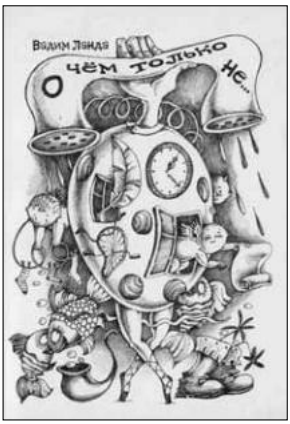

Валентин КРАПИВА
Прихоти мадам Истории
Одесская городская типография, 2010

Многие читатели помнят Валентина Крапиву как автора сценариев героических битв одесской команды КВН, затем историографа КВН. Я знаю Валентина Владимировича как талантливого журналиста, человека безудержной фантазии. По сути, все эти таланты В. Крапива реализовал в новой книге "Прихоти мадам Истории".

Казалось бы, фигуры, которым посвящает главы своей книги автор — будь то Анна Цакни, первая жена И. Бунина, Петр Чайковский, Казанова, Наполеон, Юрий Кондратюк, всем нам известны. Но в том-то и дело, что жизнь даже знаменитых людей не укладывается в хрестоматийные схемы. В каждой главке нас поджидает сюрприз — новые сведения о героях.

А может, это новые фантазии автора? Пытаешься, пользуясь Интернетом, найти придуманные ситуации. Но выясняется, что В. Крапива точен даже в мелочах. Вот что значит нестандартное зрение и умение пользоваться дедукцией вслед за Шерлоком Холмсом.

Вадим ЛАНДА
О чем только не...
Одесса, 2010

Вадима Ланду хорошо знают любители бардовской песни. Врач (по основному занятию), он написал и великолепно исполняет иронические баллады, приносящие ему успех среди студентов и снобов-литераторов. Но оказалось, что это не весь диапазон пристрастий Вадима Ильича Ланды, он пробует себя и в прозе, и в лирической поэзии, и в юмористике. Так что тонкая книга — в 80 страниц — предполагает появление двух-трех следующих и более четко срежиссированных.

А может, и не нужно все расставлять по полочкам. Возьмет книжку в руки молодой человек — обнаружит философские притчи, ребенок обрадуется считалочкам, девушка зачитается типовым сценарием индийского фильма. И все вместе скажут: "Прикольно!" — зная, что это слово на дух не переносит В.И. Ланда.

СТАРЫЙ Семен
Из дубля
Одесса, Благословенный город, 2010

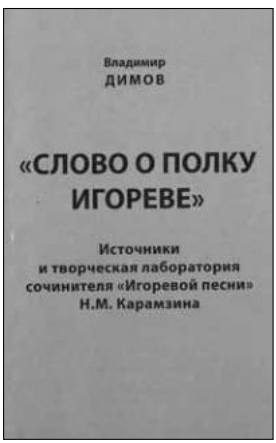
"Творчество Старого Семена, — сообщает аннотация, — уже давно стало популярным благодаря публикациям на интернет-сайте ChessPro". И вот первый не виртуальный, а бумажный сборник рассказов писателя.

Не знаю, укрылся ли автор за псевдонимом, или переставил имя и фамилию, но впечатление, что действительно много повидавший, много знающий человек рассказывает подлинные истории из своей жизни. Может быть, это литературный прием, но тогда он очень хорошо исполнен.

Тематика книги многообразна. Здесь и "Путевые заметки", и "Диалоги с телевизором", и "Заметки по истории КПСС", и "Жили люди"... Но хоть я и не шахматист, мне более всего понравился раздел "Немного о шахматах".

Предположу, что таинственный Старый Семен — шахматист, хорошо знающий "околошахматный звон". Кстати, читал эту книгу, смеялся над новеллами о гроссмейстере Лилиентале, а спустя несколько дней прочел в Интернете, что Лилиенталь умер. У меня было ощущение, что это меня зацепило, как смерть хорошо знакомого человека. Вот что такое — сила искусства.

...В МОСКВЕ

Владимир ДИМОВ
"Слово о полку Игореве"
Источники и творческая лаборатория
сочинителя "Игоревой песни" Н.М. Карамзина
Москва, Остафьевский архив, 2009

Вначале несколько слов об авторе. Мы познакомились с Владимиром Димовым, когда он был инициатором и руководителем международного издательского проекта "Вся Одесса". В результате этой работы в Германии вышли три тома, посвященные нашему городу, где была и "Старая Одесса" А. Дерибаса, и "Потаенные романы Пушкина" В. Димова, и своеобразная энциклопедия одесской жизни, так и названная, "Вся Одесса".

Тогда В. Димов, наш земляк, родом из Измаила, стал почетным членом Всемирного клуба одесситов.

За эти годы у профессора В. Димова вышло множество книг. И всегда он "взрывал" устои, предлагал новый взгляд на привычные понятия. Думаю, наиболее взрывоопасной окажется новая книга, только что присланная автором в Одессу. Еще бы, бывший советник генерала А. Лебедя на этот раз покусился на "святая святых" — "Слово о полку Игореве".

Нет, конечно же, В. Димов — не первый. Уже в XIX и XX веках находились историки, воспринимавшие "Слово" как мистификацию. Но, мне кажется, В. Димов первым рассматривает это произведение в контексте системного замысла Екатерины Великой создать свод русской истории, обратиться в прошлое в поисках русского исторического самосознания. И по В. Димову, лишь молодой Карамзин оказался на высоте, воплотив этот замысел.

Э.М. РАУШ-ГЕРНЕТ
Нина Гернет – человек и сказочник
Санкт-Петербург, Балтийские сезоны, 2007

Наш город дал миру многих замечательных людей. Безусловно, среди них не забудется имя классика детской литературы, драматурга, чьи пьесы до сих пор в репертуаре кукольных театров мира, Нины Владимировны Гернет. И очень много сделал, для того чтобы представить жизнь Нины Гернет, а она была трудной, хоть все ее творчество было веселым, сын писательницы Эрик Михайлович Гернет. Он собрал воспоминания, изучил архивы, заново перечитал легендарные журналы "Чиж" и "Еж", где работала Н.В. Гернет. Эрик Михайлович по крупицам восстанавливал одесскую юность матери, когда она была членом "Зеленой лампы" наряду с Багрицким, Олешей, Катаевым. Вначале вышла книга прозы Нины Гернет, составленная сыном, в Одессе, в нашем альманахе, публиковались ее стихи и рассказы, а затем и обобщающая книга, "Нина Гернет — человек и сказочник".

Книга написана легко, тонко, мудро. Писательские гены передались сыну. И перед нами живой человек, проживший жизнь в очень трудную эпоху, но не сломившийся. Предпочитавшая быть "невыездной", чем делать "карьеру". Ей повезло — в отличие от ее друзей Н. Олейникова, Д. Хармса, она осталась жива, прожила 83 года (в России нужно жить долго! — учил К.И. Чуковский), увидела не только на сцене свои пьесы, но и создала по стихам Д. Хармса веселое представление "Принтипрам".

Как не сказать спасибо таким сыновьям, как Э.М. Гернет, за исследование творчества его мамы — Нины Гернет.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Петр БЕЛЯВСКИЙ
Одесский порт 6

Олег ГУБАРЬ
"Энциклопедия забытых одесситов" 25

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ
Чары Диониса и казнь царя Скила 32

Наталья ПАНАСЕНКО
Чуковский и Денисевичи 64

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Детские годы в Арнаутской слободке 72

Дмитрий УРСУ
Желтый флаг над Одессой 81

Владимир КУРЛЯНД
Когда дед плакал 94

ОДЕССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Вдоль по Маразлиевской… 98
Публикация Татьяны ЗАЯРНОЙ

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК
Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение 111

ПРОЗА

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ
День мужчин 129

Марк ГИРШИН
После дождя 133

Олег ГУБАРЬ
Клиническая биография 140

Сергей ШЕПЕЛЬ
Три притчи 143

Леонид ВАГНЕР
Подфлажники 147

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Андрей Вознесенский:
"Успеть бы свой выполнить жребий" 170
Интервью Евгения ГОЛУБОВСКОГО

Нина ДАНИЛОВА
В то далекое счастье 177

Сергей ЩЕПОТЬЕВ
"Но не улетучится имя его..." 185

ПОЭЗИЯ

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ
КГБ и другие стихи 188

Борис ХЕРСОНСКИЙ
Городские хроники 192

Ирина ДУБРОВСКАЯ
Три дня без солнца 199

Григорий РЕДЬКО
"Если вы помните..." 202

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Людмила ЕРЕМИНА
Одесский художественный музей и граждане Одессы 205

Владимир СЕРЕБРО
Реквием по домашней библиотеке 214

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ
Некоторые ошибки на одесских открытках 221

Роман БРОДАВКО
Между прошлым и будущим 231

Феликс КОХРИХТ
Voz d'amor Олеси Z 236

Евгений ДЕМЕНОК
Дочка 238

Татьяна БОНДАРЧУК
Мои встречи с Окуджавой 247

Олег КУДРИН
Фон Кихот Готический 250

ПУБЛИКАЦИИ

Александра ИЛЬФ
Два киноочерка 260

Семен Гехт
Путь в Дамаск 260

Илья ИЛЬФ
Драма в нагретой воде 265
Публикация Александры ИЛЬФ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
На столе заблудились слоны 268

Алена ЯВОРСКАЯ
"Маленькое сердце" в "Зеленой лампе" 274

ПУТЕШЕСТВИЕ

Иван ЛИПТУГА
**Море, чайки, белый теплоход…
или Путешествие на плавучем курорте** 281

АХ, ОДЕССА

Михаил ПОЙЗНЕР
**В городском саду играет…
или "Развод" по-молдавански** 288

Марк АБРАМОВИЧ
День рождения Брежнева 293

Светлана ИЛЬИНА
Рыбацкая уха 298

Феликс ПОДГАЕЦ
Уколы и приколы 304

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 306

ИЗДАНО...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Книжный развал 311

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 42

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 42

Издается с 2000 года

Технический редактор Евгений Светин
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 067 4803705

Подписано в печать 08.07.2010.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 1000 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"

Издательская организация "ПЛАСКЕ" АО
Регистрационное свидетельство ДК № 2149 от 08.04.05
а/я 299, г. Одесса, 65001, УКРАИНА
Тел. +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ВСЕМИРНЫЙ
КЛУБ ОДЕССИТОВ

WORLDWIDE
CLUB OF ODESSITES

7, Marazlievskaya St., Odessa, 65014, Ukraine. Tel. +38 (048) 725-45-67